

ISSN 2309-8325 (print)
ISSN 2782-280X (online)

**Уральский
федеральный
университет**

**УРАЛЬСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**Выпуск 11
2021**

УДК 94(5)
ББК Т3(5)
У686

ISSN 2309-8325 (print)
ISSN 2782-280X (online)

Уральское
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Ural Survey of Oriental Studies

Выпуск 11

Екатеринбург
2021

Издается с 2005 г.
Выходит один раз в год на русском языке

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77–73366 от 24 июля 2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Главный редактор профессор В. А. Кузьмин
Выпускающий редактор доцент Д. В. Возчиков

Редакционная коллегия:

Антошин А. В., д.и.н., доц., проф. каф. востоковедения УрФУ

Валиахметова Г. Н., д.и.н., доц., зам. главного редактора, зав. каф. востоковедения УрФУ

Возчиков Д. В. к.и.н., доц. каф. востоковедения УрФУ, выпускающий редактор

Завьялова Н. А., доктор культурологии, доц., проф. каф. лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках УрФУ

Кузьмин В. А., д.и.н., проф., главный редактор, проф. каф. востоковедения УрФУ

Мышинский А. Л., к.ф.н., доц. каф. востоковедения УрФУ

Хренов В. В., к.и.н., доц. каф. востоковедения УрФУ, технический секретарь редколлегии

Агапов М. Г., д.и.н., профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета, Тюмень

Беляков В. В., д.и.н., проф., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва

Голунов С. В., д.полит.н., ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва

Дацышен В. Г., д.и.н., проф. каф. истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск

Лычагин А. И., д.и.н., профессор, зав. кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета, Нижний Новгород

Румянцев В. П., д.и.н., проф., зав. кафедрой востоковедения Томского государственного университета, Томск

Арутюнян А. Ж., д.и.н., проф. кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета, Ереван, Армения

Ван Сяоюань, генеральный секретарь Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, заместитель директора Исследовательского центра «Пояс и Путь», Китайская академия общественных наук, Пекин, КНР

Ван Чэньсин, научный сотрудник Китайской академии общественных наук, Пекин, КНР

Гаеминия А., доктор философии и исламского богословия, Университет Тарбият Модарес, главный редактор научного журнала «Зехн» («Разум»), Тегеран, Иран

Карадавут З., доктор философии, профессор, зав. кафедрой турецкого языка и литературы Университета Акдениз, Анталья, Турция

Ли Джехёк, профессор, Пусанский университет иностранных языков, Пусан, Республика Корея

Молодяков В. Э., д.полит.н., доктор философии, к.и.н., профессор Университета Такусёку, Токио, Япония

Эпштейн А. Д., д.социол.н., ведущий научный сотрудник World ORT, Иерусалим, Израиль

В журнале публикуются исследования и документы по истории, внутренней и внешней политике, культуре, религиям, языкознанию стран Востока. Авторами являются представители научно-исследовательских центров и вузов России, стран СНГ, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов

Формат 70x100/16. Уч.-изд. л. 17,06.

Усл. печ. л. 16,27. Бумага офсетная.

Гарнитура Times. Тираж 500 экз. Заказ № 251.

Свободная цена.

Издательство Уральского университета 620000,

Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2021

Контактная информация:

кафедра востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета

Телефон: (+7) 343 389-94-27,

E-mail: uralorientalstudies@mail.ru

Editor-in-Chief

Vadim A. Kuzmin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Deputy Chief Editor

Gulnara N. Valiakmetova, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Technical Secretary

Valentin V. Khrenov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Commissioning Editor

Dmitry V. Vozchikov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Mikhail G. Agapov, Dr. Hab. (History), Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Alexey A. Antoshin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Vladimir V. Belyakov, Dr. Hab. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladimir V. Datsyshen, Dr. Hab. (History), Professor, Department of Russian History of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Alek D. Epstein, PhD, World ORT, Jerusalem, Israel

Alireza Ghaemini, PhD, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran

Sergey V. Golunov, Dr. Hab. (Political Science), Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Hakob Harutyunyan, Dr. Hab. (History), Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Zekeriya Karadavut, PhD, Prof., Akdeniz University, Antalya, Turkey

Valentin V. Khrenov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Vadim A. Kuzmin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Jae-Hyeok Lee, PhD, Professor, Pusan National University, Busan, Republic of Korea

Alexander I. Lychagin, Dr. Hab. (History), Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Vasily E. Molodyakov, Dr. Hab. (Political Science), PhD, Prof., Takushoku University, Tokyo, Japan; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexey L. Myshinsky, PhD in Philosophy, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Vladimir P. Rumyantsev, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Tomsk, Russia

Gulnara N. Valiakmetova, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Dmitry V. Vozchikov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Wang Chenxing, PhD, Researcher at Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, People's Republic of China

Wang Xiaoquan, LLD, Secretary General of Chinese Association for the Study of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Deputy Director of the Research Center "Belt and Path", Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, People's Republic of China

Natalya A. Zavyalova, Dr. Hab. (Cultural Studies), Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Ближний Восток

- Румянцев В. П.* Еврейская община США и Суэцкий кризис, 1956–1957 гг. 6
- Валиахметова Г. Н., Цуканов Л. В.* «Сумма всех ресурсов страны»: специфика израильского подхода к обеспечению национальной кибербезопасности 23
- Кирчанов М. В.* Модернистская методология в современной арабской европейской интеллектуальной традиции: истоки, особенности и противоречия 35

Африка

- Шипицына Ю. С.* «Вся эта местность – настоящая сокровищница для ботаники»: заметки Фрэнсиса Мэссона об охоте на растения в Южной Африке (1776) 51

Восточная Азия

- Суровень Д. А.* Политическая борьба в государстве Ямато в середине 20-х годов IV века и мятеж Такэ-хани-ясу-бико. Часть 2-я 63
- Молодяков В. Э.* Франция и Японо-китайская война: миссия Анри Мо в Китае, 1937–1939 гг 81
- Алексеев И. А., Смирнов С. В.* Эссе Сюй Чжимо «Москва» из «Заметок о путешествии в Европу» (1925) 90
- Антошин А. В.* «До такой степени все изголодались по свободному русскому слову...»: письмо из Японии русского эмигранта Александра Вановского (1948) 103
- Каренин Д. М., Кузьмин В. А.* Становление сотрудничества между Японией и странами ЕЭС 110
- Тао Цзинхун.* Установление и развитие отношений КНР с Турцией (1949–2019 гг.) . . . 129
- Чекункова Е. С.* Место айнов в контексте развития японской идентичности. 136
- Хренов В. В., Заболотнева С. А.* Реактор в Йонбёне как объект шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР (по материалам американской прессы) . . . 149

Вопросы историографии стран Востока

- Капсалькова К. Р.* «Обнаружил изумительную склонность к самому детальному, кропотливому анализу источников»: Памяти Игоря Васильевича Пьянкова 165

Преподавание восточных языков и литератур

- Мышинский А. Л., Бахвалова А. А.* «Латынь из моды вышла ныне»: камбун в современной японской школе. 174

Рецензии

- Перминова В. А.* «Русский след» на Тайване и начало этнологических исследований острова. Рец. на: Головачёв В. Ц. «Экскурсия на Формозу». Этнографическое путешествие П. И. Ибиса. М.: Издательство «Весь Мир», 2019. 276 с 192
- Хахалкина Е. В.* Новое осмысление отношений Израиля и Египта. Рец. на: Эпштейн А. Д. «Израиль и Египет: пять войн за четверть века». М.: Институт Ближнего Востока, Центр изучения Израиля и диаспоры, 2020. 442 с 197
- Сведения об авторах 204

CONTENTS

Middle East

- Rumyantsev V. P.* The Jewish Community of the United States and the Suez Crisis, 1956–1957 . . . 6
- Valiakhmetova G. N., Tsukanov L. V.* “The Sum of All the Country’s Resources”:
the Specifics of the Israeli Approach to Ensuring National Cybersecurity 23
- Kyrchanoff M. W.* Modernist Methodology in Modern Arabian European Intellectual
Tradition: Origins, Features and Contradictions 35

Africa

- Shipitsyna Yu. S.* “The Whole Country Affords a Fine Field for Botany”:
the Notices of Francis Masson About Plant Hunting in South Africa (1776) 51

East Asia

- Surowen D. A.* Political Struggle in Yamato State in Mid-20s of 4th Century
and Take-hani-yasu-biko Rebellion. Part 2nd. 63
- Molodiakov V. E.* France and the Sino-Japanese War: Henry Maux’s Mission in China,
1937–1939. 81
- Alekseev I. A., Smirnov S. V.* Xu Zhimo’s Essay “Moscow” from “Notes
on a Journey to Europe” (1925) 90
- Antoshin A. A.* “To such an extent, everyone is hungry for the free Russian word . . .”:
a Letter by the Russian Emigrant Alexander Vanovsky from Japan (1948) 103
- Karenin D. M., Kuzmin V. A.* The Establishment of Cooperation Between Japan
and the EEC Countries 110
- Tao Jinghong.* Establishment and Development of Relations Between PRC
and Turkey (1949–2019) 129
- Chekunkova E. S.* The Modern Japanese National Identity and the Ainu 136
- Khrenov V. V., Zabolotneva S. A.* The Yongbyon Reactor as an Object of The Six-Party
Talks and the DPRK’s Nuclear Program (Based on the Materials of the American Press) . . . 149

Historiographical Problems of the Non-Western Societies

- Kapsalykova K. R.* “He Discovered Amazing Incline to the Most Detailed Great Analysis
of Sources”: to the Blessed Memory of Igor Vasilievich Pyankov 165

Teaching of Oriental Languages and Literatures

- Myshinsky A. L., Bakhvalova A. A.* “But Latin’s Not in Fashion Now”.
Kanbun at Contemporary Japanese Secondary School. 174

Reviews

- Perminova V. A.* “Russian trail” in Taiwan and beginning of Taiwan ethnology. Rev. of:
Golovachev V. Ts. (2019). “Ekskursiia na Formozu”. Etnograficheskoe putesthestvie P. I. Ibis.
[“Excursion to Formosa”. The ethnographic trip by Paul Ibis] Moscow:
“Ves’ Mir” Publishing House. 276 p. 192
- Khakhalkina E. V.* Rethinking Israeli-Egyptian Relations. Rev. of: Epstein, Alek. D. (2020).
Izrail’ i Egipet: piat’ vojn za chetvert’ veka [*Israel and Egypt: Five Wars in a Quarter Century,
1948–1973*]. Moscow: Middle East Institute – Center for Israel and Diaspora Studies,
2020. 442 pp. 197
- On the authors 204

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

УДК 327(73:569.4) + 327.54 + 2(=411.16)(73) + 39(=411.16)

В. П. Румянцев

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА США И СУЭЦКИЙ КРИЗИС, 1956–1957 ГГ.

Аннотация. В данной статье исследуется важный этап предыстории формирования израильского лобби в Соединенных Штатах, связанный с Суэцким кризисом 1956–1957 гг. Этот кризис продемонстрировал, что еврейская община в США вовсе не была сплоченной и хорошо организованной группой, способной отстаивать интересы Израиля и тем более диктовать их американскому правительству. Еврейская диаспора не смогла помочь правительству Д. Бен-Гуриона добиться нескольких важных целей. Во-первых, администрация Д. Эйзенхауэра наотрез отказалась предоставлять твердые гарантии безопасности Израиля. Во-вторых, Соединенные Штаты отказались брать на себя гарантии недопущения набегов палестинских партизан (федайинов) на израильскую территорию из сектора Газа. Возможности самой общины как-то повлиять на политику правительства Д. Эйзенхауэра были крайне ограничены и слабыми организационными формами общины, и отсутствием реальных рычагов воздействия на политику республиканской администрации, и особенностью политики администрации 34-го президента США. В то же время лидеры еврейской диаспоры не позволили, чтобы их внутренние разногласия и разногласия с Государством Израиль проявились публично. Суэцкий кризис способствовал налаживанию механизмов взаимодействия еврейской общины с властными структурами США. Этот опыт ляжет в основу формирования израильского лобби в Соединенных Штатах.

Ключевые слова: Суэцкий кризис, Соединенные Штаты, еврейская община, израильское лобби, Д. Эйзенхауэр

Vladimir P. Rumyantsev

THE JEWISH COMMUNITY OF THE UNITED STATES AND THE SUEZ CRISIS, 1956–1957

Abstract. This article examines an important stage in the prehistory of the formation of the Israeli lobby in the United States associated with the Suez Crisis of 1956–1957. This crisis demonstrated that the Jewish community in the United States was not a coherent and well-organized group capable to defend Israel's interests and to dictate them to the American government. The Jewish diaspora was unable to help David Ben-Gurion's government to achieve several important goals. First, Dwight Eisenhower's administration flatly refused to provide strong guarantees of Israel's security. Second, the United States refused to guarantee prevention of Israeli territory from raids of Palestinian guerrillas (fedayeen) from the Gaza Strip. The possibilities of the Jewish community to somehow influence the policy of the Eisenhower's government were extremely limited by weak organizational forms of the community, by lack of real leverage over the policy of the Republican administration, and by the specific features in the policy of the 34th US President administration. At the same time, the leaders of the Jewish diaspora did not allow their disagreements between themselves and the State of Israel to become apparent publicly. The Suez crisis contributed to the establishment of mechanisms for interaction between the Jewish community and the US government. Later, this experience will form the basis for the formation of the Israeli lobby in the United States.

Keywords: Suez Crisis, United States, Jewish community, Israeli lobby, Dwight Eisenhower

Во внешней политике Соединенных Штатов Америки сложился уникальный исторический феномен, который американские авторы Джон Миршаймер и Стивен Уолт определили как безусловную и масштабную поддержку Государства Израиль, реализуемую даже вопреки национальным интересам США. Чтобы разобраться в причинах этого феномена, эти исследователи предлагают обратиться к ситуации внутри Соединенных Штатов и взглянуть на механизм принятия внешнеполитических решений американским политическим истеблишментом. «Истинной причиной такой предрасположенности американских политиков является сила израильского лобби», – уверяют Дж. Миршаймер и С. Уолт [Mearshaimer, Walt, p. 5]. А эту силу, по их мнению, формирует беспрецедентная диаспоральная активность еврейской общины США, которая действует в поддержку Израиля как типичная для Америки, но хорошо сплоченная и организованная группа интересов, подобная, например, Национальной стрелковой ассоциации [Mearshaimer, Walt, p. 13].

Подобные заявления не учитывают историческую специфику складывания организационных форм еврейской общины Соединенных Штатов. На разных исторических этапах ее сплоченность не выглядела столь однозначной, а поддержка Израиля безусловной. Одним из таких этапов стал Суэцкий кризис, возникший в 1956 г., когда Израиль наряду с Великобританией и Францией принял участие в нападении на Египет после национализации президентом этой арабской страны Гамалем Абделем Насером компании Суэцкого канала. Этот кризис обнаружил как лимиты, так и возможности влияния еврейской общины США на внешнюю политику своей страны, выявление которых является целью написания данной статьи.

Принято считать, что еврейская иммиграция в Северную Америку началась в 1654 г., когда 23 еврея, прибывшие из Нидерландов, поселились в голландской колонии Новый Амстердам, которая вскоре перешла к Англии и была переименована в Нью-Йорк. К 1776 г., когда были образованы Соединенные Штаты, в них проживало уже около двух тысяч евреев [Сидорова, с. 69]. К середине XX в. численность еврейской общины в США равнялась примерно 6 млн человек, что составляло около 3 % от всего населения страны. Стремительный рост числа еврейской общины обеспечивался несколькими волнами иммиграции, из которых самая масштабная пришлась на конец XIX – начало XX вв.

В 1843 г. в Нью-Йорке немецкими евреями была основана организация «Бнай Брит» («Дети Завета»), которая декларировала своей целью «объединение людей еврейской веры для достижения их важнейших интересов во благо человечества» [Павлов, с. 65]. Во время Суэцкого кризиса президентом «Бнай Брит» был Филипп Ключник. Он достаточно откровенно признавал: «Как у американского еврея у меня есть двойное обязательство, но не двойная лояльность. Я имею обязательство перед своей страной... У меня есть также обязательство перед своим народом, из которого я происхожу» [Vick, p. 144].

Американских евреев всегда отличала очень высокая социальная активность. По сравнению с другими этническими меньшинствами они являлись более образованными и успешными в плане развития карьеры. Добавим, что они весьма активно были вовлечены в политическую деятельность, подавляющее большинство их являлось убежденными сторонниками Демократической партии.

С конца XIX в. значительная часть американских евреев была вовлечена в сионистское мировое движение, инициированное австро-венгерским журналистом Теодором Герцлем в целях создания еврейского государства на территории Палестины. В 1897 г. была основана Сионистская организация Америки. Однако отнюдь не все американские евреи разделяли сионистскую программу. Более того, в США было очень много противников сионистских устремлений Т. Герцля. В 1906 г. их представители создали Американский еврейский комитет (АЕК), целью которого было провозглашено «предотвращение нарушения гражданских и религиозных прав евреев и облегчение последствий их преследований» [The New York Times. November 11, 1907]. АЕК представлял собой что-то вроде закрытого элитного клуба и только после Второй мировой войны он открыл доступ для всех желающих, основав отделения по всей территории США.

Таким образом, налицо была разобщенность еврейских организаций в Соединенных Штатах, которую не смогло преодолеть даже такое, казалось, знаменательное для евреев всего мира событие, как создание в 1948 г. Государства Израиль. Более того, АЕК встретил появление еврейского государства весьма настороженно. В 1949 г. журнал «Комментари», издававшийся комитетом, задался таким вопросом: «Во что обойдется Израилю нормальная жизнь?». Даже если бы не было арабо-израильского конфликта, то случится упадок традиционной еврейской культуры, предрекал журнал. В новом еврейском государстве, указывалось в статье, верх берут молодые, энергичные и абсолютно светские израильтяне [Tivnan, p. 30]. История покажет, что эти опасения оказались напрасными.

Через несколько месяцев после создания Израиля представители еще одной организации американских евреев – Объединенного еврейского призыва, созданной в 1939 г. для благотворительной деятельности и помощи еврейским беженцам от нацизма, обратились к премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону с вопросом: что еврейская община США может сделать для молодого еврейского государства? Глава израильского правительства ответил так: «Что нам нужно, так это евреи» [Urofsky, p. 265–266]. Но большинство американских евреев предпочло остаться дома. Из 35 тысяч американцев и канадцев, иммигрировавших в Израиль в первые десять лет его существования, только лишь 5400 человек выбрали местом своего постоянного проживания еврейское государство, несмотря на то что сионистские организации Америки насчитывали примерно 1 млн членов [Urofsky, p. 271, 279].

По выражению американского автора Эдварда Тивнана, евреи США хотели оставаться американцами, но при этом не потерять свою национальную идентичность – существование Израиля предоставляло им такую возможность. Поддерживая тем или иным способом еврейское государство на Ближнем Востоке, они, тем самым, удовлетворяли свой «зов крови», а потом возвращались к рутинным делам в Америке [Tivnan, p. 33]. Глава АЕК Джейкоб Блауштейн в 1950 г. приехал в Израиль, где встретился с руководством молодого государства. Он откровенно заявил, что проблема хороших отношений между гражданами Израиля и евреями диаспоры – это «улица с двусторонним движением». «Будем откровенны, – признавал он, – для американских евреев Америка – это их дом» [Tivnan, p. 31–32].

Д. Бен-Гурион был реалистом. Он понимал, что далеко не каждый американский еврей способен поступить как Голда Меерсон (Мабович), чья семья эмигрировала из Российской империи и поселилась в г. Милоуки, штат Висконсин, а сама Голда репатрировалась в подмандатную Палестину в 1921 г., где сменила фамилию на ивритский лад – Меир. В итоге, она вошла в число 38 человек, подписавших Декларацию независимости Израиля в 1948 г. Г. Меир стала одним из ключевых министров в кабинете Бен-Гуриона. В отсутствие значительного числа американских репатриантов Израилю от еврейской общины Соединенных Штатов нужны были, как минимум, две вещи: их деньги и политическое влияние. С последним пунктом было не все так просто.

Демократическая администрация Гарри Трумэна не без колебаний поддержала создание Государства Израиль, понимая, что этот шаг вызовет недовольство арабского мира, где были сосредоточены основные экономические интересы США. Существует мнение, что Трумэн не смог противостоять госдепартаменту, в котором преобладали проарабские взгляды [Radosh A., Radosh R., p. 258–278]. Однако и 33-го президента США нельзя причислить к филосемитам. Сохранилась запись, в которой Г. Трумэн категорично заявлял: «Евреи очень, очень эгоистичны. Их не волнует, сколько эстонцев, латышей, финнов, поляков, югославов или греков были убиты или согнаны со своих мест, лишь бы только к евреям относились по-особенному» [Эпштейн, 2014, с. 73]. Впрочем, справедливости ради, надо заметить, что Г. Трумэн предпочитал держать подобные суждения при себе.

То, чего настойчиво добивался Израиль от Соединенных Штатов, можно свести к нескольким словам – гарантии безопасности и современное вооружение. Ни то, и ни другое Вашингтон не торопился предоставлять. Даже экономическая помощь рассматривалась израильскими лидерами как важный, но не первоочередной приоритет, тем более что число частных американских пожертвований в пользу Израиля было значительным. С начала 1950-х гг. перед израильским посольством в Вашингтоне была поставлена задача поиска политиков, через которых можно было бы осуществлять эффективное лоббирование израильских интересов.

Число таких потенциальных «каналов влияния» стало еще меньше, когда к власти в Белом доме пришла республиканская администрация Дуайта Эйзенхауэра. Новый глава исполнительной власти был кадровым военным, и поддержка еврейской общины никогда не нужна была ему в продвижении по карьерной лестнице. Республиканцы не так, как демократы, были заинтересованы в голосах избирателей еврейского происхождения. Новый госсекретарь Джон Ф. Даллес поэтому мог себе позволить, правда, в частном разговоре с британскими коллегами, назвать Израиль «камнем на наших шеях» [Shlaim, 2001, p. 204]. Но даже в беседе с руководителем Американского чрезвычайного сионистского комитета раввином Аббой Хилелем Сильвером глава американской дипломатии заявлял, что «США не хотят производить впечатление, будто их политика осуществляется сионистами» [Ben-Zvi, p. 45].

В этих условиях координировать взаимодействие лидеров еврейской диаспоры с американским политическим истеблишментом было поручено послу Израиля Аббе Эвену. Его усилия в этом направлении были столь энергичны, что именно Эвена Э. Тивнан назвал «подлинным лидером еврейской общины

в США» [Tivnan, p. 60]. Такая оценка не выглядит преувеличением, поскольку многочисленные еврейские организации Соединенных Штатов нередко враждовали друг с другом, а их вожди умудрялись даже конфликтовать с руководством Израиля. Так, Д. Бен-Гурион терпеть не мог А. Х. Сильвера, которого упрекал в чрезмерном авторитаризме. К тому же Сильвер тесно сотрудничал с внутритропическими конкурентами Бен-Гуриона – Партией Общих сионистов [Sharira, p. 33–44]. А. Эвен отлично подходил на роль такого коммуникатора – великолепно говоривший на английском языке, полиглот, остро слов и интеллект, он легко находил общий язык с собеседниками, без усилий, казалась, располагая их к себе [Quigley, p. 136]. Среди сотрудников, помогавших Эвену во время его работы в качестве главы израильской делегации в ООН, и был найден человек, которому суждено было сыграть огромную роль в организации израильского лобби в США. Им стал американско-канадский журналист Исайя («Сай») Кенен, прежде занимавший должность директора Информационного еврейского агентства.

Еще в 1949 г. И. Кенен зарегистрировал очередную сионистскую организацию в США – Американский сионистский совет. Однако сложность в ее работе заключалась в том, что ее пришлось зарегистрировать в качестве иностранного агента, в соответствии с законом, принятым в Соединенных Штатах перед Второй мировой войной [Павлов, с. 68]. И. Кенен уже имел опыт тесной работы с такими американскими политиками, как конгрессмены Джейкоб Джавитс и Эммануэль Селлер, сенаторами Робертом Тафтом, Полом Дугласом и Хьюбертом Хэмфри, через которых ему удалось собрать около 65 млн долл. для оказания экономической помощи Израилю в 1951 г. [Tivnan, p. 34–35].

Энергичный и «пробивной», И. Кенен в 1954 г. создал новую организацию – «Американский сионистский комитет по связям с общественностью» с ежегодным бюджетом в 50 тыс. долл. Ему мастерски удалось избежать регистрации этой организации в качестве иностранного агента. Первым серьезным делом новой структуры И. Кенена стал опрос всех кандидатов на выборы в конгресс США в 1954 г. на предмет их отношения к Израилю и к арабо-израильскому конфликту. Так стала создаваться база американских политиков, которые могли оказаться полезными в деле защиты израильских интересов. Можно сказать, что 1954 г. стал годом рождения израильского лобби в США.

Усилия И. Кенена были дополнены попыткой создать структуру, которая координировала бы действия различных еврейских организаций в Соединенных Штатах, сионистских и не-сионистских. В 1954 г. ветеран сионистского движения в США и председатель Еврейского агентства Наум Голдман убедил тогдашнего главу «Бнай Брит», строительного магната из Чикаго Филиппа Ключника созвать Конференцию президентов основных еврейских организаций Америки, собравшей глав нескольких десятков таких организаций. Конференция президентов задумывалась как неформальный орган для обсуждения вопроса о возможных формах помощи от лица американских евреев Израилю в условиях настороженного, если не сказать враждебного отношения со стороны администрации Д. Эйзенхауэра [Alteras, p. 288].

В 1955 г. состоялась первая встреча Конференции президентов. Объединить усилия всех сколько-нибудь значимых еврейских организаций Соединенных Штатов не удалось. АЕК, например, отказался принять участие в этом форуме, и вообще, он отказывался кооперироваться с какими-либо другими еврейскими организациями. Вице-президент АЕК Джон Слоусон объяснял позицию комитета в письме Ф. Ключнику нежеланием создавать впечатление о наличии в США крупного блока еврейских организаций, аффилированных с Израилем [Bick, p. 148].

Таким образом, к середине 1950-х гг. в Соединенных Штатах сложились две организационные структуры, охватывающие почти всю еврейскую диаспору страны – Конференция президентов и АЕК. Последний неизменно подчеркивал свое неприятие сионизма. Возможно, именно поэтому он рассматривался госдепартаментом США как наиболее конструктивное звено среди диаспоры. Позиция комитета к тому же нередко расходилась с официальной позицией Израиля по ряду вопросов.

Так, например, в 1955–1956 гг. произошло обострение ситуации на израильско-египетской линии перемирия. В ответ на набеги палестинских партизан (федаинов) Израиль организовал рейд возмездия спецназа в районе сектора Газа. В результате боестолкновения погибли 38 египетских солдат [Штереншис, с. 233]. АЕК осудил такое применение силы Израилем как неоправданную агрессию. Впрочем, комитет никогда не выносил на публику свое несогласие с действиями Израиля. Этого требовали и уставные документы комитета, один из которых гласил: «Не пытайтесь вмешиваться во внутренние дела Израиля, нам следует стараться оказать умеренное влияние на него... Более того, нам нужно внушать мысль, что безответственные действия приведут только лишь к потере поддержки со стороны Соединенных Штатов и осложнят усилия, которые предпринимают американские евреи в деле защиты законных интересов Израиля» [Bick, p. 151].

В соответствии с этой линией поведения АЕК передал после рейда израильских командос в Газу письмо в МИД Израиля, где в тщательно подобранных выражениях сообщил о «большой тревоге, которая возникла недавно среди... значительной части еврейской общины в связи с некоторыми действиями, предпринятыми недавно Израилем» [Bick, p. 152]. Передавая это письмо, президент АЕК Ирвинг Энгель на словах добавил, что израильская политика возмездия создает серьезные проблемы для американских евреев, поскольку арабская пропаганда неизменно подчеркивает тесное сотрудничество между Государством Израиль и еврейскими общинами по всему миру, а особенно, в США. И некоторые влиятельные члены американской еврейской общины уже стали задумываться, насколько оправданна их поддержка Израиля и не скажется ли она на их положении в Соединенных Штатах [Bick, p. 152]? Нужно сказать, что подобная критика практически не имела никакого воздействия на руководство Израиля.

Но наиболее серьезным испытанием «двойного обязательства» американских евреев, о котором говорил Ф. Ключник, в 1950-е гг. стал Суэцкий кризис. 26 июля 1956 г., президент Египта Г. А. Насер объявил о национализации компании Суэцкого канала. К этому шагу со стороны Каира привело давление США и Великобритании на Египет с целью изменения его внешнеполитического курса, предполагавшего тесное сотрудничество с Советским Союзом. В Лондоне

практически сразу же был взят курс на силовую операцию против Египта. Соединенные Штаты, услышав новость о национализации компании Суэцкого канала, предпочли прибегнуть к дипломатическим мерам, опасаясь, что военные действия на Ближнем Востоке могут осложнить избирательную кампанию президента Д. Эйзенхауэра, планировавшего выставить свою кандидатуру на второй срок. Израиль воспринял инициативу Насера как очередную попытку укрепить морскую блокаду еврейского государства, установленную Египтом после первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Израильским судам был заблокирован проход через Суэцкий канал и Акабский залив. Снятие этой блокады стало одной из приоритетных задач Израиля наряду с получением гарантий безопасности от США и прекращением набегов федаинов.

Посольство Израиля в Соединенных Штатах все время поддерживало контакты с представителями еврейских организаций, регулярно обмениваясь с ними информацией. Так, 21 августа 1956 г. А. Эвен встретился с И. Энгелем и рассказал ему о беседе с Дж. Ф. Даллесом, состоявшейся несколькими днями ранее. Во время этой беседы израильский посол затронул вопрос об ускоренных сроках продажи Израилю через Канаду истребителей F-86. Договоренность об этой канадско-израильской сделке была достигнута весной 1956 г., но госсекретарь США заметил, что в возникших обстоятельствах поставки новейших истребителей Израилю могут выглядеть провокационно и что Израиль и без того сохраняет военное превосходство над своими арабскими соседями [Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVI, p. 178–181].

Встречи израильских дипломатов с представителями еврейской общины Соединенных Штатов проводились не только в целях обмена информацией. Для Израиля это была возможность попытаться хоть как-то повлиять на внешнеполитический курс республиканской администрации. Правительство Д. Бен-Гуриона не тешило себя иллюзиями по поводу возможностей еврейской диаспоры в США в деле воздействия на решения, принимаемые в Белом доме. Но через еврейских лидеров можно было организовать демонстрации в поддержку Израиля в Вашингтоне и других американских городах, обеспечить шквал телеграмм и писем в администрацию президента и в конгресс. На нечастых встречах глав еврейской общины с представителями американского правительства поднимались те вопросы, которые были важны для Израиля. Так, И. Энгель, когда у него случилась возможность побеседовать с Дж. Ф. Даллесом, сразу же затронул вопрос о предоставлении еврейскому государству американских гарантий безопасности, которые можно было бы сопроводить предоставлением схожих гарантий и арабским странам. Глава государственного департамента отверг эту идею как нереалистичную. А. Эвен, которому И. Энгель рассказал об этой беседе, посоветовал продолжать действовать в том же духе [Bick, p. 149].

На самом деле, подобные встречи были инструментом, которым старались пользоваться все заинтересованные стороны, включая правительство США. Для Белого дома коммуникации с лидерами еврейской общины были возможностью дополнительного канала воздействия на израильское руководство. АЕК же старался использовать такие встречи для того чтобы донести до администрации пре-

зидента мнение, что в Соединенных Штатах есть еврейские организации, которые придерживаются взвешенной и ответственной позиции в отношении происходящего на Ближнем Востоке.

Следует, однако, отметить, что многие лидеры еврейской общины США испытывали дискомфорт от того, что посольство Израиля старалось контролировать содержание этих бесед. С середины 1950-х гг. установилась практика проведения брифингов с участием израильских дипломатов, на которые приглашались главы еврейских организаций. Один из бывших израильских дипломатов в беседе с американским историком Э. Тивнаном так описывал эти встречи: «О чем говорилось на этих брифингах? Что арабы сильны, они наращивают свои вооружения. Израиль слаб, у него нет современного оружия. Евреи с воодушевлением реагировали на это: “Ой, вей! Мы постараемся помочь вам”. Но что это на самом деле означало? Могли ли они со знанием дела говорить с кем-либо из госдепартамента о необходимости продать Израилю оружие? Они не понимали специфики сделок по продаже вооружения, поэтому мы и говорили с ними в упрощенной форме» [Tivnan, p. 60].

В этом отношении американские евреи действовали, как подметила израильская исследовательница Этта Бик, в качестве «транснациональных акторов», т. е. негосударственных субъектов международных отношений, которые оказываются вовлечены в коммуникации между несколькими правительствами. Такие неофициальные контакты могут содействовать решению задач как одного, так и всех участников коммуникаций [Bick, p. 144–145]. Любопытное суждение в этом контексте приводил Э. Тивнан. Когда один из лидеров еврейской общины в разговоре с сотрудником израильского консульства в Нью-Йорке выразил сомнение в том, что неужели, дескать, в госдепартамента не знают, что еврейские организации зачастую выступают как рупор Израиля, то его собеседник ответил: «Конечно, они знают. Мы и хотим, чтобы они знали, что мы знаем о том, что они это знают. Мы хотим, чтобы американцы были уверены в том, что мы можем открыть этот кран в любое время, когда захотим» [Tivnan, p. 61].

Суэцкий кризис продемонстрировал, что такого рода транснациональные акторы могут действовать «вслепую», не обладая всей информацией о планах страны, чьи интересы кажутся им близкими в силу морально-этических или иных соображений. Так случилось и осенью 1956 г., когда попытки вернуть Суэцкий канал под иностранный контроль не увенчались успехом. Великобритания, которой принадлежала значительная часть акций национализированной Египтом компании Суэцкого канала, восприняла действия Г. А. Насера как урон ее национальным интересам. Аналогичную позицию заняла Франция, разгневанная поддержкой Насером алжирских повстанцев. Недовольство действиями официального Каира сближало западноевропейские страны с Израилем. Великобритания была полна решимости осуществить военную операцию против Египта еще до начала осенних штормов в Восточном Средиземноморье.

Нужен был повод для начала военных действий, и его предложила израильская сторона. Правительство Д. Бен-Гуриона было готово начать военные действия на Синайском полуострове в одиночку, а Великобритания и Франция вмешались бы уже в египетско-израильский вооруженный конфликт как миротворцы,

и под этим предлогом они смогли бы ввести свои войска в район Суэцкого канала, чтобы обеспечить беспрепятственную работу этой важной морской артерии. Детали операции против Египта были согласованы во время секретного совещания представителей трех государств в местечке Севре, под Парижем 22–24 октября 1956 г. [Shlaim, 1997, p. 512].

Израилю было важно, чтобы его военные приготовления не вызвали тревогу в Вашингтоне, который мог решительно вмешаться, чтобы остановить кровопролитие на Ближнем Востоке в самый разгар избирательной кампании в США. Чтобы замаскировать свои намерения, Израиль не только осуществлял ложные маневры вдоль линии перемирия с Иорданией, но и задействовал представителей еврейской общины в Соединенных Штатах. За неделю до начала военных действий в районе Синайского полуострова Дж. Блауштейн и И. Энгель (бывший и действовавший президенты АЕК, соответственно) встретились с Уильямом Роунтри, помощником госсекретаря США и заверили его в том, что, насколько они знают из правительственных источников в Иерусалиме, у Израиля нет никаких намерений начинать войну [Bick, p. 154]. Д. Эйзенхауэру все же нужны были заверения из первых уст, поэтому он отправил несколько личных посланий Д. Бен-Гуриону, в которых призывал не предпринимать ничего, что могло бы резко обострить ситуацию в регионе. Глава израильского кабинета министров заверил президента США, что военные приготовления его страны осуществляются исключительно в оборонительных целях, на случай нападения со стороны арабов [Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVI, p. 795, 801, 811–813].

29 октября 1956 г. Израиль начал военные действия против Египта, выбросив десант на Синае, в районе перевала Митла. Одновременно части израильской армии вошли в сектор Газа. В Вашингтоне в это время только начиналось утро. Новости с Ближнего Востока захватили врасплох не только американское руководство, но и лидеров еврейской общины в США. Ф. Ключник в тот день участвовал в одном званом обеде, где его попросили прокомментировать слухи о начале военной операции Израиля. Глава «Бнай Брит» энергично опроверг эти сведения, сославшись на беседу, состоявшуюся несколькими часами ранее, с израильским дипломатом Реувеном Шилоахом, который ни словом не обмолвился о таком «немыслимом развитии ситуации» [Tivnan, p. 48]. Когда же слухи подтвердились, то лидеры еврейской общины оказались в двусмысленном положении, осознав, что их использовали как канал дезинформации американского правительства. А. Х. Сильвер даже позвонил А. Эвену и раскритиковал решение Израиля напасть на Египет как безответственное. Израильский посол поспешил встретиться с руководством АЕК, а Р. Шилоаха отправил на встречу с представителями Конференции президентов. На этих встречах израильские дипломаты постарались объяснить причины начала военных действий, подготовку к которой надо было вести в обстановке повышенной секретности. Лидеры еврейских организаций, тем не менее, выразили свое возмущение тем, что отныне доверие к ним со стороны Белого дома и госдепартамента будет подорвано, поскольку в своих заявлениях об отсутствии воинственных планов они ссылались на самые высшие эшелоны израильской власти [Eban, p. 213].

В свою очередь, администрация президента США так же пыталась использовать лидеров еврейской диаспоры, чтобы повлиять на политику Израиля. Через несколько часов после израильского вторжения в Египет Д. Эйзенхауэр отправил главу аппарата Белого дома Шермана Адамса к А. Х. Сильверу, чтобы попросить того связаться с Д. Бен-Гурионом для передачи конфиденциального послания от президента США. Глава американской исполнительной власти обещал выступить с официальным заявлением о незыблемости американско-израильской дружбы, если Израиль объявит, что его войска выполнили задачу ликвидации баз фedayинов и немедленно возвращаются домой. Он попросил напомнить Д. Бен-Гуриону, что сила его страны самым непосредственным образом зависит от Соединенных Штатов [Bick, p. 158]. Глава израильского правительства не стал следовать этой американской инициативе, он даже не ответил на это послание. Д. Эйзенхауэр просто на тот момент не понимал, что речь шла о согласованной англо-франко-израильской операции, а не односторонней акции Израиля.

Когда Великобритания и Франция выступили с ультимативным требованием прекратить кровопролитие в районе Суэцкого канала, ситуация для администрации Д. Эйзенхауэра проще не стала. Самые ближайшие союзники США по Организации североатлантического договора затеяли за спиной своего заокеанского партнера военные действия не просто в разгар избирательной кампании в Соединенных Штатах, но еще и в момент, когда Советский Союз приступил к подавлению антисоветского мятежа в Венгрии. Исходя из глобальных американских интересов, в Вашингтоне рассчитывали, что события в Будапеште должны были занять все внимание мировой общественности. Вместо этого оно оказалось сосредоточено на сопротивлении Египта тройственной агрессии. Гнев правительства Эйзенхауэра вызывало то, что участники этой агрессии явно рассчитывали, что республиканская администрация, занятая выборами, не станет резко сопротивляться силовой операции на Ближнем Востоке. Расчет оказался неверным. За несколько дней до выборов Д. Эйзенхауэр признался своему близкому другу «Свиду» Хазлетту, что он «дал строгое указание госдепартаменту уведомить Израиль, что мы будем вести свои дела так, словно в Америке нет ни одного еврея» [Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVI, p. 944].

3 ноября 1956 г. руководство АЕК отправило письмо Дж. Ф. Даллесу, в котором попыталось убедить главу американской дипломатии, явно с подачи израильского посольства, в том, что сложившейся ситуацией можно воспользоваться для установления мира на Ближнем Востоке. Для этого нужно попытаться усадить Египет и Израиль за стол переговоров, результатом чего может стать подписание мирного договора между двумя государствами. Соединенные же Штаты могли бы выступить гарантом таких взаимных договоренностей [Bick, p. 155]. Вряд ли такая инициатива имела хоть какие-то шансы на успех, особенно в условиях, когда Египет стал жертвой агрессии, а ему предлагалось протянуть руку дружбы агрессору. Скорее всего, задача была сбить гнев лидеров еврейской общины, показав ей, что она по-прежнему является важным каналом коммуникаций в деле решения ближневосточного конфликта.

Администрация Д. Эйзенхауэра точно расставила акценты в своей работе с участниками тройственной агрессии. Основной упор был сделан на оказании давления на Великобританию, находившуюся в крайне тяжелом финансовом состоянии. Ей было отказано в предоставлении экономической помощи и в поставках американской нефти. Советский Союз выступил с угрозой применения ядерного оружия в отношении инициаторов агрессии. В этих условиях британское правительство решило прекратить военные действия на Ближнем Востоке. Ее примеру последовали Франция и Израиль. Английские и французские войска были выведены с территории Египта к концу 1956 г. Израиль оговаривал отвод своих войск предоставлением гарантий безопасности стране. Это спровоцировало новый кризис в американо-израильских отношениях и дало новый повод для недовольства глав еврейской диаспоры. Израильские дипломаты уверяли последних, что оккупация Синайского полуострова – это временная мера, но спустя несколько дней после прекращения огня Д. Бен-Гурион заявил, выступая перед парламентом, что Израиль не собирается уходить с захваченных территорий. Бывший президент АЕК судья Джозеф Проскауэр отправил личную телеграмму премьер-министру еврейского государства, убеждая его пересмотреть эту позицию. С аналогичным призывом выступил Н. Голдман и тоже конфиденциально.

Борьба вокруг вывода израильских войск из Синайского полуострова стала первым серьезным испытанием возможностей «Американского сионистского комитета по связям с общественностью». И. Кенен возглавил кампанию в целях организации поддержки Израйля влиятельными американскими конгрессменами и сенаторами. Для этого была проведена ревизия всех возможных связей и знакомств видных членов диаспоры с американскими политиками, действовавшими и бывшими. Благоприятной сферой в этом отношении стал шоу-бизнес. Председатель совета директоров «Юнайтед Артистс» Артур Крим, президент «Парамаунт пикчерз» Берни Балабан, певец, актер и раввин Авраам Файнберг и другие использовали все свои связи и контакты с миром политики, чтобы убедить правительство Соединенных Штатов в справедливости требований Израйля [Bick, p. 155, 158].

Их усилия увенчались успехом. 23 января 1957 г. 75 конгрессменов-демократов подписали письмо государственному секретарю США, в котором требовали предоставить Израйлю гарантии свободного плавания его судов через Суэцкий канал и Акабский залив. Сенат США принял 29 января резолюцию, призывающую администрацию предоставить гарантии израильской безопасности [Alteras, p. 256–257].

Правительство Соединенных Штатов продолжало настаивать на безоговорочном выводе израильских войск из Синая, угрожая применением экономических санкций. В этих условиях Израйлю нужно было найти такого человека, близкого к президенту США, через которого можно было попытаться оказать хотя бы какое-нибудь влияние на позицию Д. Эйзенхауэра. Таким человеком стал Дэвид Сарнофф, глава совета директоров телерадиовещательной корпорации «Ар-си-эй», который в годы Второй мировой войны служил консультантом по вопросам коммуникаций при штабе Д. Эйзенхауэра. Выходец из еврейского местечка Узляны в Минской губернии Д. Сарнофф был знаменитой личностью в Америке. Считается, что, будучи телеграфистом в «Маркони уайлерс телеграф компании оф

Америка», именно он принял радиотелеграмму с терпящего бедствие «Титаника» и поддерживал трое суток связь со спасателями, осуществлявшими поиск пассажиров с затонувшего лайнера [Вейценфельд, с. 75]. Раввин Израиль Голдштейн, хорошо знавший Д. Сарноффа, в начале февраля 1957 г. связался с ним и попросил о помощи. Тот, в свою очередь, вышел на Уолтера Беделля Смита, своего непосредственного начальника во время войны, который был главой Центрального разведывательного управления в 1950–1953 гг., а в период Суэцкого кризиса находился уже в отставке. Д. Сарнофф и У. Б. Смит обсудили возможность компромиссного решения, которое устроило бы и США, и Израиль. Это решение предусматривало заявление американского руководства о гарантиях со стороны США свободного прохода судов через Акабский залив в израильский порт Эйлат. Как мы помним, это являлось одной из главных целей Израиля в войне с Египтом, и поэтому можно было бы рассчитывать, что деблокирование Акабского залива стало бы приемлемой ценой для вывода израильских сил из Синайского полуострова. У. Б. Смит, как следует из неопубликованного дневника И. Голдштейна, согласился переговорить с Д. Эйзенхауэром на эту тему. Судя по всему, этот разговор состоялся 8 февраля 1957 г. [Vick, p. 160–161].

Следует отметить, что канал «Сарнофф-Смит-Эйзенхауэр» не был единственной линией коммуникации с Белым домом, через который прорабатывался вариант вывода израильских войск в обмен на гарантии судоходства через Акабский залив. Соединенные Штаты активно задействовали свою разведку на Ближнем Востоке. Через нее удалось выйти на Г. А. Насера, который строго секретно сообщил, что Египет готов снять блокаду Акабского залива, если израильские войска освободят сектор Газа и Шарм-эш-Шейх [Fraser, p. 74]. Такой же вариант (полный вывод израильских войск из Синая при обеспечении свободы судоходства в Акабском заливе) отстаивал А. Эвен в коммуникациях с Иерусалимом, что обнаруживало отсутствие единства среди израильских дипломатов и политиков, и в какой-то степени обрекло на провал усилия правительства Д. Бен-Гуриона по получению гарантий прекращения набегов фedayинов из Газы [Эпштейн, 2021, с. 169–170].

Глава Белого дома не собирался до последнего «цепляться» за требование безоговорочного ухода израильтян из Синая. В телефонном разговоре с Дж. Ф. Даллесом, состоявшемся 9 февраля 1957 г., т. е. на следующий день после беседы с У. Б. Смитом, Д. Эйзенхауэр размышлял вслух: «Надо задуматься о том, насколько важно для них [израильтян] иметь доступ к Акабскому заливу... Думается, что мы можем дать им заверения... с группой морских держав в том, что это международный морской путь, и что суда должны беспрепятственно следовать им, в противном же случае мы будем считать блокирование (залива – *В. Р.*) актом агрессии» [Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVII, p. 115–116].

Д. Эйзенхауэр согласился с компромиссным вариантом, озвученным У. Б. Смитом, не потому, что не видел другой возможности сместить Израиль с его упрямой позиции нежелания эвакуировать войска из Шарм-эш-Шейха и сектора Газа, а потому, что длительное нахождение израильских войска на египетской территории давало Советскому Союзу во всю мощь развернуть пропагандистскую кампанию в арабском мире. В конечном счете, Соединенные Штаты

озвучили то, что являлось непреложным фактом – воды Акабского залива являлись международными по всем канонам морского права.

11 февраля Дж. Ф. Даллес ознакомил А. Эвена со специальным меморандумом, в котором указывались американские предложения. В нем говорилось, что «Соединенные Штаты считают Акабский залив международным морским путем, и ни одна страна не имеет права путем силы мешать свободному и беспрепятственному судоходству по нему». При этом отмечалось, что суда под флагом США «готовы воспользоваться правом режима свободного судоходства и присоединиться к судам других государств, чтобы гарантировать это право». Для осуществления подобных гарантий, как заметил госсекретарь, необходим в первую очередь вывод израильских войск из района Шарм-эш-Шейха. В отношении сектора Газа Соединенные Штаты настаивали на том, что «вывод отсюда израильских войск должен быть быстрым и безоговорочным», а будущее этого региона должно быть предметом обсуждений в рамках Организации Объединенных Наций [Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVII, p. 125–134].

Израиль был удовлетворен предложениями правительства Д. Эйзенхауэра по Акабскому заливу, но оставался еще спорным вопрос по сектору Газа. Д. Бен-Гурион был готов вывести свои войска только после получения гарантий, защищающих Израиль от возобновления набегов палестинских партизан. Чтобы повлиять на мнение израильского правительства теперь уже руководство США решило прибегнуть к помощи еврейской общины. 20 февраля 1957 г. представители АЕК, Объединенного еврейского призыва и «Бнай Брит» были приглашены в Белый дом, где с ними встретились Д. Эйзенхауэр и Дж. Ф. Даллес. Показательно, что ни одного представителя сионистских организаций на встречу не пригласили. Целью этой беседы было убедить лидеров еврейской общины присоединиться к призывам к израильскому руководству освободить сектор Газа без каких бы то ни было предварительных условий. Однако достичь этой цели не удалось. Ф. Ключник, Дж. Блауштейн и другие лидеры общины заявили, что рассматривают гарантии невозобновления набегов федаинов из сектора Газа существенным компонентом израильской безопасности [Alteras, p. 301]. Очевидно, что попытка расколоть еврейскую общину на ее сионистскую и не-сионистскую часть не увенчалась успехом.

Такая сплоченность еврейской общины в период Суэцкого кризиса оказалась неожиданной для администрации Д. Эйзенхауэра. Дж. Ф. Даллес жаловался своему другу Генри Люсу, журналисту и издателю журналов «Тайм», «Лайф» и «Форчун», что ему пришлось испытать на себе, «насколько трудно проводить внешнюю политику, не одобренную евреями. [Бывший госсекретарь Джордж] Маршалл и [министр обороны в администрации Г. Трумэна Джеймс] Форрестол испытали это на себе. Я пытаюсь не допустить подобного – это не значит, что я антисемит, но я верю в то, что сказал Джордж Вашингтон в своем прощальном обращении – что эмоциональная привязанность к другой стране не должна мешать делу» [Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVII, p. 136–137].

Д. Эйзенхауэр был полон решимости сломить сопротивление Израиля требованиям безоговорочного ухода из сектора Газа. Вечером того же дня, после встречи с лидерами еврейской общины он выступил с телеобращением к амери-

канскому народу, в котором публично обозначил незаконность блокады Акабского залива и готовность Соединенных Штатов сделать все, чтобы не допустить возобновления конфликтов на израильско-египетской линии перемирия [Documents of American History, p. 80]. После такого обнародования американского предложения какие-либо изменения в нем были уже невозможны, поскольку нанесли бы урон престижу президентской власти.

Это не остановило лидеров еврейской общины США от выражения своего негодования. Руководство Сионистской организации Америки связалось с главами 60-ти крупнейших еврейских общин в различных штатах страны и попросило их организовать поток писем и телеграмм в Белый дом с осуждением речи Д. Эйзенхауэра по национальному телевидению. Нью-йоркский филиал этой организации созвал митинг против необеспеченного гарантиями безопасности ухода израильских войск из Синая в Мэдисон-сквер, в котором приняли участие около 20 тыс. активистов [Alteras, p. 301].

Правительство Соединенных Штатов пыталось организовать контрмеры против такого давления со стороны еврейской диаспоры. 22 февраля Дж. Ф. Даллес связался с Россуэллом Барнсом, генеральным секретарем Национального совета церкви и попросил его, чтобы протестантская община выразила свою поддержку ближневосточной политике США. Сделать это можно было во время воскресных служб 24 февраля. Госсекретарь настаивал: «Нам крайне необходим голос поддержки от тех, кто не является евреем и тех, на кого не влияют евреи. Невозможно проводить политику без поддержки протестантских элементов нашей страны. Все, что у нас есть – это удары со стороны евреев». Дж. Ф. Даллес сетовал на низкий интерес, который проявляют американские христиане к ближневосточной политике. Например, указывал он, из всей корреспонденции, которую Д. Эйзенхауэр получил после своего телеобращения к нации, около 90 % поступило от американцев еврейского происхождения, и в 90 % этих писем и телеграмм содержалась резкая критика [Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVII, p. 239]. Организовать альтернативный поток обращений в поддержку правительства так и не удалось.

Выпутаться из непростой ситуации помогло предложение премьер-министра Франции Ги Молле, который специально прибыл в Вашингтон. Согласно его идее, Израиль мог бы заявить об окончательном уходе своих войск из сектора Газа, исходя из того, что контроль над сектором перейдет к миротворческим силам ООН. При этом за Израилем сохранялось бы право на самооборону, либо в случае нарушения Египтом этого условия, либо в ситуации отказа Каира выполнять свои международные обязательства. В отношении Акабского залива действовали бы гарантии, представленные ранее Вашингтоном [Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVII, p. 285–289]. В Иерусалиме согласились принять эти условия. 1 марта 1957 г. министр иностранных дел Израиля Голда Меир выступила на Генеральной Ассамблее ООН с заявлением об уходе израильской армии из Синая.

Суэцкий кризис 1956–1957 гг. стал важным этапом формирования организационных форм деятельности израильского лобби в США. Он показал, что, несмотря на непростой выбор между лояльностью своему правительству и обязательствами перед своим народом еврейская община Соединенных Штатов смогла

продемонстрировать внешнее единство в желании защитить интересы Израиля. Внутри же самой общины кипели страсти и разногласия с позицией Израиля, которым не было позволено вырваться наружу. Для И. Кенена и «Американского сионистского комитета по связям с общественностью» события вокруг национализации компании Суэцкого канала стали ценным опытом налаживания механизмов взаимодействия еврейской общины с властными структурами Соединенных Штатов. В 1959 г. И. Кенен переименовал свою организацию в «Американо-израильский комитет по связям с общественностью», больше известный по своей аббревиатуре – АИПАК (АЙПАК, как ее порой называют в отечественной исторической литературе).

Еврейская диаспора не смогла добиться всего того, на что возлагало надежды правительство Д. Бен-Гуриона. В первую очередь, администрация Д. Эйзенхауэра наотрез отказалась предоставлять твердые гарантии безопасности Израиля, включая недопущение набегов федаинов на израильскую территорию. Израиль в этом отношении слишком много хотел от еврейской общины Соединенных Штатов. Впрочем, как покажет история, даже тех, казалось, расплывчатых гарантий свободы судоходства по Акабскому заливу окажется достаточно, чтобы США во время Шестидневной войны 1967 г. поддержали Израиль. Одним из последствий Суэцкого кризиса стало усиление влияния Г. А. Насера на Арабском Востоке, что создавало предпосылки для дальнейшего сближения США и Израиля [Румянцев, с. 88]. Интересно, что по прошествии некоторого времени Д. Эйзенхауэр выразил сожаление, что занял такую жесткую позицию по отношению к уходу израильской армии из Синая. В 1965 г. он был в гостях у своего друга – бизнесмена и филантропа Макса Фишера. Экс-президент США признался: «Знаешь, Макс, возвращаясь к Суэцу, я жалею о том, что сделал. Мне не следовало бы заставлять Израиль уходить из Синая» [Golden, p. xviii].

Список литературы

- Вейценфельд А.* Отец телерадиовещания // Звукорежиссер. 2005. № 7. С. 74–78.
- Павлов Д.* Произраильское лобби в США как выдающийся пример успеха этноконфессионального меньшинства // Вопросы национализма. 2015. № 3 (23). С. 63–72.
- Румянцев В. П.* Д. Эйзенхауэр и решение об отправке американских войск в Ливан в 1958 г. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 88–92.
- Сидорова Е. А.* Особенности еврейской диаспоры в США // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 10. С. 69–78.
- Штерениш М.* История государства Израиль. 1896–2002. Герцлия: ИсраДон, 2003. 832 с.
- Эпштейн А.* Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Том I. Эпоха межгосударственных войн: от Второй мировой до Войны Судного дня. 1945–1973. Москва: Институт Ближнего Востока, 2014. 312 с.
- Эпштейн А.* Выжить и выстоять: Государство Израиль в Организации Объединенных Наций, 1947–1973. Иерусалим–Санкт-Петербург: Издательство ДЕАН, 2021. 376 с.
- Alteras I.* Eisenhower and Israel. US-Israeli Relations 1953–1960. Gainesville : Univ. Press of Florida, 1993. 403 p.
- Ben-Zvi A.* Decade of Transition: Eisenhower, Kennedy and the Origins of the American-Israeli Alliance. N. Y.: Columbia University Press, 1998. 250 p.
- Bick E.* Transnational Actors in a Time Crisis: The Involvement of American Jews in Israel-United States Relations, 1956–57 // Middle Eastern Studies. 2003. Vol. 39. No. 3. P. 144–168.
- Documents of American History / Ed. by H. S. Commager. N. Y.: Henry Steele Commager, 1961. 848 p.

- Eban A.* An Autobiography. L.: Futura Publication Ltd, 1977. 640 p.
- Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVI. Suez Crisis. July 26–December 31, 1956. Wash: Government's Printing Office, 1990. 1423 p.
- Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957. Wash.: Government's Printing Office, 1990. 892 p.
- Fraser T.* The USA and the Middle East Since World War II. Hampshire and L.: Macmillan, 1989. 221 p.
- Golden P.* Quiet Diplomat: A Biography of Max M. Fisher. Detroit (Mich.): Cornwall Books, 1992. 564 p.
- Mearshaimer J., Walt S.* The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy. N. Y.: FSG Adult, 2007. 496 p.
- Quigley J.* The International Diplomacy of Israel's Founders. N. Y.: Cambridge University Press, 2016. 328 p.
- Radosh A., Radosh R.* A Safe Haven. Harry Truman and the Founding of Israel. N. Y.: Harper Perennial, 2010. 464 p.
- Shapira A.* Silver and Ben-Gurion: Two Types of Leadership // Journal of Israeli History. 1996. Vol. 17. № 1. P. 33–44.
- Shlaim A.* The Iron Wall. Israel and Arab World. L.: Penguin Books LTD, 2001. 704 p.
- Shlaim A.* The Protocol of Sevres, 1956: Anatomy of a War Plot // International Affairs. 1997. Vol. 37. No. 3. P. 509–530.
- The New York Times. November 11, 1907.
- Tivnan E.* The Lobby. Jewish Political Power and American Foreign Policy. N. Y.: Simon & Schuster, 1987. 304 p.
- Urofsky M.* We Are One! American Jewry and Israel. N. Y.: Anchor Press, 1978. 536 p.

References

- Alteras, I. (1993). *Eisenhower and Israel. US-Israeli Relations 1953–1960*. Gainesville, Univ. Press of Florida. 403 p.
- Ben-Zvi, A. (1998). *Decade of Transition: Eisenhower, Kennedy and the Origins of the American-Israeli Alliance*. N. Y., Columbia University Press. 250 p.
- Bick, E. (2003). Transnational Actors in a Time Crisis: The Involvement of American Jews in Israel-United States Relations, 1956–57. In *Middle Eastern Studies*. Vol. 39, No. 3, pp. 144–168.
- Commager, H.S. (Ed.). (1961). *Documents of American History*. N. Y., Henry Steele Commager. 848 p.
- Eban, A. (1977). *An Autobiography*. L., Futura Publication Ltd. 640 p.
- Epshtein, A. (2014). *Blizhaishie soiuzniki? Podlinnaia istoriia amerikano-izrail'skikh otnoshenii. Tom I. Epokha mezhdgosudarstvennykh voim: ot Vtoroi mirovoi do Voiny Sudnogo dnia. 1945–1973* [Closest Allies? The True History of American-Israeli Relations. Volume I. The Era of Interstate Wars: From World War II to the Yom Kippur War. 1945–1973]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka. 312 p.
- Epshtein, A. (2021). *Vyzhit' i vystoiat': Gosudarstvo Izrail' v Organizatsii Ob'edinennykh Natsii, 1947–1973* [Mission of Survival: Israel at the United Nations, 1947–1973]. Jerusalem–St Petersburg, Izdatel'stvo DEAN. 376 p.
- Fraser, T. (1989). *The USA and the Middle East Since World War II*. Hampshire and London, Macmillan. 221 p.
- Golden, P. (1992). *Quiet Diplomat: A Biography of Max M. Fisher*. Detroit (Michigan), Cornwall Books. 564 p.
- Mearshaimer, J., Walt S. (2007). *The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy*. N. Y., FSG Adult. 496 p.
- Noring, N. (Ed.). (1990). *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVI. Suez Crisis. July 26–December 31, 1956*. Washington, Government's Printing Office. 1423 p.
- Noring, N. (Ed.). (1990). *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957*. Washington, Government's Printing Office, 892 p.
- Quigley, J. (2016). *The International Diplomacy of Israel's Founders*. N. Y., Cambridge University Press. 328 p.
- Pavlov, D. (2015). Proizrail'skoe lobbi v SShA kak vydaishchiisia primer uspekha etnokonfessional'nogo men'shinstva [Pro-Israel Lobby in the United States as an Outstanding Example of the Success of an Ethno-Confessional Minority]. In *Voprosy natsionalizma*. No. 3 (23), pp. 63–72.
- Quigley, J. (2016). *The International Diplomacy of Israel's Founders*. N. Y., Cambridge University Press, 328 p.
- Radosh, A., Radosh, R. (2010). *A Safe Haven. Harry Truman and the Founding of Israel*. N. Y., Harper Perennial. 464 p.

Rumiantsev, V. P. (2007). D. Eizenkhauer i reshenie ob otpravke amerikanskikh voisk v Livan v 1958 g. [Dwight Eisenhower and the Decision to Send American Troops to Lebanon in 1958]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 305, pp. 88–92.

Shapira, A. (1996). Silver and Ben-Gurion: Two Types of Leadership. In *Journal of Israeli History*. Vol. 17, No. 1, pp. 33–44.

Sidorova, E. A. (2012). Osobennosti evreiskoi diaspory v SShA [Features of the Jewish Diaspora in the United States]. In *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. No. 10, pp. 69–78.

Shlaim, A. (1997). The Protocol of Sevres, 1956: Anatomy of a War Plot. In *International Affairs*. Vol. 37, No. 3, pp. 509–530.

Shlaim, A. (2001). *The Iron Wall. Israel and Arab World*. L., Penguin Books LTD. 704 p.

Shterenshis, M. (2003). *Istoriia gosudarstva Izrail'*. 1896–2002 [History of the State of Israel. 1896–2002]. Gertsliia, IsraDon. 832 p.

The New York Times. November 11, 1907.

Tivnan, E. (1987). *The Lobby. Jewish Political Power and American Foreign Policy*. N. Y., Simon & Schuster. 304 p.

Veitsenfel'd, A. (2005). Otets teleradioveshchaniia [Father of Broadcasting]. In *Zvukorezhisser*. No. 7, pp. 74–78.

Urofsky, M. (1978). *We Are One! American Jewry and Israel*. N. Y., Anchor Press. 536 p.

The article was submitted on 1.04.2021

**«СУММА ВСЕХ РЕСУРСОВ СТРАНЫ»:
СПЕЦИФИКА ИЗРАИЛЬСКОГО ПОДХОДА
К ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ
КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта Государства Израиль в формировании комплексной системы обеспечения национальной кибербезопасности. Авторами рассмотрены ключевые принципы, на которых базируется израильский подход к обеспечению цифровой защиты страны, проанализированы базовые документы, формирующие концептуальную основу израильской политики безопасности в цифровом пространстве. В их числе декларация Д. Бен-Гуриона 1953 г., Национальная стратегия кибербезопасности 2017 г., концепция «кумулятивного сдерживания» и т. д. Раскрыта специфика институциональной структуры национальной кибербезопасности, государственно-частного партнерства и международного сотрудничества как ее базовых элементов. Авторы приходят к выводу, что за последние два десятилетия Израилу удалось разработать комплексный подход к обеспечению безопасности в цифровом пространстве, в рамках которого выстраивается многоуровневая и относительно гибкая система киберзащиты Государства. Отмечается также, что, несмотря на наличие условного «водораздела» между гражданскими и военными сегментами кибербезопасности, а также определенные межведомственные разногласия, ключевые акторы демонстрируют готовность к конструктивному взаимодействию для укрепления национальной устойчивости к угрозам и вызовам цифровой эпохи. Авторы подчеркивают, что сфера кибербезопасности постепенно превращается в ключевой потенциал развития национальной экономики, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать в краткосрочной перспективе возможность превращения Израиля в мировой центр высоких технологий и безопасной цифровой среды.

Ключевые слова: Израиль, кибербезопасность, киберугрозы, государственно-частное партнерство, международное сотрудничество

Gulnara N. Valiakhmetova, Leonid V. Tsukanov

**“THE SUM OF ALL THE COUNTRY’S RESOURCES”:
THE SPECIFICS OF THE ISRAELI APPROACH
TO ENSURING NATIONAL CYBERSECURITY**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Israeli experience in the field of the formation of an integrated system for ensuring national cybersecurity. The authors considered the key principles on which the Israeli approach to ensuring the digital protection of the country is based, analyzed the basic documents that form the conceptual basis of the Israeli security policy in the digital space. Among them are Ben-Gurion’s 1953 declaration, the National Cybersecurity Strategy 2017, the concept of “cumulative deterrence”, etc. The specifics of the institutional structure of national cybersecurity, public-private partnership and international cooperation as its basic elements are disclosed. The authors conclude that over the past two decades, Israel has managed to develop an integrated approach to ensuring security in the digital space, within which a multi-level and relatively flexible system of cyber defense of the State is being built. It is also noted that, despite the existence of a conditional “watershed” between the civilian and military segments of cybersecurity, as well as certain interdepartmental dif-

ferences, key actors demonstrate a readiness for constructive interaction to strengthen national resilience to threats and challenges of the digital age. The authors emphasize that the sphere of cybersecurity is gradually turning into a key potential for the development of the national economy, which, in turn, makes it possible to predict in the short term the possibility of turning Israel into a world center of high technologies and a safe digital environment.

Keywords: Israel, cybersecurity, cyberthreats, public-private partnerships, international cooperation

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался формированием новой – цифровой – реальности, которая, наряду с очевидным улучшением качества жизни человечества, существенно сузила пространство безопасности. Комплекс качественно новых угроз и вызовов поставил в международную повестку вопрос об объединении усилий всех субъектов мировой политики и международных отношений в деле обеспечения надежной защиты глобальной цифровой среды. Однако сложность и противоречивость данного процесса, обусловленная в значительной степени геополитической спецификой постбиполярной эпохи, побуждает государства к выработке собственных подходов и практик защиты национального цифрового пространства. Особый академический и практический интерес представляет уникальный опыт Израиля, который стал предметом многочисленных исследований и дискуссий в научных сообществах США, стран Европы и Азии, однако относительно слабо представлен в российских научных публикациях. Данная статья в определенной степени позволяет восполнить указанный пробел.

Национальная стратегия кибербезопасности Израиля была опубликована в 2017 г. [Prime Minister Office] и стала вторым официальным документом по национальной безопасности после декларации Д. Бен-Гуриона 1953 г. о стратегических принципах. В этом лаконичном документе предпринимается попытка упорядочить ландшафт кибербезопасности страны в контексте корректировки либо пересмотра задач и приоритетов цифровой защиты страны, а также ее институциональных и правовых основ, которые были разработаны в предыдущие два десятилетия. Основные положения Стратегии касаются обеспечения исключительно гражданского сегмента кибербезопасности, который дополняется военной киберобороной, но не попадает под регулирование Стратегии. Четкое разделение национального пространства на гражданское и военное с точки зрения концепций, институтов, функционала и т. п. является одним из ключевых отличий израильского подхода к обеспечению кибербезопасности.

Согласно Стратегии, гражданская деятельность в сфере кибербезопасности базируется на трех принципах: совокупная прочность, системная устойчивость и национальная оборона. Реализация первого принципа возлагается на частный сектор, который должен обеспечить предприятия и организации технологическими возможностями своевременного обнаружения и парирования киберугроз. В данном сегменте государство поддерживает частный сектор путем установления обязательных стандартов для основных киберпродуктов и услуг, разработки четких инструкций по алгоритму действий в случае чрезвычайных ситуаций, предоставления передовых знаний и опыта для гарантированного преодоления киберугроз. Принцип «системной устойчивости» предполагает способность циф-

ровых систем к быстрому восстановлению после повреждения и реализуется в рамках межведомственного взаимодействия, государственно-частного партнерства и международного сотрудничества. Гражданская «национальная оборона» нацелена на смягчение наиболее серьезных угроз национальной безопасности и обеспечивается исключительно спецслужбами и правоохранительными органами, которые, в свою очередь, взаимодействуют с военными структурами. В случае войны или возникновения чрезвычайных ситуаций Стратегия предусматривает передачу полномочий по регулированию и защите национального цифрового пространства армии в лице Сил обороны Израиля (ЦАХАЛ) [Prime Minister Office].

Стратегия реализуется в рамках различных проектов, в том числе «Высокий замок», «Хрустальный шар», «Витрина», «Кибернет+» и т. д. Все они направлены на решение актуальных проблем цифровой защиты страны и повышение способности Израиля выявлять и предотвращать кибератаки, облегчать обмен информацией между различными участниками системы кибербезопасности [Israel's National Cybersecurity, p. 11–12].

В институциональном плане последнее десятилетие ознаменовалось процессом централизации управленческой структуры гражданского сегмента кибербезопасности страны. С 2018 г. ее ядром является Национальное управление кибербезопасности (*Israel National Cyber Directorate, INCD*), которое сформировалось в результате слияния Национального штаба кибербезопасности (*National Cyber Security Authority, NCSA*), призванного решать оперативные задачи [Even; Matania], и Национального бюро кибербезопасности (*Israel National Cyber Bureau, INCB*), ориентированного преимущественно на политику. *INCD* напрямую подчиняется премьер-министру. Такую подчиненность имеют только три ведомства: Шин Бет (Израильское агентство безопасности, или Шабак), Моссад и Комитет по атомной энергетике, что свидетельствует о значимости зоны ответственности *INCD* общей системе национальной безопасности Израиля. В задачи *INCD* входит разработка и реализация стратегии национальной кибербезопасности, содействие государственно-частному партнерству и международному сотрудничеству в сфере цифровой защиты, определение нормативно-правовых основ деятельности в цифровом пространстве, создание кадрового и инновационного потенциала, координация взаимодействия различных участников киберполитики Израиля [Prime Minister Office]. В 2019 г. бюджет *INCD* составил 64 млн долларов, вдвое превысив показатель предшествующего года [Israel's National Cybersecurity, p. 15].

Ряд гражданских задач кибербезопасности остается вне компетенции *INCD* и относится к зоне ответственности полиции, министерства юстиции и разведслужб (Шин Бет, Моссад и др.). Указанные ведомства зачастую придерживаются иных приоритетных задач и операционных подходов, что приводит к трениям с *INCD*. Так, например, Агентство Шин Бет, которое в течение долгого времени (с 2002 г. до 2012 г., когда был создан *NCSA*) несло ответственность за защиту цифрового пространства на национальном уровне, своим главным приоритетом считает обеспечение безопасности объектов критической инфраструктуры, а не всего гражданского киберпространства. Кроме того, фокусируясь на защите Израиля от внутренних угроз, в том числе с использованием новейших техно-

логий, Шин Бет часто рассматривает гражданские права (конфиденциальность и т. п.) как второстепенные вопросы.

Однако *INCD*, который в своей операционной деятельности в значительной степени вынужден опираться на технический опыт и информацию разведслужб и, соответственно, принимать в расчет их подходы, в рамках своего функционала также призван обеспечивать соблюдение законности и координировать усилия различных ведомств (в том числе внутренней, внешней и военной разведок) в контексте выполнения общенациональных задач [Ibid.].

Отсутствие механизмов надзора, системы сдержек и противовесов, четкой правовой базы деятельности учреждений, связанных с обеспечением кибербезопасности, ставит в общественно-политическую повестку Израиля вопрос о защите демократического процесса. Консолидация властных полномочий в канцелярии премьер-министра в совокупности с готовностью общества поступиться частью своих гражданских прав в обмен на безопасность объективно создает возможности для злоупотреблений политической и кибервластью, нарушений прав человека (например, сбор информации и наблюдение за политической оппозицией или израильянами исключительно арабского происхождения) [Ibid., p. 15–17]. На уровне общественных дискуссий в Израиле вынесены, кроме того, такие вопросы, как способность компетентных органов устранить риски иностранного вмешательства в избирательные кампании [СМИ: могут ли кибератаки сорвать выборы; Unna, p. 172–173; *איך מדינה זרה תתערב בבחירות*], обоснованность увеличения расходов на безопасность, в том числе цифровую [Israel's National Cybersecurity, p. 15; *תקציב הביטחון יגדל בעוד 1.3 מיליארד שקל*], а также в целом эффективность действующей институциональной структуры цифровой защиты страны.

Военные аспекты национальной кибербезопасности находятся в ведении ЦАХАЛа и реализуются двумя его главными организациями – Управлением С4И (отвечает за работу современных средств связи в армии, обеспечивает взаимодействие между разными родами войск, а также устанавливает различные режимы доступа к разным пластам информации и осуществляет постоянный мониторинг с целью предотвращения попыток несанкционированного доступа в системы внутриармейского интранета как из Израиля, так и из иностранных государств), и Подразделением 8200 (аналог американского Агентства национальной безопасности, АНБ), которое разрабатывает и проводит наступательные кибероперации. Национальная стратегия киберобороны не представлена в едином официальном документе, но в целом базируется на принципах Д. Бен-Гуриона 1953 г. : сдерживание, решающая победа, раннее предупреждение и альянсы. Оборонительные и наступательные возможности ЦАХАЛа также упомянуты в гражданской Национальной стратегии кибербезопасности 2017 г. и доктрине общественной обороны Г. Эйзенкота 2015 г., которая признает цифровое пространство пятым (после суши, моря, воздуха и космоса) театром военных действий. Другой отличительной особенностью военного сегмента киберзащиты Израиля является конкретная идентификация субъектов угроз, к каковым отнесены Иран, Ливан, Сирия, а также ряд группировок – Хезболла, ХАМАС, ИГИЛ (запрещена в РФ), Палестинский исламский джихад (запрещена в РФ) и т. д. [Eizenkot, p. 4].

В 2012 г. в рамках реализации принципа раннего предупреждения министерство обороны Израиля приступило к разработке проекта «Железный киберкупол». «Каждый день предпринимается большое количество попыток проникнуть в компьютерные системы Израиля, – заявил Б. Нетаньяху, анонсируя проект. – Так же, как у нас есть “Железный купол” для защиты от ракет и террористических ударов, у нас будет аналогичная защита от кибератак» [Netanyahu]. 2012 г. был беспрецедентным по количеству кибератак, жертвами которых в том числе стали авиакомпания *El Al*, Тель-Авивская фондовая биржа, банк *HaPoalim*, а также тысячи израильтян, чьи данные кредитных карт были украдены и размещены в открытом доступе предположительно саудовскими хакерами. О целесообразности и своевременности запуска программы свидетельствует, например, тот факт, что только за первые 4 дня с начала проведения израильской военной операции «Облачный столп» в Секторе Газа в ноябре 2012 г. было совершено 44 млн кибернападений на 700 сайтов правительственных учреждений в рамках твиттер-шторма #OpIsrael, инициированного пропалестинским крылом хакерской группировки *Anonymous* [Israel faces 44 million attacks].

ЦАХАЛ также придерживается концепции «кумулятивного сдерживания», которая в том числе предусматривает нанесение ответного удара после пресечения кибератаки [Hochberg L.; Israel’s National Cybersecurity, p. 12]. Наглядными примерами «зеркального» ответа могут служить обвал сайтов фондовых бирж в Саудовской Аравии и ОАЭ после указанных выше нападений 2012 г. [Гельман], а также масштабный по своим разрушительным последствиям киберудар по компьютерным сетям порта Шахид Раджаи (г. Бендер-Аббас) в мае 2020 г. после попытки предположительно иранских хакеров атаковать систему распределения воды в Израиле [Израиль нанес ответный киберудар; Israeli cyber chief]. Израильская армия, кроме того, создала прецедент, когда в мае 2019 г. в ответ на кибератаку нанесла реальный бомбовый удар по кибер-штабу ХАМАС в Газе [Groll].

Военные киберальянсы не упоминаются в общедоступных документах, но эксперты предполагают наличие сотрудничества между израильским Подразделением 8200 и американским АНБ, в рамках которого были разработаны первые в мире образцы кибервооружений – вирусные программы *Stuxnet* и *Duqu*, по своей разрушительной мощи сравнимые со стратегическими наступательными вооружениями. Подразделением 8200, также известное как Центральное подразделение сбора данных разведывательного корпуса, подчиняется Управлению военной разведки (АМАН) и сотрудничает с Моссадом и Шин Бет – разведслужбами, не входящими в состав Сил обороны Израиля. Информация, собираемая Подразделением 8200, используется в своей работе всеми израильскими спецслужбами, в т. ч. Службой внешней разведки «Моссад» и Общей службой безопасности Шабак.

После обнаружения в 2012 г. в компьютерных сетях ряда ближневосточных стран вируса *Flame*, представляющего собой высокоточную систему кибершпионажа, ЦАХАЛ признал, что Подразделение 8200 проводит наступательные кибероперации, которые, по мнению экспертов, нацелены на саботаж промышленных объектов, шпионаж и поддержку традиционных вооруженных сил [Israel’s National Cybersecurity, p. 15–16].

Специфика израильской стратегии обеспечения национальной цифровой безопасности определяется, помимо выше рассмотренных факторов, активной поддержкой частного бизнеса государством и нацеленностью на укрепление лидерства страны в глобальном киберпространстве, в том числе в технологических, организационных и коммерческих аспектах. «Кибербезопасность растет благодаря сотрудничеству, а кибербезопасность как бизнес огромна, – подчеркивал премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху. – Мы потратили огромные средства на нашу военную разведку, а также на Моссад и Шин Бет. Огромная часть этого <...> уходит на кибербезопасность. Мы думаем, что бесконечные поиски безопасности открывают огромные возможности для бизнеса» [цит. по: Ibid., p. 12–13]. В Израиле планомерно создавалась уникальная киберэкосистема, которая базируется на идее обеспечения высокой степени защиты и превосходства за счет инвестиций в человеческий капитал и IT-индустрию, а также сотрудничества правительства, военных ведомств, академических кругов, частных предприятий и иных организаций, имеющих отношение к цифровой среде [Unna, p. 170–171].

Первое партнерство правительства и научных сообществ Израиля осуществлялось в рамках учреждения при поддержке *INCD* Семинара по вопросам науки, технологии и безопасности Юваля Неэмана (2002) и Междисциплинарного центра кибер-исследований им. Блаватника (2014), которые в дальнейшем трансформировались в платформы для неформального обмена знаниями и опытом между представителями частного, государственного, академического и военного секторов [Israel's National Cybersecurity, p. 18].

Весьма успешными проектами государственно-частного сотрудничества в области киберзащиты стали шесть академических исследовательских центров, созданных *INCD* в партнерстве с различными университетами и специализирующихся в разных областях. Показательным примером израильской экосистемы киберинноваций может служить *CyberSpark* в Беэр-Шеве, недалеко от Университета Бен-Гуриона. Там же *INCD* разместил национальный центр *CERT* (команда реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации), который работает в режиме 24/7, оказывая экстренную помощь любому гражданину или организации, ставшим жертвами кибератак. Вслед за правительством и военные ведомства в лице Управления С4И и Подразделения 8200 перенесли в инновационный парк свои важные структуры киберзащиты. Этот проект привлек также и частный капитал, причем не только израильский, но и транснациональный в лице компании *IBM, PayPal, Lockheed Martin, Oracle, Dell, Deutsche Telekom* и т. д. [CyberSpark].

Другую форму государственно-частного партнерства в сфере кибербезопасности демонстрирует пример консорциума израильских компаний *Israel Aerospace Industries (IAI), Check Point* и *El Al*, созданного по инициативе *INCD* с целью разработки и внедрения решений в области цифровой защиты гражданской авиации [Unna, p. 172]. Одним из индикаторов расширения сотрудничества государства, армии и частного сектора являются, кроме того, организационные изменения на крупнейших оборонных предприятиях Израиля (*IAI, Rafael Advanced Defense Systems, Elbit Systems, Israel Military Industries* и т. д.), где с 2013 г. создаются новые киберуправления, возглавляемые, как правило, бывшими офицерами

Подразделения 8200. «Задача оборонной промышленности – сохранить конкурентное преимущество Израиля во всех сферах, а также создать и поддерживать его независимость от иностранных поставщиков», – отмечает Эсти Пешин, основатель и руководитель кибердирекции в *IAI* [цит. по: *The Fifth Theater of Battle*]. «Мы стремимся предоставить армиям, странам и организациям комплексное решение для критически важной инфраструктуры, – говорит Л. Гроссман, глава киберотдела *Elbit Systems*. – Возможность создать интегрированную систему управления ресурсами в масштабе армии или государства является уникальной особенностью таких компаний, как *Elbit*» [цит. по: *Ibid.*].

Запуск проекта «Кибернет+» (*CyberNet+*) в январе 2020 г. значительно расширил возможности сотрудничества государства и армии с частным сектором, которое, помимо обеспечения киберзащиты, позволяет всем участникам получать важную информацию, коммерческую прибыль или иные «дивиденды». «Кибернет+» представляет собой социальную сеть кластерного типа с элементами нетворкинга, на платформе которой осуществляется безопасный и надежный обмен отчетами и информацией (в том числе анонимной) о кибератаках с целью выявления и киберугроз и противодействия им на ранних стадиях. По сути, «Кибернет+» является постоянно действующей экспертной площадкой, объединяющей около 10 тыс. специалистов – аналитиков, исследователей и менеджеров по информационной безопасности [*Israel launches cybersecurity*]. Сеть была создана *INCD* в сотрудничестве с лидерами израильской IT-индустрии, а также представителями местных и международных киберсообществ. Израильские эксперты по кибербезопасности дали высокую оценку этой не имеющей аналогов в мире разработке, назвав проект первым практическим шагом к реализации концепции цифрового «Железного купола» [*Dennis*].

Развитие государственно-частного партнерства способствовало превращению IT-индустрии в мощный сектор экономики Израиля, а самой страны – в международный центр высоких технологий и одного из мировых лидеров в сфере кибербезопасности. Сегодня Израиль располагает комплексной инфраструктурой цифровой защиты, которую формируют частные компании и венчурные фонды, инвестирующие именно в данную область, (например, *Jerusalem Venture Partners Cyber Labs*), а также стартапы и научно-исследовательские проекты, реализующие сотрудничество между высокотехнологическими предприятиями и академическими сообществами.

Значительные инвестиции в инновации и гражданский киберпотенциал, несмотря на проблемы развития экономики, является стратегическим выбором руководства страны. Занимая 31 место в мире по размеру ВВП на душу населения, Израиль расходует на оборону порядка 6–8 % ВВП, для НИОКР этот показатель составляет 4,5 % и в абсолютном выражении является одним из самых высоких в мире. В 2020 г. на долю 420 израильских IT-компаний приходится примерно 20 % мировых венчурных инвестиций (815 млн долларов), а объемы их экспорта составляют порядка 3,8 млрд долларов, или 8 % мирового рынка технологий, обеспечивающих защиту цифровой среды [*Israel's National Cybersecurity*, p. 8]. 42 израильские компании представлены в мировом рейтинге *Cyber Security Ventures* для 500 ведущих IT-компаний, где занимают второе место, пропуская вперед толь-

ко американских конкурентов [Unna, p. 171]. «Конечное качество любых национальных усилий в области кибербезопасности – это сумма всех ресурсов страны: человеческого капитала, знаний, идей и разработанных технологий, и мы работаем над развитием и расширением возможностей каждого из этих компонентов», – подчеркивает гендиректор *INCD* Игаль Унна [цит. по: Цаффрир].

Одним из ключевых элементов системы кибербезопасности является международное сотрудничество. Израиль довольно широко представлен в многосторонних форматах взаимодействия. Он подписал Конвенцию Совета Европы о киберпреступности; входил в состав пятой Группы правительственных экспертов ООН в области информации и телекоммуникаций; в рамках участия в Женевском диалоге по ответственному поведению в киберпространстве внес весомый вклад в разработку соответствующих международно-правовых норм [Israel's National Cybersecurity, p. 8]. Кроме того, Израиль работает в сотрудничестве с более чем 70 киберцентрами экстренной помощи (*CERT*) по всему миру, является участником многочисленных международных форумов, партнером по оказанию цифрового содействия государствам в рамках специализированных программ Всемирного банка, Банка развития Латинской Америки и др. «Чем больше у Израиля связей, тем легче, лучше и эффективнее станет работа по защите и сдерживанию», – считает Игаль Унна [Unna, p. 171].

В сфере кибербезопасности Израиль сотрудничает с целым рядом иностранных государств, а также международных организаций и транснациональных корпораций. Наиболее прочные связи страна установила с военными и киберразведывательными ведомствами США, в первую очередь с АНБ. Израиль первым из государств мира присоединился к курируемой Министерством обороны США программе *Automated Indicator Sharing*, позволяющей государствам оперативно обмениваться информацией о киберугрозах. Основные принципы израильско-американского партнерства в сфере кибербезопасности изложены в Меморандуме о взаимопонимании 2008 г. и Декларации о цифровой защите 2016 г. [Israel's National Cybersecurity, p. 5, 18].

Несмотря на весьма ограниченный объем информации относительно взаимодействия израильских спецслужб с зарубежными коллегами, все же представляется возможным сделать вывод об их значительном вкладе в обеспечение безопасной цифровой среды по всему миру. Так, например, в 2013 г. Даниэль Коэн-Ор, профессор Тель-Авивского университета и один из ведущих израильских IT-экспертов, был удостоен Ордена Дружбы – высшей награды Китайской Народной Республики для иностранцев [Prof. Daniel Cohen-Or]. Как известно, на мировой арене Израиль с большим отрывом лидирует в области использования новейших ИКТ в противодействии террористическим угрозам, прежде всего со стороны так называемых «волков-одиночек». Прокатившаяся по Европе в 2015–2016 гг. волна терактов побудила Великобританию, ряд стран Евросоюза и Европол активизировать усилия по обмену опытом с израильскими киберподразделениями [Карасова, с. 16]. В 2017 г., после предотвращения израильскими спецслужбами крупного теракта на эмиратском авиалайнере, совершавшем рейс из Сиднея в Абу-Даби, правительство Австралии подписало с Израилем Меморандум о взаимопонима-

нии и сотрудничестве в сфере кибербезопасности [PM signs cyber security MoU]. «Наша система кибербезопасности предотвратила 50 террористических атак по всему миру», – заявил Б. Нетаньяху на открытии VIII международной конференции *CyberTech* в Тель-Авиве в 2019 г. [цит. по: Гельман].

На совместное противодействие терроризму, в том числе с применением качественно новых информационно-аналитических технологий и сервисов, нацелено межведомственное соглашение, подписанное финансовыми разведками Израиля и России 30 июня 2005 г. [Росфинмониторинг]. Взаимодействие двух стран, однако, время от времени осложняется императивами «высокой» политики. Так, в 2018 г. в американский санкционный список попал ряд российских IT-компаний, а также две израильские (*Embedi* и *Erpscan*, в последней также представлен чешский и голландский капитал), которые, по информации Министерства финансов США, сотрудничали с российской консалтинговой компанией *Digital Security* [Гельман].

В последнее десятилетие важными форматами международного взаимодействия Израиля в цифровой области также стали ежегодные профильные конференции (*Cybertech*, *Cyber Week* и т. д.), на которых собираются лидеры израильской и мировой IT-индустрии из более чем 80 стран для обсуждения актуальных проблем кибербезопасности. Еще одна цель подобных форумов, которые проводятся при финансовой поддержке *INCD* и МИД Израиля, – развитие киберкультуры и повышение осведомленности израильской общественности в вопросах защиты от киберугроз. Реализация указанной цели осуществляется, кроме того, в рамках государственно-частного партнерства и развития специализированных образовательных программ.

С 2011 г. *INCB*, а затем его преемник *INCD* совместно с ЦАХАЛ и Министерством образования последовательно и поэтапно разрабатывало и запускало систему цифрового образования и просвещения, уделяя особое внимание молодому поколению израильтян. В школьные образовательные стандарты, начиная с 4 класса, включено программирование, а ученики старшей школы, проявившие способности к изучению точных наук, имеют возможность освоить технологии шифрования и методы противодействия хакерским атакам [Гельман]. Значительная работа по выявлению и обучению талантливой молодежи 16–18 лет проводится, кроме того, в рамках внешкольных образовательных курсов – *Magshimim Le'umit* и *Nitzanei Magshimim*, 75 % их выпускников в дальнейшем служат в кибер- и разведывательных подразделениях ЦАХАЛа), а также программы *Gvahim*, которая готовит учащихся к вступительным экзаменам в университеты по кибербезопасности, информатике и математике [Israel starts training teenagers; Kfir].

Подготовка военнослужащих для киберподразделений осуществляется и финансируется военным ведомством и предусматривает две траектории. Первая позволяет получить высшее инженерное образование при условии увеличения до 5 лет сроков последующей обязательной службы в ЦАХАЛ. Вторая программа (*Talpiot*) проводится Управлением оборонных исследований и разработок и нацелена на элитную киберподготовку одаренных выпускников школ в течение 40 месяцев. По окончании службы в армии такие специалисты, как правило, успешно находят работу в частных IT-компаниях, где продолжают совершенствовать свои

профессиональные навыки, оставаясь резервистами ЦАХАЛ до 40–50 лет [Israel's National Cybersecurity, p. 16, 18].

Таким образом, Израиль разработал комплексный подход к обеспечению кибербезопасности, в рамках которого выстраивается многоуровневая система цифровой защиты страны. Руководство страны продемонстрировало политическую волю и приложило значительные усилия для централизации управления и координации действий всех субъектов цифровой безопасности – правительственных ведомств, военных и разведывательных структур, частных компаний и иных заинтересованных сторон. Все они, несмотря на институциональное разделение военной и гражданской кибербезопасности, а также определенные межведомственные разногласия, демонстрируют готовность к конструктивному взаимодействию для укрепления национальной устойчивости к угрозам и вызовам цифровой эпохи. Кроме того, сфера кибербезопасности, аккумулировав усилия государства и общества, трансформировалась в ключевой потенциал для развития человеческого капитала и инновационно-ориентированной экономики, а также для превращения Израиля в мировой центр высоких технологий и безопасной цифровой среды.

Список литературы

Гельман З. Кибербезопасность по-израильски // Независимое военное обозрение. 27.09.2019. URL: https://nvo.ng.ru/armament/2019-09-27/1_1063_israel.html (дата обращения: 10.02.2021).

Израиль нанес ответный киберудар по иранскому морскому порту // EurasiaDaily. 19.05.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/05/19/wp-izrail-nanyos-otvetnyy-kiberudar-po-iranskomu-morskomu-portu> (дата обращения: 10.02.2021).

Карасова Т. А., Маген Ц., Швейцер Й. Угрозы глобализации ближневосточного терроризма: взгляд из России и Израиля. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, октябрь 2016. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14052/> (дата обращения: 12.02.2021).

Росфинмониторинг. Межведомственные соглашения. URL: <http://www.fedsfm.ru/activity/bilateral-interagency-agreements> (дата обращения: 10.03.2021).

СМИ: могут ли кибератаки сорвать выборы в Израиле // Cursor Info. 18.03.2021. URL: <https://cursorinfo.co.il/israel-news/smi-mogut-li-kiberataki-sorvat-vyborgy-v-izraile/> (дата обращения: 20.03.2021).

Цафрир Дж. Три направления деятельности израильского Кибер-директората: Интервью с Игалем Унна // Посольство Израиля в Беларуси. 8.02.2018. URL: https://embassies.gov.il/minsk/NewsAndEvents/Pages/Cyber_directorate.aspx (дата обращения: 15.03.2021).

CyberSpark [website], URL: <http://cyberspark.org.il/> (mode of access: 20.03.2021)

Dennis G. Cybernet: A New Israeli Cybersecurity Social Network // VNP Overview. 20.01.2020. URL: <https://vpnoverview.com/news/cybernet-a-new-israeli-cybersecurity-social-network/> (mode of access: 20.03.2021).

Eizenkot G. Deterring Terror. How Israel Confronts the Next Generation of Threats. English Translation of the Official Strategy of the Israel Defense Forces. Belfer Center Special Report. 2016. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/IDF%20doctrine%20translation%20-%20web%20final2.pdf> (mode of access: 01.03.2021).

Even S., Siman-Tov D., Siboni G. Structuring Israel's Cyber Defense // INSS. 21.09.2016. URL: <https://www.inss.org.il/publication/structuring-israels-cyber-defense/> (mode of access: 20.03.2021).

Groll E. The Future Is Here, and It Features Hackers Getting Bombed // Foreign Policy. 6.05.2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/05/06/the-future-is-here-and-it-features-hackers-getting-bombed/> (mode of access: 12.03.2021).

Hochberg L., Campbell E. The Potential Cyber Consequences of Israeli Annexation of Palestinian Territory // Middle East Institute. 20.07.2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/potential-cyber->

consequences-israeli-annexation-palestinian-territory (mode of access: 10.03.2021).

Israel Faces 44 Million Attacks on Websites In Response to Gaza Offensive // Russia Today. 18.11.2012. URL: <https://www.rt.com/news/israel-cyber-hackers-gaza-000/> (mode of access: 20.03.2021).

Israel Launches Cybersecurity Social Network 'Cybernet' // Express Computer. 20.01.2020. URL: <https://www.expresscomputer.in/security/israel-launches-cybersecurity-social-network-cybernet/45575/> (mode of access: 20.03.2021).

Israel Starts Training Teenagers to Create 'Digital Iron Dome' // The Verge. 02.01.2013. URL: <https://www.theverge.com/2013/1/2/3827008/israel-educates-teenagers-in-cyberwarfare-to-create-digital-iron-dome> (mode of access: 20.03.2021).

Israel's National Cybersecurity and Cyberdefense Posture: Policy and Organizations. Cyberdefense Report. Zürich: Center for Security Studies, September 2020. URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/Cyber-Reports-2020-09-Israel> (mode of access: 10.02.2021).

Israeli Cyber Chief: Major Attack On Water Systems Thwarted // Associated Press. 28.05.2020. URL: <https://apnews.com/article/63c081ec091f4c1e3f438ee35243efe0> (mode of access: 20.03.2021).

Kfir I. Learning From Israel's Cyber Playbook // Asia & the Pacific Policy Society, 5.11.2018. URL: <https://www.policyforum.net/learning-israels-cyber-playbook/> (mode of access: 20.03.2021).

Matania E., Yoffe L., Goldstein T. Structuring the National Cyber Defence: In Evolution Towards a Central Cyber Authority // Journal of Cyber Policy. 2017. № 1. Pp. 19–25.

Netanyahu: Israel under Cyber Attack from Iran // Xinhua. 15.10.2012. URL: http://www.china.org.cn/world/2012-10/15/content_26790689.htm (mode of access: 20.03.2021).

PM Signs Cyber Security MoU with Israel // Australia Defence Magazine. 01.11.2017. URL: <https://www.australiandefence.com.au/defence/cyber-space/pm-signs-cyber-security-mou-with-israel> (mode of access: 10.02.2021).

Prime Minister Office. Israel National Cyber Security Strategy in Brief. September 2017. URL: https://cyber.haifa.ac.il/images/pdf/cyber_english_A5_final.pdf (mode of access: 10.03.2021).

Prof. Daniel Cohen-Or [website]. URL: <https://www.cs.tau.ac.il/~dcor/> (mode of access: 20.03.2021).

The Fifth Theater of Battle: Cyberwar // Haaretz. 14.01.2014. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/business/.premium-the-5th-theater-of-battle-cyberwar-1.5311115> (mode of access: 20.03.2021).

Unna Y. National Cyber Security in Israel // Cyber, Intelligence, and Security. Vol. 3. No. 1, May 2019. Pp. 167–173.

?מדינה זרה תתערב בבחירות? (Эйх медина зара титарев бе'бхирот?) [Как иностранное государство вмешается в выборы?] // Israel Hayom. 27.07.2019. URL: <https://www.israelhayom.co.il/article/623223> (mode of access: 18/02.2021).

שקל מיליארד 1.3 בעוד גדל תקציב הביטחון יגדל בעוד 1.3 מיליארד שקל (Тактив ха'битахон йигдаль беод 1,3 миллиард шеккель) [Военный бюджет увеличится еще на 1,3 млрд шекелей] // Calcalist. 26.11.2018. URL: <https://www.calcalist.co.il/local/articles/0,7340,L3750608,00.html> (mode of access: 18.02.2021).

References

CyberSpark [website]. URL: <http://cyberspark.org.il/> (mode of access: 20.03.2021)

Dennis, G. (2020). Cybernet: A New Israeli Cybersecurity Social Network. In *VNP Overview*. 20.01.2020. URL: <https://vpnoverview.com/news/cybernet-a-new-israeli-cybersecurity-social-network/> (mode of access: 20.03.2021).

?מדינה זרה תתערב בבחירות? (Eih medina zara titarev be'bhirot?) [How Will a Foreign State Interfere in the Elections?]. In *Israel Hayom*. 27.07.2019. URL: <https://www.israelhayom.co.il/article/623223> (mode of access: 18.02.2021).

Eizenkot, G. (2016). *Deterring Terror. How Israel Confronts the Next Generation of Threats*. English Translation of the Official Strategy of the Israel Defense Forces. Belfer Center Special Report. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/IDF%20doctrine%20translation%20-%20web%20final2.pdf> (mode of access: 01.03.2021).

Even, S., Siman-Tov, D., Siboni, G. (2016). Structuring Israel's Cyber Defense. In *INSS*. 21.09.2016. URL: <https://www.inss.org.il/publication/structuring-israels-cyber-defense/> (mode of access: 20.03.2021).

Gel'man, Z. (2019). Kiberbezopasnost' po-izrail'ski [Cybersecurity in israeli]. In *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 27.09.2019. URL: https://nvo.ng.ru/armament/2019-09-27/1_1063_israel.html (mode of access: 10.02.2021).

Groll, E. (2019). The Future Is Here, and It Features Hackers Getting Bombed. In *Foreign Policy*. 6.05.2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/05/06/the-future-is-here-and-it-features-hackers-getting->

bombed/ (mode of access: 12.03.2021).

Hochberg, L., Campbell, E. (2020). The Potential Cyber Consequences of Israeli Annexation of Palestinian Territory. In *Middle East Institute*. 20.07.2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/potential-cyber-consequences-israeli-annexation-palestinian-territory> (mode of access: 10.03.2021).

Israel Faces 44 Million Attacks on Websites In Response to Gaza Offensive. In *Russia Today*. 18.11.2012. URL: <https://www.rt.com/news/israel-cyber-hackers-gaza-000/> (mode of access: 20.03.2021).

Israel Launches Cybersecurity Social Network 'Cybernet'. In *Express Computer*. 20.01.2020. URL: <https://www.expresscomputer.in/security/israel-launches-cybersecurity-social-network-cybernet/45575/> (mode of access: 20.03.2021).

Israel Starts Training Teenagers to Create 'Digital Iron Dome'. In *The Verge*. 02.01.2013. URL: <https://www.theverge.com/2013/1/2/3827008/israel-educates-teenagers-in-cyberwarfare-to-create-digital-iron-dome> (mode of access: 20.03.2021).

Israel's National Cybersecurity and Cyberdefense Posture: Policy and Organizations. Cyberdefense Report. Zürich: Center for Security Studies, September 2020. URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/Cyber-Reports-2020-09-Israel> (mode of access: 10.02.2021).

Israeli Cyber Chief: Major Attack On Water Systems Thwarted. In *Associated Press*. 28.05.2020. URL: <https://apnews.com/article/63c081ec091f4c1e3f438ee35243efe0> (mode of access: 20.03.2021).

Izrail' nanes otvetnyi kiberudar po irankomu morskomu portu [Israel retaliates cyber attack on Iranian seaport]. In *Eurasia Daily*. 19.05.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/05/19/wp-izrail-nanyos-otvetnyy-kiberudar-po-irankomu-morskomu-portu> (mode of access: 10.02.2021).

Karasova, T. A., Magen, Ts., Shveitser, I. (2016). *Ugrozy globalizatsii blizhnvestochnogo terrorizma: vzgliad iz Rossii i Izrailia* [Threats of Globalization of Middle East Terrorism: A View from Russia and Israel]. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai". Moskva, oktiabr' 2016. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14052/> (mode of access: 12.02.2021).

Kfir, I. (2018). Learning From Israel's Cyber Playbook. In *Asia & the Pacific Policy Society*, 5.11.2018. URL: <https://www.policyforum.net/learning-israels-cyber-playbook/> (mode of access: 20.03.2021).

Matania, E., Yoffe, L., Goldstein, T. (2017). Structuring the National Cyber Defence: Evolution Towards a Central Cyber Authority. In *Journal of Cyber Policy*. 2017. No. 1, pp. 19–25.

Netanyahu: Israel under Cyber Attack from Iran. In *Xinhua*. 15.10.2012. URL: http://www.china.org.cn/world/2012-10/15/content_26790689.htm (mode of access: 20.03.2021).

PM Signs Cyber Security MoU with Israel. In *Australia Defence Magazine*. 01.11.2017. URL: <https://www.australiandefence.com.au/defence/cyber-space/pm-signs-cyber-security-mou-with-israel> (mode of access: 10.02.2021).

Prime Minister Office. *Israel National Cyber Security Strategy in Brief*. September 2017. URL: https://cyber.haifa.ac.il/images/pdf/cyber_english_A5_final.pdf (mode of access: 10.03.2021).

Prof. Daniel Cohen-Or [website]. URL: <https://www.cs.tau.ac.il/~dcor/> (mode of access: 20.03.2021).
Rosfinmonitoring. Mezhdvedomstvennye soglasheniia [Rosfinmonitoring. Interdepartmental agreements]. URL: <http://www.fedrfm.ru/activity/bilateral-interagency-agreements> (mode of access: 10.03.2021).

SMI: mogut li kiberataki sorvat' vybory v Izraile [Media: can cyberattacks disrupt Israeli elections]. In *Cursor Info*. 18.03.2021. URL: <https://cursorinfo.co.il/israel-news/smi-mogut-li-kiberataki-sorvat-vybory-v-izraile/> (mode of access: 20.03.2021).

The Fifth Theater of Battle: Cyberwar. In *Haaretz*. 14.01.2014. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/business/.premium-the-5th-theater-of-battle-cyberwar-1.5311115> (mode of access: 20.03.2021).

לשקל 1.3 מיליארד בעוד גדל הביטחון יגדל בעוד 1.3 מיליארד שקל [The Military Budget Will Increase by another 1.3 Billion Shekels]. In *Calcalist*. 26.11.2018. URL: <https://www.calcalist.co.il/local/articles/0,7340,L-3750608,00.html> (mode of access: 18.02.2021).

Tsafir, Dzh. (2018). Tri napravleniia deiatel'nosti izrail'skogo Kiber-direktorata: Interv'iu s Igalem Unna [Israel's Cyber Directorate's three activities: Interview with Yigal Unna]. In *Posol'stvo Izrailia v Belarusi*. 8.02.2018. URL: https://embassies.gov.il/minsk/NewsAndEvents/Pages/Cyber_directorate.aspx (data mode of access: 15.03.2021).

Unna, Y. (2019). National Cyber Security in Israel. In *Cyber, Intelligence, and Security*. Vol. 3. No. 1, pp. 167–173.

The article was submitted on 5.04.2021

МОДЕРНИСТСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АРАБСКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ: ИСТОКИ, ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация. Автор анализирует особенности развития модернистской эпистемологии истории в текстах современных арабских интеллектуалов в Европе. В статье анализируются основные положения арабской модернистской историографии, представленной европейскими арабскими авторами, сотрудничающими с газетой «Al-Araby Al-Jadeed» (Лондон). Предполагается, что модернистский модус исторического воображения стал одним из универсальных подходов современной историографии. Автор полагает, что модернизм в арабском историческом воображении относится к числу вторичных интеллектуальных явлений, возникших под европейским влиянием. Показано, что наследие западного колониализма в форме приобщения арабских авторов к европейскому образованию и их эмиграция в страны Европы, превратила их в сторонников западных историографических подходов, включая модернизм. Автор анализирует особенности генезиса модернизма в современной европейской арабской историографии, полагая, что различные историографические течения западной историографии, а также постколониальный анализ, стали основными стимулами для развития арабского модернизма. Автор полагает, что модернизм используется современными арабскими авторами в Европе для анализа процессов социальных и культурных трансформаций. Предполагается, что «Возрождение», «Просвещение», «Модерн», «Ориентализм», «Колониализм», «Идентичность», «Ислам» стали основными гранд-нарративами арабского историографического модернизма. Автор анализирует особенности восприятия национализма и нации-государства в арабской европейской модернистской интеллектуальной традиции. Рассмотрены особенности интеграции и ассимиляции модернистского подхода в современной арабской интеллектуальной традиции. Предполагается, что арабский европейский интеллектуальный модернизм является идеологически мотивированным подходом, а его представители вовлечены в политические дебаты арабских сообществ в Европе и обществ современных арабских государств. Автор считает, что модернистская методология в современной арабской историографии в ее европейской версии относительно нова, а также слишком радикальна и постколониальна и поэтому не может стать основной парадигмой развития исторической науки в арабском мире в целом.

Ключевые слова: современная европейская арабская интеллектуальная традиция, Al-Araby Al-Jadeed, методология, модернизм, арабские интеллектуалы в Европе, историографические «гранд-нарративы», национализм, постколониализм

Maksym W. Kyrchanoff

MODERNIST METHODOLOGY IN MODERN ARABIAN EUROPEAN INTELLECTUAL TRADITION: ORIGINS, FEATURES AND CONTRADICTIONS

Abstract. The author analyzes the features of the development of the modernist epistemology of history in the texts of modern Arab intellectuals in Europe. The article analyzes the main ideas of Arab modernist historiography, presented by European Arab authors who collaborate with “Al-Araby Al-Jadeed” newspaper (London, UK). It is assumed that the modernist modus of historical imagination has become one of the universal approaches of historiography. The author believes that modernism in the Arab historical imagination is one of the secondary intellectual phenomena

that arose under European influence. It is shown that the legacy of Western colonialism in the form Arab authors integration in European education and their emigration to European countries turned them into supporters of Western historiographical approaches, including modernism. The author analyzes the features of the genesis of modernism in modern European Arab historiography, believing that various historiographical trends of Western historiography, as well as postcolonial analysis became the main stimuli for the development of Arab modernism. The author believes that modernism is used by Arab European authors to analyze the processes of social and cultural transformations. It is assumed that “Renaissance”, “Enlightenment”, “Modern”, “Orientalism”, “Colonialism”, “Identity”, “Islam” became the main grand-narratives of Arab historiographical modernism. The author analyzes the peculiarities of the perception of nationalism and the nation-state in Arab European modernist intellectual tradition. The features of integration and assimilation of the modernist approach in Arab intellectual tradition are analyzed also. It is assumed that Arab European intellectual modernism became an ideologically motivated approach, and its representatives are involved in the political debates of Arab communities in Europe and societies of modern Arab states. In general, the author believes that the modernist methodology in Arab historiography in its European version is relatively new, as well as too radical and postcolonial, and therefore cannot become the main paradigm for the development of historical science in the Arabic world in general.

Keywords: modern European Arab intellectual tradition, Al-Araby Al-Jadeed, methodology, modernism, Arab intellectuals in Europe, historiographical “grand narratives”, nationalism, postcolonialism

Проблемы междисциплинарности гуманитарных исследований и вопросы языка науки, в том числе – и в востоковедении, в последние годы оказываются в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Неоднократно подобные вопросы поднимаются в рамках ежегодных конференций «История востоковедения: традиции и современность», проводимых Институтом востоковедения РАН. В рамках конференции 2020 года (16–17 декабря) подобной проблематике был посвящен круглый стол «Модернизм и ориентализм: категории восприятия на Западе и их преломление на Востоке», где в ходе дискуссии автору доклада «Модернизм как язык англо-американской арабистики» был задан вопрос о степени интеграции модернистского подхода в гуманитарные штудии в самих арабских странах. Отвечая на этот вопрос, докладчик ограничился примерами того, как ученые арабского происхождения, получившие образование в Европе и США, используют модернистские методы для изучения арабской проблематики, признав, вместе с тем, и актуальность анализа проникновения западных эпистемологических практик в неевропейские культурные контексты, и важность изучения конкретного опыта интеграции модернистского модуса в арабскую интеллектуальную среду.

В центре внимания настоящей статьи – проблемы восприятия модернизма и его производных исследовательских практик в текстах Аммара аль-Савада, Фади Амира, Фаделя Аль-Фадила, Элизабет Сюзан Кассаба, Муханны Аль-Хабиль, Шоки бин Хасаны, Ваэля Кандиля и других современных арабских интеллектуалов в Европе, вовлеченных в изучение процессов модернизации, развития национализма и идентичностей. Принимая во внимание обширность арабского мира и, как следствие, гетерогенность интеллектуальных сообществ в странах, где арабы составляют большинство населения, в этой статье автор ограничится анализом особенностей развития арабской интеллектуальной традиции на современном этапе в Европе. Поэтому, источниковый корпус представлен текстами, опубликованными

в периодическом издании «Al-Araby Al-Jadeed» («Новый араб»), позиционируемым как панарабский информационный ресурс, который издается в Лондоне компанией «Fadaat Media Ltd». Издание объединяет европейских авторов арабского происхождения, проживающих в Великобритании, Франции, Германии и других странах ЕС, которые, с одной стороны, продолжают развивать интеллектуальные традиции тех стран, из которых они прибыли в Европу, содействуя, с другой, развитию, росту и идейному обогащению гуманитарных исследований на Западе.

В целом, издание представляет интересы образованного арабского меньшинства в ЕС и имеет либеральный характер, что привело к закрытию ее представительств в Палестине и Ливане. Используемый источниковый корпус характеризуется попытками интеграции западного методологического инструментария, представленного модернистскими и конструктивистскими практиками, в арабский культурный дискурс. Именно поэтому задачи автора статьи предполагают изучение особенностей восприятия модернистского языка научного исследования в арабской среде, анализ особенностей развития модернизма в работах современных европейских интеллектуалов арабского происхождения и изучение проблем потенциального формирования оригинальных научных школ или вторичности модернистской методологии в арабских гуманитарных контекстах.

*Особенности модернистской интеллектуальной традиции
в текстах европейских арабских интеллектуалов*

Тематика публикаций «Al-Araby Al-Jadeed», в которых арабские интеллектуалы (Элизабет Сюзан Кассаба, Муханна Аль-Хабиль, Шоки бин Хасан, Ваэль Кандиль и др.) применяют модернистскую оптику изучения социальных и политических проблем, разнообразна только с формальной точки зрения: фактически она ограничена преимущественно проблемами модернизации, национализма как его производной, а также идентичностей и других культурных явлений, порожденных в рамках попыток элит трансплантировать западные институты в арабские контексты.

Комментируя особенности развития модернизма в гуманитарном знании стран, которые не относятся в культурном плане к пространству классического западного модернистского проекта, болгарский историк Н. Аретов подчеркивает, что ««в классическом случае модернизм возникает в современном обществе и связан с людьми, которые предлагают миру современные идеи, отразив их в своих работах... другими словами, модернизм – это не только совокупность текстов, он подразумевает определенный социальный и культурный контекст, определенное мировосприятие и существование традиции, которая должна быть отвергнута». Подобная редукция модерна до исключительно западного интеллектуального канона вовсе не исключает, что могут возникать и незападные формы модерна, поэтому «в некоторых нетипичных случаях современное общество может по различным каналам стимулировать некоторые (частично) современные идеи для мира представителей наций и этнических групп, где процесс модернизации далеко не завершен» [Аретов, с. 12]. К числу таких обществ может быть отнесен

и современный арабский мир, где, несмотря на наследие колониализма и местные противоречия модернизации политической и социально-экономической сфер, модернизм как форма эпистемологии гуманитарного знания смог получить определенное распространение.

Современные арабские интеллектуалы в Европе пришли к модернистской эпистемологии постепенно, пройдя через национализм и различные модусы правой и левой политической идеологии. В этой ситуации примечательно то, что и национализм, и его идеологические оппоненты (либерализм), и случайные попутчики (социализм) арабскими интеллектуалами были позаимствованы из культуры Запада. Модернизм в историографии современного арабского мира возник как следствие интеллектуального влияния западной, преимущественно англо-американской, историографии. При этом на своем пути к модернизму как языку исторического воображения с претензиями на универсальность арабские интеллектуалы не избежали влияния структурализма. Последний был основан на синтезе «лингвистики как дисциплины-образца и двух господствующих дисциплин – социологии и этнологии». Структурализм не избежал влияния со стороны «двух авторитетных доктрин – марксизма и психоанализа», а также нового историзма и критической парадигмы. Именно последняя позволила провести «резкую границу между научным и обыденным знанием, имплицитно основанной на антропологическом пессимизме». Генезис нового языка науки не обошелся без участия и интерпретационного поворота, позволившего историкам «не ограничивать себя ложной альтернативой между ориентированной на монокаузальную схему научностью и эстетизирующим отклонением от нее». В результате интеллектуалы пошли на «отказ от основанного на детерминистских посылах проекта тотальной истории», обратившись «к изучению отдельных объектов прошлого» [Досс, 2013, с. 11–13].

Среди наиболее острых вопросов, разделяющих арабские сообщества собственно арабских стран и Европы, оказывается понимание роли и предназначения интеллектуалов, а также – поиски идеального модуса их взаимоотношений с политическими элитами. С одной стороны, арабские авторы в ЕС, отвечая на этот вопрос, фактически трансплантируют в свои национальные культурные контексты теорию изобретения традиций, полагая, что в ряде стран региона сами интеллектуалы виновны в формировании культа признания власти как высшей ценности, так как несколько поколений представителей национальный интеллигенций своим сотрудничеством, молчанием или пассивностью легитимировали недемократические режимы. В этой ситуации европейские арабские авторы оперируют категориями культурного и перформативного поворота, но, с другой стороны, как и их европейские коллеги, используя принципы модернистского восприятия реальности, редуцируя ее социальные и политические измерения и проявления до конструкторов, они оказываются не в состоянии ответить на вопрос о собственном предназначении и, подобно западным коллегам, начинают генерировать смыслы интересные для их группы, но безразличные для общества в целом [Asyilat al-mathaqaq, 2021].

Арабские интеллектуалы, проживающие в ЕС и сотрудничающие с территориально европейскими СМИ, не только стремятся интегрировать модернистскую

модель эпистемологии, но и пытаются ассимилировать ее, что, например, относится к попыткам интегрировать в культурные контексты арабских стран достижения лингвистического поворота, что, правда, имеет отложенный на несколько десятилетий эффект. На современном этапе арабские интеллектуалы нередко предпочитают конструировать свой проект модерна как культуры и гуманитарной эпистемологии через деконструкцию западного модерна. В частности, Вазль Халлак полагает, что большая часть «проявлений кризиса, которые были созданы модернистским проектом, и его когнитивными системами, нуждаются в пересмотре, включая уничтожение окружающей среды, глобальный империализм, отрицающий человечность людей, создание фатальных политических образований, отравление источников пищи и воды, уничтожение биоресурсов, социальная дезинтеграция и усиление суверенного индивидуализма, нарциссизм и психические заболевания, связанные с эпидемическим ростом самоубийств» [Mahna al-Habil, 2020].

Фактически перечисляя известные претензии к современной модели гуманитарного знания, арабские интеллектуалы Европы на страницах «Al-Araby Al-Jadeed» говорят языком модерна, оказываясь конструкторами смыслов. Арабские авторы понимают, что их ревизия западной эпистемологии модернизма нуждается в собственной легитимации, но они не нашли другого варианта кроме апелляций к авторитету Э. В. Саида, полагая, что «моральный и научный бунт последнего против Западной Академии был одним из важнейших этапов современных философских критических исследований, которые документально подтвердили связь колониального проекта с ориентализмом» [Mahna al-Habil, 2020]. Несмотря на весь антиколониальный пафос современной арабской интеллектуальной традиции, она охотно применяет инструментарий модернизма, вероятно, признавая тем самым его доминирующие позиции в западной историографии.

Лингвистический поворот оказался концепцией, которую арабские интеллектуалы в эмиграции смогли интегрировать в свой собственный культурный код. Арабские интеллектуалы склонны конструировать свой образ как образ жертв языка, причем своего собственного. Шоки бин Хасан, например, полагает, что ведущие интеллектуалы целого ряда стран в XX веке были двуязычны, а арабский и французский имели одинаково важное значение для них. К концу XX столетия второй, по его мнению, был несколько подавлен английским, а сами арабские культурные элиты оказывались вторичными потребителями идей, предложенных арабскими же авторами на западных языках. В этом контексте, по его мнению, показательна судьба Мустафы Сафвана (1921–2020), крупнейшего египетского психоаналитика, который большую часть текстов написал и издал на французском языке. В этой ситуации, как полагает Шоки бин Хасан, примечательно то, что тексты египетского автора были изданы на европейских и японском языках и только в 2008 году начали появляться арабские издания [Shawqi bin Hasan 2020a]. Относительно Анвара Абдель-Малика (1924–2012), арабского интеллектуала и националиста, тот же Шоки бин Хасан конструирует ситуации фронтальности и транскультурности, полагая, что некоторые идеи формально арабских авторов фактически в отношении арабской культуры могут существовать только удаленно, хотя современные авторы и признают, что тексты Анвара Абдель-Малика пред-

ставляют собой «одно из редких интеллектуальных достижений арабов, в рамках которого сократился теоретический разрыв в знаниях между арабским вкладом и тем, что было достигнуто на Западе в области гуманитарных наук» [Shawqī bin Hasan 2020b], что не мешало и арабским, и европейским авторам игнорировать его тексты, так как для них они одинаково написаны в рамках другой культуры.

Гранд-нарративы арабской европейской модернистской историографии

Арабские европейские авторы, используя модернистскую риторику и оперируя категориями конструктивистской историографии, на страницах «Al-Araby Al-Jadeed» сами выстраивают представления о вторичности арабского культурного дискурса и его производности от западных стимулов. По мнению Фаделя аль-Фадила, перед арабскими интеллектуалами насущно стоит «дилемма своего языка» состоящая в том, что элиты и интеллектуалы думают на разных языках – языке производства смыслов и языке принятия и реализации политических решений. Фадель аль-Фадиль настаивает на том, что Арабский мир оказался не в состоянии в полной мере воспользоваться плодами модернизации и поэтому вместо нации-государства арабы получили множественные ситуации транскulturности и фронтального статуса собственных идентичностей.

С одной стороны, признается, что для классического арабского культурного кода характерна определенная культурная универсальность, но глобализация, с другой, вынудила арабский мир интегрироваться в глобальную экономику, что заставило Запад, склонный конструировать образы арабского Востока в категориях ориентализма, ассоциировать все арабское исключительно с исламом и терроризмом. В этой ситуации арабские европейские интеллектуалы ставят вопрос, об их репутации, которая оказалась заложником лингвистических ярлыков, сгенерированных не ими, но западными культурными фобиями [Fadil al-Fadil, 2014]. В этой ситуации арабский модернизм в гуманитарном дискурсе актуализируют свою особенность, от которой он смог избавиться на Западе: модернистская методология пока не в состоянии предложить целостную исследовательскую программу и неспособна стать парадигмой, ограничиваясь попыткой ревизии доминирующих идеологических канонов, что, впрочем, малоэффективно, так как не идет дальше предложения исследовательской повестки дня, редуцированной до политически мотивированных вопросов.

Арабские интеллектуалы Европы, которые консолидируются вокруг «Al-Araby Al-Jadeed», пытаются интегрировать концепты, порожденные западной интеллектуальной историей, включая «Возрождение», «Просвещение», «Модерн», «Ориентализм», «Колониализм», «Идентичность», «Ислам», но осмысливая их в своих национальных категориях, поэтому все эти концепты были интегрированы в гранд-нарратив модернизации, неизбежной оппозицией которой становится ислам.

Комментируя роль гранд-нарративов в развитии исторической науки, российский историк П. Уваров смог, вероятно, сформулировать одну из их универсальных характеристик, подчеркнув, что его «особенно веселят разговоры о “смерти больших нарративов истории”, таких как “нации” или “классы”. Насчет классов

не знаю, а вот нации вовсе не собираются сходить с подмостков историографической сцены, скорее, наоборот. Не говоря уже о государствах и конфессиях» [Кобрин, Уваров, 2007, с. 60]. Весь этот набор больших нарративов с учетом национальной специфики присутствует и в современной арабской модернистской историографии, причем арабские авторы не менее последовательны в конструировании подобного типа нарративов, включая те же «нации» и «конфессии», чем их западные вдохновители.

С другой стороны, все эти ценности стали привнесенными изобретенными традициями, о чем, в частности и пишет Аммар ас-Савад, указывающий, что «представления о свободе, либерализме, общественном договоре, гражданском правлении, авторитарной или конституционной монархии были вдохновлены такими мыслителями, как Гоббс, Локк, Руссо, Милль и Маркс» [Eammar al-Sawad, 2020], но, несмотря на это, арабские авторы все же настаивают на необходимости продвигать модернистский дискурс в арабских интеллектуальных контекстах [Kamal eabd al-Latif 2020a]. Категории, о которых выше шла речь, связаны преимущественно с Западом, принудительно импортировавший их в арабский мир, где они успели стать не только «большими нарративами», но и общими местами, при обсуждении которых арабские авторы фактически мало чем отличаются от своих западных коллег, так как используют тот же ограниченный набор типично конструктивистских форм конструирования прошлого, включая «историческую политику», «политику прошлого», «политику идентичности», «политику памяти», «культуру памяти», «культуру истории» и «историческое сознание» [Шеррер, 2009, с. 89], в которые «вписывается» арабский исторический исламский, колониальный, социальный и национальный опыт.

В этой ситуации неизбежно то, что европейские арабские авторы при помощи «Al-Araby Al-Jadeed» формируют образ Запада как универсального Другого, но делают это, пребывая в модернистском дискурсе, воображая и изобретая Запад как конструкт. Хилми аль-Асмар, например, перечисляет все реальные и символические претензии арабского мира Западу, но делает это языком модернизма, настаивая, что западный колониализм стал фактором искажения исторической памяти арабов об их первенстве в создании политических наций. По мнению Хилми аль-Асмара, первые нации возникли в условиях гетерогенности Востока, в то время как Запад «позаимствовал у Османской империи систему наций, которая была вдохновлена исламским законом и сохраняла идентичность каждого сообщества» [Hilmi al-Asmar, 2021]. При этом арабские авторы Европы не отрицают коннотации между модерном и колониализмом, полагая, что «современность пришла к нам на фоне колониального прилива... Опыт колонизированных был очень своеобразным, что затруднило позднее разведение намерений колониализма и оптимизма модерна, так как существовало представление о современности как освобождении... ранее колонизированного мира. Эта корреляция между опытом колониализма и модернизма является основой современности в различных культурах мира, которые изначально не породили свои версии модерна, включая современную арабскую культуру» [Nasir Al-Ribat, 2019], но и в этом признании вторичности и привнесенности модер-

на заметны все родовые травмы модернистской эпистемологии – представители фактически постколониальной культуры не в состоянии описать модерн как проект, они склонны быть частью модернистского дискурса, сами конструируя новые изобретенные историографические традиции.

Большие нарративы арабской историографии в ее условно «европеизированной» версии, представляемый «Al-Araby Al-Jadeed», вошли в число тех категорий исторической науки, которые российским историком Н. Копосовым определяются как «коллектив-сингуляры», то есть «индивидуальные собирательные имена» [Копосов, 2013, с. 80]. Если в случае с западной историографией такими собирательными именами стали «дворянство», «крестьянство» или «революция», то в арабском историческом воображении их место заняли категории «модерна», «ориентализма» или «колониализма». Арабские интеллектуалы также склонны описывать концепт идентичности в модернистской системе координат, полагая, что «современность внесла в легитимность человеческого общества то, что политическое по определению представляет собой набор верований и мифов, наиболее важным из которых является проблема идентичности – мифа о необходимости соответствия между государством и коллективной идентичностью его граждан» [Muhamad Hafiz Yaequb, 2020].

Модернистская традиция изучения социальных, политических и культурных процессов в арабском мире, представленная текстами, публикуемыми на страницах «Al-Araby Al-Jadeed», оказывается множественной: если одни авторы размышляют о противоречиях трансплантации модернистской эпистемологии в арабские контексты, то другие ставят более радикальные вопросы, включая «Если мы постмодернисты, то можем ли мы понять, как перешли от модерна к постмодерну» [Amani abu Rahma..., 2019]. При этом арабские авторы кажутся вполне искренними как в первом, так и во втором случае. С другой стороны, утверждения о том, что «встреча арабской культуры с современностью была неполным контактом, который еще не завершен, и именно в этом скрыта основная причина нашего регресса по сравнению с более ранней культурной традицией, ставшей фактически воображаемой категорией» [Nasir Rabat..., 2020] рискуют стать общими местами в современной арабской модернистской историографии.

Комментируя эту особенность академического языка современной арабской европейской модернистской историографии, Усама Абу Иршид полагает, что такая терминология в значительной степени является политически и идеологически «сфабрикованной» [Usamat abu Arshyd, 2020], а Ваэль Кандил указывает на то, что «никто не в состоянии конкурировать с арабскими элитами в деле использования терминов... складывается впечатление, что арабы добровольно и мирно сами заперли себя в холокосте терминов и классификаций, циркулирующих в течение почти целого века в условиях преобладания моделей множественной культуры, поглотившей арабский регион в форме колониальных определений и теорий, воспринятых некоторыми элитами почти как священные тексты» [Wayil Qandy], 2020]. В этом контексте некоторые современные европейские арабские авторы позиционируют себя как последовательные модернисты, так как они, подобно европейским авторам, принявшим модернистскую парадигму в историографии, конструируют раз-

личные версии «прошлого и традиции как культурного продукта настоящего неизбежно связанного с необходимостью подвергать сомнению связь между историей и мифом» [Иванова, 2015]. В такой историографической ситуации для некоторых арабских авторов мифом оказывается ислам [Mahna al-Habil 2021], воспринимаемый и позиционируемый ими среди «больших нарративов» арабского исторического воображения. Поэтому модернистская историография в ряде случаев воспринимает ислам в качестве конструкта, который описывается в соответствии с канонами конструктивистского восприятия прошлого и культуры.

*Модернизм в арабской историографии Европы:
противоречия интеграции и ассимиляции*

Комментируя особенности интеграции и ассимиляции модернистской эпистемологии арабскими интеллектуалами Европы, Мухаммед Хашас формулирует несколько системных характеристик сложившейся ситуации, полагая, что современные нации-государства, несмотря на то, что они являются современными образованиями, активно оперируют прошлым с целью собственной легитимации; интеллектуалы и элиты должны заключить новый общественный договор, отказавшись от крайностей культурного наследия прошлого; арабский мир представляет собой единственное культурное пространство, которое ставило под сомнение универсалии западной модели развития; все западные идеологические и политические дискурсы в социальных и культурных реалиях арабского мира вторичны, поэтому «ни националисты, ни марксисты, ни социалисты, ни исламисты, ни либералы не смогли подать яркий и успешный пример для подражания»; арабский мир имеет опыт развития в рамках культурного плюрализма от греческого наследия до ислама, хотя и первое, и второе стало элементами культурного наследия, не формируя актуальную повестку дня; Запад, превратившийся в «мир модерна без модернизации и современности без современности», утратил монополию на формирование идентичности как своих, так и чужих граждан [Muhamad Hashas, 2020].

Попытка формирования такого синтетического нарратива усилиями авторов «Al-Araby Al-Jadeed» актуализирует одновременно как кризисные черты, так и адаптивный потенциал модернистской историографии, которая развивается как попытка синтеза арабской и западной традиций. Комментируя общие закономерности функционирования исторического знания в современном обществе, российский историк М. Кром полагает, что рано или поздно «деконструкция базовых понятий, на которых строилась вся концепция истории и историографии», ставит историков «в очень непростое положение»: они, с одной стороны, «могут разрабатывать частные сюжеты, пользуясь языком источников для построения нарратива», но, с другой, им явно будет не хватать «понятийного аппарата для серьезных обобщений» [Кром, 2013, с. 110]. Симптомы кризиса историографического производства, сформулированные российским историком, заметны и в значительной части текстов современных арабских интеллектуалов, которые формируют модернистский дискурс: с одной стороны, частные сюжеты активно разрабатываются в отдельных национальных историографиях арабских стран, в то время

как интеллектуалы арабских сообществ Европы, с другой стороны, сталкиваются с трудностями концептуального свойства, что и вынуждает их конструировать канон арабской версии модернистской историографии через трансплантацию западных идей и деконструкцию собственного классического наследия.

Арабские европейские интеллектуалы, связанные с «Al-Araby Al-Jadeed», критикуя западные представления об исламе, пытаются их деконструировать из собственного культурного дискурса как постколониального, фактически подменяя их новыми конструктами ислама как образа своей собственной модернистской эпистемологии, применяемой, по сути, для такого же конструирования мира, что делают их западные коллеги, только в несколько иной системе координат. Попытки деконструкции ислама сторонниками современной модернистской арабской историографии можно интерпретировать как проявления ревизионизма в определении, предложенном в первой половине 2000-х годов американским историком Джэймсом Макферсоном, подчеркивавшим, что «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным, за счет лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой» [McPherson, 2003, p. 1]. Попытки имитировать деконструкцию ислама из культурного дискурса арабскими интеллектуалами содержательно и стилистически являются по своей сути модернистскими, так как ислам из самостоятельной категории редуцируется в элемент национальной идентичности, которые конструируются в полном соответствии с духом и буквой модернистской историографии национализма.

В подобной системе культурных координат арабские авторы Европы в своих текстах, издаваемых «Al-Araby Al-Jadeed», начинают описывать идентичность так же, как это делают их западные коллеги, воспринимая ее как воображаемую категорию, последовательно деконструируя роль исламского фактора, трансплантируя вместо нее концепт нации-государства как воображаемого сообщества. Поэтому арабские интеллектуалы в своих попытках интегрировать модернизм как модус описания политических и культурных процессов, отрицают противоположную идею об изначальном существовании арабов в качестве единой нации, настаивая, что арабы как нация является продуктом современности, а их идентичности – не более чем результаты усилий интеллектуальных элит в различных арабских государствах.

Современные арабские государства и нации нередко воспринимаются европейскими авторами арабского происхождения критически и отстраненно, определяясь ими как попытки реализовать потребности элит в «государствах» и «нациях» как инструментах для решения собственных задач [Dalal al-Bizri, 2020]. Именно это и предопределило их искусственность, сделав современное модернистское прочтение этих институтов просто неизбежным. Если в позитивистской историографии

«исторический нарратив фокусируется на построении героического исторического канона» [Енев, 2013], то модернистская эпистемология истории, наоборот, предусматривает и стимулирует как ревизию, так и деконструкцию ранних нарративов. В этой ситуации европейские арабские интеллектуалы, вероятно, сами того не осознавая реализуют идеи, предложенные белорусским философом П. Барковским, который настаивает на том, что «сегодня необходимо продолжать деконструировать – критиковать и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [Баркоўскі, 2013, с. 95].

Арабские интеллектуалы Европы, сотрудничающие с «Al-Araby Al-Jadeed», находят все эти проблемы и в своих странах, где достаточно остро стоит проблема модернизации через создание политических наций и наций-государств. Набил аль-Букаири в качестве примера подобной модели развития идентичности как конструкта приводит Йемен, который, по его словам, формировался и конструировался как следствие различных политических и культурных экспериментов, направляемых силами как самих арабов, так и их внешними кураторами – от Запада до СССР. Поэтому в рамках такого модернистского восприятия новейшей арабской истории, редуцированной до уровня одной страны, Йемен «в течение ста лет был расколотым обществом, разделенным между двумя тираниями, сектантами-имамистами, внутренними расовыми противоречиями и иностранными колонизаторами». Современный кризис Йемена, по словам Набиля аль-Букаири, стал фактически неизбежным, так как сама идея нации и нации-государства в регион была привнесена извне, а местные элиты были не готовы ее принять [Nabil al-Bukiri, 2020], но эта идея вовсе не означает отказ от концепта социального конструирования как одного из центральных положений модернистской историографии.

Такие настроения арабских либерально мыслящих интеллектуалов, которые консолидируются вокруг европейской «Al-Araby Al-Jadeed», указывают на то, что они в значительной мере освоили язык модернизма как модуса описания социальных и политических процессов, претендующего на универсальность. Признание кризиса государства-нации в Йемене не ставит под сомнение основные положения модернизма, а, наоборот, указывает на то, что арабские авторы, признавая этот кризис, сами начинают конструировать свой собственный нарратив о модернизации как факторе развития национализма, который от аналогичных западных концептов отличается лишь тем, что европейские авторы указывают на успех модернизации в то время как арабские конструируют ее образ как несостоявшегося проекта.

В этой ситуации, применяя модернистский инструментарий исторического воображения, арабские интеллектуалы, склонные использовать западные методологические принципы для изучения социальных и политических процессов, становятся более последовательными модернистами и конструктивистами чем их европейские и американские вдохновители, ставя ислам в один ряд с либеральной и коммунистической доктриной [Burhan Ghalyun, 2020], воспринимаемыми в качестве конструктов. Наряду с исламом в числе конструктов оказывается и идея освобождения, социального и национального [Fadi Eamira, 2021], которая усилиями арабских интеллектуалов не только превратилась в историографический

гранд-нарратив и изобретенную традицию модернового проекта, но и стала политическим мифом. В арабском интеллектуальном дискурсе постулируется неизбежность нации-государства как формы политической организации, но для арабских интеллектуалов одновременно очевидны и искусственность этого проекта, и его безальтернативность [Kamal Eabd al-Latif, 2020b].

Сторонники модернистской арабской историографии в Европе, широко представленные на страницах «Al-Araby Al-Jadeed», вовсе не отрицают ислам – они только пытаются трансплантировать в интеллектуальные контексты Востока идею секуляризма, воспринимая его не как отделение религии от государства, но признание универсальности всех идентичностей как современных и изобретенных конструктов [Manaf al-Hamad, 2020]. Западные «Возрождение» и «Просвещение» прочитываются как региональные частные случаи проекта «большого Модерна», что автоматически означает признание его вторичности. Арабские авторы охотно «находят» аналоги и Возрождения, и Просвещения, и Революции, интегрируя в эти категории попытки принудительной модернизации в Египте, амбиции по созданию нации-государства в Сирии [Ilizabith Suzan Kassab, 2021], но эти интеллектуальные практики являются только частным случаем производства смысла для той культурной корпорации, к которой принадлежат их авторы.

Таким же образом арабскими интеллектуалами Запада, связанными с либеральной «Al-Araby Al-Jadeed», конструируется собственная, арабская, философия истории [Shawqi bin Hasan, 2018], которой приписывается своя культурная археология идей и хронологически пролонгированная генеалогия. Что касается концепта ориентализма, формально созданного американским интеллектуалом арабского происхождения Э. Саидом, некоторые современные арабские авторы склонны воспринимать его как конструкт и взгляд востоковеда-ориенталиста на объект своего изучения сверху. Поэтому, по образному выражению Шоки бин Хасана, ориентализм – это «не что иное, как освещение гражданской войны с воздуха» [Shawqi bin Hasan, 2020a]. Таким образом, практически все конструкты западной модернистской историографии оказываются обнаружены, но фактически сконструированы через их «воображение» и «изобретение» в арабском культурном и интеллектуальном дискурсе теми же арабскими интеллектуалами, которые, по собственному признанию, предпочли изоляцию политическому участию [Hisham Yusif, 2021]. Мухаммад Толба Радван, признавая определенный прогресс в приобщении арабских интеллектуалов к западным культурным практикам, указывает и на то, что их трансплантация принесла и поляризацию общества [Muhamad Tlbt Ridwan, 2020], фактически превратив интеллектуалов в заложников собственного, ими же (вос)производимого, дискурса.

Выводы

Модернизм в современном арабском дискурсе в его европейской версии, ограниченной «Al-Araby Al-Jadeed», оказался относительно эффективным языком описания и написания истории национализма, то есть того явления, которое в арабском мире стало следствием непосредственного западного влияния и транс-

плантации институтов и отношений, раннее несвойственных для арабских сообществ. Трансплантация модернизма в арабские контексты не позволила Фаделю Аль-Фадилу, Элизабет Сюзан Кассаб, Шоки бин Хасану, Ваэлю Кандилу и другим интеллектуалам арабского происхождения выработать единые формы анализа прошлого, но дала возможность использовать те же принципы, на которые в своих штудиях ориентируются и западные авторы. Тем не менее, модернизм для арабской историографии, даже если она географически в силу разных причин оказалась европейской, вторичен. Эта вторичность связана с особенностями переноса модернистской методологии в арабистику, где ее с большой долей условности можно признать оригинальной концепцией. Модернизм вошел в число инструментария, применяемого отдельными арабскими интеллектуалами, ставшими «европейцами», в рамках своих культурных и исследовательских практик, но эффект от его использования остается крайне ограниченным. Не исключено, что число текстов, написанных арабскими авторами-европейцами на арабской проблематике, но в модернистской парадигме, будет возрастать. В перспективе это может привести к появлению национальных историографических школ и к углублению специализации и регионализации арабских историографий, сфокусированных на изучении истории национального строительства, но это возможно только в том случае, если трансплантируемый модернистский дискурс будет ассимилирован арабскими интеллектуалами не только в Европе, но и в странах арабского Востока.

Список литературы

Аретов Н. Дialeктика на традиционното и модерното в българската национална митология. “Миналото” на Стоян Заимов // *Култура и критика*. Варна: LiterNet, 2003. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 10–27.

Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер // *Палітычная сфера*. 2013. № 21 (2). С. 93–96.

Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // *Как мы пишем историю* / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 9–56.

Енев З. За ползите и вредите от «историята» // *Либерален преглед*. 2013. Септември 16. URL: <http://www.librev.com/index.php/prospects-science-publisher/2171-nutzen-und-nachteil-1> (дата обращения: 05.02.2021).

Иванова Е. Изгубената История // *Либерален преглед*. 2015. 25 Април. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/science/2699-2015-04-25-17-24-07> (дата обращения: 05.02.2021).

Кобрин К., Уваров П. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 55. С. 54–72.

Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // *Как мы пишем историю* / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 57–93.

Кром М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // *Как мы пишем историю* / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 94–125.

Шерпер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 89–108.

Amāni abu Raḥma... al-tariq min al-hadathat hataa ma baed al-naswia (*Амани Абу Рахма... Путь от современности к постфеминизму*) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2019. September 07.

Asyilatal-mathaqaf walhadathat al-earabia (Вопросы интеллектуальной и арабской современности) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2021. February 4.

Burhan Ghalyun. “Azimat alaslām” waeunf al-muslimin (*Бурхан Гальун, «Кризис ислама» и мусульманское насилие*) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2020. October 23.

Dalal al-Bizri. Lubnan... miayat eamin min al'awham (Далал аль-Бизри, Ливан: сто лет иллюзий) // Al-Araby al-Jadeed. 2020. July 16.

Eammar al-Sawad. Al-Ila falsifat al-mwsist flst siyasat al-earab (Аммар аль-Савад, Философия арабской политики – не философия Творца) // Al-Araby al-Jadeed. 2020. October 31.

Fadi Eamira. Fi shmwlwt al-thrrt walaistibdad (Фади Амира, К универсальности освобождения и тирании) // Al-Araby al-Jadeed. 2021. January 31.

Fadil al-Fadil. Al-huiat al-earabiat wal'amn al-lughwi: fi shaqqa' lughatina (Фадель Аль-Фадиль, Арабская идентичность и языковая безопасность: к нищете нашего языка) // Al-Araby al-Jadeed. 2014. August 28.

Hilmi al-Asmar. Saraqu madina wahadiran... madha ean al-mstqbl? (Хилми аль-Асмар, Они украли наше прошлое и наше настоящее... А как насчет будущего?) // Al-Araby al-Jadeed. 2021. February 4.

Hisham Yusif. Wayas'alunak ean al-qim? (Хишам Юсеф, А вас спрашивают о ценностях?) // Al-Araby al-Jadeed. 2021. January 02.

Ilizabith Suzan Kassab. Al-syaqat al-fikriat eashiat al-thawra (Элизабет Сюзан Кассаб, Интеллектуальные контексты, предшествующие революции) // Al-Araby al-Jadeed. 2021. February 4.

Kamal Eabd al-Latif. Al-Eurawi uuhawir mashru'eah al-fikria (Камаль Абдул Латиф, Аль-Ларуи берет интервью у своего собственного интеллектуального проекта) // Al-Araby al-Jadeed. 2020a. January 16.

Kamal Eabd al-Latif. Al-thawarat al-earabiat walthawrat al-thaqafia (Камаль Абдул Латиф, Арабские революции и культурная революция) // Al-Araby al-Jadeed. 2020b. May 23.

Mahna al-Habil. Al-tmrrd ealaa al'akadimiati al-gharbiat bayn Hilaq wa Saeid (Муханна Аль-Хабиль, Восстание против Западной Академии: между Халлаком и Саидом) // Al-Araby al-Jadeed. 2020. December 1.

Mahna al-Habil. Al-muearadat al-siyasiat fi al'islam: al-tashih al-maerifu (Муханна Аль-Хабиль, Политическая оппозиция в исламе: когнитивная коррекция) // Al-Araby al-Jadeed. 2021. January 19.

Manaf al-Hamad. Fas al-diyn ean al-dawla. darurat 'awaliat 'am aishtiqaq thanwy ghyr lazmi? (Манав Аль-Хамад, Отделение религии от государства... первичная необходимость или ненужная вторичная идея?) // Al-Araby al-Jadeed. 2020. February 24.

McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History: newsmagazine of the American Historical Association. 2003. Vol. 41. No. 6. 2003. P. 1.

Muhamad Hafiz Yaequb. Al-hwyt walhryt wnhn (Мухаммед Хафез Якуб, Идентичность, свобода и мы) // Al-Araby al-Jadeed. 2020. April 19.

Muhamad Hashas. Nahn waltarathu: kayf natajawazuh bi'akhlaq (Мухаммад Хашас, Мы и наследие: как выйти за рамки этических норм) // Al-Araby al-Jadeed. 2020. June 29.

Muhamad Tlbt Ridwan. Al-arabye al-earabiu... mataa nntsr? (Мухаммад Толба Радван, Арабская весна... Когда мы победим?) // Al-Araby al-Jadeed. 2020. December 22.

Nabil al-Bukiri. Al-Huiat al-wataniat wa'iishkalatuha Ymnyaan (Набиль аль-Букаури, Национальная идентичность и ее проблемы в Йемене) // Al-Araby al-Jadeed. 2020. September 14.

Nasir Al-Ribat. Al-hadathat aydaan waydaan (Насер аль-Рабат, И современность тоже) // Al-Araby al-Jadeed. 2019. November 28.

Nasir Rabat... fi tamal al-hadathat erbyaan (Насер Рабат... о созерцании современности в арабском мире) // Al-Araby al-Jadeed. 2019. May 29.

Shawqi bin Hasan. "Al-eaql walttarikh": iieadat al'afkar 'iilaa lghtiha (Шоки бин Хасан, Разум и история: возвращение идей к их языку) // Al-Araby al-Jadeed. 2018. February 09.

Shawqi bin Hasan. Mustafaa Sfwan: al-tahlil al-nafsiu 'aw al-mawt (Шоки бин Хасан, Мостафа Сафван: Психоанализ или смерть) // Al-Araby al-Jadeed. 2020a. November 11.

Shawqi bin Hasan. Anwar Eabd Almlk: afkar la tazal fi al-manfaa (Шоки бин Хасан, Анвар Абдель-Малик: Мысли все еще пребывают в изгнании) // Al-Araby al-Jadeed. 2020b. October 23.

Usamat abu Arshyd. Maearik al'iilgha' wal'iiqsa' bayn "elimaniayna" wa "islamiyin" (Усама Абу Иршид, Битвы за отмену различий между «секуляристами» и «исламистами») // Al-Araby al-Jadeed. 2020. July 31.

Wayil QandyL. Al-diyn walthawrat fi mahraqat al-mustalahat (Ваэль Кандил, Религия и революция в холокосте терминологии) // Al-Araby al-Jadeed. 2020. August 05.

References

- Amani abu Rahma (2019). Al-tariq min al-hadathat hataa ma baed al-naswia [Amani Abu Rahma, The Path from Modernity to Post-Feminism]. In *Al-Araby al-Jadeed*. 2019. September 07.
- Aretov, N. (2003). Dialektika na traditsionnoto i modernoto v bulgarskata natsionalna mitologiya. "Minaloto" na Stoyan Zaimov [Dialectics of the Traditional and the Modern in the Bulgarian National Mythology. "The Past" by Stoyan Zaimov]. In A. Vacheva, G. Chobanov (Eds.). *Kultura i kritika [Culture and critics]*. Vol. 3. *Krajat na modernostta?* [End of Modernity?]. Varna, LiterNet, pp. 10–27.
- Asyilat al-mathaqaf walhadathat al-earabia [Issues of Intellectual and Arab Modernity]. In *Al-Araby al-Jadeed*. 2021. February 4.
- Barkoŭski, P. (2013). Inteliectualny manifest: tut i ciapier [Intellectual Manifesto: Here and Now]. In *Palitychnaja sfera*. 21:2, pp. 93–96.
- Burhan Ghalyun. (2020). "Azimat alaslam" waeunf al-muslimin ["Crisis of Islam" and Muslim Violence]. In *Al-Araby al-Jadeed*. October 23.
- Dalal al-Bizri. (2020). Lubnan... miayat eamin min al'awham [Lebanon: One Hundred Years of Illusions]. In *Al-Araby al-Jadeed*. 2020. July 16.
- Doss, F. (2013). Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoy storony [How History is Written Today: a View from the French Side]. In G. Garreta, G. Dufuot, L. Pimenova (Eds.). *Kak my pishem istoriyu*. Moscow, ROSSPEN, pp. 9–56.
- Eammar al-Sawad. (2020). Al-lla falsifat al-mwsist flsft siyasat al-earab [The Philosophy of Arab Politics Is Not the Philosophy of the Creator]. In *Al-Araby al-Jadeed*. October 31.
- Enev, Z. (2013). Za polzite i vreditte ot "istoriyata" [On the benefits and harms of "history"]. In *Liberalen pregled*. September 16. URL: <http://www.librev.com/index.php/prospects-science-publisher/2171-nutzen-und-nachteil-1> (mode of access: 5.02.2021).
- Fadi Eamira. (2021). Fi shmwlyt al-thrrr walaistibdad [Towards the Universality of Liberation and Tyranny]. In *Al-Araby al-Jadeed*. January 31.
- Fadil al-Fadil. (2014). Al-huiat al-earabiat wal'amn al-lughwi: fi shaqqa' lughatina [Arab Identity and Linguistic Security: Towards the Poverty of Our Language]. In *Al-Araby al-Jadeed*. August 28.
- Hilmi al-Asmar. (2021). Saraqu madina wahadiran... madha ean al-mstqbl? [They Stole Our Past and Our Present... What's about the Future?]. In *Al-Araby al-Jadeed*. February 4.
- Hisham Yusuf. (2021). Wayas'alunak ean al-qim? [Are You Asked about Values?]. In *Al-Araby al-Jadeed*. January 02.
- Iizabith Suzan Kassab. (2021). Al-syaqat al-fikriat eashiat al-thawra [Intellectual Contexts prior to Revolution]. In *Al-Araby al-Jadeed*. February 4.
- Ivanova, E. (2015). Izgubinata Istoriya [The Lost History]. In *Liberalen pregled*. April 25. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/science/2699-2015-04-25-17-24-07> (mode of access: 5.02.2021).
- Kamal Eabd al-Latif. (2020a). Al-Eurawiu yuhawir mashrueah al-fikria [Al-Eurawiu Interviews His Own Intellectual Project]. In *Al-Araby al-Jadeed*. January 16.
- Kamal Eabd al-Latif. (2020b). Al-thawarat al-earabiat walthawrat al-thaqafia [Arab Revolutions and the Cultural Revolution]. In *Al-Araby al-Jadeed*. May 23.
- Kobrin, K., Uvarov, P. (2007). Svoboda u istorikov poka yest'. Vo vsyakom sluchaye – yest' ot chego bezhat' [Historians Still Have Freedom. In Any Case – There Is Something to Run from]. In *Neprikosnovenny zapas*. No. 55, pp. 54–72.
- Koposov, N. (2013). Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego [Historical Concepts in a World without a Future]. In G. Garreta, G. Dufuot, L. Pimenova (Eds.). *Kak my pishem istoriyu*. Moscow, ROSSPEN, Pp. 57–93.
- Krom, M. (2013). Ispol'zovaniye ponyatiy v issledovaniyakh po istorii dopetrovskoy Rusi: smena vekh i novyye oriyentiry [The Use of Concepts in Research on the History of Pre-Petr Rus: a Change of Landmarks and New Landmarks]. In G. Garreta, G. Dufuot, L. Pimenova (Eds.). *Kak my pishem istoriyu*. Moscow, ROSSPEN, pp. 94–125.
- Mahna al-Habil. (2021). Al-muearadat al-siyasiat fi al'islam: al-tashih al-maerifu [Political Opposition in Islam: Cognitive Correction]. In *Al-Araby al-Jadeed*. January 19.
- Mahna al-Habil. (2020). Al-tmrdd ealaa al'akadimiat al-gharbiat bayn Hilaq wa Saeid [Revolt Against Western Academy: Between Hilaq and Sa'id]. In *Al-Araby al-Jadeed*. December 1.

- Manaf al-Hamad. (2020). Fasl al-diyn ean al-dawla... darurat ‘awaliat ‘am aishtiqaq thanwy ghyr lazam? [The Separation of Religion from the State... a Primary Necessity or an Unnecessary Secondary Idea?]. In *Al-Araby al-Jadeed*. February 24.
- McPherson, J. (2003). Revisionist Historians. In *Perspectives on History: newsmagazine of the American Historical Association*. 41:6, p. 1.
- Muhamad Hafiz Yaequb, (2020). Al-hwyt walhryt wnhn [Identity, Freedom and Us]. In *Al-Araby al-Jadeed*. April 19.
- Muhamad Hashas, (2020). Nahn waltarathu: kayf natajawazuh bi’akhlq [We and Heritage: How to Go beyond Ethical Standards]. In *Al-Araby al-Jadeed*. June 29.
- Muhamad Tibt Ridwan, (2020). Al-arabye al-earabiu... mataa nntsr? [Arab Spring... When Will We Win?]. In *Al-Araby al-Jadeed*. December 22.
- Nabil al-Bukiri. (2020). Al-Huiat al-wataniat wa’iishkalatuha Ymnyaan [National Identity and Its Problems in Yemen]. In *Al-Araby al-Jadeed*. September 14.
- Nasir Al-Ribat. (2019). Al-hadathat aydaan waydaan [*Nasir Al-Ribat*,, And Modernity Too]. In *Al-Araby al-Jadeed*. November 28.
- Nasir Rabat... fi tamal al-hadathat erbyaan [Nasir Rabat... on the Contemplation of Modernity in the Arab world]. In *Al-Araby al-Jadeed*. 2019. May 29.
- Scherrer, J. (2009). Germaniya i Frantsiya: prorabotka proshlogo [Germany and France: Working out the Past]. In *Pro et contra*. May – August, pp. 89–108.
- Shawqi bin Hasan. (2018). “Al-eaql walttarikh”: iicadat al’afkar ‘iilaa lghtiha [Reason and History: the Return of Ideas to Their language]. In *Al-Araby al-Jadeed*. February 09.
- Shawqi bin Hasan. (2020a). Anwar Eabd Almlk: afkar la tazal fi al-manfaa [Anwar Eabd Almlk: Thoughts are Still in Exile]. In *Al-Araby al-Jadeed*. October 23.
- Shawqi bin Hasan. (2020b). Mustafaa Sfwan: al-tahlil al-nafsiu ‘aw al-mawt [Mustafaa Sfwan: Psychoanalysis or Death]. In *Al-Araby al-Jadeed*. November 11.
- Usamat abu Arshyd. (2020). Maearik al’iilgha’ wal’iiqsa’ bayn “elimaniayna” wa “islamyin” [Battles to Undo the Distinctions between “Secularists” and “Islamists”]. In *Al-Araby al-Jadeed*. July 31.
- Wayil Qandyi. (2020). Al-diyn walthawrat fi mahraqat al-mustalahat [Religion and Revolution in the Holocaust of Terminology]. In *Al-Araby al-Jadeed*. August 05.

The article was submitted on 20.04.2021

УДК 930.2 : 070.23 + 930.2 : 581.52(680) + 141.2

Ю. С. Шипицына

«ВСЯ ЭТА МЕСТНОСТЬ – НАСТОЯЩАЯ СОКРОВИЩНИЦА ДЛЯ БОТАНИКИ»: ЗАМЕТКИ ФРЭНСИСА МЭССОНА ОБ ОХОТЕ НА РАСТЕНИЯ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ (1776)¹

Аннотация. В центре внимания автора статьи оказывается распространенная во второй половине XVIII в. практика публикации путевых заметок ученого-натуралиста в периодическом издании. Новизну исследования определяет специфика содержания источника – путевых заметок охотника за растениями. Охотой за растениями в узком смысле называют сбор ботанических образцов с целью пополнения коллекции, в широком – самостоятельный вид научно-исследовательской деятельности естествоиспытателей эпохи Просвещения. В данной работе описан жизненный путь и процесс инициации британского ботаника и первого профессионального охотника за растениями Фрэнсиса Мэссона в научно-исследовательском пространстве. На основании фрагментов заметок Мэссона о своем опыте путешественника и естествоиспытателя в Южной Африке проведена реконструкция обстоятельств, в которых натуралист реализовывал свою экспедиционную и научно-исследовательскую деятельность. Впервые в российской историографии дана оценка способу презентации охотника за растениями своих научных изысканий и их результатам, предложена оригинальная интерпретация мотивов публикации исследуемого источника. Использованный в тексте перевод фрагментов путевых заметок Мэссона выполнен автором статьи и представляет собой первую публикацию трудов Мэссона на русском языке. На примере профессиональной деятельности Мэссона охарактеризованы общественное восприятие деятельности британских ботаников и охотников за растениями в контексте бытовавших по отношению к ним в XVIII в. предубеждений и стереотипов и возможные способы их преодоления. В статье также приводятся краткие сведения о журнале «Философские изыскания Лондонского королевского общества», упоминаются ботаники Джозеф Бэнкс, Карл Петер Тунберг, Иоганн Георг Форестер.

Ключевые слова: Ботаника, история науки, история знания, охота за растениями, «Философские изыскания», Фрэнсис Мэссон

Yulia S. Shipitsyna

«THE WHOLE COUNTRY AFFORDS A FINE FIELD FOR BOTANY»: THE NOTICES OF FRANCIS MASSON ABOUT PLANT HUNTING IN SOUTH AFRICA (1776)

Abstract. Primary focus of author's attention is on popular in the second half of the 18th century practice of publication of scientific naturalist's itinerary in a periodical. The study is novel in

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен, XVII–XVIII вв.)

that it is made by the content of source – the itinerary of a plant hunter. In the narrow sense, plant hunting is the acquisition of botanical specimens in order to enhance collections. In the broad sense, it is a separate kind of naturalists' research activity in the Age of Enlightenment. The article defines the life path of British botanist and first official plant hunter Francis Masson and his initiation in research field. The reconstruction of circumstances in which naturalist put into practice his expeditionary and research occupations are made on the basis of fragments of Masson's notices about his experience of traveler and philosopher of nature in the South Africa. For the first time in Russian historiography, the mean of plant hunter's inquiry presentation and results was assessed and the original interpretation of the reasons of covered source's publication was suggested. The translation of fragments of the text of Masson's itinerary Cited in the article is made by the author of the article and it is the first Masson's heritage publication into Russian. From the example of Masson's professional practice, the characteristic of public perception of British botanists' and plant hunters' activity in the context of prejudices and patterns of 18th century and the possible ways of its overcoming is given. In addition, the article contents short details about the Philosophical Transactions of the Royal Society and references about such botanist as Joseph Banks, Carl Peter Thunberg and Johann Georg Forster.

Keywords: Botany, the history of science, the history of knowledge, plant hunting, Philosophical Transactions, Francis Masson

В октябре 1772 г. во второе кругосветное путешествие из Лондона отправилась очередная экспедиция под командованием Джеймса Кука. Вместе с учеными-ботаниками, зоологами, математиками и астрономами в качестве пассажира на корабле путешествовал Фрэнсис Мэссон (1740–1805), английский ботаник и первый официально провозглашенный «охотник за растениями». Мэссон был родом из шотландского портового города Абердин, о его детстве и юности сегодня почти ничего неизвестно, кроме того, что свою карьеру он начинал с должности помощника садовника в Королевских ботанических садах Кью (далее – Сады Кью), постигая все тонкости ботанической науки на практике. Благодаря знакомству с Джозефом Бэнксом (1743–1820), предприимчивым и влиятельным натуралистом-любителем, к тому моменту уже побывавшему в первой экспедиции Кука и обнаружившему большой потенциал в изучении флоры заморских территорий, Мэссон смог отправиться в свое первое путешествие с целью сбора и изучения растений.

Мэссон находился в Южной Африке с 1772 по 1775 гг. За это время он предпринял три путешествия: первое заняло 40 дней и продлилось с 10 декабря 1772 г. по 18 января 1773 г.; второе – четыре с половиной месяца – с 11 сентября 1773 г. по 29 января 1774 г.; третье – три месяца – с 26 сентября по 28 декабря 1774 г. В 1775 г. Мэссон вернулся и спустя год опубликовал «Сообщение о трех путешествиях из Кейптауна вглубь побережья Южной Африки, предпринятых с целью открытия новых растений на благо Королевских ботанических садов Кью» (далее – «Сообщение...»). Во время путешествий Мэссон делал записи ежедневно, порой указывая лишь о прибытии в очередной пункт или об отправлении, а описания флоры, фауны и обычаев местного населения приводя позже.

Практика издания текстов и атласов на материале наблюдений, сделанных в научных экспедициях, была широко распространена в то время. Подобные издания в Британии зачастую заказывались организатором экспедиций – Лондонским королевским обществом (далее – Общество), Адмиралтейством или монархом лично – и принимали форму богато иллюстрированных флор, или сборника воспо-

минаний участников. Подготовка к публикации таких трудов занимала несколько лет, велась за государственный счет и требовала редакторского участия нескольких инстанций, что нередко вызывало конфликты между автором и заказчиком. Судьба публикации заметок Мэссона складывалась иначе.

В XVIII в. в Британии уже активно функционировали периодические издания научного содержания, помещая на своих страницах краткие отчеты об открытиях, результатах наблюдений и экспериментов различных ученых со всего мира. Главным таким изданием являлся журнал «Философские изыскания Лондонского королевского общества» (далее – «Философские изыскания»), основанный еще в 1665 г [Михайлов, с. 10–11]. После реформы управления журналом в 1758 г., все публикации должны были содержать краткую аннотацию, имя автора, а также имя того, кто предлагает данный текст к публикации. При наличии этих трех элементов, «редакционный комитет», состоявший из членов Общества, обязан был прочесть материал и вынести свое заключение [McDougall-Waters, Moxham, Fyle, p. 15]. Факт публикации в «Философских изысканиях» автоматически означал одобрение Обществом, а дата прочтения членами Общества и имя ученого, рекомендовавшего текст, помещенные вверху под заголовком, свидетельствовали о степени свежести материала, предлагавшегося вниманию читателей. «Сообщение...» Мэссона было опубликовано в январском выпуске «Философских изысканий» за 1776 г. В качестве предисловия к тексту приведено короткое письмо Мэссона Джону Принглу, в ту пору занимавшему пост президента Общества:

«Джону Принглу¹

Королевские ботанические сады Кью, ноябрь 1775

Сэр,

В ответ на Вашу просьбу посылаю сообщение о своем первом путешествии из Кейптауна, которое я составил на основе дневниковых записей. В том случае, если Вы найдете его достойным внимания Королевского общества, я покорнейше прошу оказать мне честь передать эти заметки в сие славное учреждение. Спешу заверить, что и иные описания своих наблюдений я передам Вам и Обществу с большим удовольствием» [Masson, p. 268].

Сойдя на берег в Кейптауне, Мэссон занялся организацией собственных коротких экспедиций «вглубь южного побережья Африки», как он характеризует их в самом названии заметок. Однако известно, что глубина его продвижения составляла не более 80 км в радиусе от Кейптауна, что объяснялось страхом за свою жизнь [Tyler-Whittle, p. 70–71]. Тревога автора ощущается с первых строк. Рассказ о первом путешествии открывает описание сигнальной системы Кейптауна: «10 декабря 1772 г., уж день клонился к вечеру, когда я отправился из Кейптауна в сопровождении одного голландца и одного готтентота, управлявшего моей повозкой, запряженной восемью быками. Именно так здесь и путешествуют: предпочитают быков лошадям, ведь они гораздо дешевле и покорнее. На закате мы перешли через

¹ Джон Прингл (1707–1782) – шотландский врач и физиолог, один из основоположников военной медицины.

Солт ривер¹, протекающую на расстоянии примерно двух миль от Кейптауна и того места, где возвышается флагшток и старинное орудие навроде пушки, готовое подать сигнал дабы предотвратить вражеское нападение. Звуки ее слышны отовсюду: с холма они распространяются вниз, в долину, на расстояние достаточное, чтобы в короткий срок поднять по тревоге всю страну» [Masson, p. 269].

Во втором и третьем путешествии Мэссона сопровождал Карл Петер Тунберг (1743–1828), шведский ученый-натуралист, известный как «отец южноафриканской ботаники» и «японский Линней». В своих дневниках Тунберг упоминает Мэссона как «садовника» [Thunberg, p. 296, 352]. За время трехлетнего пребывания в Африке Тунберг получил степень врача, выучил голландский язык и так же, как и Мэссон, предпринял три путешествия вглубь Африки. Вот как описывает Мэссон их совместные приключения: «Мое второе путешествие прошло в компании шведа доктора Тунберга. Он прибыл в Кейптаун по поручению Голландской Ост-Индской компании с целью сбора растений. 11 сентября 1773 г. покинули Кейптаун, направившись вдоль северо-западного побережья. Поднялись на Блу Маунтенс², но дождь зарядил надолго, а дорогу заволокло туманом, так что мы сошли с намеченного маршрута и вынуждены были устроиться на ночлег в поле. 12 сентября 1773 г. под дождем совершили несколько вылазок вдоль склонов холмов, а также по обширной песчаной пустыне, лежащей по направлению к морскому побережью, где отыскивали огромное множество прекрасных растений и несколько видов животных, обитающих в этом климате: антилоп, страусов и ржанок нескольких видов. 27 сентября 1773 г. из Салданы³ мы продолжили путь до Уайт Клипа (Уайт Клифа), белого гранитного камня огромной величины, с вершины которого нам открылся очаровательный вид на морское побережье от бухты Св. Елены⁴ до мыса Доброй Надежды. Вся эта местность – целая сокровищница для ботаника: поле изысканных красот и ароматов, украшенное таким обилием цветов, которого я никогда не видел» [Masson, p. 276–278].

«Сообщение...» Мэссона – пример научной публикации, сделанной в периодическом издании в соответствии с определенными критериями научности. При этом текст Мэссона был не очень интересен для читателя с точки зрения новизны содержащихся в нем сведений о природе, климате, этническом составе населения и его обычаях. Перечисление растений, упоминание некоторых особенностей быта аборигенов сделано словно между прочим: «12 декабря 1772 г. покинули Пэден Берг, или Лошадиную гору⁵, названную так из-за большого количества

¹ Солт ривер (Salt River) – река в Кейптауне, образующаяся в результате слияния рек Лисбек (Liesbeek) и Блэк риверс (Black Rivers), и впадающая в бухту Столовую.

² Блу Маунтенс – устаревшее название холма Блауберг, расположенного примерно в 15 км к северу от Кейптауна.

³ Салданья (Saldana Bay) – бухта на юго-западном побережье Атлантического океана, к северозападу от Кейптауна. В настоящее время город, расположенный на северном берегу бухты, также носит название Салданья.

⁴ Бухта Св. Елены – бухта на юго-западном побережье Атлантического океана, примерно в 130 км от Кейптауна.

⁵ Пэден Берг (Paerden Berg) – гористая местность на западе от Кейптауна.

зебр, обитавших здесь ранее, которых голландцы прозвали дикими лошадьми. Ближе к вечеру, перейдя через Берг Ривер¹, или Горную реку, мы очутились в районе под названием Драакенштейн², долине протяженностью примерно десять миль в длину и пять в ширину, занятой обширными виноградными плантациями и фруктовыми садами. Местные фрукты по большей части хорошо известны в Европе: голландцы поставляют нам абрикосы, персики, сливы, яблоки, груши, фиговые, шелковицу, миндаль, каштаны и грецкий орех. А вот индийских фруктов здесь нет, за исключением гуаявы и джамбу³, которые, впрочем, не вызревают как следует. <...> 17 декабря 1772 г., я поднялся на вершину холма Перел Берг⁴, где провел целый день в поисках растений и безуспешной охоте на антилопу рибок⁵. Ничего достойного наблюдений я не обнаружил, кроме разве что двух крупных валунов, основание каждого из которых, и это я могу утверждать наверняка, в диаметре превышало милю, а высота камней достигала двух сотен футов» [Masson, p. 270–271].

Другая любопытная черта, отличающая «Сообщение...» Мэссона – отсутствие ботанических иллюстраций. Долгое время ботаническая иллюстрация являлась неотъемлемым элементом научной публикации по ботанике. Почему, пренебрегая заказом иллюстраций художникам и граверам, Мэссон лишает своих читателей возможности наглядного представления тех растений, о которых он пишет?

В фокусе внимания автора находятся не столько растения, сколько охота за растениями как специфическая практика: предварительный этап непосредственно ботанических изысканий и профессия, по долгу которой Мэссону приходится знакомиться не только с природой Африки, но и культурой населяющих ее народов. Так, Мэссон описывает устройство поселений и хозяйственный уклад готтентотов, коренного населения Южной Африки, и буров, потомков голландских, французских и немецких колонистов, которые селились здесь с момента основания голландской Ост-Индской компанией Капской колонии в 1652 г. При этом в этнографическом описании Мэссон не стремится ни детально передать увиденное в попытках неким научным способом зафиксировать природные объекты, ни обнаружить различия между экзотическим и привычным, ни дать оценку с позиции цивилизованного белого британца – он не делает ни единой отсылки к миссионерской морали, как, например, Форестер-младший в «Путешествии вокруг света», посвященном второй экспедиции Кука, когда в одном абзаце говорит и о «торжестве науки» и о «просвещенном монархе» [Форестер].

¹ Берг Ривер (Berg River) – река на севере от Кейптауна.

² Драакенштейн – местность в районе гор Драакенштейн, названных в память о чиновнике и натуралисте Голландской Ост-Индской компании Хендрика Драакенштейна (1636–1691).

³ Джамбу – Сизигиум прозрачноплодный, (лат. *Syzygium aqueum*) – плодовое дерево семейства Миртовые.

⁴ На месте деревни, вероятно, сейчас находится город Паарл, получивший свое название от крупного гранитного массива Перел Берг (Perel Berg, Pearl Mountain, Paarl Rock).

⁵ Рибок – название косульей антилопы (лат. *Pelea capreolus*), парнокопытного млекопитающего из семейства Полорогие, эндемика небольшой территории Южной Африки.

«18 декабря 1772 г. продолжили наше путешествие к долине, именуемой Франшхук¹ и примыкающей к Дракенштейну с юго-восточной стороны. Эта местность заселена частью французских беженцев, покинувших Францию в начале этого века. Поселение бедное, разбитое на холодной и болотистой почве, но собираемого здесь урожая кукурузы, кислого вина и однообразных фруктов для питания жителей вполне достаточно. <...> 4 января 1773 г. достигли Стелленбоса², скромной деревушки примерно в тридцати милях на северо-востоке от Кейптауна, насчитывающей тридцать домов вдоль одной прямой дороги, по обе стороны обсаженной массивными дубами, в тени которых так приятно укрываться в жаркий сезон. Дубы эти точь-в-точь такие, как у нас в Англии, – они были вывезены из Европы Адрианом Вандерстеллом³, бывшим наместником Кейптауна, построившим эту деревню и давшем ей свое имя. Окрестности деревни славятся богатыми фермами, на которых снимают большие урожаи кукурузы и производят вино. <...> Фермеров мы застали занятыми за утаптыванием кукурузных початков. Здесь это принято делать, используя лошадей: сначала из смеси глины и коровьего навоза, смешать которые весьма трудно, выкладывают круглый пол диаметром тридцать, сорок или пятьдесят футов, затем по периметру возводят глиняные стены высотой по грудь⁴. Пол покрывают снопами: начиная с середины, укладывают их по кругу, пока они не займут всю площадь. Затем загоняют внутрь примерно два-три десятка лошадей, которых голландец при помощи длинной плети заставляет скакать по кругу до тех пор, пока кукурузные снопы не будут хорошо вытоптаны и солома не превратится в жмых. После жмых хорошо очищают и убирают в амбары. К заготовке корма относятся крайне предусмотрительно, поскольку с середины октября по середину марта дожди здесь крайне редки» [Masson, p. 271–272].

Таким образом, текст Мэссона вряд ли представлял большой интерес как для ботаника, жаждущего увидеть новые виды растений, так и для патриотически настроенного обывателя, ищущего в рассказах о путешествиях подтверждения превосходства его имперской родины. Почему же Общество принимает решение о публикации? Потому что Мэссон рассказывает не столько об увиденном, сколько о пережитом. Ему было трудно и страшно, но и страшно интересно. В стремлении создавать описания научного характера – лаконичные, точные и внимательные свидетельства наблюдений за природой – Мэссон все-таки оставляет место для непосредственного выражения субъективных ощущений и эмоций: восхищение красотами природы, досада на неудачную охоту, удивление нравам местных жителей: «6 января 1773 г.

¹ «Я полагаю, это место, которое французские путешественники в своих заметках о Мысе Доброй Надежды именуют “Пти Рошдик”» (прим. автора). Франшхук – город в Западной Капской провинции ЮАР, примерно в 75 км от Кейптауна.

² Стелленбос – город в Западной Капской провинции Южно-Африканской Республики. Расположен приблизительно в 50 км к востоку от Кейптауна.

³ По-видимому, Мэссон ошибся, указав имя Адриана ван дер Стела. Адриан ван дер Стел (? – 1646) состоял на службе Голландской Ост-Индской компании и командовал гарнизоном о. Маврикий, его сын Симон ван дер Стел (1639–1712) стал первым голландским губернатором Капской колонии и основал Стелленбос.

⁴ *about breast high* (англ.) – выражение используется для обозначения высоты обмера толщины ствола дерева, примерно 135 см.

поднялись в горы по чрезвычайно трудной обрывистой тропе, которую крестьяне прозвали Лощина Готтентон-Голланд¹. Одолев все невзгоды и тяготы, мы достигли вершины и вышли на обширную равнину, усеянную бесчисленным множеством скальных обломков, кои есть плод разрушений, нанесенных ураганым сирокко, бушующим здесь в течение всего лета. Некоторые из камней напоминают руины церковной часовни, а края их остро заточены ветром и дождем; наиболее податливые породы во многих местах сильно разрушены. <...> Эти горы изобилуют великим множеством удивительных растений и являются для ботаника, я уверен, самым ценным сокровищем из всех африканских хребтов. Затем перешли через Палмет Ривер, названную так крестьянами из-за растения *schoenus serratus*², которое покрывает почти полностью поверхность воды; листья его поразительно напоминают листву ананаса, а соцветия – камышовый тростник. Ночью мы перешли небольшую реку, называется она Ботер ривер, и обрели приют в коттедже – ни большом, ни маленьком, где ночуют как голландцы, так и готтентоты, используя в качестве постелей овечьи шкуры. На следующее утро отведали баранины, принесенной готтентотом: старик забил жирного барана как раз накануне. 8 января 1773 г. мы прибыли на горячие источники, расположенные на юго-восточной стороне внушительной скалы Шварц Берг³. Ост-Индская компания основала здесь нечто вроде пансиона для лечения больных. Вода источника обжигающе горяча и бьет ключом прямо из-под земли, но пока ее доставят на расстояние десяти-двенадцати пейсов⁴, чтобы наполнить ванну, она становится вполне терпимой. Местные привыкли лечиться этой водой ото всех без исключения болезней и часто вредят себе тем самым куда больше, чем помогают. <...> 16 января 1773 г. посетил Готтентот Крааль⁵: в ту пору все мужчины пасли стада, а женщины и дети были заняты обустройством лачуг. Их жилища довольно низкие, имеют круглое основание и сооружаются из тонких жердей, концы которых вкопаны в землю так, что образуют много взаимно пересекающихся арок, покрытых тростниковыми циновками. В центре жилища – очаг, вокруг которого домочадцы обычно рассаживаются на земляном полу, при этом ни печи с дымоходом, ни отверстия для выхода дыма в потолке нет» [Masson, p. 271–275].

Спокойное и планомерное описание флоры и фауны перемежается с насыщенным и подробным описанием сцен охоты. Охотнику за растениями не чужда охота на антилоп, травля волков, расстановка капканов. «Охота остается охотой», словно бы говорит Мэссон, помещая рядом с отрывками восторженного любования и восхищения африканскими растениями, фрагменты, полные агрессии, страха и крови, и тем самым невольно подчеркивая значимость своей новой профессии,

¹ Лощина (клуф) – это низменный узкий участок горной цепи, или иногда узкая тропа между гор. (прим. автора).

² *schoenus serratus* – схенус (прим. автора). Род травянистых растений семейства Осоковые. Современная ботаническая номенклатура не использует эпитет *serratus* для определения рода Схенус.

³ Черная Скала (прим. автора).

⁴ Пейс – мера длины, равная длине одного шага, что составляет примерно 0,76 м.

⁵ Готтентот Крааль. Крааль – название типичного укрепленного поселения скотоводов Южной Африки, в центре которого находится загон для скота.

ее мужественный и опасный характер: «10 января 1774 г. ночью вышли к Свит Милк Валлей, где находится дом смотрителя за лесами Компании. Смотритель встретил нас очень приветливо и поселил у себя на пять дней. На четвертый день мы отправились в лес, что расположен на полпути от цепи высокогорий, простирающихся на севере и северо-восточной стороне долины. Меня сопровождал сын местного фермера. С ним было восемь огромных псов, преследовавших во время похода двух волков. Одного волка мы ранили коротким выстрелом, чтобы помочь псам одолеть его. Завязался жестокий бой, длившийся еще час, прежде чем волк был убит. Затем нам пришлось карабкаться по наводящим ужас крутым утесам, прежде чем мы оказались в лесу. Лес был темен, и мрачен, и полон цепляющихся кустарников множества разновидностей. Деревья здесь чрезвычайно высокие, некоторые – высотой от восьмидесяти до ста футов, а некоторые растут перпендикулярно скалам, на которых не видно и клочка земли. Среди деревьев встречаются каскадные водопады высотой в две сотни футов, вода спадает со скал под прямым углом с ужасным грохотом. Я прожил этот день, полный тягот в безлюдном и диком лесу, со смешанным чувством ужаса и восхищения. Большая часть деревьев, что растут в этом лесу – неизвестна ботаникам. Я собрал немного цветов, остальные же образцы вынужден был оставить для будущих исследователей, которым повезет добраться сюда в более удачный сезон» [Masson, p. 274].

При характеристике мотивации автора и анализе контекста возникновения «Сообщения...» следует учитывать сложный комплекс морально-этических представлений, сложившихся вокруг ботаники в XVIII в., своего рода «ботанические предрассудки». Во второй половине XVIII в. ботаника воспринималась британцами весьма неоднозначно из-за исследований способов размножения растений [George]. Если Линней запрещал дочерям читать французскую литературу, считая, что их это развратит [Fara, p. 24], то британцы не поощряли чтение работ Линнея [Fara, p. 38, 41]. Скандальная репутация самого влиятельного ботаника Британии в это время – Дж. Бэнкса, создавала еще больший ажиотаж вокруг любых проявлений симпатий к ботанике: от рассматривания ботанических иллюстраций до сбора растений, – все, что было связано с ботаникой, вызывало двусмысленную реакцию. Бэнкс получил прозвище «Botanic Masagony» и стал персонажем едких карикатур из-за своего легкомысленного поведения на Таити во время участия в первой экспедиции Дж. Кука [Fara, p. 11–12].

Дж. Бэнкс едва не возглавил вторую кругосветную экспедицию, но в последний момент не смог отправиться в плавание даже в качестве рядового участника. Тогда Дж. Бэнкс отправил в путешествие Мэссона – фактически вместо себя самого. Ввиду всеобщего беспокойства по поводу моральных принципов ботаников, мы можем допустить, что учреждение такой должности как «охотник за растениями», призвано было создать новый образ ботаника. И то, каким предстает Мэссон, этот «новый ботаник» в «Сообщении...»: отважным, собранным, сильным, мужественным «охотником», и при этом наблюдательным, знающим систему Линнея, признанным другими учеными исследователем, во-первых, контрастировало с бытующими предрассудками, а во-вторых, давало реальное представление о деятельности ботаника. До Мэссона никто не писал о том, как проходит сбор рас-

тений в экспедициях и с чем приходится сталкиваться ботаникам. Даже общие воспоминания об экспедициях вызывали много вопросов: известно, что по дневникам Кука другим автором были изданы «воспоминания» с большими купюрами и вольным добавлением фрагментов, два других анонимных текста рассказов «очевидцев» оказались вымыслом, а «Путешествие на край света» Форрестера вышло лишь годом позже «Сообщения...» Мэссона [Форрестер].

«7 октября 1774 г. держим путь к Северному выступу, через однообразную местность, покрытую низкой порослью. Однако сейчас весна и все везде украшено цветами исключительной красоты, так что каждый час нашего похода обнаруживает перед нами новые красоты. Ночью мы прибыли к подножию горы, называемой Ван Рибекс Кастиль¹. Здесь мы остановились на ночлег у мистера Драйера. Богатый фермер встретил нас самым гостеприимным образом, приговаривая, что мы доставим ему большое удовольствие, если останемся хотя бы на месяц, и что это не будет стоить нам ни фартинга. 12 октября 1774 г. переправились на другую сторону [реки] не без трудностей, в большой лодке, груженной нашими повозками и скарбом; быкам пришлось переправляться вплавь. Отсюда мы двинулись дальше через пустынную необитаемую местность и вынуждены были укрыться под кроной огромного *leucodendron*², защитившего нас от юго-восточного ветра, пронзительно холодного в это время года. <...> 23 октября 1774 г. держим курс на север к устью реки Олифантс³. Жара снова стала непереносимой, а белизна песка столь сильно слепила глаза, что вынуждала нас днем отдыхать и продолжать путь лишь ранним утром и поздним вечером. Также было весьма трудно путешествовать верхом, так как ноги лошадей попадали в глубокие кротовые ямки, и бедные животные проваливались в песок по самый круп каждые шесть-семь минут. Зверьков, роющих эти ямы голландцы зовут “лэндмолл”⁴, но они чрезвычайно отличаются от европейских кротов и принадлежат совсем новому классу животных. Зверьки питаются корнями *ixiae*, *gladioli*, *antholyza* и *irides*⁵, часто вырастают размером с кролика, а мясо их высоко ценится. Есть здесь и другие разновидности, к примеру, голландский блесс-молл. Этот подвид населяет скалистые ущелья, и редко вырастает до размеров типичных европейских кротов. Местность эта изобилует великим множеством элегантных кустарников, таких как *genista*,

¹ Замок Ван Рибек. Ян ван Рибек (1619–1677) – нидерландский колониальный администратор и мореход, основатель Кейптауна. Положил начало освоению Капской колонии.

² *leucodendron* (лат.) – левкадендрон, род растений семейства Протеиновые, вечнозеленые цветущие кустарники или небольшие деревья с пирамидальной или конической кроной.

³ Олифантс Ривер – река в Западной Капской провинции ЮАР; берет начало в горах Олифантсрифир, впадает в Атлантический океан.

⁴ Лэндмолл, блесс-молл – скорее всего, Мэссон говорит о подвидах капского златокрота (лат. *Chrysochloris asiatica*) – вид млекопитающих из семейства Златокротовые; обитает на крайнем юге Африки.

⁵ Перечислены несколько видов цветущих растений. *Ixiae* (лат.) – иксия, род многолетних травянистых растений семейства Ирисовые. *Gladioli* (лат.) – гладиолус, род многолетних клубнелуковичных растений семейства Ирисовые. *Antholyza* (лат.) – антолиза, немногочисленный и малоизвестный род семейства Ирисовые. *Irides* (лат.) – ирис, род многолетних корневищных растений семейства Ирисовые.

partia и aspalathi¹. Ночью мы прибыли в Лэндж Вэллей, где устроились на ночлег в отдаленном месте, которое используется только для зимовок, когда вода свежая и не такая соленая, как сейчас. 24 октября 1774 г. проснулись рано утром, рассчитывая отыскать реку или водопад, где смогли бы переждать дневную жару, но к великому нашему разочарованию, до полудня так и не нашли ничего; быки наши изнуренные походом, брели, высунув языки. Примерно в час дня увидели в отдалении озеро, однако лошади наши отказались пить: мы спешили и обнаружили, что вода соленая. Вечером отыскивали источник вкусной пресной воды, где и провели ночь с большим комфортом. На следующее утро нас посетил крестьянин, прибывший из Кейптауна. Он рассказал, что ночью на него напал лев: он прыгнул на готтентота, управлявшего его быками, но, к счастью, слуге удалось спастись. Крестьянин предостерег нас, полагая, что лев может нагрянуть и к нашей стоянке» [Masson, p. 302–305].

Следует признать, что вся дальнейшая судьба Мэссона – в определенной степени провозглашение храбрости, мужественности и готовности пойти на риск как неотъемлемых качеств ученого-ботаника. За тридцать три года охоты на растения Мэссон посетил также остров Мадейра, Канарские, Азорские и Антильские острова, Португалию и Северную Америку. Он погиб в очередной экспедиции суровой зимой 1805 г. в Монреале. Подлинным триумфом деятельности Фрэнсиса Мэссона стал научный труд, посвященный стапелиям, цветкам-суккулентам, открытым во время его первого путешествия по Южной Африке: «25 октября 1774 г. на следующее утро мы отправились к соседним холмам и обомлели, увидев множество новых для нас растений. Все они определенно принадлежали к суккулентам², среди них были *mesembryanthemum*, *euphorbia* и *stapelia*³. Местный крестьянин сказал нам, что зимой холмы словно раскрашены во все цвета радуги. И добавил, что до сих пор ни одному ученому-ботанику не удавалось увидеть его дерево в “цветочный сезон”, чем он весьма опечален» [Mason, p. 306].

Значимым итогом путешествий стала большая коллекция растений и семян, привезенная Мэссоном в Лондон. За время пребывания в Африке Мэссону уда-

¹ Перечислены несколько видов кустарников. *Genista* (лат.) – дрок, род растений семейства Бобовые. *Partia* (лат.?) – трудно определить, что имел в виду Мэссон, так как в современной ботанической номенклатуре нет растения под таким названием. *Aspalathi* (лат.) – аспалатус, кустарник, произрастающий в Африке, род растений семейства Бобовые. Из листьев и побегов этого растения получают напиток, известный под названием ройбуш.

² Суккуленты – растения, имеющие специальные ткани для запаса воды; обычно произрастают в местах с засушливым климатом. Растения, которые входят в группу, объединяемую термином «суккуленты», не связаны между собой общим происхождением, их схожие черты вызваны схожими условиями обитания. Суккуленты стали объектом особенного внимания Мэссона, издавшего по возвращении отдельный труд, посвященный такой разновидности суккулентов как стапелия. См. *Masson F. Stapeliae novae; or, a collection of several new species of that genus, discovered in the interior parts of Africa. London, 1796.*

³ *Mesembryanthemum* (лат.) – мезембриантемум – род однолетних или двулетних небольших суккулентных растений семейства Аизовые, распространенных в Южной Африке. *Euphorbia* (лат.) – молочай, род растений семейства Молочайные. *Stapelia* (лат.) – стапелия – род суккулентных растений из семейства Кутровые, распространенных в полуаридных областях Южной и Юго-Западной Африки.

лось собрать и в дальнейшем передать Садам Кью и Бэнксу лично свыше пятисот образцов растений. Однако нам представляется, что гораздо важнее тот факт, что «Сообщение...» – первая попытка ботаника рассказать о своей работе. Этот текст интересен для нас с точки зрения изучения рутинных научных практик, языка научного описания и научной этики данного периода, – времени, когда ботаника переживала пик своей популярности и оказывала влияние на развитие научной мысли в целом [Дастон, с. 63–90], и в то же время вынуждена была противостоять общественному неодобрению и опровергать предрассудки в отношении гендерных ролей и сексуализации своей области исследований [Fara, p. 9–12.]. Маловероятно, что Мэссон намеренно старался превознести свой труд, полный опасностей и лишений, чтобы представить себя и других ботаников в лучшем свете. Судя по всему, дневниковые записи Мэссона оказались своевременной и уместной удачей для ученого сообщества в ситуации подъема в развитии ботаники и систематики, поскольку публикация «Сообщения...» давала возможность получить реальное представление об обстоятельствах жизни ученого в ботанической экспедиции.

Список литературы

Дастон Л. История науки и история знания / пер. с англ. А. Писарева // Логос. 2020. Том 30. № 1. С. 63–90.

Михайлов И. А. Английское просвещение и журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Новая эпоха развития европейской науки. // Философские науки. 2014. № 5. С. 9–23.

Форестер И. Г. Путешествие вокруг света. М.: Наука, 1986. 588 с.

Fara P. *Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks*. Cambridge: Icon Books UK, 2003. 168 p.

George S. *Botany, Sexuality and Women's Writing, 1760–1830 : From Modest Shoot to Forward Plant*. Manchester: Manchester University Press, 2007. 261 p.

Goodman J. After Cook: Joseph Banks and his travelling plants, 1787–1810 // *The Historian*. 2016/2017. Iss. 132. P. 10–14.

Masson F. An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa; Undertaken for the Discovery of New Plants, towards the Improvement of the Royal Botanical Gardens at Kew // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 1776. Vol. 66. P. 268–317.

Masson F. *Stapelix novæ; or, a collection of several new species of that genus, discovered in the interior parts of Africa*. L. : W. Bulmer and Co. for G. Nicol, 1796. 106 p.

McDougall-Waters J., Moxham N., Fyle A. *Philosophical Transactions : 350 years of publishing at the Royal Society (1665–2015)*. L., 2015. 27 p.

Thunberg C. P. *Resa uti Europa, Africa, Asia, förrättad åren 1770–1779*. 1788. 390 p.

Tyler-Whittle M. S. *The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants*. L.: Chilton Book Company, 1970. 328 p.

References

Daston, L. (2020). *Istoriia nauki i istoriia znaniia* [The History of Science and the History of Knowledge] / transl. by A. Pisarev. In *Logos*. 2020. Iss. 30, No. 1, pp. 63–90.

Forester, I. G. (1986). *Puteshestvie vokrug sveta* [The Travelling around the World]. Moscow, Nauka. 588 p.

Fara, P. (2003). *Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks*. Cambridge, Icon Books UK. 168 p.

George, S. (2007). *Botany, Sexuality and Women's Writing, 1760–1830 : From Modest Shoot to Forward Plant*. Manchester, Manchester University Press. 261 p.

Goodman, J. (2016/2017). After Cook: Joseph Banks and his travelling plants, 1787–1810. In *The Historian*. Iss. 132, pp. 10–14.

Masson, F. (1776). An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa; Undertaken for the Discovery of New Plants, towards the Improvement of the Royal Botanical Gardens at Kew. In *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Vol. 66, pp. 268–317.

Masson, F. (1796). *Stapeliæ novæ; or, a collection of several new species of that genus, discovered in the interior parts of Africa*. L., W. Bulmer and Co. for G. Nicol. 106 p.

McDougall-Waters, J., Moxham, N., Fyle, A. (2015). *Philosophical Transactions : 350 years of publishing at the Royal Society (1665–2015)*. L. 27 p.

Mikhailov, I.A. (2014). Angliiskoe prosveshchenie i zhurnal Philosophical Transactions of the Royal Society. Novaia epokha razvitiia evropeiskoi nauki [The English Enlightenment and the Philosophical Transactions of the Royal Society]. In *Filosofskie nauki*. No. 5, pp. 9–23.

Thunberg, C. P. (1788). *Resa uti Europa, Africa, Asia, förrättad åren 1770–1779*. 390 p.

Tyler-Whittle, M. S. (1970). *The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants*. L., Chilton Book Company. 328 p.

The article was submitted on 19.12.2020

УДК 94(31) + 316.323.4 + 94(5–11) + 94(519) + 94(520).01/09

Д. А. Суровень

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ГОСУДАРСТВЕ ЯМАТО В СЕРЕДИНЕ 20-Х ГОДОВ IV ВЕКА И МЯТЕЖ ТАКЭ-ХАНИ-ЯСУ-БИКО Часть 2-я

Аннотация. В статье анализируются сведения японских источников о борьбе за власть в начале царствования государя Мимаки (Сүдзина) в древнеяпонском государстве Ямато середины 20-х годов IV века (исправленной хронологии), последовавшей после периода распада и беспорядков эпохи «восьми правителей» и нового воссоединения земель центральной Японии под властью данного монарха. Частью этой политической борьбы стал мятеж члена государева рода – принца Такэ-хани-ясу-бико. Как выяснено, государь Мимаки, фактически, не принадлежал к роду *О-удзи*, родоначальником которого считается основатель государства Ямато – государь Дзимму. Мимаки происходил из местной знати равнины Нара: из рода предков кланов Ходзуми-но *оми* и Мононобэ-но *мурадзи* – потомков выходца с острова Кюсю по имени Ниги-хаяхи-но *микото* и (по женской линии) – от местного вождя Томи-бико (другое его имя – Нагасунэ-бико), главы союза общин Кинай конца III века (испр. хрон.). Поэтому ученые стали считать Мимаки основателем династии Мива. Археологические исследования и сведения источников позволили установить размеры и границы политики Мива, вступившей в борьбу с политией Сахо, находившуюся в сфере влияния вождя южной части равнины Киото – из области Ямасиро, подобного описанному в древнеяпонских источниках принцу Такэ-хани-ясу-бико (единокровному брату Мимаки), жившему в Ямасиро. Исследователи полагают, что это был конфликт между двумя областями – Ямато и Ямасиро за контроль над центральными землями Кинай или, что более вероятно, за контроль над северным – северо-восточным торговым маршрутом. На склоне Вани-но Такэсүки-но *сака* (границе политий Мива и Сахо) одному из военачальников государя Мимаки – *О-бико* (чье имя упомянуто в надписи на мече из Инарияма 471 года) стало известно о подготовке мятежа принца Такэ-хани-ясу-бико. Принцесса-жрица Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ знала такие подробности о заговорщиках, которые указывали на ее посвященность в дела мятежников. Однако ей удалось отвести от себя подозрения, т. к. она выдала планы мятежников. Разгром мятежников создал благоприятные условия для окончательного устранения духовного лидера оппозиции – принцессы-жрицы Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ, которая была дискредитирована идеологически, а потом, видимо, ритуально умерщвлена и похоронена в кургане Хасихака, чьи размеры и ориентация указывают на очень высокий статус «хозяина» могилы. После насильственной смерти принцессы-жрицы Ямато-тото-хи-момосо-бимэ препятствия планам государя Мимаки относительно создания нового культа богини солнца (покровительницы правящей династии и государства Ямато) с правителем-жрецом во главе были устранены.

Ключевые слова: древняя Япония, Ямато, Мимаки, Сүдзин, политическая борьба, верховная жрица

**POLITICAL STRUGGLE IN YAMATO STATE
IN MID–20S OF 4TH CENTURY
AND TAKE-HANI-YASU-BIKO REBELLION
Part 2nd**

Abstract. In this article, data of the Japanese sources on fight for power at the beginning of reign of the sovereign Mimaki (Sūjin) in the ancient Japanese Yamato state during the middle of the 20s years of the 4th century AD [the corrected chronology] which followed after the period of disintegration and disorders of an era of “the eight rulers” and new reunion of lands of the central Japan under the power of this monarch are analyzed. Part of this political struggle was the rebellion of a member of the monarchic family, prince Take-hani-yasu-biko. As it is clear, the king Mimaki, in fact, did not belong to the genus *Ō-uji*, the ancestor of which is considered the founder of the state Yamato – the king Jimmu. Mimaki came from the local nobility of the Nara plain: from the family of ancestors of Hozumi-no *omi* and Mononobe-no *muraji* – the descendants of the native from the Kyushu island by name Nigi-hayahi-no *mikoto* and (in the female line) – from the local leader Tomi-biko (other his name – Nagasune-biko), heads of the union of Kinai communities during the late 3rd century AD [the corrected chronology]. Therefore, scholars began to consider Mimaki as the founder of the Miwa dynasty. Archaeological research and historical sources allowed to determine the size and boundaries of the Miwa polity that came into the fight against the Saho polity, which was in the sphere of influence of the leader of the southern part of the Kyoto Plain – from the Yamashiro region, similar to prince Take-hani-yasu-biko (Mimaki’s half-brother, who lived in Yamashiro) who described in ancient Japanese sources. The researchers seem, that a conflict have been between two areas – Yamato and Yamashiro for control of the central Kinai lands or, more likely, for control of the northern and northeastern trade routes. On the slope Wani-no Takesuki-no *saka* (the border of the Miwa polity and Saho polity), one of the military commanders of the King Mimaki – Ō-biko (whose name is mentioned in the Inariyama sword inscription of 471 AD) became known about the preparation for the rebellion of prince Take-hani-yasu-biko. Princess-priestess Yamato-toto-hi-momo-so-bime knew such details about the conspirators, which pointed to her dedication to the affairs of the rebels. However, she managed to recuse herself from suspicion because she issued rebel plans. Defeat of rebels created favorable conditions for final elimination of the spiritual leader of opposition – princess-priestess Yamato-toto-hi-momo-so-bime who was discredited ideologically, and then, probably, is ritually destroyed and buried in the Hashihaka mound tomb whose sizes and orientation indicate very high status of owner of the grave. After the violent death of princess-priestess Yamato-toto-hi-momo-so-bime, the obstacles to the plans of king Mimaki to create a new cult of the goddess of the sun (the patron of the ruling dynasty and the Yamato state) headed by the priest ruler – were removed.

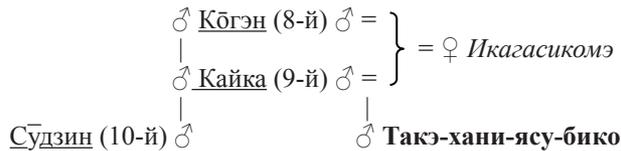
Keywords: ancient Japan, Yamato, Mimaki, Sūjin, political struggle, supreme priestess

О чем же говорят нам археологические материалы и древнеяпонские хроники? Как сообщают письменные источники, две области – Северное и Южное Ямасиро, а также район Сахо (в составе области Ямато-но *кун*) вошли в основанную государем Каму-ямато-иварэ-бико (Дзимму, 301–316 годы [испр. хрон.])¹ федерацию территориальных общин. В связи с этим следует обратить внимание на то, что, как установила Джина Л. Барнс (опираясь на анализ археологического материала), о вхождении района Сахо свидетельствует появление в Сахо в начале IV века керамики типа *фуру I* [Barnes, p. 158].

¹ О нем подробнее см.: [Суrowень, 1998 б, с. 175–198; Суrowень, 2015 а, с. 136–220].

После смерти Дзимму, федерация Ямато (если она не распалась полностью) – возможно, трансформировалась в конфедерацию (союз независимых государств), в которой отдельные *политии* снова обрели самостоятельность. Усилиями Мимаки (С̄дзина, 324–331 годов (испр. хрон.)) – по сути дела, первого государя новой династии Мива – федерация общин Ямато была восстановлена¹. Тем не менее, надо полагать, эти территориальные общины сохраняли большую самостоятельность во внутренних делах и, возможно, пытались восстановить свою независимость.

Когда государь Мимаки отправил своих полководцев покорять соседние регионы, один из военачальников – О-бико², по пути в Коси, на горном перевале Вани-но *сака* узнал о заговоре и приготовлениях к войне сводного брата Мимаки (и в силу особенностей матрилинейных брачных связей – одновременно его же дяди [см.: Кодзики, 1994, с. 58; Нихон-сёки, 1997, с. 438, п. 18]) – Такэ-хани-ясу и его жены Ата-бимэ, живших в Ямасиро (в южной части бассейна Киото) (Нихон-сёки, св. 2-й, С̄дзин; Kojiki, II, LXII; Jinno-shotoki³, I, Sujin, 73).

Как установила Джина Л. Барнс, склон Такэсёки-но *сака* в Вани (яп. Вани-но Такэсёки-но *сака*, он же: Вани-но *сака*), находящийся на водоразделе между реками Сахо-гава и Макимуку-гава – являлся северной границей *политии* Мива. Основанием для подобного вывода послужили сведения «Нихон-сёки». Когда Мимаки, в ходе подавления мятежа Такэ-хани-ясу-бико, отправил своих воинов атаковать вражеские силы в Ямасиро, военачальники воинов государя, достигнув склона Вани-но Такэсёки-но *сака*, «... [взяли]... священные кувшины (др.-яп. *ита-ти нэ*) и восставили [их] на вершине Вани-но⁴ Такэсёки-но *сака* для успокоения [души божества], а потом, поведя за собой отборные войска (яп. *сэйхэй*), прошли до горы Нара-яма, поднялись [на нее] и стали лагерем (др.-яп. *икуса-дакэсу*)⁵»⁶ (Нихон-сёки, св. 5-й, С̄дзин, 10-й год пр., 9-я луна). Подобные манипуляции со священными кувшинами дают историкам основания предполагать, что склон

¹ О нем подробнее см.: [Суровень, 1999, с. 89–113].

² Чье имя Опо-бико «意富比壘」 упомянуто в эпиграфической надписи на мече из Инарияма 471 года. – Цит. по: [Ямао, с. 362; Кавамото, с. 9; Murayama, Miller, p. 421–422; Мещеряков, с. 73–74; История ... с. 70–71; Мещеряков, Грачев, с. 128; Дой и др. с. 376; The Cambridge ... p. 454; Hong, p. 257, п.4; см.: Ямао, с. 362–371].

³ Цит. по: [Jinnō-shōtōki, 1980].

⁴ В русском переводе слова “Вани-но” пропущены. – См.: [Нихон-сёки, 1997, с. 212].

⁵ 軍 др.-яп. *икуса-дакэсу*, совр.-яп. *гун*, кит. *цзюнь* – ...гл. * стоять гарнизоном; занять позицию; располагаться лагерем... [БКРС, т. II, с. 915].

⁶ См.: [Нихон-сёки, 1997, с. 212; Nihongi, I, p. 171]; 「爰以忌瓮、鎮坐於和珥、武鏡、坂、上。則率精兵。進登那羅山而軍之。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 164].

Вани обозначал северную границу *политии* в Мива (в юго-восточной части равнины Нара, в районе Сики с центром Макимуку); и существовала необходимость в проведении ритуала магической защиты людей для того, чтобы они могли идти за пределы *политии* [Barnes, p. 155].

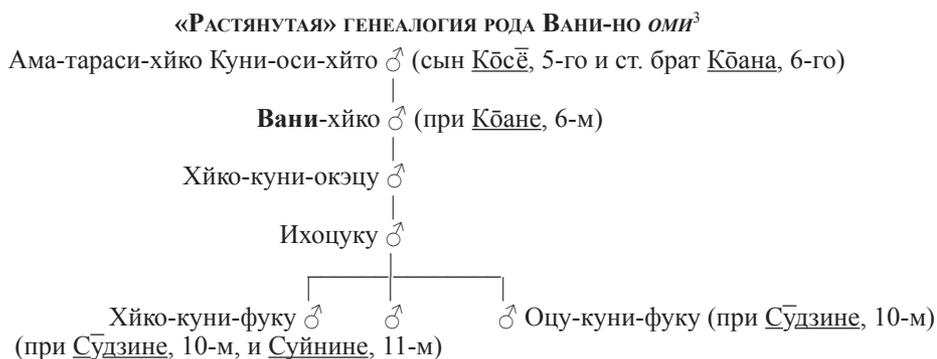
На склоне Вани-но *сака* полководец Ё-бико повстречал маленькую девочку, которая спела песенку-пророчество, иносказательно намекавшую на существование заговора [Нихон-сёки, 1997, с. 211; Кодзики, 1994, с. 57–58; см.: Ellwood, p. 202–203]. По мнению исследователей, эта песня, вероятно, относилась к классу так называемых “детских напевов” (яп. *доё*, кит. *тунъяо*) – песенок-пророчеств, приписываемых богам, которые через детей изрекают свои волеизъявления. В сущности, исполнителями этого пророческого жанра, сложившегося в Японии под китайским влиянием, не обязательно бывали дети. Это мог быть человек любого возраста, суть дела заключалась, главным образом, в ритуально-магическом жанре исполняемых песен. В них обычно сообщалось о наиболее важных событиях – падении ныне царствующего государя или о скором восшествии на трон одного из претендентов [Нихон-сёки, 1997, с. 438, п. 17; Кодзики, 1994, с. 119, п. 43].

Тогда Ё-бико повернул назад и доложил обо всем государю Мимаки. По «Кодзики», Мимаки сам понял, о чем идет речь в песенке. По сообщению «Нихон-сёки», смысл песенки истолковала принцесса-жрица Ямато-тото-хи-момо-собимэ. При этом она знала такие подробности о заговорщиках, которые указывали на **ее посвященность в дела мятежников**. «Поняла она, что песня сулит недоброе, и сказала государю так: “Это означает, что Такэ-пани-ясу-бико супротивные замыслы лелеет. Прослышала я, что Мэ-ата-пимэ, жена Такэ-пани-ясу-бико, украдкой пробралась на гору Ямато-но Кагуяма, взяла там глину, завернула в свою шаль, а потом стала ворожить так: “Это и есть страна Ямато!”...» [Нихон-сёки, 1997, с. 212; Ellwood, p. 203]. В этом ритуале глина выступала как заместитель территории государства; и Мэ-ата-химэ, ворожа с ней, имела целью помочь своему мужу, Такэ-хани-ясу-бико, завладеть страной [Нихон-сёки, 1997, с. 438, п. 19]. Видимо, принцесса-жрица, поняв, что замыслы заговорщиков стали известны, решила обезопасить себя от подозрений в измене со стороны правителя Ямато. Поэтому, так как момент внезапности был утрачен, решила главную вину взвалить на Такэ-хани-ясу и его жену, а себя вывести из-под удара. На данный момент этот ход сработал. Ямато-тото-хи-момо-собимэ впоследствии не была обвинена в причастности к заговору.

Исследователи рассматривают этот заговор как выражение сопротивления, оказанного частью местной знати (возглавленной Такэ-хани-ясу), объединению Центральной Японии и гегемонии правителей Ямато, а также как выражение борьбы внутри царского рода [Конрад, с. 28; см. также: Воробьев, 1988, с. 16]. На наш взгляд, наиболее важен второй аспект, так как этот заговор был типичной формой борьбы за власть внутри царского дома, которую в своих интересах поддерживала местная знать. Объединившись вокруг Такэ-хани-ясу, она вела борьбу против объединения Центральной Японии под властью Ямато.

Государь Мимаки собрал военный совет, чтобы выработать план действий. Мятежники рассчитывали на неожиданность и внезапность, но это преимущество было утрачено – они решили начать действовать, выступив двумя колоннами по двум разным дорогам: во главе одного войска стоял Такэ-хани-ясу; во главе другого, двигавшегося из О-сака, – его жена Ата-бимэ. Около горного прохода О-сака (др.-яп. Опо-сака) отряд Ата-бимэ был перехвачен войском [О]-Киби-цу-хйко (другое имя – Исасэри-хйко¹, который еще, как и остальные полководцы, не успел уйти в Западный Хонсю). Мятежники были уничтожены вместе с предводительницей (Нихон-сёки, св. 5-й, Сүдзин, 10-й год пр., 9-я луна; Nihongi V, 11).

Командовать операцией против отряда мятежников, выдвигавшегося из Ямасиро, Мимаки приказал военачальнику О-бико-но микото, в помощь которому был придан Хйко-куни-фүку-но микото (др.-яп. Пико-куни-пуку-но микото) из местности Вани в Ямато (предок клана Вани-но оми) из клана Вани-удзи. По одной генеалогии (связанной с удревнением правящей династии и растягиванием родословной) Хйко-куни-фүку-но микото был внуком Хйко-окэцу-но микото (современника правителя Кайка) и сыном Ихоцуку (см.: [Вани-удзи-но кэйдзу]), который, в свою очередь, был сыном Хйко-куни-окэцу (он же – Хйко-окэцу)² [Синсэн-сёдзи-року, св. 3-й, Вани-бэ].

¹ См.: [Кодзики, 1994, с. 48; Нихон-сёки, 1997, с. 202]. По сообщению источников, сыновья Кōрэя от двух сестер из рода Хаэ (Хаэ-иронэ и Хаэ-ирото соответственно): О-киби-цу хйко (др.-яп. Опокиби-ту пико – «Великий принц Киби») и Вака-такэ-киби-цу хйко (др.-яп. Вака-такэ-киби-ту пико – «Юный [и] храбрый принц Киби»), в период «восьми правителей» (316–324 гг. (испр. хрон.)) выступили из Харима для того, чтобы покорить земли области Киби (области к западу от Харима). Перед выступлением, по старому обычаю, в месте начала экспедиции, «перед рекой Хи (“Ледяная”) в Харима» (針間氷河 [Кодзики, 2001, с. 170, 171] – это река Како [Древние фудоки, с. 322]), установили священные кувшины для сакэ (зарыв их на уровне земли) как жертвоприношения различным богам и богу дорог [см.: Кожікі, р.198, п. 16, 19, 20]. Подобные манипуляции со священными кувшинами дают основания предполагать, что река Хи обозначала западную границу политии локального государя Кōрэя в Харима. Поход, организованный против общин Киби, завершился покорением этого раннегосударственного объединения [Кодзики, 1968, с. 80, п. 64] (Кодзики, св. 2-й, Корэй; Кожікі, II, LX).

² (95) 左京、皇別：「丸部。…彦姥津命、男伊富都久命之後也。」[Синсэн-сёдзи-року, 1962 а, с. 168]; ср.: 「丸部(わにべ)。…彦姥津命の男、; 伊富都久命の後なり。」[Синсэн-сёдзи-року, 1962 б].

³ Материалы из: [Вани-удзи кō; Вани-удзи-но кэйдзу].

Однако в «Синсэн-сѣдзи-року» (св. 3-й, 5-й, 6-й), Хйко-куни-фуку-но *микото* – трижды назван потомком в 3-м поколении (т. е. правнуком) Ама-тараси-хйко Куни-оси-хйто-но *микото*¹ (другое имя Ама-тараси-куни-оси-хйто-но *микото*) (Синсэн-сѣдзи-року, св. 5-й, Мано-но *оми*; Вани-бэ; св. 6-й, Авата-но *асоми*), что противоречит “растянутой” генеалогии рода Вани-удзи (по которой Хйко-куни-фуку-но *микото* считался потомком Ама-тараси-хйко Куни-оси-хйто-но *микото* в 4-м поколении). Получается, что здесь одно лишнее поколение. Кроме того, в 8-м свитке «Синсэн-сѣдзи-року» сын Вани-хйко – Хйко-окэцу-но *микото* (т. е. внук Ама-тараси-хйко Куни-оси-хйто) назван сыном Ама-тараси-хйко Куни-оси-хйто² (Синсэн-сѣдзи-року, св. 8-й, Хацукаси-но *обито*). Все в месте, это могло означать, что Вани-хйко и Хйко-куни-окэцу могли быть братьями. И действительно, по другой (“короткой”) родословной, Ихоцуку – это не отец, а старший брат Хйко-куни-фўку-но *микото*, а сам Хйко-куни-фўку-но *микото* – сын Хйко-куни-окэцу-но *микото*³, что совпадает с количеством поколений, указанных в «Синсэн-сѣдзи-року».

То есть по одной версии Ихоцуку – отец Хйко-куни-фуку, по другой – старший брат Хйко-куни-фуку. Ранее мы сталкивались с подобной ситуацией в случае с Вани-хйко и Хйко-куни-окэцу. Как уже говорилось ранее, в связи с особенностями передачи власти в родах древних правителей (получавших власть в силу того, что они были родственниками или мужьями верховных жриц; в связи с чем для сохранения власти внутри рода, практиковались кровосмесительные браки), одновременно это было возможно только в случае, если Ихоцуку взял в жены свою мать и она родила от него ребенка (Хйко-куни-фуку), который приходился Ихоцуку и братом (так как он сын матери Ихоцуку), и сыном (так как Ихоцуку – его отец).

Данный вариант родословной совпадает с поколениями рода государя Сўдзина (когда Хйко-куни-фўку-но *микото* был современником Сўдзина [10-го], Хйко-куни-окэ-цу-но *микото* – современником Кайка [9-го], а Вани-хйко получался современником Кбгэна [8-го]). Подтверждением этого могут служить сведения 10-го свитка «Кудзи-хонки» («Реестра наместников»). Там сказано, что внуком предка рода Вани-но *оми* по имени Хйко-окэцу-но *микото* (др.-яп. Пико-окэцу; он же Хйко-куни-окэцу), был **Хйко-оси-хйто-но**

¹ (154) 右京、皇別:「真野臣。天足彦国押人命,三世孫、彦国葺命之後也。」[Синсэн-сѣдзи-року, 1962 а, с. 178]; (155) 右京、皇別:「和迺部。天足彦国押人命,三世孫、彦国葺命之後也。」

ひこくにぶくのみこと
[Синсэн-сѣдзи-року, 1962 а, с. 179]; ср.:「真野臣(まののおみ)。天足彦国忍人命の三世孫、彦国葺命の後なり... 和邇部(わにべ)。天足彦国忍人命の三世孫、彦国葺命の後なり。」(св. 5-й, Мано-но *оми*, Вани-бэ) [Синсэн-сѣдзи-року, 1962 b]; (187) 山城国、皇別:「粟田朝臣。天足彦国押人命,三世孫、彦国葺命之後也。」[Синсэн-сѣдзи-року, 1962 а, с. 185]; ср.:「粟田朝臣(あはたのあそみ)。天足

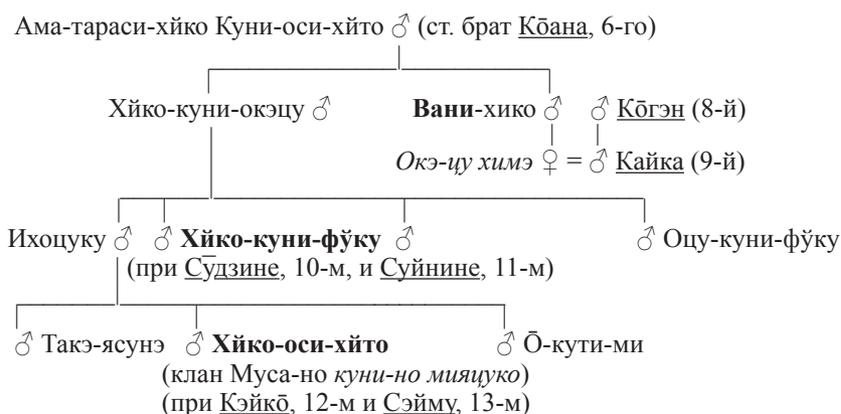
ひこくにぶくのみこと
彦国押人命の三世孫、彦国葺命の後なり。」(св. 6-й, Авата-но *асоми*) [Синсэн-сѣдзи-року, 1962 b].

² 「天足彦国押人命の男、彦姥津命...」[Синсэн-сѣдзи-року, , 1962 b].

³ [Вани-удзи кō].

микото (др.-яп. Пико-оси-пито)¹ (Кудзи-хонки, св. 10-й, Муса-но куни-но мияцу-ко). По «растянутой» генеалогии Хйко-оси-хйто считался сыном *О̄*-кути-ми и *внуком* Хйко-куни-фўку², что не совпадает со сведениями «Кудзи-хонки». Однако по «короткой» версии родословной клана Вани-но *оми*, Хйко-оси-хйто приходился *сыном* Хйко-куни-фўку и старшим братом *О̄*-кути-ми³. В этом случае генеалогические данные совпадали со сведениями 10-го свитка «Кудзи-хонки» – Хйко-оси-хйто, получалось, действительно был внуком Хйко-окэцу-но микото (Хйко-куни-окэцу).

«КОРОТКАЯ» ГЕНЕАЛОГИЯ РОДА ВАНИ-НО *ОМИ*

Приведенные выше сведения показывают, что в ряде случаев, в угоду **удревнения** правящей династии Ямато, а в силу этого – и связанных с ней кланов, **люди одного поколения** (в данном случае – братья) только на протяжении трех царствований **трижды** оказались **отнесены к разным поколениям**, чтобы увеличить генеалогическую древность первопродков.

Таким образом, большое правительственное войско, под командованием *О̄*-бико-но микото и Хйко-куни-фўку-но микото через проход Вани подошло к горе *Нара-яма*, а затем вышло к реке *Вакара-кава* в Ямасиро (к северу от провинции Ямато), где его на противоположном берегу уже ожидал Такэ-хани-ясу со своей армией. Мятежник был убит в перестрелке стрелой Хйко-куни-фўку, а мятежное войско было обращено в бегство. Воины Такэ-хани-ясу в страхе бежали на север до переправы Кусуба (в провинции Кавати), где они были порублены пра-

¹ 「**武社國造**。志賀高穴穗朝、和邇臣祖彦意禰都命孫、彦忍人命ヲ定賜レ國造。」[Кудзи-хонки, муса-но-куни-но-мияцу-ко, св. 10, с. 408]; ср.: 「**武社國造**。志賀高穴穗朝の御世に、和邇臣の祖彦意禰都命の孫の彦忍人命を國造に定められました。」[Кудзи-хонки; Сэндай кудзи хонги, с. 116].

² См.: [Вани-удзи-но кэйдзу].

³ См.: [Вани-удзи кō].

вительственными войсками (Нихон-сёки, св. 5-й, Сүдзин, 10-й год пр.; Nihongi, V, 12–13; Кодзики, св. 2-й, Сүдзин, мятеж Хани-ясу-хико; Kojiki, II, LXVI).

Если верить сообщению Икэда Дзиндзё, то в эпиграфической надписи неизвестного происхождения на так называемой «каменной крышке» кургана (*кофун*) на школьном дворе школы второй ступени в Ямасиро¹ сообщается, что Такэ-хани-ясу-бико-но *микото* умер в 9-й день 4-й луны года *хиното-хицудзи* (44-й год цикла)² в возрасте 40 лет³. Могилой его считается курган Цубаи-ōдзука-яма⁴.

Разгром мятежников создал благоприятные условия для окончательного устранения духовного лидера оппозиции – принцессы–жрицы Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ. В «Нихон-сёки» сразу после рассказа о подавлении мятежа приведена история о смерти принцессы Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ. Теперь ее можно было устранить окончательно, причем уже не только политически, но и физически, а для этого ее необходимо было окончательно дискредитировать, для чего и была придумана история о том, что бог Ō-моно-нуси, с которым принцесса состояла в «священном браке», покинул свою «жену».

История такова. Бог приходил к Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ только по ночам, а принцессе, любопытной, как и все женщины, очень хотелось увидеть его при дневном свете. Вняв настойчивым просьбам супруги, Ō-моно-нуси посоветовал ей утром заглянуть в свою шкатулку для гребней, предупредив, чтобы она не пугалась того, что увидит. Едва дождавшись рассвета и открыв шкатулку, принцесса не смогла удержать возглас испуга при виде маленькой змеи [Светлов, 1994, с. 27; Нихон-сёки, 1997, с. 213; The Cambridge ... p. 117]. Сам факт появления *кунитама* в виде змеи говорит о многоликости этого божества, сочетавшего различные элементы культа предков и земледельческого культа, ибо змея в представлениях древних, как правило, ассоциировалась с водой [Светлов, 1994, с. 27]. «Тогда Великий бог от стыда тут же превратился в человека и сказал сво-

¹ Об этой «каменной крышке» (石蓋 *яп. сэки-гай / иси-фүта*) кургана на школьном дворе школы второй ступени в Ямасиро, видимой со старой дороги Ямасиро-кодō (古墳の石蓋は「山城中学校」の校庭にあり、道路から見られます。) см.: [Кокүси-сэки...].

² На рубеже III–IV веков выпадает на 287 год (см.: [Цыбульский, с. 90]). Однако, по реконструированной хронологии «Нихон-сёки», события мятежа Такэ-хани-ясу-бико должны приходиться на середину 20-х годов IV века (предположительно, 325 год (испр. хрон.)). Если применить известное по другим периодам удвение циклических датировок на 26 лет (связанных с корейским источником «Пэкче-синчхан» – см.: [Суровень, 2015 b, с. 1–226; Суровень, 2019 b, с. 22–46]), то год *хиното-хицудзи* придется на 313 год (287 + 26 = 313 г.), что не совпадает с реконструированной хронологией «Нихон-сёки» на один малый «животный» цикл в 12 лет (325 – 313 = 12 лет). Это может указывать на использование в данное время разных систем летосчисления, циклические датировки которых не совпадали.

³ 山城中[学]校庭石蓋 (墓碑所在箇所等) 建波邇夜須毘古命/孝元子 (陵主名) 丁未年、4月、9日、40 (没年月日薨年) 椿井大塚山 (古墳名等) [Кофун то рёсю – 1].

⁴ [Кофун то рёсю – 1; Косима, с. 17]. В 1953 году в погребальной камере кургана Цубаи-ōдзука-яма *кофун* были найдены 32 зеркала, большой меч, железный изогнутый меч, железный прямой меч, железное копьё, шлем, короткий панцирь, железный топор, нож, серп, строгальный нож, *яриганна* (鋤 досл. ‘копье-струг’), сверло (шило), гарпун, рыболовный крючок и другие предметы, что указывает на высокий статус похороненного лица периода раннего Ямато времени царствования Сүдзина [Косима, с. 17].

ей жене: “Ты не стерпела [закричала], и тем навлекла на меня позор. Раз так, то я вернусь (на гору Мива – Миморо-но *яма* – С. Д.), и на тебя позор навлеку”, – так молвил. И вот, по воздуху ступая, стал подниматься на гору Миморо-но *яма*» [Нихон-сёки, 1997, с. 213]. Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ была дискредитирована. Это означало, что принцесса **не могла более быть жрицей** бога Ō-моно-нуси. Она лишалась той важной политической роли, которую она играла, будучи «женой» бога-покровителя земель области Ямато. Оставалось только физически ее уничтожить, чтобы она не смогла опровергнуть то, что было сказано о ее «разводе».

Как рассказывается в «Нихон-сёки», Ō-моно-нуси обиделся и навсегда ушел от принцессы на гору Мива (Миморо-но *яма*). Принцесса страшно опечалилась и, не в силах перенести разлуку с супругом, обезумев от горя, проткнула матку палочками для еды (яп. *хаси*) и умерла [Светлов, 1994, с. 27; The Cambridge... р. 117–118]: «Запрокинула Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но *микото* голову, чтобы на него вверх смотреть, раскаялась, да тут и наземь села. Проткнула себе потаенное место палочками для еды и скончалась» [Нихон-сёки, 1997, с. 213]. Обращает внимание странный способ ухода из жизни, напоминающий скорее *ритуальное убийство жрицы*. Были проткнуты ее гениталии, чтобы она никогда не смогла родить «от бога Ō-моно-нуси» ребенка, который бы стал подходящей кандидатурой на роль лидера оппозиции. Роберт С. Элвуд оценивает данные события как «дисквалификацию» шаманок (в особенности, жрицы Ямато-тото-хи-момосо-бимэ) [Ellwood, р. 203, 204] как религиозно-политических лидеров. В источниках прямо указывается, что женщины, назначенные исполнять обряды великому божеству земель Ямато, неизбежно терпели неудачу [Ellwood, р. 204].

Это указывало на какие-то религиозно-политические изменения, произошедшие в царствование государя Мимаки. Письменные источники и данные археологических раскопок дают однозначный ответ на данный вопрос: это связано с религиозным престижем и, следует добавить, с политической властью. До этого, в III – начале IV веков н. э. функции верховных религиозных руководителей выполняли женщины – это правительница федерации общин Нью-ван-го на Северном Кюсю по имени Бимиху (яп. Химико), ее преемница – Июй (яп. Иё)¹, а в Центральной Японии в начале 20-х годов IV века (испр. хрон.) функции верховной жрицы главного культа Ямато (“жены” верховного бога-покровителя Ō-моно-нуси, находившейся с ним в священном браке) выполняла принцесса Ямато-тото-хи-момосо-бимэ (в «Кодзики»: Ямато-то-момосо-бимэ) – дочь государя Кōрэя, локального властителя западной части конфедерации Ямато периода «восьми правителей» (316–324 годы [испр. хрон.]). Именно ее устами вещал Ō-моно-нуси – бог горы Мива [Светлов, 1994, с. 37; см.: Ellwood, р. 200] (Нихон-сёки, св. 4-й, Кōрэй, 2-й год пр.; Кодзики, св. 2-й, Кōрэй). Такие женщины были личностями шаманского типа, влияние которых основывалось на их способностях передавать волю богов [Ellwood, р. 204]. Однако на рубеже III–IV веков, как

¹ Подробнее см.: [Суровень, 1995, с. 158–170; Суровень, 2019 а, с. 206–209, 219–229, 245–251].

считают исследователи, происходит важное изменение во властных структурах государства Ямато: переход всей полноты власти от личностей шаманского типа, которыми чаще всего были женщины, к правителю–мужчине (*ō-кими*) [Ellwood, p. 199]. А в описываемую эпоху это было возможно лишь при условии, что сам монарх берет на себя жреческие функции в качестве верховного жреца, сам начинает отправлять культ божества-покровителя своего государства [Светлов, 1994, с. 37]. Что и сделал государь Мимаки.

Погребли Ямато-тото-хи-момосо-бимэ в местности Оити (др.-яп. Опо-ити) в кургане, который называли *Хасихака* (досл. ‘Могила [умершей от] палочек для еды’) – одним из шести погребальных курганов, расположенных у подножия горы Мива [Светлов, 1994, с. 27; The Cambridge... p. 118]. «Днем ее гробницу строили люди... Делали гробницу из камней, перетаскивая их с горы Опо-сака-но *яма*. От горы до гробницы стоял народ, передавая камни из рук в руки...» [Нихон-сёки, 1997, с. 214; Nihongi, I, p. 159]. Курган Хасихака относится к группе древнейших курганов Ямато, построенных на рубеже III–IV веков н. э. [Светлов, 1994, с. 35; Barnes, p. 96, 135, 175]. Причем Хасихака не только самый большой курган (около 280 м в длину [278 м]) в данном районе, но и самый древний [Barnes, p. 96, 135, 175; Светлов, 1994, с. 35; Гнездилова, Иванова, с. 82; Кузнецова, с. 94]. Исследователи, на основе анализа формы кургана Хасихака и стиля керамики, найденной в связи с этим курганом, пришли к выводу, что он должен быть самым ранним из колоссальных погребений такого типа [Edwards, p. 80; Barnes, p. 115]. Древнейший кофун в виде замочной скважины, *Хасихака-кофун*, был воздвигнут во второй половине III – начале IV вв. н. э. (между 250–350 гг.) (см.: [The Cambridge... p. 116–117; Кудзира, с. 39; Кисимото, с. 369, 370, 371]). На этот счет у японских археологов есть несколько мнений: Хиросэ Кадзуо считает, что это произошло в середине III века, в чем с ним солидарен Сираиси Таитирō [Кузнецова, с. 94; *Хасихака-кофун-ни...*; см.: Кисимото, с. 369, 370, 371, 394; Одзава, с. 65]. Данная датировка носит весьма приблизительный характер: радиоуглеродный анализ не позволяет узнать возраст кургана в точности до десятилетия (радиоуглеродный анализ может давать ошибку в датировках до 100 лет [см.: Одзава, с. 65]). Поэтому вопрос о том, когда доподлинно был воздвигнут данный древнейший курган в форме замочной скважины, оставался открытым [Кузнецова, с. 94]. Другие ученые, опираясь на датирование недавно обнаруженных на поверхности кургана керамических фрагментов подставок для ритуальных сосудов, склонились к датировке кургана Хасихака концом III века [Кисимото, с. 383; Barnes, p. 97; Гнездилова, Иванова, с. 82]: Тэрасава Каору придерживается мнения, что строительство кургана случилось в период с 260 по 280 гг. (ок. 270 г. [Одзава, с. 65; см.: Barnes, p. 97]), Исино Хиронобу предпочитает даты между 280–290 гг. [Кузнецова, с. 94; см.: Кисимото, с. 386]. Другие исследователи, в том числе и Джина Л. Барнс, относят сооружение *Хасихака-кофун* к 300–310 гг. [Светлов, 1994, с. 35; см.: Barnes, p. 95, 97], но не ранее 280 года (см.: [Barnes, p. 97, 113]).

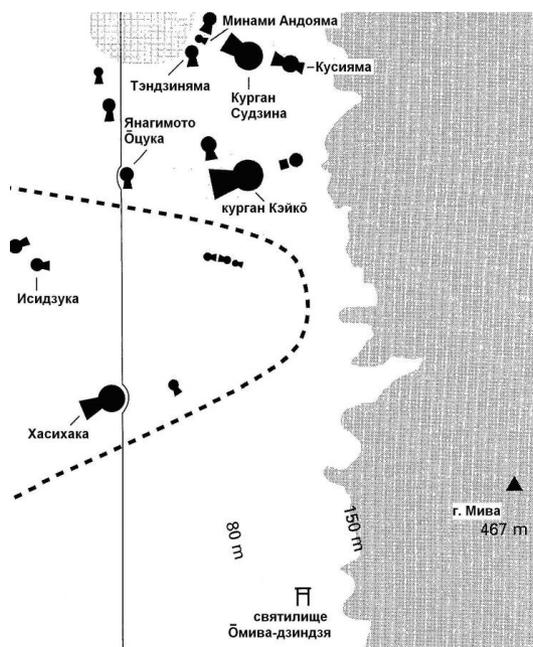

Рис. 2. Расположение курганов около горы Мива¹

Рис. 3. Курган Хасихака
(рис из: Barnes, p. 97, fig. 4.1)

Ряд ученых считает, что сведения «Нихон-сёки» не соответствуют действительности. Не понимая подлинного статуса и значения персоны Ямато-тото-химомосо-бимэ в период раннего Ямато, они высказывают сомнение в том, что такое большое захоронение было могилой «обыкновенной принцессы», не имевшей каких-либо прав наследования монархической власти [Светлов, 1994, с. 35]. Одни (сторонники гипотезы расположения государства Ематай-го [яп. Яматай-куни] в Кинай) предлагают считать курган Хасихака – захоронением упоминаемой в китайских источниках правительницы Бимиху (яп. Химико), умершей в 248 году (см.: [Ямасита, с. 32; Одзава, с. 63; Хасихака-кофун-ни...; Barnes, p. 9, 95, 98, 103, 118]), что не совпадает с археологической датировкой времени строительства кургана (на рубеже III–IV вв.) [Светлов, 1994, с. 35; см.: Barnes, p. 95].

Другие историки (по причине больших размеров кургана, которые, по их мнению, должно было иметь только захоронение монарха) предлагают считать Хасихака могилой основателя династии Ямато – государя Дзимму [Светлов, 1994, с. 34]. Но эти исследователи, видимо, не понимают, что и могила верховной жрицы – «жены» великого бога-покровителя области Ямато должна была быть величественной. Поэтому все-таки более правильным будет придерживаться той версии, которая рассказана в древнеяпонских источниках: Хасихака – это могильный курган верховной жрицы бога-покровителя Центральной Японии – принцессы Ямато-тото-хи-момосо-бимэ [см.: Edwards, p. 80], умершей (убитой) в первой четверти IV века (испр. хрон.).

¹ Карта из: [Edwards, p. 79].

На высокий статус похороненной в кургане Хасихака жрицы указывает следующий факт: ось кургана Хасихака ориентирована на восход солнца над вершиной горы Юдзуки-такэ за месяц до летнего солнцестояния [Palmer, p. 86]. Ова Ивао пришел к выводу, что курганные насыпи, ориентируемые на священные горы, являются могилами людей, принадлежавших к высшему правящему слою Ямато. Форма курганов в виде замочной скважины, находившаяся под влиянием китайской концепции Круга Небес и Земного Квадрата, указывает на божественный статус людей, погребенных в этих могилах [Palmer, p. 86].

Рис. 4. Фотография камня с надгробной надписью о смерти Ямато-момосо-химэ (вверху – первоначальный вид; внизу – прорисовка надписи)

В 3-м месяце 1991 года (3-го года *Хэйсэй*), как сообщает Икэда Дзиндзё, около кургана Хасихака был обнаружен камень надгробного памятника с надписью (яп. *хисэки / иси-буми-но иси*)¹. Данный камень с эпитафической надписью был найден вблизи плотины, которая использовалась для отвода воды из внутренней части рва с водой вокруг кургана Хасихака, датируемого началом IV века н. э. [Barnes, p. 95; Хасихака-кофун]. Сделали несколько фотографий этого камня (см. фото снизу). Позже анализ фотографий камня, сделанных на дамбе окружавшего курган рва и во дворе располагавшегося неподалеку жилого дома, показал наличие на надгробном камне надписи [Ямасита, с. 31].²

На камне в три горизонтальных строки (читаемых справа налево) вырезана надпись: «Могила (яп. *хака*) Ямато-момосо-химэ-но *микото*, в год *цүтиноэ-тора* (15-й год цикла)³, 10-ю

¹ 碑石 яп. *хисэки / исибуми-но иси* – камень надгробного памятника с надписью [Ямасита, с. 31].

² Фото из: [Ямасита, с. 31, рис. 3; Хасихака-кофун].

³ Год *цүтиноэ-тора* в начале IV века приходится на 318 год (см.: [Цыбульский, с. 95]). В данном случае эта женщина (умершая в возрасте 84-х лет) должна была родиться в 235 году. В связи с этим, нужно обратить внимание на то, что, возможно, комментаторы «Кодзики» вместо реального года смерти государя Мимаки (Сүдзина) ошибочно указали как год его кончины год *цүтиноэ-тора* – в реальности являвшийся годом смерти Ямато-момосо-химэ-но *микото* (год *цүтиноэ-тора*) [?]. (Ср.: [Ямасита, с. 3]). Однако данная датировка не совпадает с циклическими датировками «Нихон-сёки», на основе реконструкции которых получается, что события мятежа Такэ-хани-ясу-бико должны приходиться на середину 20-х годов IV века [испр. хрон.] (разница в 7 лет). Данный факт может указывать на то, что в тот период могли существовать и использоваться разные системы летосчисления, на основании которых были даны датировки событиям мятежа Такэ-хани-ясу-бико.

луну, 20-й день почил, августейших годов [было] восемь десятков [и] четыре года»¹.

После насильственной смерти принцессы–жрицы Ямато-тото-хи-момособимэ препятствия планам государя Мимаки относительно создания нового культа богини солнца (покровительницы правящей династии и государства Ямато – вместо Ё-моно-нуси, прежнего бога–покровителя местности Мива в Ямато) были устранены. И государь Мимаки начал осуществлять свою знаменитую религиозно-политическую реформу.

Список литературы

БКРС – Большой китайско-русский словарь. М. : Наука, 1983–1984. Т. I–IV.

Вани-удзи кō 和邇氏考 (Исследование [генеалогии] рода Вани) [сайт]. URL: <http://www17.ocn.ne.jp/~kanada/1234-7-29.html> (дата обращения: 12.08.2018).

Вани-удзи-но кайдзу 和邇氏の系図. Суруга Асама гудзи-ка сё дзёхан-ни дзюнкё 駿河浅間大社宮司家所蔵版に準拠 (Родословная клана Вани. Основано на издании [из] хранилища семьи управляющих делами великого святилища Асама [области] Суруга) – Из кн.: Сэйси какэй дай-дзитэн сё-сай “Ванибэ-кэйдзу” 『姓氏家系大辞典』 所載 「和邇部系図」 (“Родословная клана Вани”, помещённая в «Большом словаре генеалогий фамилий и родов») [сайт]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/ookimikeizu/wanikeizu.htm> (дата обращения: 12.08.2018).

Воробьев М. В. «Нихонги» и общественные выступления в Японии: с древности и до конца VII века // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М. : Наука, 1988. С. 15–25.

Гнездилова И. С., Иванова Д. А. Монументальные сооружения в древних культурах Японского архипелага: период кофун // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 78–86.

Дой Тосирō 土肥 俊郎, Касай Тосио 河西 敏雄, Накадзима Тосихару 中島 利治, Самицу Ямато 佐光 大和. Саитама-кофун-кара-но сюцудохин (кинсаку-мэй тэцүкэн)-но сайгэн какō-ни кан-суру кэнкю ;埼玉 古墳からの出土品 (金錯銘鉄剣) 再現加工に関する研究 (Исследование по поводу обработки воспроизведения [надписи] на археологической находке из древнего кургана Саитама (железного меча с инкрустированной золотом надписью)) // Нихон-кйкай-гаккай бунсю (“С” хэн) 日本機械学会文集 (C 編) (Антология японского научного общества механики. Том C). 1995, ноябрь. Т. 61, № 591. С. 375–381.

Древние фудоки. М. : Наука, 1969. 340 с.

Икэда Дзиндзō 池田 仁三. Гадзō-кайсэки-ни ёттэ каймэй-сита кофун-бохи 画像解析によって解明した古墳墓碑 (Надгробные камни с надписями [в] гробницах [и у] древних курганов, выявленные с помощью анализа изображений). Токио : Сэйриндō 青林堂, 2013. Ч. 1-я, Ч. 2-я 上, 下. 192 с. + 196 с.

Икэда Дзиндзō 池田 仁三. Компюта гадзō кайсэки-но сэкай コンピューター画像解析の世界 (Мир компьютерного анализа изображений) [сайт]. URL: <http://www11.ocn.ne.jp/~jin/GAZO2.html> (дата обращения: 12.08.2018).

История Японии с древнейших времен до 1868 года. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. Т. I. 659 с.

Кавамото Ёсиаки 川本 芳昭. Ва-коку-ни окэру тайкайкōсё-но хэнсан-ни цуйтэ 倭国における対外交渉の変遷について (Об изменениях внешнеполитических отношений в стране Ва) // Сизэн 史淵 (Пучина истории) (Кюсю-дайгаку 九州大学 (Университет Кюсю)). 2006, март, № 143. С. 27–64.

Кисимото Наофуми 岸本 直文. Ва-ни окэру кока-кэйсэй то кофун-дзидай-кайси-но пүросэсу 倭国における国家形成と古墳時代開始のプロセス (Формирование государства в [стране] Ва и процессы начала периода кофун) // Кокурицу рэкиси миндзоку хакубуцукан кэнкю хōкоку 国立歴史民俗博物館研究報告 (Исследовательские доклады Государственного музея истории [и] этнографии). 2014, февраль. Сб. 285 第185集. С. 369–403.

Кодзики 古事記 (Записи о деяниях древности) (из серии «Нихон котэн дзэнсю») 日本古典全集 Полное собрание японской классики). Токио 東京: Асахи симбун сьякан 朝日新聞社刊, 1968. Т. II. 354 с.

やまとももそひめみことはかつちのえとら

¹ 「倭母母曾毘賣命墓 戊寅年十月廿日薨 御年八十四歳」の墓碑 [Ямасита, с. 31]; 「倭母母曾毘賣命墓、戊寅年十月廿日薨、御年八十四歳」 [Хасихака-кофун; Икэда]. См.: [Икэда, ч. 1-я, 2-я].

Кодзика 古事記 (Записи о деяниях древности) (из серии «Нихон котэн бунгаку дзэнсю») 日本古典文学全集 Полное собрание японской классической литературы). Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 2001. 464 с.

Кодзика: Записи о деяниях древности. СПб.: Шар, 1994. Т. II. 256 с.

Кокүси-сэки “Цубаи-ōдзука-яма кофун” 国史跡「椿井大塚山古墳」(Национальный исторический памятник «курган Цубаи-ōдзука-яма») // Ямасиро-кодō. Ч. 10 山背(やましる)古道。その1 0 (Древняя дорога Ямасиро. Ч. 10) [сайт]. URL: <https://urano.org/kankou/yamasiro/yama10.html> (дата обращения: 09.02.2020).

Конрад Н. И. Древняя история Японии // Избранные труды: история. М.: Наука, 1974. С. 11–74.

Косима Күнико 古島 邦子. Цубаи-ōдзука-яма то сүхэн-но сисэки-о мэгуру 椿井大塚山と周辺の史跡を巡る ([Курган] Цубаи-ōдзука-яма и обход исторических памятников) // Тоё-нака рэйкиси дōкōкай 豊中歴史同好会 (Общество единомышленников [любителей] истории Тоё-нака). Собрание 317. 2014, 1 июня. つどい 第317号. 2014.6.1. С. 14–19.

Кофун то рёсю – 1 古墳と陵主 – 1 (Древние курганы и хозяева усыпальниц – 1) [сайт]. URL: <http://www11.ocn.ne.jp/~jin/RYOS1.htm> (дата обращения: 12.08.2018).

Кудзира Кийэси 鯨清. Нихон-коку тандзё-но надзо 日本国誕生の謎 (Загадка рождения Японского государства). Токио 東京: Нихон бунгэйся 日本文芸社, 1978. 268 с.

Кудзи-хонки 舊事本紀 (Основные записи [о] древних делах) // Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 (Основные записи [о] древних делах прежних времён) // Кокүси-тайкэй 国史大系 (Большое собрание [источников] по истории [японского] государства). Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 経済雑誌社, 1901. Т. 7 第七卷. С. 171–418.

Кудзи-хонки, в 10-ти свитках 舊事本紀. 全十卷 (Основные записи [о] древних делах. В 10-ти свитках) // Сэндай кудзи-хонки, св. 1-й – 10-й 先代舊事本紀 (Основные записи [о] древних делах прежних времён) [сайт]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 12.08.2018).

Кузнецова М. С. Японские курганные захоронения кофун: основные аспекты исследования // Известия Лаборатории древних технологий. Том 14. 2018. № 1. С. 87–97.

Меццераков А. Н. «Нихон-сэки»: историческая мысль и культурный контекст // Нихон-сэки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. С. 71–110.

Меццераков А. Н., Грачёв М. В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002. 512 с.

Нихон-сэки 日本書紀 (Анналы Японии) (из серии «Кокүси-тайкэй») 国史大系 (Большое собрание [источников] по истории [японского] государства). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I. 417 с.

Нихон-сэки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. 496 с.

Одзава Кадзүмаса 小沢 一雅. Хасихака-кофун дзиссокудзу-ни кан-суру ити кōсацу 箸墓古墳実測図に関する一考察 (Размышление о топографической карте кургана Хасихака) // Кōкай симпозиумү «Дзимбун-кагаку то дэтабэсү» (Открытый симпозиум «Гуманитарные науки и база данных») 公開シンポジウム「人文科学とデータベース」. 2012, январь. Вып. 17-й 第1 7回. С. 63–70.

Светлов Г. Е. Колыбель японской цивилизации: история, религия, культура. М.: Искусство, 1994. 271 с.

Синсэн-сёдзи-року 新撰姓氏録 (Вновь собранные записи о титулах и родах), в 3-х частях // Саэки Арикйё 佐伯 有清. «Синсэн-сёдзи-року»-но кэнкю. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究 本文篇 (Исследование «Вновь собранных записей о титулах и родах»). Основной текст). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962 а. С. 149–350.

Синсэн-сёдзи-року (Вновь собранные записи о титулах и родах), в 30-ти свитках 新撰姓氏録. 全三十卷 // Саэки Арикйё 佐伯 有清. Исследование «Синсэн-сёдзи-року». Основной текст 新撰姓氏録の研究 本文篇. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962 б [сайт]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html> (дата обращения: 12.08.2018).

Суровень Д. А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н. э. – III век н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск: Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1995. Вып. 2. С. 150–175.

Суровень Д. А. К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму // Genesis : исторические исследования. 2015 а. № 3. С. 136–220.

Суровень Д. А. О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү) и Хомудавакэ (государя Ōдзина) // Genesis : исторические исследования. 2015 б. № 6. С. 1–226.

Суровень Д. А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1998 б. С. 175–198.

Суровень Д. А. Проблема периода «восьми правителей» и развитие государства Ямато в царствование Мимаки (государя Судзина) // Известия Уральского государственного университета: гуманитарные науки. Вып. 2. Екатеринбург: УрГУ, 1999. № 13. С. 89–113.

Суровень Д. А. Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов / Глав. ред. проф. А. С. Смыкалин. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019 а. Вып. 6-й. С. 110–268.

Суровень Д. А. Реконструкция хронологии первой половины V века (царствований государей Нинтоку – Ингё). Ч. 1: Хронология второй четверти V века // Genesis: исторические исследования. 2019 б. № 3. С. 22–46.

Сэндай кудзи хонги, 10-й свиток “Куни-но-мияцуко-хонги” (Описание управителей областей) // Синто: путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. II. С. 112–127.

Хасихака-кофун 箸墓古墳 (Древний курган Хасихака) [сайт]. URL: <http://www11.ocn.ne.jp/~jin/HASHI.html> (дата обращения: 12.08.2018).

Хасихака-кофун-ни нэмуру-но ва... 箸墓古墳に眠るのは... (В древнем кургане Хасихака покоится...) // Санкэй-симбун 産経新聞 (газета «Санкэй-симбун» [новости о промышленности и экономике]). 2008. 27 августа.

Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.: Наука, 1987. 384 с.

Ямао Юкихиса 山尾 幸久. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論 (Исторический трактат о формировании древней монархической власти в Японии). Токио 東京: Иванами сэтэн 岩波書店, 1983. 486, 15 с.

Ямасита Сигэёси 山下 重良. Яматай-коку-но кэнкоку-кара дзёб Химико-но дзидай 邪馬台国の建国から女王卑弥呼の時代 (Эпоха государя-женщины Химико из [событий] основания государства Яматай-коку). Токио 京都: Токё-дайгаку 京都大学, 2011. 241 с.

Barnes G. L. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. London–New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2001. xxi, 261 p.

Edwards W. Mirrors on Ancient Yamato: The Kurozuka kofun discovery and the question of Yamatai // Monumenta Nipponica. 1999, spring. Vol. 54. No 1. P. 75–110.

Ellwood R. S. The Sujin religious revolution // Japanese journal of religious studies. 1990. No 17/2–3. P. 199–217.

Hong Wontack. Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan. Seoul : Kudara International, 1994. 328 p.

Jinnō-shōtōki // Kitabatake Chikafusa. A chronicle of gods and sovereigns: Jinno-shotoki / Transl. by Paul Varley. N. Y. : Columbia university press, 1980. 300 p.

Kojiki: Records of ancient matters / Transl. by B. H. Chamberlain. Tokyo : Charles E. Tuttle Company, 1982. P. 1–428.

Murayama Shichiro, Miller R. A. The Inariyama tumulus sword inscription // Journal of Japanese studies. 1979, summer. Vol. 5. No 2. P. 405–438.

Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Transl. by W. G. Aston. L. : Allen, 1956. Part I. 407 p.

Palmer E. Land of the Rising Sun. The predominant east-west axis among the early Japanese // Monumenta Nipponica. 1991, spring. Vol. 46. No 1. P. 69–90.

The Cambridge history of Japan: Ancient Japan. Cambridge–New York: Cambridge University Press, 1993. Vol. I. 602 p.

References:

Barnes, G. L. (2001.) *State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite*. L.–N. Y., Routledge Taylor & Francis Group. xxi, 261 p.

BKRS (1983–1984). – *Bol'shoi kitaïsko-russkii slovar'* [Big Chinese-Russian dictionary]. Moscow, Nauka, Vol. I–IV.

Doi Toshirō 土肥 俊郎, Kasai Toshio 河西 敏雄, Nakajima Toshiharu 中島 利治, Samitsu Yamato 佐光 大和. (1995). Saitama-kofun-kara-no shutsudohin (kinsaku-mei tetsuken)-no saigen kakō-ni kan-suru kenkyū 埼玉(さいたま)古墳からの出土品(金錯銘鉄剣)再現加工に関する研究 [Research on the processing of reproduction [inscription] on an archaeological find from the ancient mound of Saitama (iron sword with gold-encrusted inscription)]. In *Nihon-kikai-gakkai bunshū* (“S” hen) 日本機械学会文集 (C 編)

[Anthology of the Japanese Scientific Society of Mechanics. Volume C]. November. Vol. 61, No. 591, pp. 375–381.

Drevnie fudoki [Ancient fudoki]. (1969). Moscow, Nauka, 340 p.

Edwards, W. (1999). Mirrors on Ancient Yamato: The Kurozuka kofun discovery and the question of Yamatai. In *Monumenta Nipponica*. Spring. Vol. 54. No. 1, pp. 75–110.

Ellwood, R. S. (1990). The Sujin religious revolution. In *Japanese journal of religious studies*. No. 17/2–3, pp. 199–217.

Gnezdilova, I. S., Ivanova, D. A. (2018). Monumental'nye sooruzheniia v drevnikh kul'turakh Iaponskogo arhipelaga: period kofun [Monumental structures in ancient cultures of the Japanese archipelago: period of kofun]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 428, pp. 78–86.

Hashihaka-kofun 箸墓古墳 [Ancient mound Hashihaka] [site]. URL: <http://www11.ocn.ne.jp/~jin/HASHI.html> (mode of access: 12.08.2018).

Hashihaka-kofun-ni nemuru-no wa... 箸墓古墳に眠るのは... [In the ancient mound of Hashihaka rests...] In *Sankei-simbun* 産経新聞 [Sankei Shimbun newspaper [industry and economy news]]. 2008. August 27.

Hong Wontack. (1994). *Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan*. Seoul, Kudara International. 328 p.

Ikeda Jinzō 池田 仁三. (2013). *Gazō-kaiseki-ni yotte kaimei-shita kofun-bohi* 画像解析によって解明した古墳墓碑 [Tombstones with inscriptions [in] tombs [and at] ancient mounds, identified using image analysis]. Tokyo, Seirindō 青林堂. Part 1st, Part 2nd 上, 下. 192 p. + 196 p.

Ikeda Jinzō 池田 仁三. *Kompyūtā gazō kaiseki-no sekai* コンピューター画像解析の世界 [The World of Computer Image Analysis] [site]. URL: <http://www11.ocn.ne.jp/~jin/GAZO2.html> (mode of access: 12.08.2018).

Istoriia Iaponii s drevneishikh vremen do 1868 goda (1999). [History of Japan from ancient times until 1868]. Moscow : Institut vostokovedeniia RAN, Vol. I. 659 s.

Jinnō-shōtōki (1980). In Kitabatake Chikafusa. *A chronicle of gods and sovereigns: Jinno-shotoki* / Transl. by Paul Varley. N. Y., Columbia university press. 300 p.

Kawamoto Yoshiaki 川本 芳昭. (2006). Wa-koku-ni okeru taikaikōsho-no hensan-ni tsuite 倭国における対外交渉の変遷について [On changes in foreign policy relations in the Wa country]. In *Shien* 史淵 [The Deep of History] (Kyūshū-daigaku 九州大学 [Kyūshū University]). March, No 143, pp. 27–64.

Kishimoto Naofumi 岸本 直文. (2014). Wa-ni okeru kokka-keisei to kofun-jidai-kaishi-no puresesu 倭における国家形成と古墳時代開始のプロセス [Formation of the state in [country] Wa and the processes of the beginning of the kofun period]. In *Kokuritsu rekishi minzoku hakubutsukan kenkyū hōkoku* 国立歴史民俗博物館研究報告 [Research reports of the State Museum of History [and] Ethnography]. February. Iss. 285 第185集, pp. 369–403.

Kodziki: Zapisi o deianitakh drevnosti [Kojiki: Records of Ancient Matters]. St Petersburg, Shar, 1994. Vol. II. 256 p.

Kofun to ryōshu – 1 古墳と陵主-1 [Ancient mounds and tomb owners – 1] [site]. URL: <http://www11.ocn.ne.jp/~jin/RYSO1.htm> (mode of access: 12.08.2018).

Kojiki 古事記 [Records of ancient matters] (1968). (ser. “Nihon koten zenshū” 日本古典全集 [Full collection of Japanese classics]). Tokyo 東京, Shōgakkan 小学館. Vol. II. 354 p.

Kojiki 古事記 [Records of ancient matters] (2001). (ser. “Nihon koten bungaku zenshū” 日本古典文学全集 [Complete Collection of Japanese Classical Literature]). Tokyo 東京, Shōgakkan 小学館. 464 p.

Kojiki: Records of ancient matters. (1982) / Transl. by B.H. Chamberlain. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, pp. 1–428.

Kokushi-seki “Tsubai-ōzuka-yama kofun” 国史跡 「椿井大塚山古墳」 [National historical monument “Tsubai-ōzuka-yama mound”]. In *Yamashiro-kodō. Sono 10* 山背 (やましろ) 古道。その10 [Ancient Yamashiro Road. Part 10] [site]. URL: <https://urano.org/kankou/yamasiro/yama10.html> (mode of access: 09.02.2020).

Konrad, N. I. (1974). *Drevniaia istoriia Iaponii* [Ancient history of Japan]. In Konrad, N. I. *Izbrannye trudy: istoriia*. Moscow, Nauka, pp. 11–74.

Koshima Kuniko 古島 邦子. (2014). Tsubai-ōzuka-yama to shūhen-no shiseki-wo meguru 椿井大塚山と周辺の史跡を巡る [[Mound] Tsubai-ōzuka-yama and round of historical monuments]. In *Toyo-naka rekishi dōkōkai* 豊中歴史同好会 [Society of like-minded of the history of Toyo-naka]. Iss. 317. Juny 1. つどい 第317号, pp. 14–19.

Kuji-konki 舊事本紀 [Main Records [on] Ancient Affairs] (1901) // Sendai kūji-honki 先代舊事本紀 [Main Records [on] Ancient Affairs of previous centuries] In *Kokushi-taiki* 国史大系 [A big collection

of [sources] on the history of the [Japanese] state]. Tokyo 東京, Keizai zasshi-sha 経済雑誌社, Vol. 7 第七卷, pp. 171–418.

Kuji-konki, in 10 scrolls 舊事本紀 [Main Records [on] Ancient Affairs]. 全十卷. In *Sendai kuji-konki* 先代舊事本紀 [Main Records [on] Ancient Affairs of previous centuries] [site]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (mode of access: 12.08.2018).

Kujira Kiyoshi 鯨 清. (1978). *Nihon-koku tanjō-no nazo* 日本国誕生の謎 [The Mystery of the Birth of the Japanese State]. Tokyo 東京: Nihon bungeisha 日本文芸社. 268 p.

Kuznetsova, M. S. (2018). Iaponskie kurgannye zakhroneniia kofun: osnovnye aspekty issledovaniia [Japanese kofun mound burials: main aspects of the study]. In *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii*. Vol. 14. No. 1, pp. 87–97.

Meshcheriakov, A. N. (1997). «Nikhon-sioki»: istoricheskaia mysl' i kul'turnyi kontekst [“Nihon-shoki”: historical thought and cultural context]. In *Nihon-sioki: Annaly Iaponii*. St Petersburg, Giperion, Vol. I, pp. 71–110.

Meshcheriakov, A. N., Grachev, M. V. (2002). *Istoriia drevnei Iaponii* [History of Ancient Japan]. St Petersburg, Giperion. 512 p.

Murayama Shichiro, Miller, R. A. (1979). The Inariyama tumulus sword inscription. In *Journal of Japanese studies*. Summer. Vol. 5. No 2, pp. 405–438.

Ozawa Kazumasa 小沢 一雅. (2012). Hashihaka-kofun jissokuzu-ni kan-suru ichi kōsatsu 箸墓古墳実測図に関する一考察 [Reflection on the topographic map of the Hashihaka mound]. In *Kōkai simpojiūmu «Jimbun-kagaku to dētābēsu»* 公開シンポジウム「人文科学とデータベース」 [Open Symposium “Humanities and Database”]. January. Iss. 17th 第17回, pp. 63–70.

Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697. (1956) / Transl. by W. G. Aston. L., Allen. Part I. 407 p.

Nihon-shoki 日本書紀 [Annals of Japan] (1957). (ser. “Kokushi-taikei” 国史大系 [A big collection of [sources] on the history of the [Japanese] state]). Tokyo, Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, Part I. Vol. I. 417 p.

Nikhon-seki: Annaly Iaponii. (1997). [Nihon-shoki: Annals of Japan]. St Petersburg, Giperion, Vol. I. 496 p.

Palmer, E. (1991). Land of the Rising Sun. The predominant east-west axis among the early Japanese. In *Monumenta Nipponica*. Spring. Vol. 46. No 1, pp. 69–90.

Sendai kudzi khongi, 10-i svitok “Kuni-no-miatsuko-khongi” (Opisanie upravitelei oblasti) [Sendai kuji hongu, 10th scroll “Kuni-no-miyatsuko-hongi” (Description of area rulers)]. (2002). In *Sinto: put' iaponskikh bogov*. St Petersburg, Giperion, Vol. II, pp. 112–127.

Shinsen-shōji-roku 新撰姓氏録 [Newly collected records of titles and families], in 3 parts (1962 a). In Saeki Arikiyo 佐伯 有清. “*Shinsen-shōji-roku*”-no kenkyū. *Hombun-hen* 新撰姓氏録の研究 本文篇 [Research of Newly collected records of titles and families. Main text]. Tokyo 東京, Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, pp. 149–350.

Shinsen-shōji-roku [Newly collected records of titles and families], in 30 scrolls 新撰姓氏録. 全三十卷. (1962 b). In: Saeki Arikiyo 佐伯 有清. “*Shinsen-shōji-roku*”-no kenkyū. *Hombun-hen* 新撰姓氏録の研究 本文篇 [Research of Newly collected records of titles and families. Main text]. Tokyo 東京: Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, [site]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html> (mode of access: 12.08.2018).

Suroven', D. A. (1995). Vozniknovenie rannerabovladel'cheskogo gosudarstva v Iaponii (I vek do n.e. – III vek n.e.) [The emergence of an early-ownership state in Japan (1st century BC – 3rd century CE)]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moscow – Magnitogorsk, Institut archeologii RAN – MGPI, Iss. 2, pp. 150–175.

Suroven', D. A. (1998 b). Osnovanie gosudarstva Iamato i problema Vostochnogo pokhoda Kamuiamato-ivare-biko [Foundation of the Yamato State and the problem of the Kamu-yamato-iware-biko's Eastern Campaign]. In *Istoriko-iuridicheskie issledovaniia rossiiskogo i zarubezhnykh gosudarstv*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrGIuA, pp. 175–198.

Suroven', D. A. (1999). Problema perioda “vos'mi pravitelei” i razvitie gosudarstva Iamato v tsarstvovanie Mimaki (gosudaria Sudzina) [The Problem of the “Eight Rulers” Period and the development of the Yamato state in the Reign of Mimaki (Emperor Sujin)]. In *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: gumanitarnye nauki*. Iss. 2. Ekaterinburg, UrGU, No. 13, pp. 89–113.

Suroven', D. A. (2015 a). K voprosu o vremeni osnovaniia dinastii Iamato i tsarstvovaniia gosudaria Dzimmu [To the question of the founding time of Yamato dynasty and King Jimmu's reign]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniia*. No. 3, pp. 136–220.

Suroven', D. A. (2015 b). O khronologii pravlenii Okinaga-tarasi-khime (gosudaryni Dzingy) i Khomuda-vake (gosudaria Ōdzina) [On chronology of the reigns of Okinaga-tarashi-hime (Empress Jingū) and Homuda-wake (Emperor Ōjin)]. In: *Genesis: istoricheskie issledovaniia*. No. 6, pp. 1–226.

Suroven', D. A. (2019 a). Ranniaia forma gosudarstva i pervye politicheskie ob"edineniia v drevnei Iaponii [Early form of state and first political associations in ancient Japan]. In *Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava: sbornik nauchnykh trudov* / Glav. red. prof. A. S. Smykalin. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi iuridicheskii universitet, Iss. 6th, pp. 110–268.

Suroven', D. A. (2019 b). Rekonstruktsiia khronologii pervoi poloviny V veka (tsarstvovanii gosudarei Nintoku – Inge). Ch. 1: Khronologiiia vtoroi chetverti V veka [Reconstruction of the chronology of the first half of the 5th century (reigns of Nintoku – Ingyō). Part 1: Chronology of the second quarter of the 5th century]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniia*. No. 3, pp. 22–46.

Svetlov, G. E. (1994). *Kolybel' iaponskoi tsivilizatsii: istoriia, religiia, kul'tura* [Cradle of Japanese civilization: history, religion, culture]. Moscow, Iskusstvo, 271 p.

The Cambridge history of Japan: Ancient Japan. (1993). Cambridge, N. Y., Cambridge University Press, Vol. I. 602 p.

Tsybul'skii, V. V. (1987). *Lunno-solnechnyi kalendar' stran Vostochnoi Azii* [East Asian Lunar-Solar Calendar]. Moscow, Nauka, 384 p.

Yamao Yukihisa 山尾 幸久. (1983). *Nihon kodai ōken-keisei shiron* 日本古代王権形成史論 [Historical treatise on the formation of ancient monarchical power in Japan]. Tokyo 東京, Iwanami shoten 岩波書店, 486 + 15 p.

Yamashita Shigeyoshi 山下 重良. (2011). *Yamatai-koku-no kenkoku-kara jōō Himiko-no jidai* 邪馬台国の建国から女王卑弥呼の時代 [The era of woman-ruler Himiko from the [events] founding of the Yamatai state]. Tokyo 京都, Tōkyō-daigaku 京都大学. 241 p.

Vorob'iov, M. V. (1988). «Nikhongi» i obshchestvennye vystupleniia v Iaponii: s drevnosti i do kontsa VII veka [«Nihongi» and public movements in Japan: from antiquity to the end of the 7th century]. In *Obshchestvennye dvizheniia i ikh ideologiia v dobuzhuaznykh obshchestvakh Azii*. Moscow, Nauka, pp. 15–25.

Wani-uji kō 和邇氏考 [Study of the [genealogy] of Wani clan] [site]. URL: <http://www17.ocn.ne.jp/~kanada/1234-7-29.html> (mode of access: 12.08.2018).

Wani-uji-no keizu 和邇氏の系図. 駿河浅間大社宮司家所蔵版に準拠 [Genealogy of the Wani clan. Based on the publication [of] the repository of the family managing the affairs of the great sanctuary of Asama in [region] Suruga]. In 『姓氏家系大辞典』 所載 「和邇部系図」 [site]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/ookimikeizu/wanikeizu.htm> (mode of access: 12.08.2018).

The article was submitted on 19.02.2020

В. Э. Молодяков

ФРАНЦИЯ И ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА: МИССИЯ АНРИ МО В КИТАЕ, 1937–1939 ГГ.

Аннотация. Во время японо-китайской войны французское правительство занимало выжидательную позицию, опасаясь конфликта с Японией, который мог поставить под угрозу ее интересы в Индокитае. Однако ее представители участвовали в работе Лиги Наций по оказанию технической помощи Китаю. Французский инженер Анри Мо (1900–1950) в 1937–1939 гг. руководил миссией помощи в сфере путей сообщения в южной части Китая. Имевший опыт работы во Французском Индокитае, но лишенный «колониального духа», Мо сочетал высокий профессионализм, неиссякаемую энергию, корпоративную солидарность и желание помочь китайским коллегам, что обеспечило успех его работы. В ходе десяти командировок по различным провинциям Китая Мо проинспектировал многие тысячи километров шоссейных и железных дорог, водных путей сообщения и мостов и дал рекомендации по их реконструкции. Его труд высоко оценил влиятельный министр финансов Сун Цзывэнь и другие руководители правительства. По их просьбе Мо после Второй мировой войны продолжал работу по развитию франко-китайского экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Франция, Лига Наций, Китай, японо-китайская война, помощь, реконструкция, пути сообщения

V. E. Molodiakov

FRANCE AND THE SINO-JAPANESE WAR: HENRY MAUX'S MISSION IN CHINA, 1937–1939

Abstract. During the Sino-Japanese War French government took a wait-and-see attitude while fearing conflict with Japan and possible threat to its interests in French Indochina. Notwithstanding French representatives participated in the League of Nations' work for technical aid to Nationalist China. French engineer Henri Maux (1900–1950) in 1937–1939 led such a mission for communications in the Southern China. Maux had a good working experience of French Indochina but without any trait of “colonial spirit”. He combined high professional qualities, inexhaustible energy, corporate solidarity and strong wish to help Chinese colleagues so his work was successful. During ten trips to several provinces of China Maux surveyed many thousand kilometers of highways, railways, rivers and pons and gave recommendations for their reconstruction. His work was highly appreciated by powerful Finance Minister T. V. Soong and other governmental officials. After the Second World War Nationalist China asked Maux to continue his work for development of economic cooperation between China and France.

Keywords: France, League of Nations, China, Sino-Japanese war, aid, reconstruction, communications

Японо-китайская война, начавшаяся с ночной перестрелки 7 июля 1937 г. у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) близ Пекина, быстро разрослась в масштабный конфликт. Выбравшие политику ультиматумов и военных действий японцы 28 июля захватили Пекин, 29 июля Тяньцзинь, 11 ноября Шанхай, 13 декабря Нанкин. Война стала «новостью» мирового масштаба, в том числе для Франции, хотя отношение к ней зависело не только от политической линии правительства, партии или органа

прессе. Аналитик Роже Леви, специализировавшийся на дальневосточных событиях, писал: «Сенсационные события в Центральной Европе в 1938 г. часто отвлекали внимание французской публики от боевых действий между Китаем и Японией. Человек на улице “в целом” знал, что Япония – друг или “союзник” Германии, что в нарушение договоров она ведет политику экспансии на азиатском континенте: это поощряло сентиментальные настроения в пользу Китая. Большинство парижских газет просто перепечатывало без комментариев сообщения информационных агентств. “Правые” всегда были склонны признавать и даже подчеркивать успехи японцев. “Крайне левые” требовали принятия действенных мер против Японии. <...> Нередкое молчание крупных информационных газет, занимавших промежуточную позицию, могло быть истолковано как безмолвное признание силы Японии» [Lévy, 1939, p. 120]. Однако следует учитывать и другой фактор, влиявший на прессу. Писатель и журналист Робер Бразийяк в романе «Пленники» (1940) вложил в уста главного героя, работавшего в информационной газете, такое объяснение: «Когда больше не о чем было писать, крупный шрифт оповещал о грандиозной битве в китайской войне. Там каждый день были грандиозные битвы, достойные крупного шрифта. Но когда речь шла о войне в Испании или о внутренней политике, о Китае забывали. Если же заговорили о Китае, будьте уверены, что больше не о чем писать, а вовсе не то, что на японском фронте оживление. Видите, я выдаю вам самые глубинные тайны ремесла» [Brasillach, 1963, p. 570].

Когда Китай 15 сентября 1937 г. обратился за помощью к Лиге Наций, Франция присоединилась к державам, которые выразили ему «моральную поддержку». В ноябре на Брюссельской конференции министр иностранных дел Ивон Дельбос от имени правительства заявил, что «никакое силовое решение не может ни де-юре, ни де-факто надолго урегулировать отношения между Китаем и Японией» [Lévy, 1939, p. 100]. Однако Франция, как напомнил там же заместитель государственного секретаря по колониям Гастон Моннервиль, должна защищать свои интересы в Индокитае и на Тихом океане, а также пути сообщения всей империи [Lévy, 1939, p. 100]. Поэтому, несмотря на требования «левых», «действенных мер против Японии» она не приняла. Более того, помня о непосредственной угрозе Французской концессии в Шанхае, Париж проявлял «исключительную любезность» в ответ на требования японцев о пресечении поставок оружия Китаю через Индокитай, сопровождавшиеся угрозой применить силу [Lévy, 1939, p. 105–106]. После распада коалиции Народного фронта и смены кабинета в апреле 1938 г. политику «любезности» в отношении Японии продолжали новый министр иностранных дел Жорж Боннэ и посол в Токио Шарль Арсен-Анри [Lévy, 1939, p. 108–110].

«Большая политика» Франции в этих событиях исследована во французской историографии, в том числе в общем контексте ее дипломатии. Однако изучение деятельности менее известных и заметных персонажей не только обогащает наше представление о ходе и реалиях японо-китайской войны, но позволяет лучше понять позицию и политику Франции как мировой державы с колониальной империей и непосредственными интересами в регионе, которые ей предстояло защищать.

В начале японо-китайской войны Леви наметил следующие возможные варианты развития событий. Победа Японии дала бы ей контроль над территориями

к северу от Янцзы и право их монопольного освоения, но такое невозможно без крупных иностранных инвестиций (а на них, заметим, рассчитывать было трудно). Поражение Японии и возвращение захваченных земель Китаю привели бы к состоянию *status quo ante bellum*. Отсутствие регулярной власти на местах и продолжение соперничества местных милитаристских режимов исключали всякое развитие. Наконец, «через несколько лет в Северном Китае может появиться китайское правительство, в значительной степени подверженное японскому влиянию, но не находящееся под японским господством» [Lévy, 1939, p. 126–127]. Ни японская победа, ни хаос на местах не оставляли Франции экономических перспектив, в то время как централизованный китайский режим, даже при японском влиянии, позволял на что-то надеяться: «Франция не должна пренебрегать ни одной из благоприятных возможностей в Китае. Когда закончится война и пройдет кризис, добрая воля китайцев будет особенно весома во франко-китайских отношениях. <...> Суть проблемы в равновесии сил на Дальнем Востоке. Для нее встает вопрос защиты концессий, экономических и торговых интересов, которым сегодня угрожают японцы, а завтра, может быть, китайцы или оба народа вместе. Эти мрачные перспективы могут проясниться, если мирный противовес японскому могуществу на Дальнем Востоке будет найден в *твердом* сотрудничестве Британской империи, Соединенных Штатов и Франции, не игнорируя притом роль России» [Lévy, 1939, p. 128]. На межгосударственном уровне такое сотрудничество не состоялось, но Франция прилагала конкретные усилия для того, чтобы заручиться «доброй волей китайцев».

Одним из таких усилий стала работа миссии Лиги Наций в Китае в 1937–1939 гг., которую возглавлял французский инженер Анри Мо (Henri Maux; 1900–1950). Память об этом незначительном, но выдающемся человеке не выходила за пределы круга друзей, пока в 1999 г. его дочь Антуанетта Мо-Робер не опубликовала книгу о работе отца в Китае, основанную на документах (архив МИД, Национальные архивы, семейные бумаги) и свидетельствах современников и богато иллюстрированную фотографиями [Maux-Robert, 1999]. Настоящая статья вводит эти материалы в научный оборот на русском языке.

Анри Мо родился в Безье (департамент Эро), в 17 лет уехал в Париж, окончил престижный коллеж Stanislas и столь же престижную Политехническую школу, после чего был принят на государственную службу в Корпус инженеров мостов и дорог. С 1927 г. он служил во Французском Индокитае. «Это было самое счастливое время колонии. Начинать карьеру там было исключительным приключением для молодого инженера» [Maux-Robert, 1999, p. 13]. В 1927–1932 гг. Мо служил в протекторате Камбоджа (с 1929 г. – главный инженер путей сообщения, руководитель строительства первой железнодорожной линии), который объехал на автомобилях, лошадях и даже на слонах, сохранив на всю жизнь любовь к кхмерской цивилизации. После годичного отпуска, во время которого он совершил путешествие по Китаю, что произвело на него сильное впечатление, Японии, Кореи, Канаде и США, инженер был переведен в колонию Кохинхина, где прослужил три года, руководя строительством ирригационных сооружений. «Однако ему совсем не нравился “колониальный” дух, который

царил в Индокитае. Убежденный сторонник политики интеграции (с местным населением – *В. М.*) он хотел видеть аннамскую элиту занимающей свое место в экономической жизни страны. Большинство колониальных чиновников совершенно не разделяло эту точку зрения. Учитывая экономическую ситуацию в метрополии, колониальные власти стремились не создавать, но лишь управлять» [Maux-Robert, 1999, p. 14–15]. Неудовлетворенный такой политикой Мо в 1936 г., во время очередного годовичного отпуска, проводимого на родине, решил сменить место службы. Он поступил техническим советником в комитет при председателе Совета министров, которому правительство Народного фронта поручило разработку масштабной программы общественных работ, но через три месяца уволился из-за отвращения к политическим интригам, к которым свелась работа комитета. Лига Наций искала специалиста на пост главы миссии / эксперта по организации общественных работ в Китае при правительстве Чан Кайши сроком на два года. По совету коллеги-инженера, служившего на аналогичной должности и решившего вернуться домой, МИД Франции предложило кандидатуру Мо, в пользу которого и был сделан окончательный выбор.

31 мая 1937 г. супруги Мо отплыли к месту назначения и 7 июля добрались до Шанхая – всего через несколько часов после перестрелки у моста Марко Поло близ Пекина. Символичное совпадение! Несколько дней спустя они прибыли в Нанкин, столицу гоминьдановского режима с 1927 г. Иностранные посольства, в том числе французское, оставались в Пекине, а в Нанкине были представлены дипломатическими бюро. Центром деловой активности Китая был Шанхай, в котором державы имели генеральные консульства. Мо влился в интернациональный коллектив экспертов Лиги Наций, сотрудничавших с Национальным экономическим советом и стремившихся помочь китайскому правительству в реализации обширных планов модернизации страны. Эксперту предстояло консультировать чиновников по проведению работ в сфере путей сообщения и наставлять молодых китайских инженеров [Maux-Robert, 1999, p. 21–22]. После начала войны жизнь столичного «света», к которому принадлежали сотрудники Лиги Наций, продолжала течь своим чередом, пока 15 августа первые японские бомбы не упали на Нанкин. Оставаться в городе стало опасно, поэтому в конце августа дипломаты и эксперты были эвакуированы в Ханькоу (ныне часть города Ухань), который стал временной столицей.

Получив от Национального экономического совета задание провести инспекцию путей сообщения южной части Китая, Мо 12 сентября прибыл в Кантон (совр. Гуанчжоу). Правительство вынашивало грандиозный проект строительства шоссе параллельно железной дороге Ханькоу-Кантон, часть которого должна была проходить через горы и требовала сооружения мостов и туннелей. До службы в Индокитае Мо имел опыт такой работы в Швейцарии, так что его профессиональные знания оказались востребованы.

Первая командировка (из десяти; сводка [Maux-Robert, 1999, p. 190]) инженера проходила 15 сентября–11 октября 1937 г. (26 дней) по провинциям Гуандун, Хунань и Цзянси [Maux-Robert, 1999, p. 51–61]. О своей работе Мо представлял отчеты, сопровождавшиеся планами, рисунками и фотографиями, китайским властям, Лиге

Наций и генерал-губернатору Тонкина, северной части Индокитая, граничившей с Китаем, – Чан Кайши рассчитывал на его помощь при перспективе затяжной войны с Японией [Maux-Robert, 1999, p. 57]. Мо также писал французскому послу в Китае Полю-Эмилю Наджиару, шефу персонала министерства колоний Полю Жакино, которого знал по службе в Кохинхине, жене, остававшейся в Ханое, и друзьям – эти материалы легли в основу книги его дочери.

Выехав на двух машинах с необходимыми запасами и оборудованием из Кантона, Мо перемещался от одного объекта к другому, часто в паланкине, потому что автомобиль из-за дождей и состояния дорог мог проехать далеко не везде. «Остановки в инженерных лагерях вызывали в памяти Индокитай. <...> Атмосфера была деятельной и счастливой. <...> Анри нравилась эта обстановка. С помощью переводчика он мог советовать улучшения, подсказывать практические решения, подбадривать коллег в поисках выхода из трудностей, которые те слишком быстро считали непреодолимыми. Да и само присутствие человека из Кантона подстегивало их энергию» [Maux-Robert, 1999, p. 53]. Мо обращал особое внимание на необходимость координации работы с соседними участками и со службами других видов путей сообщения. Так было и в остальных командировках. Французский инженер показал сочетание высокого профессионализма, неиссякаемой энергии, корпоративной солидарности и желания помочь китайским коллегам, в общении с которыми у него, по общему мнению, не было ни тени высокомерия «белого человека» по отношению к «туземцам», хотя нерадивым чиновникам (гоминьдановской бюрократии были присущи некомпетентность, кумовство и коррупция) не стеснялся напоминать, что представляет их правительство и Лигу Наций. В этом заключался успех его работы: Мо делал максимум возможного.

Во вторую командировку 31 октября – 9 ноября 1937 г. (10 дней) по провинциям Цзянси и Хунань Мо выехал из Ханоя в сопровождении мэра Кантона, его свиты и группы инженеров [Maux-Robert, 1999, p. 61–64]. Задачей было обследование водных путей сообщения и мостов для реконструкции: военная необходимость требовала переправ, способных выдерживать тяжелые грузовики и даже танки. От француза требовалась только техническая экспертиза, а ответственность за строительство брали на себя китайские инженеры и чиновники, поскольку проект имел оборонное значение. Работы требовали мобилизации местного населения, что означало подневольный и практически бесплатный труд, от чего эксперту Лиги Наций лучше было держаться в стороне.

После тяжелых поражений режим Чан Кайши не контролировал ситуацию, а его второй «столп», он же главный начальник Мо, министр финансов Сун Цзывэнь временно обосновался в Гонконге. Вернувшийся в Ханой инженер не получал никаких инструкций и попросил посла Наджиара выяснить, продолжается ли миссия и нужна ли вообще его работа. В ожидании ответа он 15–20 декабря 1937 г. (6 дней) по собственной инициативе проехал вдоль границы между Тонкином и Китаем для осмотра мостов [Maux-Robert, 1999, p. 64–68]. Мо помнил о не-политическом характере своей работы, но принял сторону Китая, желая помочь ему в войне с Японией. Усилия были оценены по достоинству: Сун Цзывэнь вызвал его в Гонконг и попросил продолжать работу [Maux-Robert, 1999, p. 68–71].

Третья командировка 2–8 января 1938 г. (7 дней) по провинции Гуандун выявила отсутствие путей сообщения с западными провинциями на протяжении 200 километров [Маух-Роберт, 1999, р. 73–74]. По указанию Сун Цзывэня в миссию опять был включен мэ́р Кантона, недовольный тем, что из-за состояния дорог ему пришлось пересесть из комфортабельного автомобиля в военный грузовик. Зато неудобства, лично пережитые чиновником, помогли урегулировать ряд проблем между администрацией и инженерами.

Сразу последовавшая за ней четвертая командировка 10–30 января 1938 г. (20 дней) по провинциям Гуандун и Цзянси началась с отплытия из Кантона по реке Сицзян [Маух-Роберт, 1999, р. 75–80]. Беседуя с попутчиками, Мо многое узнал о японской агрессии и о трагической судьбе Шанхая и Нанкина. В Учжоу его ждал уполномоченный по восстановлению провинции Цзянси, и дальше они отправились на автомобилях. Местные власти обратились к инженеру с просьбой помочь в привлечении французских фирм для ремонта или реконструкции металлических мостов по всей провинции, где из иностранных предпринимателей работали только немцы – союзники японцев. По окончании командировки Мо отправился к Сун Цзывэню с личным докладом, высоко оценив работу местных властей. Отдых в Ханое был омрачен событиями Большой Политики. Новое правительство Франции во главе с прежним премьером Камилем Шотаном, но уже без участия социалистов, поддавалось давлению японцев, давно требовавших прекратить помощь Китаю, прежде всего военную. Генерал-губернатор Тонкина вообще запретил торговлю между колонией и Китаем. «Анри был в отчаянии. Все его усилия по улучшению связей между Тонкином и южным Китаем были сведены на нет. Франция избрала наилучший способ отдалить Китай от себя. <...> Англичане и немцы куда лучше разыгрывали китайскую карту! <...> Из-за близости Индокитая у Франции был главный козырь, который она рисковала потерять» [Маух-Роберт, 1999, р. 82–83]. В середине февраля Мо все-таки встретился с представителем компании «Eiffel» и совершил с ним трехдневную поездку по югу провинции Цзянси, а затем поспешил к Сун Цзывэню, но тот из-за болезни не смог принять его. «Анри сделал вывод, определивший его будущее. Каким бы ни был исход войны между китайцами и японцами, последние никогда не смогут подчинить себе всю обширную Среднюю империю. Ядро независимого Китая сохранится всегда. Будет хорошо, если тогда французы смогут сказать китайцам: “Мы были на вашей стороне в трудные часы и вместе с вами прошли через опасности”» [Маух-Роберт, 1999, р. 84].

Победы японцев и, более того, поражения Гоминьдана внесли раскол в китайское общество, в котором начали усиливаться прояпонские тенденции. Они стали заметны и в Кантоне, поэтому 6 марта 1938 г. Мо улетел во временную столицу Ханькоу, где, наконец, встретился с Сун Цзывэнем [Маух-Роберт, 1999, р. 88–91]. Результатом стала пятая командировка 17–26 марта 1938 г. (9 дней) – поездка с китайским инженером на легковом автомобиле по провинциям Хубэй, Хунань и Гуанси, где качество дорог выгодно отличалось от качества работы местных военных властей [Маух-Роберт, 1999, р. 92–96]. Окончание командировки совпало для Мо с двумя новостями. Радостной: предстояло рождение дочери. И печальной:

в Париже снова сменились кабинет, руководство МИД и министерства колоний. «Никто не слал ему четких указаний. [...] Хотят ли они продолжения миссии или его возвращения?» [Maux-Robert, 1999, p. 98]. Пошли слухи, что Мо участвует в продаже оружия Китаю, подхваченные японской пропагандой. Приходилось быть особенно осторожным.

Деятельность инженера переместилась в Куньмин. Отсюда он выехал в шестую командировку 13 июня – 14 июля 1938 г. (31 день) по провинциям Юньнань, Гуйчжоу и Хунань в сопровождении китайских коллег и охраны [Maux-Robert, 1999, p. 104–120]. Важность миссии мотивировалась решением правительства перенести временную столицу из Ханькоу, которому угрожали японцы, в Чунцин, пути сообщения с которым должны были действовать бесперебойно. Миссия закончилась докладом, в котором эксперт советовал торопиться с эвакуацией Ханькоу, но не встретил понимания у чиновников. Во время новой встречи Сун Цзывэнь дал ему «карт-бланш». Мо понимал, что работа зависит от него, а не от далеких Парижа и Женевы [Maux-Robert, 1999, p. 122–124].

Седьмая командировка 25 сентября – 31 октября 1938 г. (37 дней) по югу Гуандуна оказалась самой длительной за время работы Мо в Китае [Maux-Robert, 1999, p. 125–134]. Теперь, когда Европа стояла на грани войны, но была спасена Мюнхенским соглашением, он сопровождал медицинскую миссию Лиги Наций. Гораздо бóльшую опасность представляло сражение при Ухане, завершившееся для Китая потерей Ханькоу и необходимостью срочной эвакуации, о чем Мо уже предупреждал. Сун Цзывэнь дважды отзывал его с пути следования для срочного доклада.

Бомбардировка японцами Кантона, где находились эксперты Лиги Наций, стала поводом для обмена резкими нотами между Женевой и Токио, где планировали создание нового «центрального правительства» для Китая. Затем японцы захватили Кантон. Лига решила перенести свою региональную базу из Гонконга в Ханой: полагаю, не без влияния генерального секретаря, француза Жозефа Авеноля. Закрепившись в Чунцине, правительство Чан Кайши готовилось к затяжной войне и искало союзников. «Анри полагал, что ситуация дает реальную возможность для французской (экономической – В. М.) экспансии. Следовало брать пример с Англии, которая оказывала Китаю широкомасштабную помощь через Гонконг и через Бирму. [...] А Франция лишь сохраняла запрет на провоз китайских товаров через Индокитай» [Maux-Robert, 1999, p. 138].

Китай и Англия пришли к принципиальному согласию о соединении железнодорожных сетей Китая и Бирмы. Изучению вопроса были посвящены восьмая 17 ноября – 12 декабря 1938 г. (26 дней) и девятая 2–12 апреля 1939 г. (10 дней) командировки Мо по провинции Юньнань и оттуда в Бирму до Рангуна (совр. Янгон) для обследования бирманских железных дорог [Maux-Robert, 1999, p. 140–144, 155–156]. Грандиозный проект требовал не только привлечения большого количества рабочей силы, техники и капиталов, но тщательного планирования и координации работ. Представив доклад и проведя рождественские каникулы с семьей в Ханое, инженер в середине января 1939 г. вернулся в Чунцин, куда переехали иностранные посольства. Министерство путей сообщения демонстрировало ему расположение, но тянуло с переводом и изучением его докладов и не отпускало в поездки по стране.

Выяснилось, что причиной были политические интриги в руководстве Гоминьдана и ослабление влияния Сун Цзывэня, однако правительство не оставляло планов модернизации транспортной сети. Почти все эксперты Лиги Наций покинули Чунцин, и Мо охотно общался с китайскими инженерами, не интересовавшимися политикой [Maux-Robert, 1999, p. 147–150].

Десятая командировка 26 апреля – 2 мая 1939 г. (7 дней) началась в Тонкине и продолжалась в Цзянси [Maux-Robert, 1999, p. 157–158]. Задачей была оценка состояния дорог в местности, где правительство планировало строить новые магистрали, прежде всего для тяжелого автотранспорта, чтобы лучше обеспечить связь с Индокитаем – в Чунцине мыслили стратегически и надеялись на изменение французской политики в его пользу. Проект требовал реконструкции дорог на территории Индокитая и больших капиталовложений, что не вызывало энтузиазма у колониальных чиновников. Перспектива новой войны в Европе, явственно обозначившаяся во второй половине марта 1939 г., не позволяла надеяться на увеличение бюджета колонии.

Последняя поездка Мо по Китаю 28 мая – 18 июня 1939 г. (20 дней) не была поручением правительства [Maux-Robert, 1999, p. 159–165]. Ему предстояло найти следы команды своего коллеги-инженера из Нидерландов Франсуа Бурдре, погибшей в верховьях Янцзы 11 мая. Весть об этом принес лодочник-китаец, утверждавший, что из группы спасся только он. Информация лишь 26 мая дошла до Ханоя. Мо знал программу работ миссии Бурдре, поэтому отложил все дела и немедленно отправился в Куньмин чтобы собрать поисковую группу. «Раскачать» чиновников на местах было не просто, и Мо заявил, что готов ехать один. Наконец, группа отправилась в путь и после долгих поисков и непростого общения с местным населением обнаружила тела погибших в результате крушения их лодок на реке. «Мо решил продолжать поиски [Бурдре] пока не удостоверится. Он знал, что у Элизабет Бурдре (жены – В. М.) нет капиталов и что только страховка по контракту с Лигой Наций позволит ей по возвращении в Европу получить средства для воспитания сыновей. Для получения страховки требовалось формальное доказательство смерти эксперта. Он также хотел иметь возможность сказать детям своего друга, что сделал все возможное чтобы найти их отца» [Maux-Robert, 1999, p. 163]. В начале поисков они обнаружили полуразжившегося утопленника, не поддававшегося идентификации, на одежде которого был номерной значок китайского министерства путей сообщения. При отсутствии радиосвязи Мо отправил значок с гонцом в Чунцин и занялся оформлением документов и показаний местных жителей. Наконец, пришел ответ: это значок Бурдре. 24 июня в Куньмине состоялась официальная церемония прощания с ним.

Останки Бурдре были приготовлены для отправки на родину. Мо решил сопровождать вдову друга в Европу и помочь ей успешно завершить формальности, что и было сделано. Срок его собственной миссии подходил к концу. 26 июня 1939 г. инженер прилетел в Чунцин для прощальных визитов китайским чиновникам и удостоился аудиенции у Чан Кайши, затем посетил в Гонконге Сун Цзывэня, который уговаривал его перейти на китайскую службу.

29 июля супруги Мо отплыли из Сайгона и 17 августа прибыли в Марсель [Maux-Robert, 1999, p. 166–172].

Миссия закончилась, но Мо рассчитывал вернуться в Китай, тем более что министр колоний Жорж Мандель выступал за помощь режиму Чан Кайши. Он получил благодарность генерального секретаря Лиги Наций, но прочие планы отменила война. Мо был мобилизован, после нескольких месяцев в действующей армии по запросу Манделя переведен в министерство колоний, после поражения Франции служил в министерстве труда, затем в парижском офисе по управлению колонией Нигер. Состоя на службе режима Виши, он отказался приносить присягу на верность главе государства маршалу Филиппу Петэну, был на подозрении у коллаборантов и в 1943 г. наладил связь с Движением Сопротивления. После освобождения Парижа министр иностранных дел Рене Плевен сообщил ему, что правительство Чан Кайши просит создать в Чунцине французскую экономическую миссию во главе с Мо. 9 марта 1945 г. он отправился в путь [Maux-Robert, 1999, p. 171–176]. Мо сыграл большую роль во франко-китайских отношениях в качестве главы Дальневосточной экономической миссии и представителя Франции в Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока, созданной в марте 1947 г., но это тема отдельного исследования. 13 июня 1950 г. Мо погиб в авиакатастрофе над Бахрейнским заливом.

Работая в 1937–1939 гг. в Китае, Анри Мо не ограничивался формальным исполнением служебных обязанностей инженера-эксперта Лиги Наций, но искренне хотел помочь китайскому правительству в модернизации путей сообщения, используя свои профессиональные знания, личные связи и качества. Японская агрессия укрепляла его решимость и симпатию к китайскому народу. Чуждый «колониального духа» инженер находил общий язык и с китайскими сановниками, и с простыми людьми, вызывая их уважение и симпатию. Послевоенная экономическая и социальная интеграция в Азии в условиях подъема национально-освободительного движения во много осуществлялась благодаря таким людям, как Анри Мо. Он мог бы применить к себе слова, которые поэт Роберт Рождественский вложил в уста Че Гевары: «Я сделал, что мог. Если б каждый, что мог, однажды решился и сделал».

Список литературы

- Brasillach R. Œuvres complètes. Vol. I. Paris: Au club de l'honnête homme, 1963. 668 p.
Lévy R. La politique française en Extrême-Orient, 1936–1938. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. 1939. 181 p.
Maux-Robert A. Le dragon de l'Est. Henri Maux en mission dans la Chine en guerre, 1937–1939. Marly-le-Roi: Éditions Champflour, 1999. 192 p.

References

- Brasillach, R. (1963). *Œuvres complètes*. Paris, Au club de l'honnête homme. Vol. I. 668 p.
Lévy, R. (1939). *La politique française en Extrême-Orient, 1936–1938*. Paris, C.E.P.E.; Paul Hartmann. 1939. 181 p.
Maux-Robert, A. (1999). *Le dragon de l'Est. Henri Maux en mission dans la Chine en guerre, 1937–1939*. Marly-le-Roi, Éditions Champflour. 192 p.

The article was submitted on 8.12.2020

И. А. Алексеев, С. В. Смирнов

ЭССЕ СЮЙ ЧЖИМО «МОСКВА» ИЗ «ЗАМЕТОК О ПУТЕШЕСТВИИ В ЕВРОПУ» (1925)

Аннотация. Впервые публикуемое на русском языке эссе китайского поэта Сюй Чжимо (1897–1931) «Москва» является фрагментом путевых заметок, составленных поэтом во время его путешествия в Европу, предпринятого в 1925 г. через территорию Советской России. Сюй Чжимо, один из первых китайских поэтов-приверженцев европейского романтизма, реформаторов китайского стихосложения, также являлся активным участником общественно-политической жизни Поднебесной 1920-х гг., сторонником либеральной идеи. Посещение России, и особенно трехдневное пребывание в Москве, стало поворотным моментом в отношении поэта к российской революции. Убежденный либерал, тем не менее ранее симпатизировавший большевистской революции, Сюй приходит к пониманию того, что путь построения Рая на земле, предложенный российской революцией человечеству, слишком жесток и кровав, и призывает китайскую молодежь не следовать бездумно чужим идеям, а искать свой революционный путь. Москва Сюй Чжимо предстает перед нами сплавом снега, пламени и крови; городом, стяжающим славу стать Римом нового человечества; центром страны, бросившей на алтарь будущего человечества материальное благосостояние, индивидуальную свободу, саму жизнь своего народа. Этот город завораживает и одновременно пугает и отталкивает автора. Перевод выполнен по тьяньцзинскому изданию «Полного собрания сочинений Сюй Чжимо» 2005 г. под редакцией Хань Шишаня.

Ключевые слова: Сюй Чжимо; Москва; Советская Россия; российская революция; китайский либерализм

Ivan A. Alexeev, Sergey V. Smirnov

XU ZHIMO'S ESSAY "MOSCOW" FROM "NOTES ON A JOURNEY TO EUROPE" (1925)

Abstract. "Moscow", an essay by the Chinese poet Xu Zhimo (1897–1931), first published in Russian, is a fragment of travel notes compiled by the poet during his journey to Europe, undertaken in 1925 through the territory of Soviet Russia. Xu Zhimo, one of the first Chinese poets-adherents of European romanticism, reformers of Chinese versification, was also an active participant in the social and political life of China in the 1920s, a supporter of the liberal idea. The visit to Russia, and especially the three-day stay in Moscow, was a turning point in the poet's attitude to the Russian revolution. A staunch liberal, who had previously sympathized with the Bolshevik revolution, Xu comes to understand that the path of building a Paradise on earth, proposed by the Russian revolution to humanity, is too cruel and bloody, and calls on the Chinese youth not to follow thoughtlessly foreign ideas, but to seek their own revolutionary path. Xu Zhimo's Moscow appears before us as a fusion of snow, flame, and blood; a city that is gaining the glory of becoming the Rome of a new humanity; the center of a country that has thrown material well-being, individual freedom, and the very life of its people on the altar of the future of humanity. This city fascinates and at the same time frightens and repels the author. Translated from the 2005 Tianjin edition of "The Complete Works of Xu Zhimo", edited by Han Shishan.

Keywords: Xu Zhimo; Moscow; Soviet Russia; Russian revolution; Chinese liberalism

Сюй Чжимо (Сюй Чжансю, 1897–1931) известен в Китае не только как один из первых поэтов-новаторов, пытавшийся внедрить в китайский поэтический канон традиции западноевропейской романтической поэзии, но и как активный участник общественно-политической жизни страны в 1920-е гг.

Сюй Чжимо родился в уездном городе Хайнин провинции Чжэцзян в семье преуспевающего бизнесмена, человека богатого, но не знатного. Закончив престижную среднюю школу нового типа в Ханчжоу, будущий поэт некоторое время учился в Шанхайском баптистском колледже (1915–1916), где познакомился с западной культурой, а в 1916–1918 гг. – на юридическом факультете Бэйянского (позднее – Тяньцзиньский) и Пекинского университетов. В 1918 г. Сюй выезжает для продолжения обучения в Соединенные Штаты. Здесь он изучает политику, экономику и историю сначала в Университете Кларка, позднее – в Колумбийском университете, где был удостоен степени магистра политических наук. Не сумев прижиться в «невыносимой» Америке, Сюй Чжимо перебирается в Англию, где учится в Королевском колледже Кембриджского университета. Именно здесь он попадает под влияние английской романтической поэзии Дж. Китса, П. Б. Шелли и др. [Spence, p. 151–156]. В 1922 г. Сюй возвращается в Китай и с головой уходит в общественно-политическую жизнь страны.

Китай начала 1920-х гг. был похож на растревоженный улей: в стремлении вернуть Поднебесной отнятые иностранцами права и сделать государство могущественным и процветающим передовые силы общества пытались отыскать идеологические инструменты, с помощью которых можно было бы осуществить эти планы. Антиимпериалистические манифестации в крупных городах перемежались с дискуссиями о путях общественного развития, возникали все новые политические и общественные организации. Особенно быстро набирали силу сторонники левых взглядов, вдохновлявшиеся революционными преобразованиями в России. Впитавший в себя во время учебы на Западе либеральные воззрения, Сюй Чжимо не был противником социализма. Еще в Кембридже он увлекся идеями фабианского социалиста Г. Ласки и симпатизировал большевистской революции в России, которую сравнивал с Великой Французской революцией. Считая, что российская революция открыла всему миру путь к созданию совершенного общества, Сюй вступил в полемику с преподававшим в 1920–1921 гг. в Китае Б. Расселом, заявившем о своем разочаровании в Советской России после посещения этой страны [Ломанов, 2018, с. 338].

После возвращения в Китай Сюй Чжимо обосновался в Пекине, где некоторое время преподавал в Пекинском университете. В 1923 г. он совместно с Ху Ши (1891–1962), одним из лидеров китайского либерализма, и Вэнь Идо (1899–1946), поэтом и участником «движения 4 мая», стал организатором литературного общества «Новолуние» (Синьюэ шэ), заявлявшего о независимости искусства от политики и искавшего пути синтеза западной и китайской форм стихосложения. В это же время Сюй Чжимо, как и некоторые другие участники «Новолуния» сотрудничал с газетой «Чэньбао» («Утренняя газета»), являвшейся в период «движения 4 мая» одним из рупоров марксизма.

В начале 1925 г. Сюй Чжимо принял решение посетить Европу, что было связано в том числе и с его семейными делами. Путь в Европу поэт проделал в марте 1925 г. поездом через территорию Советской России. Недолгое пребывание в России, особенно три дня в Москве, стало важным событием в трансформации политических взглядов Сюй Чжимо, выразившейся уже в его путевых заметках о путешествии в Европу.

Русская природа (вкуче с погодными условиями начала весны), описанию которой Сюй отдал немало места в своих путевых заметках, оказала на поэта мощное воздействие своим сурово-ледяным величием и в чем-то испугала его. Возможно, поэтому он неоднократно указывает на пробуждающе-обновляющее воздействие русского воздуха, всей действительности на сознание чужеземца, что имеет и другой подтекст – освобождение от сна революционно-большевистских иллюзий. Под стать русской природе и русские люди, рожденные во льдах и пламени, настоящие герои, готовые пролить реки крови, чтобы построить Рай на земле. Вождь этих строителей будущего – умерший и вечно живой Владимир Ленин – уподобляется Сюй Чжимо Иисусу в его роли революционного вождя человечества. Размышляя о мировой роли революционной России, Сюй Чжимо не отрицает, что, возможно, Москве суждено стать центром будущей цивилизации, новым Римом для свободного от рабства человечества. Однако цена, которую за это платит Россия и русский народ, слишком высока, путь в Эдем слишком кровав, и этот путь не подходит для Китая. Поэт, считая, что в целом мир требует революционных потрясений, тем не менее, предостерегает наиболее рьяных в Китае, стремящихся зажечь факел и взять в руки меч наподобие русских, от слишком поспешных действий, от бездумного подражательства [Ломанов, 2018, с. 345; 徐志摩全集, 第110页].

По возвращении из Европы Сюй Чжимо в октябре 1925 г. стал редактором периодического приложения «Чэньбао» – «Чэньбао фукань», превратившегося в платформу ожесточенной дискуссии о «красном империализме» Советской России. С самого начала дискуссии наметился крен в пользу сторонников утверждения о том, что СССР является более опасным врагом для Китая, нежели западный империализм, поскольку русские, пытаются «подкупить сознание» китайцев, «коррумпируют их души» «задурить китайскую молодежь», оккупировав территории Китая – Внешнюю Монголию. Этот крен вызвал недовольство среди революционно настроенных студентов Пекина, которые в конце ноября 1925 г. выдвинули лозунг «Долой “Чэньбао” и узурпаторов общественного мнения!» и сожгли здание редакции [Ломанов, 2018, с. 340, 341].

Сам Сюй Чжимо, не высказавший своей позиции во время дебатов о «красном империализме», выступил на страницах «Чэньбао фукань» в январе 1926 г. с критикой правомерности использования классовой теории К. Маркса в китайских условиях. Сюй заявил, что китайское общество не знает абсолютных классов, поэтому классовая борьба, пропагандируемая китайскими коммунистами, ему чужда. Ориентация на опыт России, единственного государства, где сбылись революционные предсказания Маркса, и то не в силу высокого уровня российской индустриализации, а наоборот – незрелости российского

капитализма, опасна, поскольку «русская революция стала самым безжалостным и мучительным делом в человеческой истории, только из-за героического характера русских людей они смогли терпеть до сегодняшнего дня». Кроме того, вождем революции должен быть национальный лидер, как Сунь Ятсен, а не импортный, как Ленин, перед которым поэт испытывал страх из-за его фанатизма и нежелания признавать собственные ошибки. В завершении Сюй Чжимо заявил о себе как о «неисправимом индивидуалисте», который «знает только индивида, четко понимает только индивида и верит только в индивида». Смысл демократии, по его мнению, заключался во всеобщем индивидуализме, в сознательной мысли и сознательных усилиях каждого индивида, что противопоставлялось классовому солидаризму и коллективистскому способу мышления [Ломанов, 2018, с. 344, 345; Spence, p. 190, 191].

В своих оценках революционного эксперимента в России Сюй Чжимо разошелся с лидером китайских либералов – Ху Ши, который летом 1926 г. также как Сюй посетил Москву по пути в Европу. Ху Ши сделал совершенно противоположные выводы из посещения Советского Союза, выказав сочувственное и благожелательное отношение к советскому «огромному и беспрецедентному политическому эксперименту» [Ломанов, 2015, с. 33]. Несмотря на идейные расхождения с Ху Ши, Сюй Чжимо вошел в состав возрожденной в Шанхае в 1928 г. творческой группы «Новолуние» (Синьюэ-пай) и публиковался на страницах ее изданий.

В ноябре 1931 г. во время перелета на почтовом самолете из Нанкина в Шанхай поэт погиб в авиакатастрофе недалеко от Тайяня.

Публикуемый нами текст является частью путевых заметок Сюй Чжимо «Заметки о путешествии в Европу», основу которых он составил во время своей европейской поездки в марте 1925 г., а позднее, находясь в Италии, осуществил их литературную обработку. Заметки были опубликованы в виде отдельных эссе в газете «Чэньбао» в июне – августе того же года. Путевые заметки, касающиеся России, можно условно разбить на три цикла: дорожные встречи, Сибирь и Москва. В Московский цикл входят пять эссе: «Москва», «Толстой», «Еврейский “кошмар”», «Кладбище Чехова» и «Кровь. Мысли по поводу посещения мавзолея Ленина». Настоящий перевод осуществлен по тьяньцзинскому изданию «Полного собрания сочинений Сюй Чжимо» 2005 г. под редакцией Хань Шишаня [徐志摩全集].

Влияние английского языка и культуры на Сюй Чжимо не могло не сказаться на стиле оригинальной публикации. Результатом билингвизма поэта стало не только смешение латинской и иероглифической график, но и авторские формы транскрибирования отдельных реалий и имен собственных. Дешифровка таких позиций стала одной из наиболее серьезных переводческих задач – точечные комментарии по некоторым из них оформлены в виде постраничных сносок. К сожалению, формат настоящей публикации не позволяет в должной мере продемонстрировать неоднозначность осуществленных трансформаций, которые заслуживают отдельного полноценного обзора.

Сюй Чжимо. Москва

Ах, Москва! Сколько всего пережил этот город! Рим – ветхий сон для любящих грезы; Нью-Йорк – дворец бога богатства¹ для любящих деньги; Париж – яма разврата для любителей похоти; Лондон – затянута дымом пустыня для искушенных в искусстве. А что же Москва? Вместо шрамов древней славы она покрыта свежими кровоточащими отметинами; вместо пышных дворцов – лишь храмы с обилием куполов; вместо солнечного тепла – улицы, утопающие в грязи; вместо гуманности – наводящие ужас величие и жестокосердие. Замри в тенистом лесу на Воробьевых горах, устремись вслед за Москвой рекой, наполовину скованной льдом. Этому городу предстоит стать нашим компасом в начавшемся столетии; Москва – эмблема будущей цивилизации. Арки Древнего Рима – рассыпающиеся в руках страницы и стертые камни; арки грядущей Москвы – плоть и кровь русского народа. Москва, поскорей созови своих мастеров разрушения, вложи им в одну руку факел, а в другую – смертоносный меч, поскорей доверши начатое, чтобы через тысячу лет свободные от рабства потомки неиссякаемым потоком устремились к тебе, подобно тому, как сейчас они едут в Рим. В будущем они поспешат к Воробьевым горам поклониться твоей архитектуре, восхититься твоим трудом и воспеть твое неувядаемое величие!

Таковы были думы, захлестнувшие меня в первый день прибытия, когда я прогуливался возле Кремля. Поезд въехал в город к шести утра, в прошлые же сутки мы проезжали леса – кажется, в районе Владимира. Большая часть деревьев была уничтожена в годы войны – от старых сосен сохранились лишь обожженные изуродованные жерди, воткнутые в снег. А еще глубже, под снежным покровом, было похоронено великое множество людей, обагривших кровью сугробы. Рвы тоже можно было различить, правда, не очень отчетливо. Снегопад, засыпавший пейзаж год от года, сглаживал высоты и овраги, укрывая от взора следы человеческих зверств². Не будь его и как знать, быть может, у особенно чувствительных писателей было бы больше поводов взяться за перо. Но и такие следы войны привлекали внимание всех проезжавших мимо. Они стали самой запоминающейся декорацией на пути в Москву. Преодолевая Сибирь, по мере того как состав прокладывает путь в необозримом ослепительно белом пространстве, изредка удастся подметить фрагменты жизни русских людей, те тяготы и ту стойкость, которыми отмечена их жизнь. Обращаешь внимание и на особенности ландшафта: горы, окружающие Байкал, могучий лес, опоясавший Уральский хребет. Можешь вдохнуть здешний воздух, необычайно свежий, морозный и колющий, пронизывающий всего тебя металлической проволокой. Мысль в тот же момент проясняется, а душа набирается сил и рвется на свободу. Таково свойство этого места: вся лень, неразборчивость, косность, депрессия и все, что хоть как-то обременяло, сковывало и мешало, в единый миг отброшено прочь. Взор становится зорок, чувства цепки. Раскрой же пошире глаза, дай им сбросить морок и дрему, позволь напитаться живящим простором, позволь духу окрепнуть!

¹ В оригинале автор использует форму записи латиницей: “Mammon”.

² Какие события имеются в виду, установлено не было.

Сердце – пробудись! – теперь ты в России. Теперь ты в Москве, столице страны, раскинувшейся от Берингова пролива до Балтики, страны, вдающейся в Ледовитый океан. Москва – город, вобравший в себя снега, пламя и кровь.

В этом пламени первой исчезла прежняя Россия. Россия старого режима, самоуправления, излишеств, аристократии, декаданса; Россия дам в длиннополых платьях, повозок в позолоте, чиновников с табакерками, дворян с их охотой; Россия романов Толстого и Достоевского – исчезла. Ее следы теперь можно обнаружить в Париже, Польше, Нью-Йорке, Риме – то тут, то там вам может попасться собственность почтенного графа с фамилией, оканчивающейся на «-вский». Все они беженцы, и с неохотой говорят о родине. За беседой они скажут вам, что Россия больше не их страна, ее захватили демоны (ангелы же были вынуждены спастись бегством от вспыхнувшего пожара). Русская культура также постепенно становится достоянием прошлого – ее, равно как и славянский дух, из последних сил поддерживают уехавшие за рубеж поэты, живописцы и иные деятели искусства. Если же вам таки удастся разговорить их, они наверняка будут жаловаться на свои невзгоды, будут без умолку твердить о том, сколько они пережили. Затем, они поведают о том какой у них был мрамор в имении, как юны и прелестны были их племянницы... но дни, которых они так ждут вот-вот настанут, шайка захватчиков будет скинута, ведь есть же справедливость в мире, ведь есть же...

Так что приезжая в Москву не следует искать здесь памятников старой культуры. Впрочем, нет здесь пока и новой культуры, и это, как ни странно, преимущество. О том, что же здесь можно увидеть, я попытаюсь рассказать.

Сначала поднимите взгляд вверх. Вы не увидите небесной лазури, лишь неясные спутанные еле-плывущие в холоде облака. Это небо (то, что видел я) взаправду безрадостно, даже, я бы сказал, траурно. Солнце если показывается, то лишь изредка и также вяло, безжизненно. Чуть засветило, и снова назад. Так больной обычно отодвигает рукой занавески в палате.

А теперь опустите взгляд вниз. Черт бы побрал московские улицы в марте. Я способен мириться с ровным застывшим зимним покровом и способен понять обильное его таянье по весне, но то, что происходит между – увольте. Природа как будто не может определиться, чего же ей хочется: чтобы все замерзло, или чтобы все растаяло. Поэтому она чередует то и другое ежедневно. Выглянет солнце – из-под ледяной корки выступит блеклая жидкость, но стоит светилу скрыться – вновь замерзает. И всю дорогу идет какой-то мокрый снег, да так обильно, что нет решительно никакой возможности очистить тротуары. В общем, никто и не чистит. Пусть будет жижа. В конечном счете, однажды растает. Так что уж если надумаете ехать в Россию в это время года – не вздумайте выезжать без сапог.

Еще можно взглянуть на уличные лавки. Заведениям следует обслуживать клиентов – если у Жуйфусян¹ не будет посетителей, им придется закрыться. Здесь, в Москве, не встретите магазинов, торгующих предметами роскоши – почти сплошь раскиданы забегаловки (вероятно, такова политика властей). Но что действительно может нагнать страху, так это местные цены: шелковых женских чулок, говорят, так

¹ Жуйфусян (瑞蚨祥) – знаменитая старинная сеть элитных магазинов одежды в Китае.

запросто не достать, но уж если удастся, то не меньше чем за пятнадцать–двадцать юаней¹. Обувь, если получше, то около сорока юаней, крупные мандарины по семь с половиной мао, маленькие по пять за штуку. Наш завтрак в гостинице на четверых – двадцать юаней. Остальные расценки можете вывести по аналогии.

Теперь стоит всмотреться в прохожих, изучить их одежду и лица. После отъезда аристократии и буржуа, культура внешнего вида здесь также испарилась. На мужчине почти не увидишь белой рубашки, не говоря уж о новом галстуке (вообще, большинство обходится без них). Да и просто найти опрятно одетого человека не так-то просто. Я случайно наткнулся на местного профессора², его рубашка, как кажется, одновременно была и его ночной сорочкой; его пальто имело отдаленное сходство с черной собачьей шкурой – не исключено, что оно же служило ему одеялом. Волосы на голове у него были похожи на заросли, и вряд ли в ближайшее время их касалась расческа. По щекам же и на подбородке растительность и вовсе чувствовала себя свободно – о безопасной бритве речи здесь и не шло. И скорее всего, этот человек не был исключением из правил. У меня сложилось впечатление, что все молодые люди здесь выглядят примерно так – если бы вы представляли их привычный образ жизни, то и вам бы не показалось это странным. Герберт Уэллс, бывший в Москве лет пять назад, тоже встречался с профессурой. Внешностью ученые, по его словам, напоминали не то заключенных, не то бесов. Мне кажется, что если он и преувеличил, то не сильно. Крестьян в округе я не встретил, но навряд ли они сильно отличались от людей, мельком виденных мной в Сибири – с могучей бородой и в огромных сапожищах. Рабочих – полные проспекты; их облик во всем вполне себе заурядный, за исключением приколотых значков с Лениным. Застал я и марширующую детвору. Со стороны кажется, будто попрошайек, всех как один в черном, вывели топтать слякоть, держать красные флаги и бить в барабаны. Мелких торговцев за лотками и с корзинами тоже немало. Среди них много увечных мужчин и пожилых женщин. Продают фрукты, сигареты, хлеб, шоколад (несъедобный) и прочее (в киосках можно купить и книги с газетами, и что-нибудь перекусить).

Девушки попадаютсся двух видов. Одни – жены или сестры тех, кто побогаче. С одеждой они выкручиваются как могут – чулок, как я говорил, не достать. Другие – коммунистки. Их можно отличить по манере держаться и по красному платку, повязанному на голове. Встречаются и красные головные уборы, но не на парижский манер. На утопающих в грязном снеге улицах они единственная отрада!

Все познается в сравнении: в тот год, когда мы с Чэнь Бошэном³ из Англии ездили во Франкфурт, один день действительно, казалось, тянулся целую неделю. Прохожие на улице, кого ни возьми, все точно только что вышли от портного. Я в своем дорожном костюме на их фоне выглядел просто заграничным попрошайкой! На этот же раз в Москве я вновь чувствую себя неудобно, но по абсолют-

¹ Примерное соотношение советского золотого червонца к китайскому юаню составляло в 1925 г. 1 к 1,2.

² Личность не установлена.

³ Чэнь Бошэн (陈博生, 1891–1957) – известный китайский журналист, участник «движения 4 мая» 1919 г.

но противоположной причине. Вы только помыслите себе описанные мной улыбки и вид людей на них: среди толпы, обернутой в поношенные тряпки, внезапно возникает силуэт иностранца, сияющий брововым воротником и шапкой из выдры (это я, конечно, хватил через край). Но не то, чтобы это я один так выделяюсь – даже китайских студентов в Москве¹ местные часто кличут «буржуа». И неудивительно, коль скоро мои соотечественники разодеты в темно-синий шевиот, пошитый по последнему фасону! Если так размышлять, то у любого общества есть надежда на перемены, любая привычка может быть отринута, любой стандарт можно переиначить, идею – перевернуть, узел – распутать, а одежду – вывернуть... В будущем же, когда нашим ногам наскучит хождение, мы с радостью прибегнем к помощи рук, встав на четвереньки. Смеяться же, очевидно, будут над теми, кто вновь решит встать прямо – вот это будет номер!

И если мороз в России действительно суров и беспощаден – люди, выкованные им, производят еще более тяжелое впечатление. Их депрессивность, вымученность, напряженность... редко когда на лице проступает улыбка. В разговоре они тоже как будто берегут силы, избегая открытости. Можно подумать, что у каждого из них на душе лежит тяжелый груз.

Искренняя улыбка едва ли не самое редкое, что есть в мире. Европейцы часто говорят, что китайцы смеются намного чаще их, но я бы не брался утверждать подобное. То, что они видят, как мне думается, это больше усмешки или глуповатые смешки, смех без задней мысли или же смех, чтобы уйти от ответа. В своей неестественности это можно сравнить со смехом, который вызывает в русских водка – с этой агонией хохота, как у Достоевского в «Идиоте». Все это нездорово, в этом нет подлинной радости. И этому подвержена далеко не одна Москва – где сейчас в мировых столицах у людей осталась хоть капля искренности? Да, говорят, Дублин изрядное место для веселья, Вена тоже полна задора, но сам я бы назвал лишь Париж. Вот уж где Рай общительности – там улыбки на улицах раскрываются сами собой, точно цветы в марте. В остальном же сказать трудно. Нью-Йорк, Чикаго, Берлин, Лондон – нигде нельзя почувствовать себя по-настоящему комфортно, все время будет преследовать какая-то подозрительность. Так недолго и до помешательства, и уж лучше поскорей убраться оттуда подобру-поздорову, чтобы случайно не заразиться этим «недугом».

Сейчас в Москве распространен один крайне любопытный феномен – если вы поедете сюда, вам непременно следует обратить на него внимание. Я говорю о мужчинах, которые прогуливаются с грудными младенцами прямо на улице. В Западной Европе такого вы точно не встретите – это отличительная черта Советов. Нынешним законом определено, что на одного человека не должно приходиться более одной квартиры. Горничные, няньки, служанки, кормилицы – о них можно забыть. Поэтому молодой семье, или же просто сожителем влюбленным, в вопросах деторождения приходится быть чрезвычайно осмотрительными, ведь теперь до возраста детсада младенец целиком и полностью будет на их попечении. Будьте любезны, сравните это с ситуацией в Пекине, когда вы жалуетесь даже при

¹ Весной 1925 г. в московском Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) обучалось более ста китайских студентов [Панцов, с. 233].

наличии нескольких квартир и служанок! Но если однажды Московские веяния доберутся к нам, то вы уж непременно распрощаетесь со своими хоромами, и будете жить там, где укажет правительство: в Сихуатине или Дунхуатине¹. Тогда вам с вашими госпожами придется самостоятельно организовывать хозяйство: протирать столы, подметать, готовить, стирать... какая бы мелочь ни появилась – все придется делать самим. Поэтому, когда после обеда вам вдруг захочется пройтись на свежем воздухе, не оставите же вы дитяtko под замком. И вот вы уже прогуливаетесь с ним на руках – на коляску у вас нет денег, а жену просить неудобно (что-то мне подсказывает, что с такими жесткими ограничениями ссор в доме явно будет меньше!). Но что мужчина может знать о том, как держать на руках ребенка? Не станешь же брать его как конверт. Как же его приобнять – вертикально, горизонтально? Но ничего, стоит вам побывать в Москве, и вы, хотите того или нет, но научитесь! К этому времени рождение ребенка перестанет быть таким распространённым делом, и теории Маргарет Сэнгер или Мэри Деннет будут куда более популярны, чем они есть сейчас². Что же касается Москвы, то еще не рожденным «ангелочкам» не о чем волноваться. Возможно, однако, что у здешних родителей просто нет денег на «французскую резину»³ или же это просто правительство не дает им приобрести ее. Уж в этом я не разбирался.

Если у вас останутся силы и время – загляните к русским посмотреть, как они живут. У меня вот был один знакомый профессор⁴. Когда я постучал к нему, он как раз лежал на раскладной койке, листая книгу или исправляя лекции. Но едва увидев, что к нему пришел гость, он тут же вскочил как есть: в изношенной на локтях кофте, с растрепанными волосами и бородой. Его комната изнутри напоминала прямоугольную тыкву; в ней был небольшой деревянный стол, стул, стены были утыканы крючками для одежды. Его собственная кровать была возле окна, а наискосок от нее располагалась еще одна – для его то ли старшего, то ли младшего брата. Также все вертикальное пространство было увешано картами Востока и полосками в пять иероглифов (он был в Китае и понимал язык). По столу были разбросаны несколько книг, клочки бумаги, тушь, шахматная доска и прочая мелочь. Еще в углу стояло подобие котла – вероятно, там была еда. На всю комнату хорошо, если можно было обнаружить два места, чтобы присесть. В целом же передвигаться там даже вдвоем уже было затруднительно – нет-нет да и натолкнешься на что-нибудь.

Такова была жизнь преподавателя. Также по направлению госпожи Ту из посольства я ездил с визитом к старшей дочери Толстого⁵, у нее все было несколько

¹ Сихуатин (西花厅) и Дунхуатин (东花厅) – хутоны в Дунчэне, районе Пекина.

² Сэнгер Маргарет (Margaret Sanger, 1879–1966) – американская активистка, основательница «Американской лиги контроля над рождаемостью». Касательно второй персоналии трудно сделать однозначный вывод. Предположительно, словосочетанию в оригинальном тексте (马利司徒博士) могут соответствовать две кандидатуры, также связанные с упомянутой выше организацией: Мэри Деннет (Mary Dennett, 1872–1947) или Маргарет Чейз-Смит (Margaret Chase Smith, 1897–1995).

³ Речь идет о средствах мужской контрацепции.

⁴ Личность не установлена.

⁵ Толстая-Сухогина Татьяна Львовна (1864–1950) – старшая дочь Л. Н. Толстого. С 1923 по 1925 г. была директором Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

лучше. Ей, как ни странно, было отведено целых две комнаты: одна побольше, там она учила живописи; другая, жилая, поменьше. Там у нее помещались не только книги и картины, но и презабавная собачка и милая кошечка. Случай дочери, как мне сказали, был особый, ведь ей приходилось заведовать музеем Толстого. Я общался с ней. Конечно, мы говорили о ее отце (ей самой было уже шестьдесят). Ниже я еще вернусь к этому, сейчас же речь о жизни москвичей.

Я приехал в столицу утром субботы, а отбыл под вечер понедельника. Изначально я планировал потратить эти три дня на знакомство с местными достопримечательностями – особенно мне хотелось сходить в театр. Еще сидя в поезде, я все тщательнейшим образом продумал: где буду в первой половине дня, где во второй, куда пойду вечером... Кто же мог знать, что Фортуна будет ко мне столь не благосклонна! Дело в том, что на днях ушел из жизни очередной партийный деятель – фамилия его начиналась не то «Мали-», не то на «Маху-»¹. Этого я никак не мог предугадать. Весь город как по приказу погрузился в траур: из каждого дома выходили проститься с покойным, флаги были приспущены, все представления отменены... Понедельник тоже был объявлен выходным днем. Поэтому за трое суток я не сделал практически ничего из того что хотел. Потому я и не смог проникнуться сочувствием к его кончине. Вот ведь как бывает: а случись это на несколько дней раньше или позже, вероятно, я был бы полон соболезнований.

Поэтому если вы недовольны разрозненностью моих заметок, вспомните о господине «Мали-Маху» и снимите с меня хотя бы часть вины. Все же, у меня еще осталась в запасе пара историй, и я с радостью поделюсь ими.

Я действительно глуповат. Прежде чем приехать, я думал, что Москва была целиком отстроена заново. Мне казалось, что, когда Александр решил выжечь Наполеона, в пожаре сгорел весь город – даже от Кремля остались лишь угли. Вы, конечно, знаете эту историю, когда Наполеон решил занять Москву и отвезти там мороженого². Русские знали, что он точно пойдет за ними и отступали до последнего, заманивая его вглубь страны. В результате же ему достался пустой город. Подождав, пока он расположится в Кремле, солдаты подожгли столицу с двух концов – с востока и с запада. То-то была потеха! Не просто не угостили мороженым, но и погнали прочь до Парижа за печеньем. Спалили все, провиант, фураж... Сам Господь был против захватчика. Северный ветер порывами засыпал все снегом. Наполеон понимал свое положение и знал, что отступать уже слишком поздно. Когда он отправился к Березине, навстречу ему выдвинулись десятки тысяч казацких пик и сабель. Они-то и покромсали войско, почти никого не оставив в живых. Великому Западному Императору и оставалось только взнудать лошадь и улепетывать домой, колотиться в створы парижских ворот. С берегов Березины и по сей день раздаются стоны погибших – неизвестно, доведется ли французам вернуть должок!

Но я сейчас вспоминаю о делах прошлого не для того, чтобы напомнить вам

¹ Имеется в виду Мясникян Александр Федорович (Мясников, 1886–1925), секретарь Закавказского райкома РКП(б), который погиб 22 марта 1925 г. в авиакатастрофе недалеко от Тбилиси.

² Наполеон Бонапарт (1769–1821) являлся большим поклонником мороженого. Будучи сослан на о-в Св. Елены, он даже выписал аппарат для его приготовления.

о Наполеоне. Я лишь хотел продемонстрировать вам чудо русской смекалки, гений их терпеливости. Даже Наполеон – этот величайший правитель и полководец – увидев окутанный дымом Кремль не смог удержаться от возгласа: «Что?! Неужели им не жаль даже обитатели предков?!» Воистину: славяне одарены редчайшим военным талантом – идущий на них войной должен быть готов проститься со своим войском.

Москва в тот год не просто уцелела – сохранился и Кремль, и четырехвековые церкви. Новых строений, конечно, добавилось, но сам этот город остался старым. Сейчас, думая о нем я воображаю себе образ пожилого солдата в отставке. Войны уже миновали, но память о них цела в шрамах на теле. Рубец на щеке, рубец на шее... Его отрешенный взгляд, его длинная борода – во всем можно найти приметы прожитой им жизни. Даже прохудившаяся одежда будто бы стала частью его самого. Так мох, прижившийся на камнях, становится неотделим от них. Вот и в старинной Москве непросто высмотреть знаки нового времени. Может быть, все перемены – это просто красные флаги на крышах. Смотри сегодня на алые полотнища, развивающиеся над Кремлем, невольно задаешься вопросом, какой ценой это было достигнуто. Берегись, путешественник! Протри хорошенько от пыли свои глаза, всмотришься получше вглубь – может быть ты сможешь разглядеть под покровом городского покоя огни и взрывы, спалившие дотла старую культуру.

Но, по правде говоря, если дело действительно дойдет до взрыва, спрятаться удастся разве что на Марсе. И то не факт, что там не бывает своих стихийных бедствий. Сейчас же, пока фитиль еще не сгорел до основания, нам всем бы следовало пользоваться случаем. Нет, я говорю не о бегстве, но о созерцании этого прекрасного места. В тот день утром я стоял на смотровой площадке возле огромного храма¹, впервые обозревая Москву. Под ногами был лед, идти было нелегко, я даже дважды поскользнулся. Но будь благословен этот пейзаж у Москвы-реки – мне и в голову не могло прийти, что он вызовет во мне такие чувства! Если бы не было так скользко, я бы уже вовсю прыгал от восторга! У меня всегда проблемы с определением сторон света; про здешнюю реку я знал только, что она течет с востока на запад. Но тем утром не было солнца, и я не мог определить даже этого. До сих пор жалею, что не последовал примеру Наполеона и не поднялся на Воробьевы горы. С них вид на подернутую морозным дымком Москву наверняка был бы еще лучше. Буду довольствоваться и тем, что довелось испытать – оставлю горы до следующего раза, не исключено, что еще приеду сюда. А вы, мои пекинские друзья, тоже пользуйтесь случаем, ловите момент, съездите до Бэйхая полюбоваться как крыши Запретного города сливаются с небом. В нашем хрупком, надтреснутом мире, где сегодня не можешь поручиться за то, что будет завтра, «ловить момент» просто необходимо. Пока весь Пекин не повторил судьбу Старого Летнего дворца², поспешите в Посольский квартал сделать несколько цветных фотографий. И если, как всегда, хмурясь откажетесь, а потом пожалеете – то так вам и надо!

¹ Автор имеет в виду Храм Христа Спасителя.

² Летняя резиденция китайских императоров – садово-дворцовый комплекс Юаньминъюань, был уничтожен англичанами и французами в конце второй Опиумной войны (1860).

Если Пекин полагается на императора, то Москва полагается на Бога. Видели ли вы православную архитектуру? У нас ее можно найти разве что в Харбине. Особенность этих зданий в том, что посередине у них купол, в виде наверхия от тыквы-горлянки. Бывает, что он разноцветный, немало и синих, но чаще всего – золотой. По четырем сторонам постройки тоже располагаются тыковки, уже поменьше. Размеры, правда, попадают всякие – есть и малютки, есть и почти с основную. Есть снаружи покрытые орнаментом, наподобие Римских, есть и нарочито белокаменные с огромным золотым куполом. Таков как раз был тот большой храм, исполненный величия. Лучше же прочих – старая церковь, что за пределами Кремля, возведенная примерно в XVI в¹. В ней есть очарование древних грез. Размером она невелика, но если увидите, то однозначно ее не забудете. Она предназначалась для царской семьи и была слишком тесна для служб. Верхушек у нее счетом десять, но расположение их я сейчас не восстанавливаю. У каждого купола свой цвет и форма: есть как наши южные тыквы; есть как молот Янь Чэнфана из «Сказания о Юэ Фэе»²; есть как плод хлебного дерева; есть как свернувшийся кольцом дракон, смотрящий в небо; есть как орудие среднего брата Дань из танских новелл, что там было у него – копьё³? Если сложить все вместе, то получится облик, которого я нигде раньше не встречал, даже во снах. Если же вам захочется отведать хлебного дерева или повнимательней рассмотреть наконецник копья – не откладывайте, забирайтесь наверх любоваться!

Москва напоминает улей, где церкви – соты. Всего в городе примерно шесть сотен храмов (некоторые говорят, что восемь). На словах в это даже сложно поверить. Вот в Нью-Йорке на каждой улице есть хотя бы один лоток с мороженым, в Москве – та же ситуация с церквями. Среди них есть как поистине выдающиеся, устремленные в звенящий воздух золотыми куполами, так и крайне неблагоприятные. У последних на верхушке вместо купола будто приделан гнилой корнеплод, а места между двумя стенами едва хватает, чтобы вдохнуть воздуха. Говорят, что после революции религии в России пришлось нелегко. Как мне по секрету сказал служитель той церкви с куполом в виде плода хлебного дерева, новая власть не просто не строила новых храмов, но и не занималась старыми. Положение было весьма скверное. Такого отношения к вере китайцу не понять. Будто и правда молитва важнее еды; прочитать псалом важнее, чем выпечь хлеб. То ли дело у нас – приедешь в Шаосин⁴: «на пять домов три кабака, на десять шагов девять выгребных ям»⁵. Храмы тоже есть – вон, на самой окраине или в горах и то для того, чтобы выбраться разве что по случаю Нового года. Совсем другие нравы, другая жизнь, другое мировоззрение – какая пропасть!

¹ Автор имеет в виду Храм Василия Блаженного.

² Янь Чэнфан (严成方) – персонаж романа «Сказание о Юэ Фэе» (说岳全传), принадлежащем перу Цянь Цая (钱彩, конец XVII – начало XVIII в.).

³ Речь, очевидно, идет о персонаже из «Повествования о [династиях] Суй и Тан» (隋唐演义) за авторством Чу Жэньхо (褚人获, 1635 –?).

⁴ Шаосин (绍兴) – городской округ китайской провинции Чжэцзян. Известен как родина выдающегося китайского писателя Лу Синя (鲁迅, 1881–1936).

⁵ Оригинал фразы: 五家三酒店, 十步九茅坑. Сложно судить, являлось ли данное выражение устойчивым или авторским.

Напоследок, вернемся вновь в то утро, когда я впервые увидел Москву. На еще не тронувшийся лед Москвы-реки падал снег, ложась и к моим ногам горошинами яшмы. По застывшей воде то и дело перелетали с места на место вороны в поисках еды. Здесь перья у них серые и тоньше клюв – я сперва подумал, что это горлинки! По левую руку от меня Кремль молчаливо хранит за своими стенами бесподобную архитектуру. По углам, на башнях можно различить силуэты солдат. Пусть сами башни невысоки, но в них есть достоинство, отрешенная сдержанность. Даже их кирпичи в кладке могли бы рассказать вам о древности. Они бы могли сказать: «Мы не боимся выщести на солнце, так чего нам бояться людских перемен. Наполеон ушел восвояси, род Романовых оборвался, Керенский бежал, Ленин умер... Река времени приносит новые жертвы, мы же лишь крепнем в летах. Старость нас не пугает. Человечество, сколько крови еще ты готово пустить по течению?» По мою правую руку тот огромный златоверхий храм. Разделенный рекой пейзаж напоминает мне об изобилии лотосового пруда. Тыковки церковей – бутоны. Есть стебли длиннее, есть короче. Ясные, сверкающие, богатые – жаль, что солнце так и не показалось! Если бы светило вышло и озарило каждый купол, сияние бы покрыло все вокруг. Сама Си-ван-му¹ бы могла позавидовать!

Список литературы

- Ломанов А. В. Роль Сюй Чжимо в китайской дискуссии о Советской России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М. : ИДВ РАН, 2018. № 23 (Т. 23). С. 336–350.
- Ломанов А. В. Эволюция китайского либерализма в 20–30-е годы XX века: интеллигенция и власть // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 26–42.
- Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М. : Муравей-Гайд, 2001. 456 с.
- Spence J. D. *The Gate of Heavenly Peace. The Chinese and Their Revolution, 1895–1980*. N. Y.: Viking Press, 1981. 465 p.
- Сюй Чжимо цюаньцзи / Хань Шишань бянь 徐志摩全集 / 韩石山编. 天津: 天津人民出版社. 2005. 417页 [Полное собрание сочинений Сюй Чжимо. Т. 2. Эссе (2) / под ред. Хань Шишаня. Тяньцзинь : Народное издательство Тяньцзиня, 2005. 417 с.].

References

- Han Shishan (Ed.). (2005). *Xu Zhimo quanji* [Complete Works of Xu Zhimo]. Tianjin, Tianjin Renmin Publishing House. 417 p.
- Lomanov, A. V. (2018). Rol' Xu Zhimo v kitaiskoi diskussii o Sovetskoi Rossii [Xu Zhimo's Role in the Chinese Discussion of Soviet Russia]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriia i sovremennost'*. No. 23 (Vol. 23), pp. 336–350.
- Lomanov, A. V. (2015). Evolutsiia kitaiskogo liberalizma v 20–30-e gody XX veka : intelligentsiia i vlast' [The Evolution of Chinese Liberalism in the 20–30s of the Twentieth century: Intellectuals and Power]. In *Novaia i noveishaia istoriia*. No. 3, pp. 26–42.
- Pantsov, V. A. (2001). *Tainiaia istoriia sovetsko-kitaiskikh otnoshenii. Bol'sheviki i kitaiskaia revoliutsiia (1919–1927)* [The Secret history of Soviet-Chinese relations. The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919–1927)]. Moscow, Muravei-Gaid. 456 p.
- Spence, J. D. (1981). *The Gate of Heavenly Peace. The Chinese and Their Revolution, 1895–1980*. N. Y., Viking Press. 465 p.

The article was submitted on 17.03.2021

¹ Си-ван-му (西王母) – дословно «Владычица Запада», женское божество в древнекитайской мифологии, хранительница снадобья бессмертия.

**«ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ ВСЕ ИЗГОЛОДАЛИСЬ
ПО СВОБОДНОМУ РУССКОМУ СЛОВУ...»:
ПИСЬМО ИЗ ЯПОНИИ РУССКОГО ЭМИГРАНТА
АЛЕКСАНДРА ВАНОВСКОГО (1948)**

Аннотация. Статья посвящена судьбе известного деятеля русского революционного движения, делегата I съезда РСДРП, впоследствии – русского эмигранта в Японии Александра Вановского (1874–1967). В центре внимания – письмо, написанное А. Вановским сотруднику одной из русских общественных организаций США в 1948 г. Оно характеризует атмосферу внутри русской эмиграции в Японии, настроения эмигрантов в период после разгрома Японии во Второй мировой войне. Письмо связано с важным периодом в жизни автора, вернувшегося после войны к преподавательской деятельности после увольнения из университета как иностранца в годы Второй мировой войны.

Вступительная статья к публикуемому документу посвящена жизни А. А. Вановского и его деятельности в Японии в 1920–1960-е гг. Доказано, что А. А. Вановский в Японии занимался осмыслением культуры древней Японии, ее философии, религии, литературы (прежде всего, знаменитого памятника «Кодзики»). Исследователи высоко оценивают вклад А. А. Вановского в изучении японского фольклора, проведение компаративных русско-японских исследований в этой области. При этом подчеркивается самобытный характер творчества А. А. Вановского, его независимость от подходов ведущих российских и советских японистов (Е. Д. Поливанова, Н. И. Конрада и др.). Отмечен вклад А. А. Вановского в развитие межкультурного диалога России и Японии в XX в. Автор выражает надежду, что жизненный путь и творческое наследие А. А. Вановского будут предметом специального изучения со стороны российских и японских исследователей.

Ключевые слова: Япония, русская эмиграция, А. А. Вановский, «Кодзики», «Новый журнал»

Alexey V. Antoshin

**“TO SUCH AN EXTENT, EVERYONE IS HUNGRY FOR THE
FREE RUSSIAN WORD...”: A LETTER BY THE RUSSIAN
EMIGRANT ALEXANDER VANOVSKY FROM JAPAN (1948)**

Abstract. The article is devoted to the fate of Alexander Vanovsky (1874–1967), a well-known figure of the Russian revolutionary movement, a delegate to the 1st Congress of the RSDLP, and later – a Russian emigrant in Japan. In the center of attention is a letter written by A. Vanovsky to an employee of one of the Russian public organizations in the United States in 1948. It characterizes the atmosphere within the Russian emigration in Japan, the mood of emigrants in the period after the defeat of Japan in World War II. The letter is associated with an important period in the life of the author, who returned to teaching after the war being fired from the university as a foreigner during the Second World War. The introductory article to the published document is devoted to the life of A. A. Vanovsky and his activities in Japan in the 1920s-1960s. It is proved that A. A. Vanovsky in Japan was engaged in comprehension of the culture of ancient Japan, its philosophy, religion, literature (first of all, the famous monument “Kojiki”). Researchers highly appreciate the contribution of A. A. Vanovsky to the study of Japanese folklore, the conduct of comparative Russian-Japanese research in this area. At the same time, the original character of A. A. Vanovsky’s work is emphasized, its independence from the approaches of leading Russian and Soviet Japanese scholars (E. D. Polivanova,

N. I. Konrad, etc.). The contribution of A. A. Vanovsky to the development of intercultural dialogue between Russia and Japan in the twentieth century is noted. The author expresses the hope that the life path and creative legacy of A. A. Vanovsky will be the subject of a special study by Russian and Japanese researchers.

Keywords: Japan, Russian emigration, A. A. Vanovsky, “Kojiki”, “The New Review”

Япония не относилась к числу ведущих центров Русского зарубежья периода его расцвета в межвоенный период. Как отмечают П. Э. Подалко, А. А. Хисамутдинов и другие исследователи, приток русских эмигрантов в эту страну после революции 1917 г. был не слишком значительным. Среди оказавшихся в Японии русских людей были отдельные дипломаты Российской империи, представители офицерского корпуса. Однако гораздо больше было простых людей, не относившихся к элите дореволюционной России. В 1920-е гг. в Хакодате оказалось немало рыбаков из Приморья, старообрядцев. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. на Южный Сахалин и в другие регионы тогдашней Японии бежали из СССР крестьяне, спасавшиеся от коллективизации и иных аспектов сталинской политики.

Тем не менее, общая численность выходцев из России и СССР, постоянно проживавших в Стране восходящего солнца, традиционно была невелика. К концу 1920-х гг. в Японии проживало 1477 «русских» [Хисамутдинов, с. 204]. При этом лишь часть этих людей считали себя «белыми»: большинство, так или иначе, сочувствовало Советской власти и взаимодействовали с ее представителями. Яркий пример этого – семья основателя уральского японоведения Б. А. Караева, отец которого сотрудничал с советским торгпредством в Японии. Караевы оставались гражданами СССР, хотя и общались с представителями белой эмиграции [Караев, с. 20–30].

Одним из центров русской диаспоры в Японии стал остров Хоккайдо. В 1929 г. возникло Общество взаимопомощи русским эмигрантам на Хоккайдо. Большинство русских здесь, как и в других регионах Японии, были мелкими торговцами сукном, одеждой и другими товарами. Однако именно с Хоккайдо оказалась связана и судьба человека, который долгое время, прежде всего, привлекал внимание всех исследователей истории русской эмиграции в Японии – Александра Алексеевича Вановского.

А. А. Вановский (11 сентября 1874, Московская губерния – 16 декабря 1967, Токио) был сыном офицера и дочери помещика Саратовской губернии. Казалось, что его судьба сложится так же, как у большинства выходцев из среды русского офицерства: он окончил 3-й Московский кадетский корпус, затем учился на Военно-училищных курсах Киевского пехотного юнкерского училища. Однако, выйдя в запас в звании подпоручика, А. А. Вановский на долгое время оставил военную службу. В стенах Московского технического училища отставной подпоручик погрузился в среду революционной молодежи. Довольно быстро А. А. Вановский выдвигается в число видных революционных пропагандистов, становится одним из лидеров московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Именно в качестве делегата от этой организации он участвует в работе знаменитого I съезда РСДРП, состоявшегося в Минске в 1898 г.

После съезда, как и другие делегаты, А. А. Вановский был арестован и сослан в Сольвычегодск. Ссылка не остановила отставного подпоручика, и в первые годы XX в. он с головой ушел в революционную работу. А. А. Вановский становится организатором социал-демократической группы «Воля» и нелегальной типографии. В 1905 г. он участвовал в знаменитом Декабрьском вооруженном восстании в Москве, играл видную роль в Военно-техническом бюро РСДРП.

Однако правительству удалось подавить революционное движение. Наступает период, который в советской историографии именовался годами «реакции». Это было отнюдь не только время правительственных репрессий, жестокого подавления революционного движения правительством П. А. Столыпина. Многие представители оппозиционной интеллигенции в те годы переосмыслили свои взгляды, осознав ограниченность и опасность некоторых прежних установок. Символом этого процесса стал выход в свет в 1909 г. знаменитого сборника «Вехи».

А. А. Вановский лично знал ведущих авторов «Вех» Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова. Постепенно и он приходит к новому пониманию того, каким путем должно развиваться российское общество. В 1912 г. революционный интеллигент становится верующим христианином и выходит из рядов РСДРП. В годы Первой мировой войны А. А. Вановский – храбрый офицер, награжденный орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. Как убежденный противник революционного радикализма он встретил и события 1917 г, резко критиковал В. И. Ленина и большевиков.

Поэтому вполне логично то обстоятельство, что А. А. Вановский негативно воспринял взятие власти большевиками в октябре 1917 г. Однако сыграть серьезную роль в антибольшевистском движении ему не довелось: в 1919 г. он тяжело заболел и уехал на лечение в Японию – как оказалось, навсегда.

Попав в неизвестную для него страну, в иноэтничное окружение, А. Вановский пытался разобраться в ситуации, понять менталитет японцев. Именно это формировало интерес бывшего социал-демократа к традиционной японской культуре. Постепенно он начал изучать философию, религию, литературные памятники Японии (прежде всего, знаменитые «Кодзики»). По мнению современного исследователя А. Л. Налепина, А. А. Вановский стал самобытным религиозным мыслителем и литературоведом. Большое внимание эмигрант уделял русско-японским компаративным исследованиям в фольклористике [Налепин 2018].

Впрочем, подход А. А. Вановского к японской культуре всегда был своеобразным. Тот же А. Л. Налепин подчеркивает: «Следует особо оговорить, что весьма специфичные взгляды Александра Вановского, волею судеб оказавшегося в Японии (экзотической для него стране), не знавшего ни языка этой страны, ни ее культуры, ни ее истории, представляли собой наивную попытку пытливого русского эмигранта хотя бы каким-то образом попытаться понять и вписаться в японскую культуру, понять ментальность людей, живущих в Японии, в той стране, где ему, Александру Алексеевичу Вановскому, предстояло жить и умереть. Поэтому не имеют никакого практического смысла попытки соотнесения взглядов Вановского с постулатами японистики как серьезной эволюционирующей науки... Объективно говоря, “Японистика по Вановскому”

носила утилитарный, во многих отношениях даже “доморощенный” характер, отразила его наивные представления о Японии столетней давности. Для человека, не обладавшего ни исторической, ни филологической подготовкой, заставившего себя не спастись перед громадой древней японской истории, культуры и японского языка, именно такой “дилетантский” метод погружения в незнакомый экзотический материал представлялся единственно возможным» [Налепин 2020, с. 392–393].

Фактически А. А. Вановский, как и другие представители русской эмигрантской интеллигенции, стал мостом между Россией и Японией, сыграл большую роль в межкультурном диалоге. Многие годы он преподавал русский язык и литературу в университете Васэда, знакомя молодых японцев с культурой своей Родины. В годы Второй мировой войны, как и другие иностранные преподаватели, А. А. Вановский был уволен из университета, однако после разгрома Японии его преподавательская и исследовательская деятельность была продолжена.

Именно с этим периодом жизни А. А. Вановского связано публикуемое нами письмо. Оно хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) – одном из крупнейших в мире русских зарубежных архивов. Письмо находится в личном фонде известного деятеля русского революционного движения, одного из лидеров партии эсеров В. М. Зензинова (1880–1953). В. М. Зензинов в первые послевоенные годы играл большую роль в общественной жизни русской эмиграции в США, участвовал в различных благотворительных проектах, прежде всего, в деятельности Литературного фонда и организации «Надежда», которые оказывали помощь проживавшим в разных странах мира представителям русской эмигрантской интеллигенции. Очевидно, именно это обстоятельство привело к тому, что письмо А. А. Вановского оказалось в данном фонде. Личность адресата письма – Эйштейна – установить пока не удалось. Однако ряд других фигур, упомянутых в письме, хорошо известны специалистам по истории русской эмиграции (см. примечания). Характерно, что эти лица принадлежали к числу видных деятелей либеральной и демократической эмигрантской интеллигенции. Именно они курировали ведущие издательские проекты русской эмиграции тех лет. Среди них были и старые друзья А. А. Вановского, те, с кем он полвека назад участвовал в деятельности организаций РСДРП.

Данное письмо характеризует ту атмосферу, в которой жила немногочисленная русская интеллигенция в Японии в первые послевоенные годы. Оторванные от ведущих эмигрантских центров, лишенные возможности читать выходящую там литературу, они с жадностью набрасывались на появлявшиеся на островах книги и журналы Русского Нью-Йорка. Одним из таких людей был и сам А. А. Вановский.

Он прожил долгую жизнь и пережил практически всех своих товарищей-основателей РСДРП. В советское время его фигура привлекала внимание многих писателей и журналистов, приезжавших из СССР в Японию. Ореол делегата знаменитого I съезда РСДРП заставлял некоторых из них искать встречи с А. А. Вановским, пытаться взять интервью у человека, лично знавшего

В. И. Ленина и других старых большевиков. Однако А. А. Вановский, погруженный в изучение традиционной культуры Японии, не шел на контакт. События I съезда РСДРП были для него далеким прошлым, ошибкой молодости, досадным эпизодом в его биографии.

Гораздо важнее теперь были для А. А. Вановского религиозные поиски, связанные с текстологическим сравнением «Кодзики» с Библией. В 1965 г. он пишет одну из самых знаменитых своих книг – «Третий Завет и Апокалипсис». Через два года А. А. Вановского не стало.

В годы перестройки и постперестройки интерес к этой фигуре ненадолго резко вырос. Судьба одного из основателей РСДРП, ставшего убежденным противником большевиков и религиозным мыслителем, отвечала духу эпохи: этот путь в те годы проходили и многие представители советской интеллигенции. Именно в тот период выходит и работа И. П. Кожевниковой, посвященная судьбе А. А. Вановского [Кожевникова].

Однако вскоре о нем почти забыли. Характерно, что в 2005 г. на страницах журнала «Япония сегодня» вышло интервью с одним из наиболее известных представителей русской эмиграции в Японии доктором Е. Н. Аксеновым. Вспоминая о временах своей молодости, он упомянул «некоего Яновского», который, по его словам, был «одним из руководителей большевистского восстания в Киеве, близким другом Ленина». «Доподлинно знаю, что здесь он преподавал русский язык в университете Васэда, – вспоминал Е. Н. Аксенов. – Дело в том, что Яновский умер у меня на руках. Если не ошибаюсь, это было в начале 70-х гг.» [Доктор Аксенов, с. 19].

Именно такой текст, содержащий и искаженную фамилию А. А. Вановского, и мифологизированную версию его биографии, и появился на страницах журнала. Видимо, старого революционера стали уже забывать: о временах I съезда РСДРП теперь мало кто вспоминает. Между тем, в Университете Васэда хранится личный архив А. А. Вановского, который еще ждет своих исследователей. Думается, личность этого человека – русского революционера, пытавшегося понять культуру древней Японии – еще не раз привлечет внимание историков, религиоведов, культурологов.

Список литературы

- Доктор Аксенов: свидетель ушедшей эпохи // Япония сегодня. 2005. № 7. С. 18–20.
- Караев Б. А. Восточный ветер. Воспоминания и размышления. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2003. 188 с.
- Кожевникова И. П. Жизнь и труды Александра Вановского // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 171–179; № 6. С. 147–158.
- Налепин А. Л. «Кодзики» и фольклорные разыскания А. А. Вановского при изучении генезиса мифологических существей в архаических мифах творения древней Японии // Studia Litterarum. 2020. № 2. С. 390–411.
- Налепин А. Л. Японский фольклор в работах А. А. Вановского и их значение для русско-японского культурного трансфера // Studia Litterarum. 2018. № 4. С. 276–297.
- Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. 351 с.
- Хисамутдинов А. А. Дальневосточное востоковедение. Исторические очерки. М.: ИДВ РАН, 2013. 358 с.

References

- Doktor Aksenov: svidetel ushedshei epohi (2005). In *Japonija segodnia*. Num 7, pp. 18–20.
- Hisamutdinov, A. A. (2013). *Dalnevostochnoe vostokovedenie* [Oriental Studies in the Far East]. Moscow, Institute for Far Eastern Studies publishing. 358 p.
- Karaev, B. A. (2003). *Vostochny veter* [Eastern wind]. Ekaterinburg, Ural University publishing. 188 p.
- Kojevnikova, I. P. (1993). Jizn I trudy Aleksandra Vanovskogo [A life and works by Alexander Vanovsky]. In *Problemy Dalnego Vostoka*. No. 5, pp. 171–179; No. 6, pp. 147–158.
- Nalepin, A. L. (2020). “Kojiki” I folklornye izyskanija A. A. Vanovskogo pri izuchenii gerezisa mofologicheskikh suschnostey v arhaicheskikh mifakh tvorenija drevney Japonii [Kojiki” and folklore research by A. A. Vanovsky in the study of the genesis of mythological entities in the archaic myths of the creation of ancient Japan]. In *Studia Litterarum*. No. 2, pp. 390–411.
- Nalepin, A. L. (2018). Japonskii folklore v rabotah A. A. Vanovskogo I ih znachenie dlia russko-japonskogo kulturnogo transfera [Japanese folklore in the works of A. A. Vanovsky and their significance for the Russian-Japanese cultural transfer]. In *Studia Litterarum*. No. 4, pp. 276–297.
- Podalko, P. E. (2004). *Japonia v sudbah rossijan* [Japan in the fate of Russians]. Moscow, Institute for Oriental Studies publishing, Kraft+. 351 p.

Prof. Alexander Vanovsky 22 sent.1948
1516 Karuizawa¹
Japan

Уважаемый господин Эйнштейн!

Большое, большое Вам спасибо, а также Комитету, за посылки. Все получил в целости. Костюм подошел очень хорошо. Получил также книги. Всего, вместе с книгами, три пакета. Раз я получил книги, то значит, теперь иностранцы имеют право получать книги из Америки на свое имя. Это очень хорошо. «Новый Журнал»² представляет собой очень содержательное и интересное издание. На него образовалась тут уже целая очередь русских читателей. Буквально рвут из рук – до такой степени все изголодались по свободному русскому слову. Ведь раньше русская печать на Дальнем Востоке должна была считаться с японским нажимом, или, лучше сказать, прижимом. Было бы очень хорошо, если бы редакция «Нового Журнала» прислала бы последний номер этого года. Я думаю, что один номер на всю Японию не такой большой убыток, тем более что это может привлечь подписчиков. Но «Социалистического Вестника»³ и другой книги, о которой Вы говорили, я не получил.

¹ Каруидзава – поселок в Японии, находящийся у подножья вулкана Асама в уезде Китасаку префектуры Нагано. Популярный курорт.

² «Новый журнал» – ведущий литературно-политический «толстый» журнал русской эмиграции после Второй мировой войны. Основан эмигрантами «первой волны» М. А. Алдановым и М. О. Цетлиным в 1942 г. в Нью-Йорке. Являлся своего рода преемником парижского журнала «Современные записки», в нем сотрудничали ведущие литераторы Русского Зарубежья.

³ «Социалистический вестник» – печатный орган меньшевистской эмиграции. Издавался последовательно в Берлине, Париже и Нью-Йорке в 1921–1965 гг.

Недавно я встретился с господином Гудричем – он (Goodrich) знает Вас и заочно познакомил меня с Вами, так что я бы очень желал лично познакомиться с Вами. Но пока что Америка для меня еще мечта.

Привет Рафаилу Абрамовичу¹ и госп. Кац. От г. Андрея Седых² пока не имею известий.

Всего лучшего.

С приветом А. Вановский.

Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Vladimir M. Zenzinov papers. Box 7. Folder “Correspondence. Chronological files. July 1949–1951. S-W”.

The article was submitted on 8.12.2020

¹ Абрамович (настоящие фамилия, имя, отчество Рейн Рафаил Абрамович, 1880–1963). Участник революционного движения с 1901 г., член Бунда и РСДРП. Меншевик, в 1917 г. – член бюро Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) 1-го созыва. Член ЦК РСДРП, один из лидеров Заграничной делегации РСДРП и руководителей редакции «Социалистического вестника».

² Андрей Седых (настоящие фамилия, имя, отчество Цвибак Яков Моисеевич, 1902–1994). Родился в Феодосии, в 1920 г. эмигрировал, жил в Турции, Италии, Франции. С 1922 г. – сотрудник крупнейшей газеты Русского Парижа «Последние новости». С 1942 г. – в США. Многие годы был главным редактором ведущей газеты Русского Нью-Йорка «Новое русское слово».

Д. М. Каренин, В. А. Кузьмин

СТАНОВЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И СТРАНАМИ ЕЭС

Аннотация. Данная статья посвящена анализу развития отношений между Японией и странами Западной Европы во второй половине XX в., а также их влияния на мировую политическую конъюнктуру. Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время центр мировой политической и экономической активности смещается на восток, и изучение развития отношений между ключевыми игроками Европы и Азии во второй половине прошлого века может стать базой для прогнозирования взаимодействия между Востоком и Западом на современном этапе. Статья основана на материалах исследований японских, западных и российских авторов, которые занимаются проблематикой японо-европейских отношений. На сегодняшний день по данной теме имеется существенный разрыв между отечественной, японской и западноевропейской историографией. Хотя вопросы японо-европейских отношений весьма глубоко и планомерно изучаются за рубежом, исследования российских авторов пока имеют несистематический характер. В статье разобраны процессы, сопровождавшие становление политических и экономических связей между Японией и Европейским экономическим сообществом. Их работа по преодолению несовместимости экономических и общественных моделей на протяжении нескольких десятилетий предопределила либерализацию международной торговли конца XX – начала XXI веков. На примере урегулирования японо-европейских разногласий рассмотрено применение некоторых механизмов ГАТТ. Проиллюстрированы попытки сторон разрешить накопившиеся противоречия в формате данной организации, придавшие дополнительный импульс ее развитию и трансформации в ВТО. В статье показано, что одним из главных факторов, определявших взаимодействие между Японией и ЕЭС в послевоенные годы, были их отношения с США, стремившимися разобщить своих союзников и поставить их в зависимое от себя положение. Несмотря на крайне неблагоприятные входные условия, Японии и ЕЭС удалось создать эффективный формат взаимодействия, при котором их социально-экономические модели дополняли друг друга, и положить начало трансконтинентальному сотрудничеству, развивающемуся по сей день.

Ключевые слова: Евросоюз, экономическое сотрудничество, ГАТТ, ЕЭС, Япония, Еврокомиссия

Denis M. Karenin, Vadim A. Kuzmin

THE ESTABLISHMENT OF COOPERATION BETWEEN JAPAN AND THE EEC COUNTRIES

Abstract. The present article deals with the development of relations between Japan and the West European countries in the second half of the XX century as well as their influence on major international political and economic trends of the time period in question. The fact that the center of global political and economic activity is shifting to the Far East makes the research in question highly relevant. Predictions of modern day interactions between the East and the West can be based on the analysis of development of relations between the key-nations of Europe and Asia in the second half of the 20th century. The article is based on research conducted by Russian, Japanese and Western experts on relations between Europe and Japan. At present, there is a considerable gap between the Russian-, Japanese- and West-European historiography in terms of studying the dynamics of relations between Japan and the European Community. While researchers from abroad have conducted thorough and meticulous studies of the subject at hand, only a handful of papers

have been published in Russia so far. The research in question also covers the processes that accompanied the formation of political and economic ties between Japan and the European Community. It emphasizes that the two Sides have become trailblazers of international trade liberalization of the end of the XX and the beginning of the XXI century by combining their efforts aimed at overcoming the initial incompatibility of their socioeconomic systems. The article shows the application of several GATT mechanisms by analyzing the settlement of trade disputes between Japan and the European Community within the framework of the said organization. In addition, the article highlights the influence of the US' foreign policy on the postwar relations between Europe and Japan. It shows that the goal pursued by Washington was driving wedges between its allies simultaneously increasing their dependence on the United States. Japan and the EC managed to find a mode of cooperation that allowed their socio-economic models to complement each other in spite of the unfavorable conditions they started out with. This ushered in the beginning of a transcontinental collaboration that has been thriving up to the present day.

Keywords: European Union, economic cooperation, GATT, EC, Japan, European Commission

Со второй половины XX в. начинается новая страница непростой истории японо-европейских отношений, в которой были периоды сближения и серьезных расхождений. Сегодня Европейский союз и Япония связаны широким спектром общих интересов в экономической, политической, научно-технической и социально-культурной сферах. Дополнительную динамику в японо-европейских отношениях создают двусторонние связи, действующие непосредственно между Токио и странами-членами Евросоюза, обеспечивающие условия для более тесного сотрудничества, включая и взаимодействие в таких чувствительных областях как безопасность и обмен технологиями.

Начало второй половины XX в. для Японии оказалось сложным периодом. Поражение во Второй мировой войне поставило страну на колени. Экономика была катастрофически подорвана. Американская оккупация привела к формированию особых отношений с США и во многом определила дальнейшее развитие Японии на многие годы вперед. Вашингтон оказал существенное влияние на развитие контактов Японии с европейскими странами. Принято даже говорить о треугольнике США – Япония – ЕС, который начал складываться уже в первые послевоенные годы.

Ранний этап отношений Японии с европейскими странами

Отношения между европейскими странами и Японией существуют почти 500 лет. Первый контакт относится к 1542 году, когда на японскую землю ступили португальцы, высадившиеся на лежащем к югу от Кюсю острове Танэгасима. Обе стороны уже на первых порах почувствовали высокий потенциал двустороннего сотрудничества. В Японию почти сразу устремились торговцы, ученые, католические миссионеры из Португалии, Испании и других европейских стран, а в Европу отправилось первое японское посольство, организованное при посредничестве Алессандро Валиньяно – иезуитского проповедника, координировавшего всю деятельность ордена на Дальнем Востоке. Японцы быстро усваивали все новое, что они могли получить от Европы. Особенно большой интерес японцы проявляли к технике и точным наукам, в частности, к огнестрельному оружию и искусству кораблевождения [Носов, с. 8].

Закрытие Японии для внешнего мира в период Токугава было связано прежде всего с внутривластной борьбой – центральная власть с подозрением смотрела на возвышение южных кланов, богатеющих от торговли с Европой. Правительство сёгуна беспокоило не столько догматы католицизма, ставившие верность Риму выше преданности господину, сколько возможность того, что христианство может стать орудием колонизации страны европейскими державами. Перед японцами был пример Филиппин, куда вслед за миссионерами пришли испанские солдаты, в 1565 г. превратившие страну в колонию короля Филиппа II. Интерес к Японии у европейцев, тем не менее, не пропадал. Несмотря на все барьеры, выстроенные сёгуном Токугава, Европа все равно стремилась поддерживать со Страной Восходящего Солнца хотя бы номинальную связь. Именно к этому периоду (XVII–XIX вв.) относятся работы по японской истории, языку, культуре и природе немецких исследователей, побывавших в Японии, Э. Кемпфера и Ф. фон Зибольда.

После «открытия» Японии в середине XIX века европейцы обращали на нее меньше внимания, чем на Китай, который представлялся им необъятным рынком для сбыта товаров. Только после успешных для Японии войн с Китаем (1894–1895) и Россией (1904–1905) ее всерьез начали воспринимать в европейских странах. Стремление новой японской правящей элиты к тесному взаимодействию со странами Европы в начале XX в. внесло существенный вклад в масштабные преобразования эпох Мэйдзи и Тайсё, которые были вдохновлены немецкой и британской общественно-политическими моделями. Между 1868 и 1900 годами Япония приняла у себя около 2400 иностранных экспертов, в основном из Великобритании, работавших советниками в государственных учреждениях [Wilkinson, p. 57]. Японцы не только с удовольствием копировали западные манеры, одежду, кулинарные рецепты, но также систематически и упорно изучали западную экономику, науку, промышленность, военное дело. Не мешала этому даже унижительная система неравноправных договоров, навязанных Японии Западом. Ускоренное воспроизведение западной модели развития закономерно привело Японию к созданию мощной военной машины и развертыванию агрессивной колониальной политики в Восточной Азии в 30-х годах прошлого века, которая повлекла за собой ее участие во Второй мировой войне и привела к поражению, ставшему для страны катастрофой.

Восстановление и развитие связей Японии с Западной Европой в конце 1940-х – 1960-х гг.

Одним из важнейших шагов японского правительства на пути к выходу из послевоенного кризиса и возвращению на международную арену стало присоединение к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ). Обстоятельства вступления в эту организацию во многом определили развитие ее отношений со странами Европы. В 1945 г. разгромленная Япония в вопросах удовлетворения базовых экономических потребностей полностью зависела от помощи США. Администрация президента Г. Трумэна взяла курс на уменьшение нагрузки на американских налогоплательщиков. Одним из эффективных способов до-

стижения этой цели в Вашингтоне сочли сокращение гуманитарных поставок в Японию, однако, уже тогда Белый дом видел в ней не только поверженного врага, но и потенциального союзника и торгового партнера. В этой связи было решено не просто отпустить Токио в свободное плавание, но и дать ему возможность встать на ноги, поспособствовав его ассоциации с ГАТТ, что придало бы импульс восстановлению японской экономики. Задача эта оказалась вовсе не из легких, поскольку Вашингтону предстояло заручиться согласием других членов организации. Внесенные в 1948–1949 гг. американской делегацией предложения о предоставлении Японии статуса наибольшего благоприятствования на первых порах не нашли широкой поддержки.

В то время внутривластный ландшафт Японии был весьма хаотичным. Большинство японских политических лидеров того периода позиционировали себя как «консерваторы», представляя при этом две противоборствующих партии – Либеральную и Демократическую. Эти партии, в свою очередь, делились на фракции, обращавшиеся вокруг двух лидеров – Ёсиды Сигэру (дважды занимавший пост премьер-министра Японии в 1946–1954 гг.) и Хатоямы Итиро (премьер-министр Японии в 1954–1956 гг.), «консерваторы» единым фронтом выступили за присоединение к ГАТТ [Yoshida Shigeru, p. 56–57].

Оппозиционный лагерь был представлен социалистическими партиями левого и правого толка. Социалисты считали американский капитализм «агрессивным», высказывали опасения, что вовлечение Японии в орбиту США может в итоге втянуть страну в новую мировую войну. Они выступали за нейтралитет в Холодной войне и призывали сделать упор на развитие экономических отношений с государствами АТР – Китаем или странами Юго-Восточной Азии.

Когда в октябре 1955 г. была сформирована единая социалистическая партия, либералы и демократы тоже приняли решение объединиться, создав Либерально-демократическую партию (ЛДПЯ), безраздельно господствовавшую в японском парламенте на протяжении последующих 38 лет.

Главным противоречием между либерал-демократами и социалистической оппозицией был вопрос послевоенной внешнеполитической ориентации страны. Поскольку у власти оказались «консерваторы», их стремление присоединиться к новой системе международной торговли стало определяющим вектором экономической политики Японии. От ее успеха на данном этапе напрямую зависело, останется ли власть в руках Либерально-демократической партии. Во время нахождения на посту премьер-министра Ёсиды Сигэру Япония присоединилась к американскому лагерю в Холодной войне и взяла курс на участие в становлении нового мирового экономического порядка, формировавшегося вокруг Соединенных Штатов.

После подписания 8 сентября 1951 г. Сан-Францисского мирного договора японская сторона испросила разрешение на отправку своего наблюдателя на проходившую тогда 6-ю сессию ГАТТ. Просьба была удовлетворена, несмотря на жесткий протест со стороны Великобритании. В следующем году Япония подала заявку на присоединение к ГАТТ.

Путь Японии к вступлению в эту организацию оказался весьма непростым,

хотя и не слишком долгим. Против присоединения Токио к ГАТТ единым фронтом выступало все Британское Содружество, но главной причиной проволочек была внутривластная ситуация в Соединенных Штатах, которые, по сути, являлись главным локомотивом процесса принятия Японии в ГАТТ. Несмотря на то, что осенью 1953 г. при сильном давлении со стороны США удалось добиться одобрения японской заявки о вступлении в ГАТТ, перед тем, как приступить к формальным переговорам о присоединении Токио к соглашению, Белому дому необходимо было заручиться поддержкой Конгресса. Однако кандидатура Японии была крайне непопулярна среди конгрессменов. Президенту Д. Эйзенхауэру удалось взять под контроль Конгресс лишь в 1953 г., причем даже после этого многие конгрессмены мечтали об отмене внешнеторговых соглашений на основе взаимности и о восстановлении американских протекционистских барьеров. Однако в 1954 г. опасения за сохранение влияния США в Азии, а также авторитет Эйзенхауэра заставили Конгресс возобновить действие торгового соглашения на основе принципа взаимности на один год. В 1955 г. после того, как демократическая партия вернула себе большинство в Конгрессе, его действие было продлено еще на три года.

До 30 июня 1955 г. Япония принималась в состав организации в качестве неполноправного члена без права участия в голосованиях. По прошествии указанной даты и после проведения переговоров по тарифам, а также еще одного раунда голосований, она должна была стать полноправным членом организации. Переговоры о тарифах, проведенные в том же 1955 году, шли в основном между Японией и США. Большинство стран Западной Европы и Британского Содружества не стали принимать в них участия. Тем не менее, в сентябре процесс присоединения Токио к ГАТТ был завершен.

Япония придерживалась линии на получение максимальной экономической выгоды в обмен на минимальные уступки. Такая позиция была во многом продиктована быстро сформировавшимися связями между «консервативными» политиками, японскими деловыми кругами и государственными структурами. Уступки, которых правительство Японии стремилось добиться, в первую очередь, сводились к снижению таможенных тарифов для японских товаров, а также распространению на Японию режима максимального благоприятствования. В первую очередь нового члена ГАТТ интересовал более открытый и суливший больше перспектив американский рынок. По результатам переговоров Соединенные Штаты пообещали снизить таможенные тарифы на 40 % по сравнению с 1953 годом [The Politics of GATT Expansion, p. 185–190].

Стремление к обладанию равными правами с остальными игроками на международной арене было главным лейтмотивом японской послевоенной внешнеполитической линии.

Опасаясь того, что Япония прибегнет к агрессивной и прагматичной торговой политике, группа стран, сплотившаяся вокруг Великобритании, выступила за введение применительно к Японии ряда специальных ограничений [Moni, p. 335]. В итоге платой за принятие Японии в ГАТТ «в обход» стран Западной Европы стало применение к ней статьи 35 соглашения [Каренин, с. 39], согласно которой режим максимального благоприятствования между двумя входящими в организа-

цию странами мог не действовать в случае, если между ними не были проведены переговоры о тарифах. Эта мера нашла поддержку у четырнадцати членов ГАТТ, что стоило Японии 40 % торгового оборота с членами организации.

Если британское правительство Черчилля в 1951–1955 гг. видело в Японии лишь поверженного врага и даже пыталось воспрепятствовать присоединению ее к ГАТТ, то в период пребывания у власти правительства Макмиллана такой подход полностью изменился. Великобритания – страна, которая была изначально против принятия Японии в ГАТТ, а потом лоббировала применение к ней статьи 35, первой пробила брешь в тарифной стене, выстроенной на пути Японии к европейским рынкам. В 1959 г. в Лондоне было открыто представительство японской торговой палаты, позднее преобразованное в представительство JETRO – Japan External Trade Organization, которая занимается привлечением иностранных инвестиций в экономику Японии и укреплением связей между деловыми кругами Японии с их зарубежными партнерами. В 1961–1962 гг. товарооборот между Великобританией и Японией вырос на две трети от прежнего уровня.

5 декабря 1962 г. заместитель министра торговли Алан Грин в своем обращении к парламенту отметил, что дискриминационная политика по отношению к Японии более не отвечает ни экономическим, ни общеполитическим интересам Великобритании. Он сказал, что необходимо создать наиболее выгодные условия для британских экспортеров, что даст им возможность участвовать в совместных проектах с японскими компаниями и делать долгосрочные эффективные вложения в экономику Японии. В 1963 г. Великобритания заключила с Японией Договор о торговле и мореплавании, снявший все ограничения, наложенные 35-й статьей договора ГАТТ. Тем самым был подан пример остальным странам, и к середине 1960-х годов все ведущие страны Западной Европы заключили с Японией аналогичные договоры, что обеспечило стремительное развитие японо-европейской торговли [Каренин, с. 41].

С 1966 по 1977 год объем японо-западноевропейской торговли вырос более чем в шесть раз, при этом на ЕЭС в 1977 г. пришлось 68 % экспорта Японии в Западную Европу и 75,8 % импорта из этого региона. Главными торговыми партнерами Японии в Западной Европе были ФРГ и Великобритания, вступившая в ЕЭС только в 1973 г. [Носов, с. 13].

Специфика отношений Японии с ЕЭС в 1970-х – начале 1980-х гг.

Семидесятые годы прошлого века стали временем заметной активизации японо-европейских отношений. На протяжении предыдущего десятилетия экономика Японии стремительно развивалась, причем ее специализация сместилась с преваляровавшей в начале века текстильной и керамической продукции в сторону продукции тяжелой промышленности (автомобилестроение, машиностроение, судостроение, приборостроение).

Разворачивавшиеся в это время в Европе процессы были существенно сложнее. После вступления в силу новых правил Европейского Экономического Сообщества протекционистские барьеры между входившими в него странами

стремительно размывались. Этому процессу способствовали также проходившие параллельно переговоры по ГАТТ. После завершения «переходного периода» к 1 января 1970 г. проведение всех переговоров по торговым вопросам с третьими странами от имени сообщества становилось функцией Европейской комиссии. Сразу же был поставлен вопрос о замене всех многочисленных разрозненных двусторонних соглашений общеевропейскими.

Первой страной, с которой новой наднациональной организации предстояло провести переговоры, стала Япония, ей было предложено заменить комплекс двусторонних документов, заключенных со странами-членами ЕЭС, на единое японо-европейское соглашение. Этот шаг совершенно определенно указывал на значение, которое в Европе придавали экономическим отношениям с Токио. Выдвинутая комиссией концепция соглашения сводилась к практически полной отмене всех существовавших в Европе торговых барьеров в обмен на соответствующие уступки со стороны Японии. Европейская сторона также высказывала пожелание создать некий совместный механизм, который позволял бы распознавать и нейтрализовать нетарифные торговые барьеры. Соглашения Японии на последнее предложение представителям Еврокомиссии удалось добиться лишь спустя 23 года. К 1973 году переговоры зашли в тупик. Это означало, что нетарифные протекционистские барьеры и хаотичная система двусторонних торговых соглашений между Японией и странами ЕЭС продолжали действовать. Согласно статье 115 Римского договора [Treaty of Rome], за странами-участниками ЕЭС сохранялось право в течение переходного периода самостоятельно принимать меры по регулированию своих торговых отношений с третьими странами, информируя при этом Еврокомиссию. Это фактически легитимизировало функционирование стихийно сформированной системы экономических сдержек и противовесов.

О доброжелательном отношении к Японии в Западной Европе в тот период говорить не приходится. Конкуренция, создаваемая на внутренних рынках Европы хлынувшим из Японии потоком высококачественных товаров, существенно осложнила жизнь местным производителям, а довольно быстро сформировавшийся отрицательный торговый баланс в пользу Японии вызывал серьезную обеспокоенность в Еврокомиссии и правительствах стран ЕЭС. Дело дошло даже до временного введения антидемпинговых пошлин на некоторые японские товары в 1976 г. Торговые противоречия продолжали нарастать, так как многочисленные административные барьеры в Японии препятствовали крупномасштабным поставкам европейских промышленных товаров, которые могли составить конкуренцию японским производителям.

В 1973 г. вице-президент Европейской Комиссии барон Кристофер Сомус и занимавший тогда пост министра иностранных дел Японии Охара Масаёси договорились о проведении раз в полгода регулярных консультаций, по аналогии с теми, которые обе стороны уже проводили с Соединенными Штатами.

Топливный кризис 1973 г. сильно ударил как по Японии, так и по странам Европейского Сообщества. Ситуация осложнялась еще и тем, что отрицательное торговое сальдо в пользу Японии продолжало расти. В сложившихся условиях Еврокомиссия стала добиваться от Японии расширения доступа на японский ры-

нок для европейских товаров и услуг и отказа от протекционистских ограничений. Японская сторона поддержала этот курс, приняв пакет внешнеэкономических мер из восьми пунктов, предусматривавший снижение таможенных тарифов и увеличение импортных квот, затрагивавших, в первую очередь, сельскохозяйственную продукцию.

Заключение такой договоренности между Брюсселем и Токио стало частью пакета антикризисных мер по распределению нагрузки между индустриально-развитыми странами, предложенных Организацией экономического сотрудничества и развития.

Охлаждение в американо-японских отношениях, вызванное визитом президента США Р. Никсона в Китай, явилось одной из причин создания Трехсторонней комиссии на базе провозглашенной в 1973 г. госсекретарем США Г. Киссинджером «Новой Атлантической хартии», призванной координировать политику США, Западной Европы и Японии. В ноябре 1977 года Комиссия Европейского Сообщества выступила с ультимативным требованием к Японии сократить ее экспорт в страны ЕЭС, угрожая в противном случае разрешить странам-членам Сообщества принимать те меры защиты, которые они сочтут нужными, исходя из собственных интересов. Требования Брюсселя посчитали целесообразным поддержать и в Вашингтоне, администрация США решила выступить единым фронтом с европейцами. Уступая нажиму, Япония объявила о некотором смягчении импортного законодательства и об ограничении поставок стали и автомобилей на западноевропейские рынки. Под давлением Брюсселя и Вашингтона Япония была также вынуждена пойти на либерализацию рынка капитала, результатом чего стало значительное повышение курса иены.

Изменения мировой экономической конъюнктуры, потрясения начала 1970-х гг. и снижение темпов роста экономики страны привели правительство Японии к пониманию того, что экономическая модель, построенная главным образом на экспорте промышленной продукции, в скором времени достигнет своего предела. Именно в это время был взят курс на либерализацию законодательства об инвестировании, а с 1975 г. – на стимуляцию экспорта капитала. Министерство промышленности и внешней торговли выработало «кодекс поведения» для экспортеров капитала, стала расти доля их кредитования японским правительством, была также создана система страхования прямых зарубежных инвестиций [Ребрей, с. 42]. В перспективе это позволило бы даже снизить объем экспорта, заменив его производством той или иной продукции в непосредственной близости от рынка сбыта. Однако для этого японским корпорациям предстояло пройти длинный и непростой путь.

Несмотря на все старания Токио и Брюсселя, на протяжении 1980-х годов торговый дисбаланс в пользу Японии не опускался ниже 20 млрд долл. Более того, положительное сальдо Японии со странами ЕЭС выросло с 926,5 млн долл. до 21,4 млрд долл., из которых больше половины приходилось на ФРГ, Великобританию и Францию. В указанный период на Западную Европу приходилось 12–13 % всей внешней торговли Японии, тогда как японская доля в торговле стран ЕЭС составляла менее 2 % [Носов, с. 13].

К началу 1980-х годов в области двусторонней торговли Японии с ЕЭС накопилась критическая масса противоречий. 25 ноября 1980 г. Европейский совет вынес жесткое предписание Еврокомиссии исключить возможности использования Японией экспорта в страны Западной Европы для компенсации убытков, принесенных ростом цен на энергоносители. Высшему исполнительному органу Европейского Сообщества надлежало в координации с японской стороной пересмотреть подходы к развитию торгово-экономического сотрудничества. Следовало также срочно разработать и привести в исполнение комплекс мер для продвижения европейских товаров на японский рынок, повышения конкурентоспособности европейских производителей, а также интенсификации контактов между европейскими и японскими компаниями по развитию промышленного сотрудничества и обмену передовыми технологиями. Кроме этого Комиссии было поручено донести до японских партнеров озабоченности относительно заниженного курса иены и добиться от них преференций для европейских инвесторов и банковского бизнеса.

В начале 1981 г. появились слухи, что Еврокомиссия готовится в одностороннем порядке существенно ограничить импорт японских автомобилей. Хотя на тот момент европейские официальные лица никак не анонсировали подобных планов, эта протекционистская мера нашла большое количество сторонников в Вашингтоне и Соединенным Штатам удалось под угрозой введения Конгрессом односторонних рестрикций подписать с Токио Соглашение о добровольном ограничении экспорта, серьезно снизив квоту на импорт японских автомобилей, заложив этим еще одну мину под экономические отношения между Японией и ЕЭС. Потеря значительной части одного из главных рынков сбыта продукции автомобилестроительной отрасли отнюдь не добавила японской стороне желания идти на какие-либо компромиссы в торговых переговорах с ЕЭС.

Большинство проблем в отношениях Японии со странами ЕЭС проистекало из-за очевидного отсутствия у японской стороны желания поступиться своим выгодным положением, возникшем в результате вступления в ГАТТ в обход соответствующих процедур, и острой нехватки у европейцев политических рычагов для того, чтобы изменить ситуацию в свою пользу. Так, например, к началу 1980-х годов остро встал вопрос о сертификации европейской промышленной продукции для японского рынка. По японским законам необходимо было получить сертификат соответствия – «Японский промышленный стандарт» (Japanese Industrial Standard, JIS) у Японской организации стандартов (ЯОС). Для иностранной продукции это предполагало длительную и до крайности бюрократизированную процедуру без какой-либо гарантии положительного исхода. Поскольку это требование ни в коей мере не соответствовало духу и букве соглашения ГАТТ, формально оно не считалось обязательным. Однако, иностранные товары, не получившие национального сертификата соответствия, автоматически оказывались в проигрышном положении, поскольку не внушали доверия японским потребителям. При этом даже когда европейцы пытались получить необходимые сертификаты, ЯОС крайне неохотно принимала предоставляемые ими данные, настаивая на проведении самостоятельных исследований [EU-Japan Relations..., p. 59].

Кроме этого, сертификат JIS гарантировал защиту правительством Японии интеллектуальной собственности производителя. Европейские товары, не прошедшие сертификацию, зачастую копировались местными компаниями и возвращались на рынки стран ЕЭС уже в японском исполнении. Обещания Токио привести положение дел в соответствие с ГАТТ не заходили дальше политических заявлений на уровне профильных министров или оставались на бумаге.

К 1980 г. общая стоимость импорта японской промышленной продукции странами Европейского экономического сообщества достигала 168 млрд долл. США, для сравнения, ввозили таких товаров на сумму 140 млрд долл. Япония же, в общей сложности импортировала зарубежной промышленной продукции лишь на сумму 30 млрд долл. Очевидно, что торговый дисбаланс между Японией и ЕЭС продолжал расти. Что касается США, то сделка, ограничившая импорт японских автомобилей, не оказала существенного влияния на общую картину [EU-Japan Relations..., p. 60].

В мае 1981 г. Европейский Совет одобрил предложение Еврокомиссии об ограничении импорта японских автомобилей на текущем уровне. Введение жестких квот со стороны крупнейших торговых партнеров вызвало в Токио беспокойство. В июне премьер-министр Японии Дзэнко Судзуки и министр иностранных дел Сунао Сонода отправились в Брюссель для обсуждения накопившихся разногласий в сфере двусторонней торговли. Европейцы были рады возможности, наконец, донести до японской стороны свои озабоченности, однако высокие гости, включая главу внешнеполитического ведомства, который был политическим назначенцем, не имели большого опыта ведения международных переговоров. Диалог требовалось срочно перевести в профессиональную плоскость, поэтому вслед за главой кабинета в Бельгию отправился министр экономики, торговли и промышленности Росукэ Танака, который с порога заявил, что многие европейские рестрикции, введенные как централизованно, так и на уровне отдельных стран, являются дискриминацией и необходимо срочно обсудить нормализацию ситуации. Европейцы предложили провести консультации в «Формате ЕЭС» (с участием всех членов Сообщества) для того, чтобы можно было разом обсудить все накопившиеся проблемы. В ответ Р. Танака указал на то, что у разных стран Западной Европы совершенно различные требования и претензии к Японии. Поэтому прежде, чем приступать к подобным переговорам, Еврокомиссии следовало бы составить единую повестку дня.

Просьба японского министра была вполне обоснованной. Так, например, в наиболее чувствительном для обеих сторон автомобильном секторе правила импорта существенно различались в странах ЕЭС. Во Франции существовала норма, согласно которой импорт машин из страны, не являвшейся членом ЕЭС, не должен был превышать 3 % рынка. В Италии действовала квота в 2200 автомобилей. Между английскими и японскими автопроизводителями было достигнуто соглашение о том, что поставки японских автомобилей в Великобританию составят не более 11 % от внутреннего рынка страны.

Комиссии пришлось запросить у Евросовета санкцию на подготовку соответствующего документа. Японию такое положение дел вполне устраивало.

Высвободившееся время японские компании использовали для освоения рынков новых членов ЕЭС, таких как Ирландия и Греция. В Брюсселе консультации с Танакой были признаны весьма конструктивными и успешными, поскольку японская сторона впервые признала наличие проблем в области торговли с Западной Европой.

По возвращении в Токио Танака опубликовал официальное заявление о планах по стимулированию импорта зарубежной промышленной продукции, которое стало первым подобным прецедентом в истории послевоенных японо-европейских отношений. Правительство Японии со свойственной ему серьезностью и обстоятельностью отнеслось к содействию развитию импорта западноевропейских товаров. Шаги по укреплению экономического сотрудничества с ЕЭС были включены в пакет мер по преодолению последствий топливного кризиса. В частности, предписывалось создавать наиболее благоприятные условия для кооперации с европейскими компаниями в высокотехнологичных секторах экономики, отдавать приоритет совместным инвестпроектам, развивать сотрудничество по освоению рынков третьих стран. Вскоре в Европу была направлена представительная японская бизнес-миссия.

В декабре 1981 г. европейская часть повестки дня была подготовлена и передана японской стороне. Это был крайне обстоятельный документ, в который вошли все вопросы, когда-либо затронутые в ходе консультаций по экономическому сотрудничеству между Японией и ЕЭС за прошедшие 20 лет – от порядка реализации европейской и японской промышленной продукции до предложений по особым условиям для европейских банков, страховых компаний и инвесторов в Японии. Европейцы также требовали дальнейших шагов по ужесточению контроля над экспортом и гарантий новых преференций со стороны Токио.

1981 год оказался самым тяжелым для экономики стран ЕЭС. Темпы роста ВВП и уровень безработицы откатились до уровней великой депрессии, а отрицательное торговое сальдо с Японией достигло 21,4 млрд долл. Дополнительные проблемы создавали, остававшиеся высокими, цены на энергоносители.

В начале 1982 года правительство Японии отменило несколько незначительных внутренних нетарифных ограничений, но никакой внятной реакции на европейские предложения по повестке дня встречи на высоком уровне не последовало. Европейцы решили перейти в наступление. Ассоциация европейских производителей видеооборудования подала в Еврокомиссию жалобу на демпинг со стороны японских конкурентов. Это давало Еврокомиссии возможность ввести ограничения импорта или штрафовать нарушителей после проведения расследования. Более того, Еврокомиссия решилась на отчаянный шаг – подачу в ГАТТ заявления о применении к Японии статьи XXIII Соглашения. Пункт 2 данной статьи позволял вынести спорные вопросы на рассмотрение других членов Организации, которые были уполномочены дать рекомендацию или предписание по разрешению проблемы. Если же ситуация была достаточно серьезной, указанная статья допускала частичную приостановку предписанного Соглашением режима максимального благоприятствования в отношении одного из членов Организации. В апреле 1982 г. правительству Японии было сделано соответствующее представление.

В нем говорилось, что Еврокомиссия пришла к заключению, что серия консультаций с Японией по приведению торговых отношений в соответствие с требованиями ГАТТ не принесли существенных результатов. Было указано, что из-за закрытого характера японской экономики, поддерживаемого правительством страны, и вопреки всем усилиям европейцев, так и не удалось выстроить взаимовыгодных торговых отношений с Токио. В документе был сделан вывод о низкой эффективности усилий Японии по увеличению импорта, что ставило под вопрос выполнение Соглашения как такового. Японцам вменили в вину засилье в стране промышленно-финансовых конгломератов «кэйрэцу», высокую степень «закрытости» японской экономики, максимально затруднявшую доступ на внутренний рынок иностранных товаров, хроническое бездействие антимонопольных органов, необходимость проходить сложную процедуру сертификации, строго ограниченную эмиссию японской иены. С точки зрения Еврокомиссии, сложившаяся ситуация подпадала под пункты *b* и *c* статьи XXIII ГАТТ [EU-Japan Relations..., p. 63].

В течение 1982 г. в Женеве было проведено несколько этапов переговоров, в ходе которых обсуждались торговые отношения между Японией и странами ЕЭС. Представители Еврокомиссии хорошо подготовились и очень подробно изложили все, что, с их точки зрения, являлось нарушением принципов свободной торговли. Все обвинения в адрес Японии были тщательно подкреплены цифрами, взятыми из японских же источников. Японская сторона, напротив, заняла оборонительную позицию, ограничиваясь утверждениями, что Япония не нарушает правил ГАТТ. В итоге ГАТТ совместно с Еврокомиссией пришлось инициировать собственное исследование японской экономики, результаты которого весьма озадачили всю организацию. Оно показало, что, хотя правительство Японии и делало то, что было в его силах для продвижения импорта из ЕЭС, доминирование в экономике страны кэйрэцу оставляло лишь небольшое окно возможностей для поставок зарубежных промышленных товаров на внутренний рынок. Например, такая кэйрэцу, как «Мицубиси», оборот которой более чем вдвое превышал аналогичный показатель крупнейшей европейской компании «Ройял Датч Шелл», включала в себя не только эту корпорацию, но и всю цепь производства и реализации широчайшего спектра промышленных товаров. Образуя мощную финансово-промышленную группу, эта компания постоянно оказывала содействие своим клиентам, дочерним организациям и субподрядчикам в виде льготных поставок оборудования, кредитов и др. Взамен она требовала абсолютной верности и преданности от всех, кто вел с ней дела. Между основными кэйрэцу существовали договоренности о взаимопомощи в кризисных ситуациях.

После того, как результаты исследования были представлены, японская делегация заявила о неприменимости статьи XXIII ГАТТ к японо-европейским торговым отношениям. Рассмотрение ситуации зашло в тупик. Далеко не все члены ГАТТ поддерживали аргументацию европейской стороны. Американский представитель, в частности, открыто заявил, что в Вашингтоне считают не целесообразным «отлучать» одного из участников Соглашения от режима максимального благоприятствования. Некоторые другие страны не хотели создавать прецедент, который впоследствии мог быть использован против них. Формально все про-

цедуры ГАТТ были соблюдены, но в итоге разбирательства, продлившиеся весь 1982 г., закончились ничем. В начале 1983 г. японо-европейские торговые консультации были возобновлены в привычном формате без участия других членов ГАТТ.

Переговоры с ЕЭС о регулировании японского экспорта и импорта

Инициатором нового европейского подхода стала Франция. Летом 1982 г., пока в Женеве продолжались дискуссии о допустимости применения статьи XXIII ГАТТ к японо-европейским отношениям, министр внешней торговли Франции М. Жобер, обеспокоенный ростом импорта японской электроники, решил возвести новый протекционистский барьер. В частности, он издал распоряжение, согласно которому все импортные товары должны были проходить через один единственный таможенный пункт в г. Пуатье, а также ввел дополнительный налог на видеомагнитофоны зарубежного производства, который должен был взиматься с 1 января 1983 г. Курьезность ситуации состояла в том, отделение таможни в Пуатье имело чисто номинальный характер. Оно было укомплектовано всего четырьмя сотрудниками и сохранялось, главным образом, как дань памяти тому, что в 732 г. Карл Мартелл остановил в этом месте продвижение арабов в Западную Европу. Таким образом, «нашествие японской электроники» на французский рынок было остановлено там же, где великий франкский майордом остановил конницу Омейядского халифата. Решение, принятое М. Жобером, рикошетом ударило по всему Европейскому экономическому сообществу, так как из-за высокой степени интеграции застопорились поставки японских товаров и в другие страны Западной Европы.

Удовлетворившись полученными результатами, М. Жобер в октябре 1982 года отправился на встречу со своими коллегами по Еврокомиссии, которые указали, что его нововведения, хотя и выглядели весьма многообещающе, являлись прямым нарушением Римского договора и должны быть отменены в кратчайшие сроки. Лучшим способом добиться этого было признано подписание с Японией соглашения о добровольном сокращении экспорта, аналогичного тому, которого удалось добиться Соединенным Штатам двумя годами ранее. Евросовет одобрил запрос Комиссии на проведение соответствующих переговоров с Японией, подчеркнув, что пора, наконец, добиться от Токио гарантий пересмотра торговой политики по отношению к ЕЭС, особенно в части, касающейся «чувствительных» статей экспорта. В Брюсселе надеялись, что это даст временную отсрочку, которая позволит европейской промышленности перегруппироваться для предстоящей конкурентной борьбы с японскими товарами. Впервые Комиссия получила от Евросовета полную свободу действий для решения «японского вопроса».

Таможенный «режим Пуатье» был направлен на то, чтобы продемонстрировать Японии решимость европейской стороны, у которой явно заканчивались аргументы. Кроме того, он дал странам ЕЭС необходимый импульс для того, чтобы, наконец, выступить единым фронтом.

Министр иностранных дел Японии Синтаро Абэ был крайне удивлен резкой переменой в подходе европейцев. Все его визави, с которыми он пытался поднять тему двусторонних торговых отношений во время поездки в Европу в январе

1983 г., в особенности в Германии и Великобритании, не вдаваясь в подробности, переадресовали его в Еврокомиссию.

Первым шагом Еврокомиссии стало составление списка статей японского экспорта, которые, по мнению европейцев, следовало ограничить в первую очередь. Среди них были цветные телевизоры, кинескопы, высокоточные станки, автомобили, погрузчики, мотоциклы, стереоаппаратура, кварцевые часы. В Токио были готовы пойти на сокращение экспорта всех упомянутых товаров за исключением станков и автомобилей. Переговоры по легковым автомобилям и высокоточным станкам предполагалось продолжать.

Итоговая встреча по ограничению японского экспорта состоялась 10 февраля 1983 г. в Токио. В ней участвовали вице-президенты Еврокомиссии Вилли Хаферкамп и Этьен Давиньон и министр торговли и промышленности Японии Саданори Яманака. Этот раунд консультаций чуть было не закончился провалом из-за чрезмерных требований европейцев по ограничению экспорта видеомагнитофонов. Делегатам пришлось прямо на месте составлять новые условия по данной категории электроники, но в итоге Соглашение о добровольном ограничении экспорта между Японией и ЕЭС было заключено 12 февраля 1983 г. [EU-Japan Relations..., p. 78] Режим двусторонней торговли, установленный данным документом, должен был продлиться всего лишь до 1985 г. Условиями японской стороны стали отмена таможенного «режима Пуатье» и прекращение расследования по обвинению японских производителей видеотехники в демпинге.

По условиям соглашения устанавливались предельно допустимые объемы поставок и цены для японских и европейских товаров, произведенных на экспорт. На основании этих цифр выводился показатель годового торгового оборота, которого стороны стремились достичь. Превышение допускалось только для европейской стороны. Параллельно японцы сумели выторговать себе разрешение на запуск «отверточного» производства видеомагнитофонов на заводах в Европе.

Совет Европейского Сообщества был удовлетворен результатами встречи в Токио, хотя М. Жобер и подверг критике некоторые положения Соглашения.

Вскоре Еврокомиссия свернула антидемпинговое расследование. На отмену таможенного режима ушло несколько больше времени. Японской стороне даже пришлось выдвинуть ультиматум о том, что свою часть обязательств по новому соглашению она начнет выполнять только после нормализации порядка ввоза товаров в ЕЭС. 28 апреля 1983 г. правительство Франции восстановило прежний порядок ввоза в страну импортных товаров, разгрузив, наконец, сотрудников таможенного пункта в Пуатье.

8 апреля 1983 г. Еврокомиссия подала в ГАТТ прошение о приостановке рассмотрения вопроса о применении к Японии штрафных санкций в соответствии с пунктом 2 статьи XXIII ГАТТ и создании открытой рабочей группы, которая должна была немедленно возобновить соответствующие процедуры, если меры по ограничению японского экспорта не принесут результата.

Надо сказать, что всех, кто надеялся, что после подписания Соглашения о добровольном ограничении экспорта, Япония начнет жестко контролировать поставки оговоренных в нем товаров в страны ЕЭС, уже весной ждало разочаро-

вание. Поставки продолжали расти, причем настолько стремительно, что представители европейской промышленности стали требовать от Комиссии выйти из Соглашения и повысить импортные пошлины на японские видеомэагнитофоны. Однако, к июлю японской стороне все-таки удалось взять ситуацию под контроль.

После состоявшегося в мае 1983 г. саммита Большой семерки в Уильямсбурге (США), прошедшего под знаменем развития свободной торговли, японская сторона почувствовала, что слишком сильно пошла навстречу европейцам и попросила о пересмотре условий Соглашения о добровольном ограничении экспорта. Многие японские фирмы начали развивать сборку видеомэагнитофонов в ЕЭС и пытались пролоббировать выведение этой продукции из-под действия Соглашения. В Еврокомиссии не были готовы пойти на это, в сентябре снова начались переговоры по вопросам регулирования японского экспорта, которые продлились до ноября. Они завершились в Токио встречей вице-президента Еврокомиссии Э. Давиньона и министра торговли и промышленности Японии Сосукэ Уно. Ее итогом стало решение оставить в силе Соглашение, лишь слегка повысив максимально допустимое количество видеомэагнитофонов, которые могли быть произведены в ЕЭС, до 1 млн 300 тыс. шт. Японцам также удалось убедить партнеров не включать собранные в Европе видеомэагнитофоны в общую квоту. Сборочные производства японской видеотехники вошли в целевую программу развития двустороннего промышленного сотрудничества. В остальном было решено дать Соглашению еще один шанс. На то, что в течение 1983 года экспорт автомобилей из Японии в ЕЭС вырос на 20 %, вновь закрыли глаза. Японцам же, в свою очередь, пришлось закрыть глаза на сохранявшиеся в Италии, Франции и Великобритании односторонние административные препоны продвижению японских товаров.

В 1984 г. Еврокомиссия обратилась к Токио с просьбой скорректировать объемы экспорта, рассчитанные в соответствии с Соглашением. Японцы подошли к этому вопросу формально, что повлекло за собой очередной тринадцатипроцентный скачок поставок автомобилей. Кроме этого на 16 % увеличился экспорт в Европу японских погрузчиков. Весомый вклад в рост импорта из Японии в ЕЭС внесла и программа развития двустороннего промышленного сотрудничества, которая предполагала наращивание совместного производства в странах Западной Европы. Японские компании сумели также найти «лазейку», существенно увеличив поставки в страны ЕЭС японских запчастей под предлогом отсутствия необходимых компонентов на местном рынке.

Новые переговоры по вопросам регулирования японского экспорта начались в феврале 1984 года и завершились в декабре встречей вице-президента Еврокомиссии Э. Давиньона и министра внешней торговли и промышленности Японии Хикосабуро Ононоги. В Еврокомиссии явно нарастало раздражение тем, что все усилия прошлых лет по ограничению импорта японских товаров приносили весьма скромные результаты. Поэтому, в частности, было решено в 1985 г. ограничить количество импортируемых сборочных комплектов для видеомэагнитофонов до 1 млн 400 тыс. Японцы, со своей стороны, внесли предложение снять ограничения на ввоз некоторых категорий товаров, включая автомобили. Еврокомиссия наотрез отказалась, и в Токио были вынуждены согласиться сохра-

нить квоты на экспорт товаров в ЕЭС на 1985 год на уровне 1984 года с минимальными изменениями.

Тем временем поставки в страны ЕЭС товаров из Японии продолжали расти. При этом политика по стимулированию вывоза капитала, проводимая японским правительством, начала приносить свои плоды. Многие компании открывали производства в странах Западной Европы, выводя таким образом свою продукцию из-под действия Соглашения об ограничении экспорта. Параллельно японские корпорации создавали предприятия в Южной Корее и начинали поставки в Европу оттуда [EU-Japan Relations..., p. 84].

Соглашение 1983 года о добровольном ограничении экспорта между Японией и ЕЭС было временным решением, которое действительно помогло несколько замедлить рост поставок японской промышленной продукции в Западную Европу, хотя, вопреки надеждам европейцев, не позволило выиграть достаточно времени для перевооружения и модернизации промышленности в странах ЕЭС. Это соглашение показало японским компаниям, что инвестиции могут стать ключом к успеху на западноевропейском рынке, к этому японцев подталкивала и международная экономическая конъюнктура.

1985 год стал важным рубежом для мировой экономики, и, в частности, для японо-европейских отношений. В августе министры финансов США, Германии, Франции, Великобритании и Японии в Нью-Йорке подписали Соглашение «Плаза» о девальвации доллара по отношению к немецкой марке и японской иене путем рыночных интервенций. В результате иена подорожала в полтора раза, а прямые зарубежные инвестиции стали удаваться японским корпорациям намного легче, теперь они могли позволить себе гораздо более масштабные инвестпроекты в Западной Европе. В то же время это привело к подорожанию японской экспортной продукции, еще сильнее подтолкнув японские компании к выносу производства за рубеж [Ребрей, с. 44]. В итоге обновление промышленности, к которому так стремились европейцы, удалось весьма существенно ускорить за счет капитала японских корпораций. Был задан новый вектор экономического сотрудничества, который устраивал чиновников ЕЭС гораздо больше, нежели неподдающаяся контролю лавина японских товаров, обрушившаяся на стремительно интегрировавшийся рынок Западной Европы, сметая на своем пути всех местных производителей.

В контексте развития японо-европейских отношений следует отметить роль Ясухио Накасонэ, занимавшего пост премьер-министра Японии в 1982–1987 гг. Ему удалось установить доверительные отношения с президентом США Рональдом Рейганом, что существенно поспособствовало развитию японо-американских отношений. Такой же подход Накасонэ стремился практиковать и по отношению к ЕЭС. Он наладил хорошие рабочие связи со всеми ключевыми должностными лицами Еврокомиссии – Г. Торном, Ж. Делором, Э. Давиньоном, В. де Клерком, с которыми он провел несколько встреч. С 1985 г. такие встречи стали носить регулярный характер.

Благодаря интенсификации межправительственных и межведомственных контактов во время нахождения Накасонэ на посту главы правительства, в 1985 г.

была создана совместная с европейцами Комиссия по развитию торговли, которой сразу пришлось взяться за дело. Первые заседания прошли в феврале и мае [Trevor, p. 66]. Накасонэ инициировал также очередную кампанию по стимулированию спроса на европейские товары на японском внутреннем рынке.

Взаимодействие Японии с ЕЭС на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в.

Европейцы не могли позволить Соглашению о добровольном ограничении японского экспорта просто истечь. Переоснащение промышленности в странах ЕЭС еще не завершилось, в отсутствие четко сформулированной политики по сдерживанию японского экспорта Еврокомиссии оставалось бы только вернуться к изобретению новых протекционистских заслонов. В Брюсселе понимали, что в такой ситуации страны – члены ЕЭС будут стремиться достичь двусторонних договоренностей с Японией, как это стала делать, в частности, Великобритания.

Для Токио после подписания Соглашения «Плаза» пути назад тоже не было. За годы добровольного ограничения экспорта японским компаниям удалось существенно укрепить свое присутствие на рынках стран ЕЭС по целому ряду позиций за счет наращивания там своего производства. В частности, экспортные поставки видеомагнитофонов, являвшихся еще недавно яблоком раздора, заметно уменьшились, однако производство этого вида техники в Западной Европе на японских или совместных предприятиях к 1986 году выросло втрое, зачастую японским экспортерам приходилось конкурировать с японскими же товарами, произведенными в Европе.

В декабре 1985 г. по результатам очередного раунда торговых консультаций между Японией и ЕЭС был подписан протокол, в котором Токио изъявлял намерение продолжать ограничивать экспорт в страны Западной Европы и в следующем году. По наиболее чувствительным вопросам было решено проводить консультации. Аналогичной договоренностью завершился и 1987 год.

Политика регулирования экспорта и изменения мировой финансовой конъюнктуры привели к тому, что период конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. стал временем качественной трансформации японо-европейских экономических отношений. В 1987 году был зафиксирован рост импорта товаров, произведенных в ЕЭС, в Японию на 8,7 %. В последующие годы этот показатель вырос до 19,9 %. Благодаря этому отрицательное торговое сальдо Европейского сообщества снизилось на 3 %. Тем не менее, по подсчетам европейских экономистов, только для сохранения торгового дефицита на уровне 1986–1987 гг. Японии потребовалось бы увеличить импорт товаров из стран Западной Европы втрое [EU-Japan Relations..., p. 99].

Вторая половина предпоследнего десятилетия XX в. стала временем, когда развитые страны стали выступать за либерализацию международной торговли, интеграцию национальных экономик в мировой рынок и отказ от протекционистских барьеров. Именно это было зафиксировано в Токийской экономической декларации, принятой по итогам Мирового экономического саммита, состоявшегося в Токио в мае 1986 г. [G7. Tokyo Economic Declaration]. В мероприятии приняли участие лидеры промышленно-развитых стран, включая Большую семерку.

1986 г. был богат на знаковые международные события, отчетливо демонстрировавшие обращение международного сообщества к неолиберализму. 28 февраля в Гааге был подписан Единый европейский акт [Single European Act], ставший первым крупным обновлением Римского договора и заложивший основу общего рынка Европейского сообщества. 15 сентября в г. Пунта-дель-Эсте начался «уругвайский раунд» ГАТТ, одним из главных результатов которого стало расширение полномочий данной организации и последующее преобразование ее в Всемирную торговую организацию (ВТО).

В конце 80-х годов прошлого века началась трансформация экономических отношений между странами Западной Европы и Японией. Под воздействием международной конъюнктуры и в результате усилий по поиску взаимоприемлемой модели экономической кооперации с обеих сторон удалось перейти от обмена претензиями и создания протекционистских барьеров к выстраиванию партнерства. Попытки использовать площадку ГАТТ для разрешения торговых противоречий продемонстрировали ограниченность данной организации. Исследования, проведенные тогда Еврокомиссией, показали фундаментальные различия между японской и западной (американской и европейской) экономическими моделями. Стало ясно, что ГАТТ способно обеспечить либерализацию торговли только между сходными экономиками, выстроенными по западному образцу.

Существенные изменения, произошедшие на международной политической арене в последнее десятилетие XX в., открыли дорогу для качественной трансформации японо-европейских отношений. Распад Советского Союза, прекращение деятельности Совета Экономической Взаимопомощи, появление большого количества новых государств и рынков в Европе и Азии обернулись множеством новых возможностей как для японских, так и для западно-европейских экспортеров, временно сняв остроту их торговых противоречий. В феврале 1992 г. был подписан Маастрихтский договор и ЕЭС уступило место Евросоюзу. 1 января 1995 г. после окончания «уругвайского раунда» организация ГАТТ трансформировалась в ВТО.

1990-е годы стали временем, когда все ключевые акторы международной торговли обратились к неолиберализму. Для политических и экономических отношений между Евросоюзом, наднациональным образованием нового типа, и Японией это послужило мощным катализатором, хотя обеим сторонам еще предстояло привыкнуть к новым реалиям. Вопреки заметной несовместимости экономических систем, административным препонам и специфической внешней политике США, им удалось найти свой уникальный путь к сближению и развитию сотрудничества. Однако этот новый этап отношений Японии с Евросоюзом заслуживает отдельного изучения и освещения.

Список литературы

- Каренин Д. М.* Современные отношения между Японией и Великобританией // Япония 2009. Ежегодник. 2009. С. 39–56.
- Носов М. Г.* Япония и ЕС: отношения без конфликтов // Современная Европа. 2002. № 2. С. 8–24.
- Ребрей С. М.* Транснационализация японского бизнеса. М.: МГИМО – Университет, 2015. 134 с.

EU-Japan Relations, 1970–2012 / ed. by Jörn Keck, Dimitri Vanoverbeke, Franz Waldenberger. L. ; N. Y. : Routledge. 2012. 346 p.

G7. Tokyo Economic Declaration // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 06.05.1986. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/past_summit/12/e12_a.html (дата обращения: 25.12.2020).

Moni M. H. Japan – UK: perspectives of partnership // *Asia Europe Journal*. 2006. № 4. P. 351–364.

Single European Act // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:a519205f-924a-4978-96a2-b9af8a598b85.0004.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 25.12.2020).

The Politics of GATT Expansion: Japanese Accession and the Domestic Political Content in Japan and the United States, 1948–1955// *Business and Economic History*. 1998. № 27. P. 185–196.

Treaty of Rome // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:xy0023&from=EN> (дата обращения: 25.12.2020).

Trevor M. The Internationalization of Japanese Business. European and Japanese Perspectives. L.: Routledge. 2019, 212 p.

Wilkinson E., Japan versus the West. Image and Reality. L. ; N. Y. : Penguin Books, 1980. 320 p.

Yoshida Shigeru and Liberal Democracy in Japan // *International Political Science Review*. 1988. Vol. 9. № 1. P. 55–69.

Yoshida Shigeru, prime minister of Japan // *Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/biography/Yoshida-Shigeru> (дата обращения: 25.12.2020).

References

Rebrey, S. M. (2015). *Transnatsionalizatsiia iaponskogo biznesa* [Transnationalization of Japanese business]. Moscow, MGIMO – Universitet. 134 p.

Trevor, M. (2019). *The Internationalization of Japanese Business. European and Japanese Perspectives*. London, Routledge. 212 p.

Wilkinson, E. (1980). *Japan versus the West. Image and Reality*. L., N. Y., Penguin Books. 320 p.

Keck, J., Vanoverbeke, D., Waldenberger, F. (Eds.). (2012). *EU-Japan Relations, 1970–2012* (2012). L., N. Y., Routledge. 346 p.

Karenin, D. M. (2009). Sovremennye otnosheniia mezhdru Iaponiei i Velikobritaniei [Present day relations between Japan and the EU]. In *Yaponia – 2009. Yezhegodnik*. Moscow, IV RAN, pp. 39–56.

Moni, M. H. (2006). Japan – UK: perspectives of partnership. In *Asia Europe Journal*. No. 4, pp. 351–364.

Nosov, M. G. (2002). Iaponiia i ES: otnosheniia bez konfliktov [Japan and the EU – relations without conflicts]. In *Sovremennaiia Evropa*. No. 2, pp. 8–24.

Yoshida Shigeru and Liberal Democracy in Japan (1988). In *International Political Science Review*, Vol. 9. No. 1, pp. 55–69.

The Politics of GATT Expansion: Japanese Accession and the Domestic Political Content in Japan and the United States, 1948–1955. (1998). In *Business and Economic History*. No. 27, pp. 185–196.

Treaty of Rome. (1957). In *EUR-Lex* [website]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:xy0023&from=EN> (mode of access: 25.12.2020).

G7. Tokyo Economic Declaration. (1986). In *Ministry of Foreign Affairs of Japan* [website]. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/past_summit/12/e12_a.html (mode of access: 21.12.2020).

Single European Act (1986). In *EUR-Lex* [website]. URL : https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:a519205f-924a-4978-96a2-b9af8a598b85.0004.02/DOC_1&format=PDF (mode of access: 25.12.2020).

Yoshida Shigeru, prime minister of Japan. In *Britannica* [website]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Yoshida-Shigeru> (mode of access: 23.12.2020).

The article was submitted on 8.03.2021

УСТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ КНР С ТУРЦИЕЙ (1949–2019 ГГ.)

Аннотация. В статье дается обзор истории китайско-турецких отношений в 1949–2019 гг., разбираются проблемы в двусторонних отношениях и высказывается прогноз дальнейшего развития этих отношений. Китай и Турция имеют долгую историю взаимосвязей, особенно после установления дипломатических отношений в 1971 году. Несмотря на то, что отношения между двумя странами по различным причинам не всегда развивались гладко, общий прогресс был достигнут. В начале XXI века обе страны вступили в стадию подъема и начали рассматривать свои взаимоотношения со стратегической точки зрения. Взятый для рассмотрения период можно разделить на три этапа. С 1949 г. до установления дипломатических отношений в 1971 г., связи Китая и Турции эволюционировали от враждебности к нормализации. С 1971 г. до окончания холодной войны, шел процесс медленного развития двусторонних отношений. После окончания холодной войны начался процесс бурного развития отношений, приведший к установлению стратегического сотрудничества между КНР и Турцией в 2010 г., что, в свою очередь, ускорило дальнейшее эффективное развитие китайско-турецких отношений. В статье утверждается, что Китай и Турция – две региональные развивающиеся державы, ориентированные на будущее, в котором отношения двух стран будут еще более тесными.

Ключевые слова: КНР, Турция, История взаимоотношений, Отношения стратегического сотрудничества, Дипломатическая стратегия

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN PRC AND TURKEY (1949–2019)

Abstract. The article gives an overview of the history of Sino-Turkish relations in 1949–2019, examines the problems in bilateral relations and makes a forecast for the further development of these relations. China and Turkey have a long history of relationship, especially after the establishment of diplomatic relations in 1971. Despite the fact that relations between the two countries did not always develop smoothly for various reasons, overall progress was made. At the beginning of the XXI century, both countries entered the stage of recovery and began to consider their relations from a strategic point of view. The entire period considered in the article can be divided into three stages. From 1949 to diplomatic relations were established in 1971, ties between China and Turkey evolved from hostility to normalization. From 1971 to the end of the Cold War, there was a process of slow development of bilateral relations. After the end of the Cold War, a process of rapid development of relations began, which led to the establishment of strategic cooperation between China and Turkey in 2010, which, in turn, accelerated the further effective development of Sino-Turkish relations. The article claims that China and Turkey are two regional developing powers that are oriented toward the future, in which relations between the two countries will be even closer.

Keywords: PRC, Turkey, Relationship History, Strategic Cooperation Relations, Diplomatic strategy

Китай и Турция, расположенные на восточном и западном краях Азии, географически находятся далеко друг от друга, но исторические связи между ними весьма крепки. Отношения между КНР и Турцией можно условно разделить на три

этапа. С первых дней основания Китайской Народной Республики (далее – КНР) до установления дипломатических отношений между Китаем и Турцией отношения между Китаем и Турцией изменились с враждебности на нормализацию. С 1971 г. до окончания холодной войны, хотя две страны официально установили дипломатические отношения в 1971 году, на фоне холодной войны 1970-х и 1980-х годов, развитие китайско-турецких отношений не было гладким, а уровень экономического и культурного сотрудничества оставался низким. После установления дипломатических отношений двусторонние отношения развивались медленно. После окончания холодной войны, одновременно с резкими изменениями в геополитической структуре Центральной Азии и Ближнего Востока, а также с развитием и изменением внутренней ситуации в самих Китае и Турции, развитие двусторонних отношений приобрело беспрецедентный импульс. За последние 10 лет китайско-турецкие отношения быстро развивались и вступили в новый этап, отмеченный стратегическим партнерством.

С момента основания КНР до начала 1960-х годов, отношения между двумя странами находились под сильным влиянием международного ландшафта. В ранний период холодной войны Турция следовала за антикоммунистической позицией США, отказывалась признавать КНР и поддерживала «дипломатические отношения» с властями Тайваня. Во время Корейской войны Турция обвинила Китай в «агрессии» и даже послала войска для участия в «армии ООН», чтобы бороться с китайскими добровольцами в Северной Корее [Сяо, 2006, с. 104–108]. В 1952 году Турция была принята в НАТО за ее выдающиеся результаты на поле битвы в Корее. Сяо Сянь считает, что китайско-турецкие отношения в этот период стали жертвой холодной войны [Сяо, 2011, с. 15], а, по мнению Цзань Тао, эта война оказала негативное психологическое воздействие на обе нации [Цзань, с. 60]. Со своей стороны Китай также предпринял яростную атаку политики Турции, назвав ее «прихвостнем» империализма США и публично поддержав левое движение в Турции [Чжичи Туэрци...]. С турецкой стороны, согласно исследованию Чагдаш Юнгёр, мемуары участников войны, репортажи журналистов и газетные комментарии о войне в Северной Корее «заставляют турок понимать страны Восточной Азии, особенно – Красный Китай», и «описывая китайских солдат как злых врагов, бедных военнопленных или наивных носителей коммунистических взглядов, эти рассказы создают долгосрочное представление турок об этой странной земле и ее людях» [Üngör, p. 408].

С середины 1960-х годов враждебный тон в отношениях между Китаем и Турцией ослаб. С точки зрения Китая, окончание Корейской войны, успешное испытание атомной бомбы в 1964 году и установления дипломатических отношений между Китаем и некоторыми европейскими странами значительно улучшили международную среду Китая. В Турции чрезвычайно проамериканское правительство Демократической партии Мендереса уходило в отставку и вновь сформированное правительство Народной партии скорректировало свою внешнюю политику. Турецкое правительство признает, что с улучшением международного статуса Китая, Турция также должна изменить свою политику. Обе стороны стремились к улучшению отношений: с 1965 по 1971 гг. журналисты и торговые деле-

гации из двух стран обменивались многочисленными визитами; во время сильного землетрясения в Турции в 1966 году Китай передал товары и необходимые материалы в район бедствия через Китайский Красный Крест. Однако эта тенденция развития прервана «культурной революцией» в Китае [Сяо, 2011, с. 15].

С начала 1970-х гг. возобновилось потепление в отношениях между Китаем и Турцией, и 4 августа 1971 года были официально установлены дипломатические отношения между двумя странами. Во-первых, самый хаотичный этап «культурной революции» в Китае прошел. Руководство Китая ускорило темпы улучшения отношений с Турцией в ответ на потребности противодействия Советскому Союзу; во-вторых, Турция также скорректировала свою внешнюю политику и улучшила отношения с Китаем; в-третьих, китайско-американские отношения начали оттаивать, создавая важные условия для улучшения китайско-турецких отношений. В сентябре 1971 года Турция проголосовала за резолюцию 2758 о восстановлении законного места Китая в ООН на 26-й Генеральной Ассамблее. В апреле 1972 года Китай и Турция создали посольства, а Турция объявила, что разорвет «дипломатические отношения» с властями Тайваня.

За 20 лет, прошедших с момента установления дипломатических отношений, двусторонние отношения между Китаем и Турцией медленно развивались в тени холодной войны. Тем временем Китай начал проводить политику реформ и открытости, в центре внимания дипломатии было получение средств и технологий из развитых стран, а также объединение со странами третьего мира для противодействия гегемонизму и поддержания мира во всем мире. Правительство Тургуту Озала в Турции проводило экономические реформы и политику открытости с середины 1980-х годов. Его дипломатическая задача состояла в поддержании союзнических отношений с США, развитии экономических и торговых связей со странами Европы и Ближнего Востока и противостоянии угрозе со стороны Советского Союза [Бу, с. 26–27]. Президент Турции Кенан Эврен посетил Китай в 1982 году, и председатель КНР Ли Сяньнянь в 1984 году посетил Турцию, обе страны создали механизм нерегулярных политических консультаций, консолидировали стратегическое понимание совместной антисоветской обороны и способствовали развитию китайско-турецких политических отношений.

Весной 1989 года в Пекине наметилась политическая нестабильность. Турция заняла совершенно иную позицию по сравнению с западными странами, возглавляемыми США, полагая, что другие страны не имеют права вмешиваться во внутренние дела Китая, и призвала к отмене санкций. Китай был строго нейтрален в отношении турецко-греческих споров по поводу Кипра и т. д. Тем не менее, развитие китайско-турецких экономических и торговых отношений было относительно медленным. В 1985 году, через 14 лет после установления дипломатических отношений, объем двусторонней торговли между Китаем и Турцией составил всего 100 миллионов долларов, а в 1988 году увеличился до 330 миллионов долларов. В том же году объем торговли между Китаем и Ираном превысил 1 миллиард долларов [1950–1995 нянь...].

Согласно исследованию Сяо Сяня, существуют две основные причины отставания в развитии китайско-турецких экономических и торговых отношений:

во-первых, обе стороны сосредоточили свое внимание на внешнеэкономических связях в развитых странах; во-вторых, обе стороны принадлежат к развивающимся странам, и их экономическая взаимодополняемость не является достаточно сильной [Сяо, 2011, с. 18]. По исследованию, в траекториях экономического роста Турции и Китая существуют симметрии, связанные с китайско-турецкой торговлей [Dellios; Yilmaz, p. 16–19]. Очевидно, что большую часть времени от установления дипломатических связей до окончания холодной войны Китай и Турция, кроме политических интересов объединенного противостояния Советскому Союзу, имели мало других практических интересов. Поскольку и Китай, и Турция активно развивали экономические отношения с развитыми странами в течение этого периода, двусторонние отношения между Китаем и Турцией показали признаки быстрого развития политических отношений и медленного развития экономических отношений.

В контексте окончания холодной войны двусторонние отношения Китая и Турции успешно завершили переход от отношений между фигурами на шахматной доске к отношениям между самостоятельными игроками [Сяо; Ван, p. 35]. После холодной войны были выявлены некоторые глобальные или региональные проблемы, которые требуют двустороннего сотрудничества, среди них – различные проблемы независимых стран Центральной Азии, Ближневосточный мирный процесс, положение в Афганистане, война в Ираке, сотрудничество в борьбе с терроризмом и т. д.

В этот период политические отношения между двумя странами развивались гладко, и визиты на высоком уровне значительно участились. В течение 15 лет, с 1995 по 2010 год, Китай посетили президент Турции Сулейман Демирель (1995), премьер-министр Бюлент Эджевит (1998), председатель Партии справедливости и развития Реджеп Тайип Эрдоган (2003), президент Абдуллах Гюль (2009). Председатель КНР Цзян Цзэминь (2000), премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи (2002) и премьер Вэнь Цзябао (2010) также посетили Турцию. Обмены визитами между лидерами законодательных органов и министрами иностранных дел двух стран также часты. Китай и Турция занимают одинаковые или похожие позиции по многим международным и региональным проблемам. Стремление бороться со всеми формами международного терроризма, национального сепаратизма, религиозного экстремизма и укрепления сотрудничества в этой области [Чжу Жунцзи...].

В этот период правительства обеих стран подчеркивали важность развития двусторонних торгово-экономических отношений. В ходе визита премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи в Турцию в апреле 2002 года были подписаны четыре соглашения, в том числе Китайско-турецкое соглашение о таможенном сотрудничестве и взаимной помощи, был создан Комитет по экономическому сотрудничеству между странами.

С 1990-х годов двусторонняя торговля быстро развивалась. В 1988 году объем торговли между Китаем и Турцией составил всего 330 миллионов долларов, а в 1999 году превысил 1 миллиард долларов, что означало утроение этого показателя за десять лет [Хуан, 2002, с. 377]. В период с 2000 по 2010 год объем двусторонней торговли вырос с 1,2 млрд долларов до 15,1 млрд долларов, что

означало увеличение объема торговли более чем в 12 раз за десять лет. Транспорт, энергетика, металлургия и телекоммуникации находятся в центре экономического и торгового сотрудничества между двумя сторонами. Тем не менее, объем торговли между Китаем и Турцией в их соответствующей внешней торговле составляет небольшую долю, и Турция всегда поддерживала большой дефицит.

Развивается и сотрудничество в сфере культуры. В ноябре 1993 года Китай и Турция подписали соглашение о культурном сотрудничестве между двумя странами, проекты по обмену касались культуры, спорта, образования, журналистики и других областей. В декабре 2001 года обе страны также подписали Меморандум о взаимопонимании о поездке китайских граждан в Турцию, что сделало Турцию туристическим направлением для граждан Китая. Турция также работала над углублением своего понимания Китая, готовясь предлагать занятия по китайскому языку в некоторых средних школах, ежегодно отправляя от 15 до 20 учеников в Китай. Китай создал два Института Конфуция в Турции, чтобы обеспечить преподавание китайского языка и помочь туркам понять Китай во многих аспектах. Кроме того, Анкара и Пекин, Стамбул и Шанхай, Измир и Тяньцзинь, Бурса и Аньшань, Конья и Сиань стали городами-побратимами, что еще больше укрепило общение и сотрудничество между народами Китая и Турции [Хуан, 2003, с. 57].

В последние годы военное сотрудничество двух стран в борьбе с терроризмом демонстрирует хорошую динамику развития. В мае 1999 года Китай и Турция подписали Соглашение о военной подготовке и сотрудничестве. В июле 2011 года Турция снова выдержала давление НАТО, позволив Китаю участвовать в международных тендерах на противозенитные ракеты и противоракетные системы. В октябре 2010 года военно-воздушные силы Китая были приглашены для участия в учениях турецких ВВС «Анатолийский орел». Пакистан и Иран предоставили воздушные проходы для китайских истребителей в Турцию. В прошлом подобные учения проводились с США, странами НАТО или Израилем.

В октябре 2010 года Китай и Турция объявили об официальном установлении и развитии стратегических отношений сотрудничества, поддерживая друг друга по вопросам, касающимся основных интересов друг друга, и всесторонне повышая уровень сотрудничества в различных областях, несмотря на то, что некоторые ученые считают, что эти «отношения стратегического сотрудничества» не могут быть достигнуты [Söylemez, 2017][Serdaroglu, 2014]. Обе страны отдают приоритет продвижению двусторонних стратегических и экономических интересов, что также является реальным стимулом для развития двусторонних отношений в новой ситуации. Например, транспортная инфраструктура является потенциальной областью сотрудничества между обеими сторонами: Китай выиграл строительство второй фазы турецкого проекта скоростной железной дороги Анкара-Стамбул с общей стоимостью проекта около 1,27 миллиарда долларов. Обе стороны даже обсуждают строительство сухопутного транспортного коридора из Китая через Центральную Азию, Кавказ на Турцию (так называемый «современный Шелковый путь»), чтобы заменить тяжелую зависимость Китая от морских транспортных линий.

Начиная с эпохи президентства Т. Озала (1989–1993) Турция начала корректировать свое традиционное дипломатическое позиционирование «следуй за Западом»,

уменьшая зависимость от ЕС и США, придавая большое значение Ближнему Востоку, Центральной Азии, Восточной Европе и другим регионам. Цель этого курса состоит в том, чтобы сделать Турцию полноценной региональной державой. После прихода к власти партии АКР в 2002 году темпы этой перестройки ускорились, и дипломатические программы «Возвращение в Азию» и «Поворот на восток» стали более явственными. Китайско-турецкие отношения как равные отношения игроков-партнеров в будущем, также базирующиеся на общих стремлениях народов двух стран развивать всесторонние дружеские и кооперационные отношения между Китаем и Турцией, стремление к взаимному доверию в политической сфере, взаимной выгоде в экономических и торговых отношениях и взаимности интересов безопасности станут консенсусом развития двусторонних отношений. Особенно с ростом значения Ближнего Востока и Центральной Азии во внешней стратегии Китая, позиция Турции в китайской дипломатии также станет более важной.

Список литературы

Dellios R., Yilmaz N. K. Turkey and China: A Study in Symmetry // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2008. Vol. 2. P. 13–30.

Serdaroglu O. Turkey and China : an Emerging Partnership? // Policy Brief. 2014. № 162. P. 1–2.

Söylemez M. Turkey-China relations in the 21st century: from enhanced to strategic partnership // Open Access Theses and Dissertations [website]. URL: https://repository.hkbu.edu.hk/etd_oa/362 (дата обращения: 07.08.2020).

Üngör Ç. Perceptions of China in the Turkish Korean War Narratives // Turkish Studies. 2006. Vol. 7, № 3. P. 405–420.

Бу Айхуа. 卜爱华. Туэрци дэ тоуцзы хуаньцзин юй чжэнцэ 土耳其的投资环境与政策. 国际贸易 (Инвестиционная среда и политика в Турции) // Гоцзи маои 国际贸易. 1995. Вып. 9. С. 26–27.

Сяо Сянь 肖宪. Гоуцзянь Чжунго юй Туэрци синьсин чжаньлюэ хэцзо гуаньси 构建中国与土耳其新型战略合作关系 (Построение новых отношений стратегического сотрудничества между Китаем и Турцией) // Сия Фэйчжоу 西亚非洲. 2011. Вып. 9. С. 14–28.

Сяо Сянь 肖宪. Туэрци юй Мэйго гуаньси яньцзю 土耳其与美国关系研究 (Исследование отношений между Турцией и США). Пекин 北京: Шицзянь чубаньшэ 时事出版社, 2006. 288 с.

Сяо Сянь, Ван Вэньцжан 肖宪、王文章. Чжунго юй Туэрци гуаньси дэ яньбянь, вэньти юй вэйлай 中国与土耳其关系的演变、问题与未来 (Эволюция, проблемы и будущее китайско-турецких отношений) // Вайцзю пинлунь 外交评论. 2007. Вып. 95. С. 34–40.

Хуан Вэйминь 黄维民. Чжундун гоуцзя тунши : Туэрци цзюань 中东国家通史: 土耳其卷 (Общая история стран Ближнего Востока: Турция). Пекин 北京: Шаньу иньшугуань 商务印书馆, 2002. 377с.

Хуан Вэйминь 黄维民. Чжунту гуаньси дэ лиши каоча цзи пинси 中土关系的历史考察及评析 (Историческое расследование и анализ китайско-турецких отношений) // Сия Фэйчжоу (шуаньюэкань) 西亚非洲 (双月刊). 2003. Вып. 5. С. 54–57.

Цзань Тао. 咎涛. Чжунту гуаньси цзи Туэрци дуй Чжунго цзюэци дэ каньфа 中土关系及土耳其对中国崛起的看法 (Китайско-турецкие отношения и взгляды Турции на подъем Китая) // Алабо шицзе яньцзю 阿拉伯世界研究. 2010. Вып. 4. С. 59–66.

Чжичи Туэрци жэньминь 支持土耳其人民 (Поддержка турецкого народа) // Жэньминь жибао 人民日报 [сайт]. URL: <https://new.zlck.com/tmr/b/news/NM3CQRBQ.html> (дата обращения: 10.10.2020).

Чжу Жунци хуэйцзянь Туэрци дай цзунтун, Да Гоминь Ихуэй ичжан Ицзыцзи. 朱镕基会见土耳其代总统、大国民议会议长伊兹吉 (Чжу Жунци встретился с исполняющим обязанности президента Турции и спикером Национального собрания Изги) // Жэньминь жибао 人民日报 [сайт]. URL: <https://www.chinanews.com/2002-04-17/26/178843.html> (дата обращения: 09.07.2020).

1950–1995 нянь Чжунго дуйвай маои цзуньэ цзи чжунъи маоиэ тунцзибяо 1950–1995 年中国对外贸易总额及中伊贸易额统计表 (Статистика общего объема внешней торговли Китая и китайско-иранской торговли между 1950 и 1995 гг.) // Шаньу бу ванчжань 商务部网站 (Сайт Министерства торговли) [сайт]. URL: <http://ir.mofcom.gov.cn/aarticle/zxhz/tjsj/200303/20030300078818> (дата обращения: 09.07.2020).

References

- Bu Aihua 卜爱华. (1995). Tuerqi de touzi huanjing yu zhengce 土耳其的投资环境与政策. [Turkey's Investment Environment and Policies]. In *Guoji maoyi* 国际贸易 [International Trade]. Vol. 9, pp. 26–27.
- Dellios, R., Yilmaz, N. K. (2008). Turkey and China: A Study in Symmetry. In *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. Vol. 2, pp. 13–30.
- Huang Weimin 黄维民. (2002). *Zhongdong guojia tongshi : Tuerqi juan*. 中东国家通史: 土耳其卷 [General History of Middle Eastern Countries: Turkish]. Beijing 北京, The Commercial Press 商务印书馆. 2002. 377p.
- Huang Weimin 黄维民 (2003). Zhongtu guanxi de lishi kaocha ji pingxi 中土关系的历史考察及评析 [Huang Weimin. Historical Investigation and Analysis of Sino-Turkish Relations]. In *Xiya Feizhou (shuangyuekan)* 西亚非洲 (双月刊) [West Asia and Africa (Bimonthly)]. Vol. 5, pp. 54–57.
- Serdaroglu, O. (2014). Turkey and China : an Emerging Partnership? In *Policy Brief*. No. 162, pp. 1–2.
- Söylemez, M. (2017). Turkey-China Relations in the 21st Century: from Enhanced to Strategic Partnership. In *Open Access Theses and Dissertations* [website]. URL: https://repository.hkbu.edu.hk/etd_oa/362 (mode of access: 07.08.2020).
- Üngör, Ç. (2006). Perceptions of China in the Turkish Korean War Narratives. In *Turkish Studies*. Vol. 7. No. 3, pp. 405–420.
- Xiao Xian 肖宪. (2006). Tuerqi yu Meiguo guanxi yanjiu 土耳其与美国关系研究 [Xiao Xian. Research on the Relationship between Turkey and the United States]. Beijing 北京, Current Affairs Press 时事出版社. 288 p.
- Xiao Xian 肖宪. (2011). Goujian Zhongguo yu Tuerqi xinxing zhanlue hezuo guanxi 构建中国与土耳其新型战略合作关系 [Building a New Strategic Partnership between China and Turkey]. In *Xiya Feizhou* 西亚非洲. Vol. 9, pp. 14–28.
- Xiao Xian, Wang Wenzhang 肖宪、王文章. (2007). Zhongguo yu Tuerqi guanxi de yanbian, wenti yu weilai 中国与土耳其关系的演变、问题与未来 [The evolution, problems and future of the relationship between China and Turkey]. In *Waijiao pinglun* 外交评论. Vol. 95, pp. 34–40.
- Zan Tao 笱涛. (2010). 中土关系及土耳其对中国崛起的看法 [Zan Tao. China-Turkey Relations and Turkey's View on China's Rise]. In *Alabo shijie yanjiu* 阿拉伯世界研究. Vol. 4, pp. 59–66.
- Zhichi Tuerqi renmin 支持土耳其人民 [Support the Turkish People]. (1960). In *People's Daily* [website]. URL: <https://new.zlck.com/rmrb/news/NM3CQRBQ.html> (mode of access: 10.10.2020).
- Zhu Rongji huijian Tuerqi dai zongtong, Da Guomin Yihui yizhang Yiziji 朱镕基会见土耳其代总统、大国民议会议长伊兹吉. 人民日报 [Zhu Rongji Met with Izgi, Acting President of Turkey and Speaker of the Grand National Assembly]. (2002). In *People's Daily* [website]. URL: <https://www.chinanews.com/2002-04-17/26/178843.html> (mode of access: 09.07.2020).
- 1950–1995 nian Zhongguo duiwai maoyi zong'e ji Zhong-Yi maoyie tongjibao 1950–1995 年中国对外贸易总额及中伊贸易额统计表 [1950–1995 China's Total Foreign Trade and China-Iran Trade Volume Statistics]. In *Website of Ministry of Commerce* [website]. URL: <http://ir.mofcom.gov.cn/aarticle/zxhz/tjsj/200303/20030300078818> (mode of access: 09.07.2020).

The article was submitted on 20.04.2021

МЕСТО АЙНОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЯПОНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу эволюции места айнов в формировании японской национально-государственной идентичности во второй половине XIX – начале XXI вв. Статья основана на материалах исследований японских, западных и российских авторов, которые занимаются проблемами народа айну. В статье утверждается, что на политику в отношении коренного народа во многом повлияла идея об этнической чистоте и однородности японского общества. Значительное внимание уделено формированию и развитию данной концепции в эпоху Мэйдзи, показана ее тесная связь с общими теоретическими установками японских реформаторов и господством принципа «кокутай». Раскрываются причины частичной трансформации идеи этнической однородности в конце XX – начале XXI вв., показывается влияние этой трансформации на восприятие айнов в японском обществе. Автор делает вывод о том, что во второй половине XX в. произошел частичный сдвиг от полного отрицания существования народа айну к идее о «гармоничном сосуществовании» айнов и японцев, при этом вместо образов «агрессоров» и «угнетенных» возникают образы «хороших колонизаторов» и «лояльных аборигенов». Однако это привело к тому, что айнов зачастую воспринимают не как уникальный народ с самобытной культурой, а как часть японского этноса. Это связано с одной из ключевых для японского менталитета психологических установок, направленных на поддержание принципа «ва» (гармонии). Как показано в данной статье, в современной Японии идентичность айнов часто представляется лишь как часть традиционной культуры, оторванной от повседневной жизни. Такому восприятию способствует и современная этническая политика японского правительства, которая критикуется многими ведущими исследователями. Автор указывает, что данная политика во многом нашла свое воплощение в концепции Национального музея и парка айнов «Символическое пространство этнической гармонии», построенного в г. Сираои в 2020 г. Концепция национального парка вызвала критику со стороны айнских активистов, которые полагают, что функционирование данной структуры не способствует решению реальных проблем коренного народа Японии.

Ключевые слова: айны, этническая политика, коренные народы, идентичность, японское общество

Ekaterina S. Chekunkova

THE MORDERN JAPANESE NATIONAL IDENTITY AND THE AINU

Abstract. This article is devoted to the analysis of the evolution of the place of the Ainu people in the formation of Japanese national identity in the second half of the 19th – early 21st centuries. The article argues that the policy towards indigenous peoples in Japan was greatly influenced by the concept of ethnic homogeneity. Considerable attention is paid to the development of this concept in the Meiji era, its close connection with Meiji reformers and the principle of “kokutai” is shown. Also, the article demonstrates the reasons for the partial transformation of the concept of ethnic homogeneity in the late XX – early XXI centuries and the influence of this transformation on public perception of the Ainu people in Japanese society. The author concludes that a partial shift from a complete denial of the existence of the Ainu people to the idea of “harmonious coexistence” of the Ainu and the Japanese is taking place in the second half of the XX century. However, this process leads to the fact that the Ainu are often perceived not

as an indigenous people with unique culture, but as a part of the Japanese ethnos. Perhaps it is related to one of the key psychological attitudes for the most fundamental concepts of Japan's moral system "wa" (harmony). As shown in this article, in modern Japan, the identity of the Ainu is often presented only as part of traditional culture. The current ethnic policy of the Japanese government, which has been criticized by many leading researchers, also contributes to this perception. The author points out that this policy was largely embodied in the concept of the National Ainu Museum and Park "Symbolic Space of Ethnic Harmony", built in Shiraoi in 2020. The concept of the National Ainu Museum and Park has drawn criticism from Ainu activists who believe that current ethnic policy of the Japanese government is not effective for solving the real problems of indigenous people of Japan.

Keywords: the Ainu people, ethnic policy, indigenous people, identity, Japanese society

Национальная идентичность имеет большое значение для каждого государства, она сплачивает население, является цементирующей основой социальной интеграции. Национально-государственная идентичность – это структурный элемент индивидуального и массового политического сознания, формирующего единство человека, социально-политической группы и политического института [Герштейн, Казаков, с. 1]. Сохранение национальной идентичности и отстаивание национальных интересов страны и ее народа крайне важны, они составляют во многом то, что принято называть национализмом в широком смысле этого слова [Кожанов, с. 57]. Поиск национальной идентичности в Японии начался во второй половине XIX в. после открытия страны. С этого времени начались обширные преобразования, которые проводились с целью показать западным странам свою цивилизованность, в том числе в развитии общества и философии для того, чтобы стать равноправным членом мирового сообщества. Националистические идеи, получившие развитие в период Мэйдзи, отразились на внешней и внутренней политике государства, в том числе и на этнической политике в отношении коренного народа Японии – айнов, которые в свою очередь сыграли свою роль в формировании идентичности японцев.

Айны официально стали частью японского общества во второй половине XIX в, в это же время начала формироваться политика в отношении малого народа, которую многие современные исследователи, такие, как С. А. Арутюнов, С. Ч. Лим, К. Ооцука, Р. Сиддл и др. характеризуют как ассимиляционную. Исследователи также подчеркивают, что роль данного периода в развитии народа айну сложно переоценить, он стал переломным и в истории коренного народа, и в истории всей Японии. Преобразования и реформы, происходившие на острове Хоккайдо, где проживали айны, привели к трансформации традиционного уклада жизни народа.

На развитие ассимиляционной политики Мэйдзи оказали влияние как внешние, так и внутренние факторы. Среди внутренних факторов крайне важную роль занимает популярная среди японской политической элиты идея этнической чистоты государства. Революция Мэйдзи в 1868 г. привела к тому, что важным фактором, который способствовал консолидации общества для решения задач по модернизации страны и защиты национального суверенитета, стала идея национализма [Крупяно, с. 197]. Реформаторы полагали, что страна может отстоять независимость только при формировании единой нации в условиях обновления и укрепления монархической конструкции. Вся система была выстроена в рас-

чете на выделение Японии и японцев как обладающих неповторимыми характеристиками [Мещеряков, с. 357]. Основой японской национальной идентичности стала концепция «кокутай», заключающаяся в мистической связи императора и народа [Язовская]. Наряду с конструированием японской идентичности в конце XIX в. японские ученые начинают интересоваться также вопросом происхождения «японской расы» [Siddle, p. 102].

Вместе с тем интерес японских ученых привлекал и вопрос происхождения айнов, в конце XIX – начале XX вв. проводятся многочисленные исследования по данной тематике, в качестве материалов для которых брались останки, изымаемые из айнских могил. Как утверждают современные айнские активисты, эксгумация зачастую проходила без согласия общины или родственников умершего. Это повлекло за собой обострение проблемы возвращения останков предков айнов общинам в конце XX – начале XXI вв.

С развитием националистического направления в японской антропологии, социологии, истории, которые оправдывали существование императорской и империалистической Японии, начинают распространяться идеи физической антропологии и социального дарвинизма. Политика по отношению к айнам начинает рассматриваться с точки зрения расового превосходства и в этом смысле получает оправдание. Это привело к созданию стереотипа об айнах как о низшей и вымирающей расе [Siddle, p. 128]. По причине того, что идея однородности и националистические настроения поддерживались и продвигались государством, у японцев сложилось особое восприятие других культур. В сложившейся ситуации представители народа айну с отличной культурой, языком и внешностью представлялись как дикари, которых необходимо цивилизовать. Высмеивались легенды, связанные с происхождением айнов, их антропологические особенности, образ жизни, пища, одежда и пр. [Осипова, с. 170].

Вместе с тем, как отмечают российские исследователи, в политике Мэйдзи по отношению к айнам можно проследить двойственность. С одной стороны, происходила насильственная смена жизненного уклада айнов и их «японизация». С другой стороны, правительство не стремилось полностью уничтожить айнов, намеренно сохраняя их как этническое меньшинство для идеологических целей. Айны стали первым опытом японского империализма, для видимости и пропаганды успехов которого сохранение их как меньшинства было необходимо [Щепкин, с. 95]. Исследователь Дэвид Хоуэлл также отмечает некую неоднозначность политики Мэйдзи, которая отражается в сосуществовании дискурса о Японской империи как о многонациональном государстве с идеей о необходимости ассимиляции соседних народов. По мнению исследователя, несмотря на то, что Японская империя была по сути многонациональным государством, этот факт противоречил официальной идеологии и не рассматривался как постоянная характеристика империи. Присутствие разнообразных этнических групп признавалось, но фактически политика правительства была направлена на нивелирование различий, ассимиляция продвигалась как единственный путь к полной интеграции в национальное сообщество. Хоуэлл также обращает внимание на то, что такой неоднозначный подход позволил айнам сохранить свою идентичность в условиях

политики ассимиляции, дал возможность айнским активистам вести свою деятельность [Howell, p. 6].

Огума Эйдзи, профессор Университета Кэйо, при этом отмечает, что понятие идентичности у японцев зачастую конструировалось посредством противопоставления себя другим народам (например, айнам, жителям островов Рюкю, тайваньцам, корейцам и др.), которые попеременно то включались в это понятие с помощью теории «смешанной японской нации», то исключались посредством гипотезы о ее «чистоте». Профессор Огума говорит и о зарождении в период Мэйдзи идеи об однородности государства, которая появилась в 1870-х гг., чтобы изменить изначально западное восприятие японцев как смешанной нации, состоящей из захватчиков, аборигенов и других меньшинств [Бух, с. 17].

Политика ассимиляции проводилась, как известно, не только в Японии, но и во многих других странах мира (в частности, в Австралии, Канаде, США, Новой Зеландии, Норвегии и др.). Этому способствовали и общемировые тенденции. Как отметил американский политический историк Пол Лорен, в то время «расизм представлял собой социально принятое, политически выгодное, экономически и морально оправданное явление» [Laugen, p. 144]. Существовало теоретическое основание для принудительной ассимиляции, оно представлено в так называемой «классической» теории, которая рассматривала ассимиляцию как линейный процесс, в результате которого культурно-отличное (и менее развитое) меньшинство обязательно со временем должно было перенимать от большинства нормы, ценности, язык, образ жизни и т. д. Эту позицию часто можно встретить в работах американских социологов первой половины XX в., таких как Милтон Гордон, идеи которого отразились в книге «Ассимиляция в американской жизни» и др. [Веретевская, с. 21].

Исследователь Майкл Вайнер, занимающийся анализом положения японских этнических меньшинств, подчеркивает, что идентичность японцев, которая основывалась на идее противопоставления цивилизованных «себя» варварским «другим», во многом опиралась на мировые тенденции и вдохновляясь расовыми теориями европейских исследователей [Weiner, p. 3]. Исследователь Университета Цукуба Александр Бух также отмечает, что дискурс о Японии и как о «смешанной нации», и как об «однородной нации» развивался при помощи западных научных методологий и находился под влиянием таких европейских концептов, как нация, универсализм, европейский романтизм и американский «плавильный котел» [Бух, с. 17].

Япония в период Мэйдзи, как известно, активно заимствовала достижения науки у Запада. Многие японские ученые проходили обучение в странах Европы, в частности, медики и анатомы зачастую проходили обучение в Германии (например, такие, как Сакудзаэмон Кодама, Ёсикиё Коганэи и др.). Таким образом, политика ассимиляции, проводившаяся японским правительством в XIX – первой половине XX в., вполне вписывалась в общемировые тенденции и была оправдана с научной точки зрения.

Происхождение айнов и японцев оставалось важной темой для японских специалистов в сфере физической антропологии и после Второй мировой войны. Согласно профессору Огума Эйдзи, в ранний послевоенный период начинает все

больше подчеркиваться однородность японского общества. Теория «смешанной нации» стала восприниматься как символ империи и, как и другие идеологические дискурсы, обратилась в собственную противоположность [Бух, с. 17]. Начинает продвигаться идея о Японии как миролюбивом однородном государстве, которое в значительной степени зависело от сельского хозяйства. Это делается для того, чтобы оправдать послевоенную репатриацию «неяпонцев», т. е. корейцев, тайваньцев и др. жителей бывших японских колоний [Low, p. 62].

Что касается идеи национализма, то она также не теряла своей актуальности во второй половине XX в. Особое развитие она получила, начиная с середины 1960-х гг. Основным идейным источником этнического или, как его еще называют в отечественной историографии, культурного национализма, стала трансформированная версия концепции «кокутай», из которой была убрана фигура императора. Новая версия национализма сформировала национальную идентичность в ее современном виде, сфокусированном на поиске уникальности японцев [Язовская]. В 1970–1980-е гг. стали широко распространяться идеи «нихондзинрон» и «нихон бунка рон», объясняющие своеобразие японской нации, преклонение перед национальными традициями и традиционным укладом и настороженное отношение к «чужому». Распространение этих идей связывают с периодом максимального экономического роста в Японии, когда обострилось стремление национального самосознания преодолеть комплекс побежденной и оккупированной страны. В этот же период начали распространяться идеи, утверждающие уникальность и превосходство японской социально-экономической модели [Сосковец, Гурьева, Булахова].

С 1970-х – 1980-х гг. в Японии начинает активно развиваться археология, которая вносит свой вклад в создание новой японской национальной идентичности. Число археологических экспедиций и раскопок начало резко расти после 1960-х гг. Только в 1996 г. было проведено около 11 тыс. раскопок по всему Японскому архипелагу. Исследователь Икава-Смит утверждает, что идея однородности и подъем националистических настроений сильно повлияли на развитие японской археологии, поскольку археологи сосредоточили свои усилия на изучении истории развития государства Ямато и поставили культурную преемственность в центр своего описания предыстории Японии [Nabu, Fawcett, p. 590].

Идеи национализма и однородности оказали влияние как на внешнюю, так и на внутреннюю политику страны. Конечно, без внимания не остается вопрос о роли айнов в этногенезе японцев, их значении в истории и культуре Японии. Японские ученые, такие как Арно Нанта, показывают в своих исследованиях, как после войны физическая антропология использовалась для продвижения идеи однородности японцев и отрицания того, что айны были коренным народом Японии. В конце 1940-х гг. японский антрополог Хасэбэ Котондо выдвинул теорию о том, что японцы произошли напрямую от людей, живших в период Дзёмон, и никаких смешений с другими народами не происходило [Low, p. 63]. Представление о японцах как об однородном и уникальном народе также продвигал его ученик профессор Токийского университета Судзуки Хисаси, идеи которого подкреплялись результатами исследований костных останков. Идея о непрерывной генетической преемственности японцев со времен периода Дзёмон оставалась офи-

циальной позицией Антропологического общества Японии до начала 1980-х гг., отражая мнение антропологов, стоявших в ее главе [Low, p. 63].

Идея об однородности японского общества породила точку зрения о том, что айны были полностью ассимилированы, и более не существует этого народа на территории Японии. Ее не раз выражали как японские ученые, так и политические деятели. Исследователь Ватанабэ Хитоси, в частности, отмечал, что айны ныне фактически неотличимы от большинства японцев, и нет более в живых айнов с личным опытом традиционно айнской жизни [Бух, с. 17]. Самое известное высказывание среди политиков сделал в 1986 г. премьер-министр Японии Ясухиро Накасонэ, который в своей речи «Об интеллектуальных стандартах» охарактеризовал Японию как «гомогенное общество». Глава кабинета заметил, что моноэтничность – преимущество Японии перед Америкой, а также заявил, что в Японии нет расовых меньшинств в том смысле, что айны ассимилировались с японским населением [Nakasone Puts Foot In Melting Pot].

Данное высказывание вызвало всплеск негодования среди представителей коренного народа, и с этого времени началась активизация айнского движения. С 1986 г. по 2008 г. было сделано еще по крайней мере семь публичных заявлений политиков, которые настаивали на том, что Япония – это однородное с этнической точки зрения государство. Среди них министры образования, министры иностранных дел, члены парламента и др. [Burgess, 2010]. Несмотря на то, что в 2008 г. айнов официально признали коренным народом Японии, подобные высказывания имеют место быть и в настоящее время. В частности, в январе 2020 г. заместитель премьер-министра Асо Таро сделал публичный комментарий: «Ни одна страна, кроме этой, не просуществовала 2000 лет с одним языком, одной этнической группой и одной династией», игнорируя существование этнических меньшинств в Японии [DPM Taro Aso calls Japan a nation with single race]. Это было не первое его заявление подобного характера. Японские и зарубежные новостные сайты также зачастую продолжают называть Японию моноэтничной страной.

Некоторые зарубежные исследователи называют однородность японского общества «мифом», который настолько распространен, что очевидные опровергающие его доказательства часто игнорируются [Murphy-Shigematsu, p. 65]. Даже при обсуждении японских этнических меньшинств большинство людей продолжает говорить об однородном обществе, не чувствуя противоречия. Этот факт отмечают такие исследователи, как Мёрфи-Сигэмацу, Крис Берджесс и др. Таким образом, можно говорить о том, что идея однородности японского общества, несмотря на признание существования на территории Японии этнических меньшинств, продолжает продвигаться некоторыми политическими деятелями и транслироваться СМИ, оставаясь одной из характеристик идентичности японцев.

Однако, согласно мнению некоторых исследователей, в случае с айнами официальный дискурс редко использует явно антиайнские заявления [Tsagel'nik]. Вместе с тем, начиная с 1990-х гг. можно заметить в целом положительные тенденции на пути к признанию существования айнов как отдельной этнической группы с отличительной культурой и историей. В 1997 г. был принят «Закон для продвижения айнской культуры и распространения знаний о традициях айнов». В 2019 г. новый

«Закон о мерах по созданию общества, в котором уважают гордость народа айну» закрепил статус айнов как аборигенного населения Японских островов. Такие положительные сдвиги связаны с развитием айнского национального движения, а также с изменениями в общемировых тенденциях, направленных на признание и защиту прав коренных народов мира. Учитывая тот факт, что на протяжении второй половины XX в. в Японии активно продвигалась идея об однородности японского общества, признание айнов коренным народом и начало формирования новой этнической политики в начале XXI в. стали значимыми явлениями.

С другой стороны, с 1980-х гг. среди японских исследователей начинает развиваться точка зрения о том, что корни японцев уходят не только в период Дзёмон, но и в культуру айнов. Эту идею продвигали такие националистические интеллектуалы, как Умэхара Такэси и Умэсао Тадао, а также физический антрополог Ханихара Цунэхико. Айны рассматриваются данными исследователями как остатки протояпонской культуры, которая не развивалась за последние 1500 лет. Следуя этой логике, культура айнов является частью японской культуры [Low, p. 65]. Умэхара Такэси, в частности, в своих работах утверждает, что любые споры по поводу этнических различий между айнами и японцами ошибочны, и айны являются носителями «подлинной» японской культуры [Бух, с. 54]. Эта идея противоречит точке зрения самих представителей малого народа, которые настаивают на своей уникальности. Данные научные взгляды были подвержены критике. Однако эти идеи привели к тому, что айны превратились в один из элементов формирования японского этноса. Исследователь Моррис Лоу говорит, что такую трансформацию восприятия айнов можно рассматривать как предпосылку отхода от идеи однородности японского общества [Low, p. 65]. С ним солидарны и другие зарубежные исследователи, которые утверждают, что общественное признание культурной и биологической связи между современными этническими японцами, айнами и жителями островов Рюкю может привести к новой парадигме исторической науки, которая будет сосредоточена на культурном многообразии, а не на однородности, и предоставит пространство для современного признания этнического разнообразия в Японии [Habu, Fawcett, p. 591].

Данные тенденции, а также желание соответствовать мировым трендам в сфере интернационализации нашли воплощение в современной политике японского правительства. В проекте Министерства земли, инфраструктуры, транспорта и туризма «Идеальное японское общество к 2030 г.» утверждается, что слово «многообразие» должно стать ключевым в Японии. Указывается, что Япония стремится к созданию общества, в котором все люди могут работать и максимально использовать свои способности, независимо от расы, пола, возраста и т. д. [C gurūru: Taū-sei shakai shinario].

Кроме того, стремление соответствовать мировым трендам в сфере интернационализации нашло отражение и в политике по отношению к коренному народу. В частности, идея культурного взаимодействия прослеживается в концепции Национального музея и парка айнов, который получил название «Символическое пространство этнической гармонии». Музей был построен на основе небольшого музея айнов г. Сираои, созданного еще в 1960-е гг. местным сообществом. Проект

музея разрабатывался с 2013 г., строительство завершилось в апреле 2020 г. как раз перед тем, как должны были начаться Олимпийские игры в Токио. Согласно проекту, весь музейный комплекс состоит из трех элементов: Национального музея, Национального парка этнической гармонии и Места упокоения останков, куда были транспортированы останки предков айнов, собранные из музеев и университетов по всей стране [Minzoku kyousei shouchou kuukan].

Вокруг строительства данного музейного комплекса, особенно вокруг мемориального комплекса, ведутся активные споры, зарубежные и японские ученые, а также представители коренного народа не раз критически высказывались в его адрес. Критикуя в целом современную этническую политику Японии, многие исследователи отмечают, что данный проект мог бы способствовать межэтническому взаимопониманию, а также созданию возможностей для трудоустройства айнов и для передачи традиционных культурных знаний следующим поколениям. Однако многие айны были разочарованы тем, что с ними практически не консультировались при реализации проекта. Некоторые из айнов-активистов полагают, что поиск новой политики в отношении защиты прав коренных народов, по-видимому, превратился в контролируруемую государством схему культурного туризма [Morris-Suzuki].

Критике подвергаются также и законодательные акты 1997 г. и 2019 г., которые направлены, по большей части, на развитие и популяризацию культуры айнов, но не учитывают права айнов как коренного народа на распоряжение ресурсами и обретение экономической независимости, не предусматривают меры по преодолению дискриминации, выделению стипендий и пр. Такие исследователи, как Ричард Сиддл, Хироси Маруяма и др. характеризуют политику японского правительства 1970-х – 1990-х гг. как «социальный колониализм», подчеркивая, что основные принципы колониальной политики продолжали существовать, а правительство пыталось решить все проблемы айнов только за счет проведения исследований уровня жизни айнов. С принятием закона 1997 г. правительство меняет свою политику с «социального колониализма» на «культурный колониализм». Последний характеризуется попыткой правительства решить проблемы народа за счет развития его культуры, но не стремится принять законодательство, регулирующее права айнов как коренного народа [Maguama, p. 8].

Правительство Японии объясняет такую этническую политику недостаточным пониманием проблем коренного народа среди населения страны. Однако, по мнению исследователя Университета Нагоя Хигасимура Такэси, наоборот – именно действия правительства препятствуют пониманию населением проблемы народа айну, включая историческую сторону вопроса. По словам ученого, говорить об отсутствии понимания в условиях отсутствия адекватных разъяснений о правах коренных народов – это настоящий обман [Для чего нужен новый закон об айнах]. Углубление общественного понимания и уважение к народу могут быть достигнуты только тогда, когда будет решена проблема дискриминации айнов в повседневной жизни. Современная же политика способствует тому, что идентичность народа воспринимается только как часть традиционной или неотрадиционной культуры во время исполнения танцев, представлений, оторванных от мира повседневной

жизни [Morris-Suzuki]. Как отмечается исследователями, культура айнов активно изучается, так как олицетворяет «простоту, гармонию с природой и чистоту, утраченные современным японским обществом». Однако такое восприятие айнов «отрицает наличие у них современности» [Бух, с. 54]. Может быть, это и становится причиной того, что идентичность народа понимается только как самобытная примитивная культура, оторванная от повседневной жизни.

Исследователь университета Хоккайдо Татьяна Цагельник говорит о том, что современные меры по отношению к айнам способствуют «замалчиванию» неприятных страниц истории, связанных, например, с колонизацией Хоккайдо, ассимиляционной и агрессивной политикой правительства Мэйдзи по отношению к аборигенам. В последнее время вместе с продвижением идеи «гармоничного сосуществования» айнов и японцев вместо образов «агрессоров» и «угнетенных» возникают образы «хороших колонизаторов» и «лояльных аборигенов». Этот новый дискурс является позитивным и активно транслируется СМИ, подчеркивая важность проявления уважения к айнам за их богатую культуру и особое отношение к природе. Но, как отмечает исследователь, этот дискурс не оставляет места для обсуждения того факта, что официальные извинения со стороны японского правительства, которых ждут многие айнские сообщества (в частности, за незаконное изъятие останков айнов японскими исследователями, ассимиляционную политику и пр.) не были принесены [Tsagel'nik].

Российские исследователи также отмечают специфику современной японской этнической политики, характеризуя признание айнов коренным народом как «бреешь в политике гомогенности и моноэтничности» [Баженова]. Также подчеркивается заикленность этнической политики на культурной составляющей и это приводит к тому, что «просто раздвигаются, но не ломаются границы общеяпонской культуры, а значит и прав на ее обладание. И эти границы, и с идеологической, и с экономической точки зрения, японцы будут отстаивать. Ведь не зря же в эти этнические парки и музеи айнов придет японский менеджмент, и именно он будет снимать сливки с них, а айны в лучшем случае будут на рабочих местах» [Баженова].

Таким образом, колониальный дискурс, основанный на непризнании айнов, который был основным до принятия Закона 1997 г., в конце XX – начале XXI вв. заменяется новым дискурсом «сосуществования». Этот новый дискурс является средством, позволяющим умолчать неприятные моменты истории колонизации и ее последствий [Tsagel'nik]. Место айнов в японской идентичности эволюционировало, во второй половине XX в. произошел частичный сдвиг от полного отрицания существования айнов и идеи однородности японского общества, зародившейся еще в период Мэйдзи, к идее о «межэтнической гармонии». При этом, однако, айнов зачастую воспринимают как часть японской культуры, а их идентичность только как часть традиционной или неотрадиционной культуры, оторванных от мира повседневной жизни. Вместе с тем, в японском обществе сохраняется парадоксальная двойственность: мультикультурные тенденции и стремление к интернационализации встречаются с национальной идентичностью, основанной на этнической однородности. И в этих условиях этнические меньшинства, такие как айны, вынуждены существовать.

Для японского общества и культуры характерно понятие «ва» («гармония»), которое определяет принцип взаимодействия людей внутри социальной группы. Концепция «ва» – это основа общественного порядка, основополагающий принцип японского мировосприятия. Она направлена на поддержание гармоничных отношений между людьми в обществе и «является идеальным поведенческим принципом, практической этикой японцев... это принцип сотрудничества, который объединяет противоречивые вещи, сформировавшие японскую культуру и общество» [Sanematsu]. Принцип «гармонии» – «это способность уравнивать, снимать конфликты, примирять враждующие стороны внутри и вовне» [Человек и мир в японской культуре, с. 142]. Границы японской культуры раздвинулись, и айны заняли там свое место, став частью японской культуры, при этом принцип «ва» не был нарушен, а замалчивание негативных страниц истории помогло сохранить привычный для японского общества общественный порядок. Однако не всех айнов устраивает подобная ситуация. Активные представители народа продолжают настаивать на уникальности своей культуры и необходимости предоставления айнам исключительных прав как аборигенов Японских островов.

Список литературы

Баженова Ж. М. Окинава в контексте политики мультикультурализма Японии // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2014. Том XVI. URL: <http://ihaefe.org/files/publications/full/ihaefe-XVI.pdf> (дата обращения: 24.12.2020).

Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика. Россия как «другое» Японии. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

Веретевская А. В. Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. М.: МГИМО-Университет, 2018. 184 с.

Герштейн И. З., Казаков М. А. Национально-государственная идентичность: Историческая эволюция моделей и современная типология // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2016. № 6. С. 36–42. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2016_-_6_unicod5.pdf (дата обращения: 25.12.2020).

Для чего нужен новый закон об айнах, или перспективы японской политики в отношении коренных народов // nippon.com : Современный взгляд на Японию [сайт]. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00479/> (дата обращения: 15.10.2020).

Кожанов И. В. Формирование гражданской идентичности личности в процессе этнокультурной социализации в системе непрерывного образования: дис. ... канд. пед. наук / Чувацкий государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. Чебоксары, 2018. 463 с.

Крупянка М. И., Арешидзе Л. Г. Япония : идеология государственного национализма // История и современность. 2010. № 2. С. 185–215.

Мещеряков А. Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение // Ежегодник Японии. 2018. Т. 47. С. 350–366.

Осипова М. В. Традиционная педагогическая культура айнов вчера и сегодня // Россия и АТР. 2017. № 2. С. 162–176.

Сосковец Л. И., Гурьева И. Ю., Булахова Н. М. Идеология национализма в японской историографии конца XX – начала XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. Ч. 2. Gramota.net [сайт]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2016_6-2_41.pdf (дата обращения: 04.12.2020).

Человек и мир в японской культуре / Ответственный редактор Т. П. Григорьева. М.: ГРВЛ «Наука», 1985. 280 с.

Щепкин В. В. Создание меньшинства: взгляды японских интеллектуалов и политика Японии в отношении айнов в XVIII–XIX вв. // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных ученых, посвященные 150-ой годовщине революции Мэйдзи. СПб., 2018. С. 83–97.

Язовская О. В. Концепция национальной сущности кокутай как основа национального самосознания Японии // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. Т. 15. Вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-natsionalnoy-suschnosti-kokutay-kak-osnovanatsionalnogo-samosoznaniya-yaponii> (дата обращения: 29.11.2020).

Burgess C. Maintaining identities: Discourses of homogeneity in a rapidly globalizing Japan // Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies [website]. URL: https://www.researchgate.net/publication/26395931_Maintaining_Identities_Discourses_of_Homogeneity_in_a_Rapidly_Globalising_Japan (дата обращения: 13.12.2020).

Burgess C. The “Illusion” of Homogeneous Japan and National Character: Discourse as a Tool to Transcend the ‘Myth’ vs. “Reality” Binary // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus [website]. URL: <https://apjif.org/-Chris-Burgess/3310/article.html> (дата обращения: 10.12.2020).

Habu J., Fawcett C. Jomon archaeology and the representation of Japanese origins // Antiquity. 1999. September. Vol. 73. Iss. 281. P. 590.

Hiroshi Maruyama. Japan’s Policies Towards the Ainu Language and Culture with Special Reference to North Fennoscandian Sami Policies // A Nordic Journal of Circumpolar Societies. 2014. Vol. 31. Iss. 2. P. 8.

Howell D. L. Making “Useful Citizens” of Ainu Subjects in Early Twentieth-Century Japan // The Journal of Asian Studies. 2004. February. Vol. 63. Iss. 1. P. 5–29

DPM Taro Aso calls Japan a nation with single race // The Straits Times [website]. Jan 14, 2020. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/deputy-prime-minister-calls-japan-a-nation-with-single-race> (дата обращения: 09.12.2020).

Lauren P. Power and Prejudice: The Politics and Diplomacy of Racial Discrimination (2nd edition). Boulder : Westview, 1996. 447 p.

Low M. Physical Anthropology in Japan. The Ainu and the Search for the Origins of the Japanese. Current Anthropology. 2012. April. Vol. 53, Sup. 5. P. 57–S68.

Morris-Suzuki T. Performing Ethnic Harmony: The Japanese Government’s Plans for a New Ainu Law // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. URL: <https://apjif.org/2018/21/Morris-Suzuki.html> (дата обращения: 12.10.2020).

Murphy-Shigematsu S. Multiethnic Japan and the monoethnic myth // MELUS. 1993. Vol. 18. No. 4. P. 63–80.

Nakasone Puts Foot In Melting Pot // Chicago Tribune. September 28, 1986. URL: http://articles.chicagotribune.com/1986-09-28/news/8603120570_1_prime-minister-yasuhiro-nakasone-puerto-ricans-japan-doesn-t (дата обращения: 15.02.2015).

Siddle R. M. Race, Resistance and the Ainu of Japan. L. : Routledge. 2012. 284 p.

Tsagel'nik T. Discourse of Silencing in the Context of the 150th Anniversary of the Naming of Hokkaido: Representation of Ainu-Wajin Relations in the Television Drama “Eternal Nispa, the Man Who Named Hokkaido, Matsuura Takeshiro” // Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP [website]. URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/77222/1/8.pdf> (дата обращения: 24.10.2020).

Weiner M. Japan’s Minorities : The illusion of Homogeneity. L.: Routledge. 2012. 234 p.

С гурӯи: Таӯ-sei shakai shinario // Kokudo Kōtsūshō [Группа С: Сценарий мультикультурного общества // Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма: официальный сайт]. URL: <https://www.mlit.go.jp/kokudoikeikaku/futurevision/c.html> (дата обращения: 17.12.2020). (На японском языке).

Sanematsu Katsuyoshi. 「Wa」 nipponteki chōwa no shisō no kigen to honshitsu [Санэмацу Кадзүёси. Происхождение и сущность идеи японской гармонии «ва»]. URL: https://rikkyo.repo.nii.ac.jp/index.php?action=repository_view_main_item_snippet&pn=1&count=50&order=1&lang=japanese&creator=%E5%AE%9F%E6%9D%BE+%E5%85%8B%E7%BE%A9&page_id=13&block_id=49 (дата обращения: 10.12.2020). (На японском языке).

Minzoku kyousei shouchou kuukan (shouchou kuukan) // Shushokantei [Символическое пространство межнационального взаимодействия (Символическое пространство) // Кабинет Премьер-министра [официальный сайт]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/symbolic_space.html (дата обращения: 09.10.2020). (На японском языке).

References

Bazhenova, Zh. M. (2014). Okinawa v kontekste politiki mul'tikul'turalizma Iaponii [Okinawa in the Context of Japan’s Multiculturalism Policy]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN*. Vol. 16. URL: <http://ihaefe.org/files/publications/full/ihaefe-XVI.pdf> (mode of access: 24.12.2020).

Bukh, A. (2012). *Iaponiia: natsional'naia identichnost' i vneshniaia politika. Rossiia kak "drugoe" Iaponii* [Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's 'Other']. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p.

Burgess, C. (2012). Maintaining identities: Discourses of homogeneity in a rapidly globalizing Japan. In *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies* [website]. URL: https://www.researchgate.net/publication/26395931_Maintaining_Identities_Discourses_of_Homogeneity_in_a_Rapidly_Globalising_Japan (mode of access: 13.12.2020).

Burgess, C. (2010). The "Illusion" of Homogeneous Japan and National Character: Discourse as a Tool to Transcend the 'Myth' vs. "Reality" Binary. In *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus* [website]. URL: <https://apjff.org/-Chris-Burgess/3310/article.html> (mode of access: 10.12.2020).

C gurūpu: Tayō-sei shakai shinario. Kokudo Kōtsūshō [Group C: Diversity Society Scenario]. In *Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism* [website]. URL: <https://www.mlit.go.jp/kokudoikeikaku/futurevision/c.html> (mode of access: 17.12.2020). (In Japanese).

Dlia chego nuzhen novyi zakon ob ainakh, ili perspektivy iaponskoi politiki v otnoshenii korenykh narodov [Why do We Need a New Ainu Law, or the Prospects for Japanese Policy towards Indigenous Peoples]. (2019). In *Nippon.com: Sovremennyi vzgliad na Iaponiiu* [website]. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00479/> (mode of access: 15.10.2020).

DPM Taro Aso calls Japan a nation with single race. (2020). In *The Straits Times* [website]. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/deputy-prime-minister-calls-japan-a-nation-with-single-race> (mode of access: 09.12.2020).

Gershtein, I. Z., Kazakov, M. A. (2016). Natsional'no-gosudarstvennaia identichnost': Istoricheskaia evoliutsiia modelei i sovremennaia tipologiiia [National-State Identity: Historical Evolution of Models and Modern Typology]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 6, pp. 36–42. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2016_-_6_unicode/5.pdf (mode of access: 25.12.2020).

Grigor'eva, T. P. (Ed.). (1985). *Chelovek i mir v iaponskoi kul'ture* [Human and the World in Japanese Culture]. Moscow, GRVL "Nauka", 280 p.

Habu, J., Fawcett, C. (1999). Jomon archaeology and the representation of Japanese origins. In *Antiquity*. Vol. 73. Iss. 281, p. 590.

Hiroshi Maruyama. (2014). Japan's Policies Towards the Ainu Language and Culture with Special Reference to North Fennoscandian Sami Policies. In *A Nordic Journal of Circumpolar Societies*. Vol. 31. Iss. 2, p. 8.

Howell, D. L. (2004). Making "Useful Citizens" of Ainu Subjects in Early Twentieth-Century Japan. In *The Journal of Asian Studies*. Vol. 63. Iss. 1, pp. 5–29

Kozhanov, I. V. (2018). *Formirovanie grazhdanskoi identichnosti lichnosti v protsesse etnokul'turnoi sotsializatsii v sisteme nepreryvnogo obrazovaniia: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of Civic Identity of the Individual in the Process of Ethnocultural Socialization in the System of Lifelong Education: PhD Thesis]. Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I. Ia. Iakovleva. Cheboksary, S. n. 463 p.

Krupianko, M. I., Areshidze, L. G. (2010). Iaponiia: ideologiiia gosudarstvennogo natsionalizma [Japan: Ideology of State Nationalism]. In *Istoriia i sovremennost'*. No. 2, pp.185–215.

Meshcheriakov, A. N. (2018). Reformy perioda Meidzi: chelovecheskoe izmerenie [Meiji Era Reforms: the Human Dimension]. In *Ezhegodnik Iaponiia*. Vol. 47, pp. 350–366.

Osipova, M. V. (2017). Traditsionnaia pedagogicheskaiia kul'tura ainov vchera i segodnia [Traditional Pedagogical Culture of the Ainu Yesterday and Today]. In *Rossiia i ATR*. No. 2, pp. 162–176.

Soskovets, L. I., Gur'eva, I. Iu., Bulakhova, N. M. Ideologiiia natsionalizma v iaponskoi istoriografii kontsa XX – nachala XXI veka [The ideology of nationalism in Japanese historiography of the late XX – early XXI century.]. [website]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2016_6-2_41.pdf (mode of access: 04.12.2020).

Shchepkin, V. V. (2018). Sozdanie men'shinstva: vzgliady iaponskikh intellektualov i politika Iaponii v otnoshenii ainov v XVIII–XIX vv [The Creation of a Minority: Views of Japanese Intellectuals and Japan's Policy on the Ainu in the 18th and 19th centuries]. In *Iaponiia: 150 let revoliutsii Meidzi. Issledovaniia rossiiskikh i zarubezhnykh uchenykh, posviashchennye 150-oi godovshchine revoliutsii Meidzi*. St. Petersburg, pp. 83–97.

Iazovskaia, O. V. (2017). Kontseptsiiia natsional'noi sushchnosti kokutai kak osnova natsional'nogo samosoznaniia Iaponii [The Concept of the National Essence of Kokutai as the Basis of Japan's National Identity]. In *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia*. Vol. 15. Iss. 1. [website]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiiya-natsionalnoy-suschnosti-kokutay-kak-osnova-natsionalnogo-samosoznaniya-yaponii> (mode of access: 29.11.2020).

Lauren, P. (1996). *Power and Prejudice: The Politics and Diplomacy of Racial Discrimination (2nd edition)*. Boulder, Westview. 447 p.

Low, M. (2012). Physical Anthropology in Japan. The Ainu and the Search for the Origins of the Japanese. In *Current Anthropology*. Vol. 53, Sup. 5, pp. 57-S68.

Minzoku kyousei shouchou kuukan (shouchou kuukan) [Symbolic Space for Ethnic Harmony]. In *Shusōkantei* [Prime Minister of Japan and His Cabinet] [official website]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/symbolic_space.html (mode of access: 09.10.2020). (In Japanese).

Morris-Suzuki, T. (2018). Performing Ethnic Harmony: The Japanese Government's Plans for a New Ainu Law. In *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus* [website]. URL: <https://apjif.org/2018/21/Morris-Suzuki.html> (mode of access: 12.10.2020).

Murphy-Shigematsu, S. (1993). Multiethnic Japan and the Monoethnic Myth. In *MELUS*. Vol. 18. No. 4, pp. 63–80.

Nakasone Puts Foot In Melting Pot (1986). In *Chicago Tribune* [website]. URL: http://articles.chicagotribune.com/1986-09-28/news/8603120570_1_prime-minister-yasuhiro-nakasone-puerto-ricans-japan-doesn-t (mode of access: 15. 02. 2015).

Sanematsu Katsuyoshi. 「 Wa 」 nipponteki chōwa no shisō no kigen to honshitsu [Sanematsu Katsuyoshi. Origin and essence of the idea of Japanese harmony “wa”]. In *Rikkyo University Repository* [website]. URL: https://rikkyo.repo.nii.ac.jp/index.php?action=repository_view_main_item_snippet&pn=1&count=50&order=1&lang=japanese&creator=%E5%AE%9F%E6%9D%BE+%E5%85%8B%E7%BE%A9&page_id=13&block_id=49 (mode of access: 10.12.2020). (In Japanese).

Siddle, R. M. (2012). *Race, Resistance and the Ainu of Japan*. L., Routledge. 284 p.

Tsagel'nik, T. (2020). Discourse of Silencing in the Context of the 150th Anniversary of the Naming of Hokkaido: Representation of Ainu Wajin Relations in the Television Drama “Eternal Nispa, the Man Who Named Hokkaido, Matsuura Takeshiro”. In *Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers* [website]. URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/77222/1/8.pdf> (mode of access: 24.10.2020).

Veretevskaia, A. V. (2018). *Mul'tikul'turalizm, kotorogo ne bylo: analiz evropeiskikh praktik politicheskoi integratsii etnokul'turnykh men'shinstv* [Multiculturalism That Didn't Exist: Analysis of European Practices of Political Integration of Ethnocultural Minorities]. Moscow, MGIMO-Universitet, 184 p.

Weiner, M. (2012). *Japan's Minorities: The Illusion of Homogeneity*. L., Routledge, 234 p.

The article was submitted on 29.12.2020

РЕАКТОР В ЙОНБЁНЕ КАК *ОБЪЕКТ* ШЕСТИСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЕ КНДР (ПО МАТЕРИАЛАМ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ)

Аннотация. В статье проводится анализ событий шестисторонних переговоров по ядерной программе Северной Кореи, касающихся проблемы функционирования реактора в Йонбёне, через призму американских СМИ. Актуальность темы обусловлена тем, что именно Йонбёнский научно-исследовательский центр стал первым ядерным комплексом в КНДР, который позволил Северной Корее производить оружейный плутоний, что широко обсуждалось в средствах массовой информации США. Реализация ядерной программы оказала большое влияние на американо-северокорейские отношения, в которых Соединенные Штаты стремились контролировать действия КНДР в этой сфере. Для решения проблемы использования ядерного центра в Йонбёне в 2003–2009 гг. была организована серия Шестисторонних переговоров при участии США, КНР, России, Японии, Республики Корея и КНДР. Так как этот вопрос был непосредственно связан с Соединенными Штатами и их внешней политикой, он широко освещался в американских СМИ, главным образом в «Нью-Йорк таймс» и «Лос-Анджелес таймс», материалы которых послужили основным источником в написании данной статьи. Если в «Нью-Йорк таймс» чаще всего публиковались резолюции, итоги официальных встреч, цитировались тексты официальных документов, то в «Лос-Анджелес таймс» шестисторонние переговоры освещались лишь фрагментарно. В данной статье также использовались материалы местных газет, таких как «Остин америкэн стейтмент» и «Ньюс Джорнал», которые, в силу своей локальной специфики, освещали лишь наиболее важные события. Отметим, что практически во всех исследуемых изданиях освещалась не только точка зрения США, но и других стран-участниц шестисторонних переговоров. Большая часть публикаций отражала официальное мнение правительства Соединенных Штатов, подвергая критике позицию КНДР, однако редакция ряда газет выражала свое несогласие с жесткой позицией США по отношению к ядерной программе Северной Кореи. В статье рассматривается и анализируется позиция американской прессы в отношении данной проблемы, делаются обоснованные выводы.

Ключевые слова: Йонбён, ядерный реактор, шестисторонние переговоры, США, КНДР, Северная Корея

Valentin V. Khrenov, Svetlana A. Zabolotneva

THE YONGBYON REACTOR AS AN OBJECT OF THE SIX-PARTY TALKS ON THE DPRK'S NUCLEAR PROGRAM (BASED ON THE MATERIALS OF THE AMERICAN PRESS)

Abstract. The article analyses events of the Six-Party Talks on North Korea's nuclear program concerning the problem of the Yongbyon reactor functioning through the prism of the US press. The relevance of the topic is due to the fact that the Yongbyon research center became the first nuclear complex in the DPRK which allowed North Korea to produce weapons-grade plutonium that was widely discussed in the US media. The implementation of the nuclear program had a great impact on US-North Korean relations, with the United States seeking to control the actions of the DPRK in this area. To solve the problem of using the Yongbyon nuclear center, a series of the Six-Party Talks were conducted in the period of 2003–2009 with the participation of the United

States, China, Russia, Japan, the Republic of Korea and the North Korean. Since this issue was directly related to the United States and its foreign policy, it was widely covered in the American media, mainly in «The New York Times» and the «Los Angeles Times», whose materials served as a main source for this article. «The New York Times» mostly published resolutions, the results of official meetings, quoted the texts of official documents. In the meantime, the «Los Angeles Times» covered the six-party talks only incompletely and partially. This article also used material of local newspapers, such as the «Austin American-Statesman», the «News Journal» which due to their local specificity covered only the most important events. It should be noted that almost all the publications under study covered not only the point of view of the United States, but also the one of the other countries participating in the Six-Party Talks. Most of the publications reflected an official opinion of the United States government criticizing the position of the DPRK's administration. In the meanwhile, the editors of a number of newspapers expressed their disagreement with the tough position of the United States concerning North Korea's nuclear program. The article examines and analyzes the position of the US press in relation to this problem, and reasonable conclusions are made.

Keywords: Yongbyon, nuclear reactor, Six-Party Talks, USA, DPRK, North Korea

Проблемы, связанные с развитием ядерной программы Северной Кореи, появились во второй половине XX века, когда при участии Советского Союза на территории города Йонбён Корейской Народно-Демократической Республики был построен одноименный научно-исследовательский комплекс, где был введен в действие легководный ядерный реактор, что впоследствии стало одним из факторов роста напряженности как на Корейском полуострове в целом, так и в отношениях КНДР с США. После проведения ряда переговоров Соединенным Штатам в 1994 году удалось добиться подписания в Женеве Рамочного соглашения, по которому Северная Корея должна была начать свертывание ядерной программы [Ланцова, с. 120], однако в 2002 году все договоренности между этими государствами были разорваны, а правительство КНДР официально заявило о возобновлении ядерной программы [Ланьков]. Для поиска путей решения данной проблемы были организованы Шестисторонние переговоры, проходившие с 2003 года по 2009 год в Пекине [Шестисторонние переговоры] при участии США, КНР, России, Японии, Республики Корея и КНДР, а одним из значимых предметов обсуждения на переговорах стал вопрос функционирования ядерного центра в Йонбёне.

О начале развития событий вокруг этого центра в США стало известно еще за полгода до начала переговоров – 27 февраля 2003 года, когда «Нью-Йорк таймс» сообщила о намерении Северной Кореи реактивировать ядерный реактора в Йонбёне, который не функционировал с 1994 года [Threats, p. 23], т. е. с момента подписания Рамочного соглашения. Именно это событие стало отправной точкой для начала переговоров о создании рабочей группы по решению проблемы ядерного разоружения КНДР.

В «Ньюс Джорнал», главной газете города Уилмингтон штата Делавэр, 28 февраля 2003 года также сообщалось о возобновлении работы ядерного реактора в Йонбёне и отмечалось, что благодаря этому КНДР может использовать производимый там плутоний для изготовления ядерного оружия в количестве трех ядерных боеголовок в два года. Несмотря на заверения северокорейской стороны о том, что реактивация реактора преследует исключительно мирные цели для обеспечения электроэнергией гражданских объектов, американские эксперты

придерживались противоположного мнения. Эксперты утверждали, что возобновление работы реактора связано не с мирными целями, а с реализацией плутониевой программы, поскольку комплекс Йонбён тратит намного больше энергии, чем производит [Hebert, p. 2]. Однако в заметке, сделанной по этому поводу в газете «Нью-Йорк таймс» от 1 марта 2003 года, приводилось мнение американской стороны о том, что КНДР может приурочить запуск реактора к началу возможных военных действий Соединенных Штатов в Ираке [Sanger, 2003]. Здесь важно отметить, что если в «Ньюс Джорнал» речь шла о том, почему комплекс Йонбён был вновь введен в эксплуатацию, то в «Нью-Йорк таймс» говорилось лишь о намерении северокорейского руководства перезапустить реактор.

В ходе первого раунда переговоров, который прошел в Пекине 27–29 августа 2003 года, не было сделано каких-либо конкретных предложений по прекращению ядерных разработок в комплексе Йонбён. Но уже в середине сентября 2003 года правительство КНДР приняло решение о приостановлении работы этого центра, что активно обсуждалось в американской прессе. Так, в «Нью-Йорк таймс» говорилось о разногласиях между сотрудниками американской разведки относительно истинной причины такого шага Северной Кореи. Одни считали, что это могло случиться из-за технических неполадок в комплексе. Другие же полагали, что закрытие комплекса произошло намеренно и показывает стремление администрации КНДР идти на диалог. При этом подчеркивалось, что США не располагают достоверными сведениями о работах, проводимых в комплексе Йонбён, поскольку Северная Корея старается тщательно скрывать информацию, связанную со своей деятельностью в ядерной сфере [Jehl, 2003. 13 September, p. 6]. Тем не менее, недостаток достоверной информации не помешал американским спецслужбам, еще до приостановления Севером работы центра, при помощи специального оборудования определить состав выбросов в атмосферу над территорией КНДР и прийти к выводу о том, что Северная Корея проводила ядерные разработки в комплексе Йонбён [Jehl, 2003. 12 September].

В газете «Нью-Йорк таймс» от 3 октября 2003 года приводилось заявление Северной Кореи о начале производства в Йонбёне атомных бомб на основе плутония. Несмотря на то, что правительство КНДР раньше неоднократно делало подобные заявления, руководство США отнеслось к такой новости с осторожностью из-за отсутствия достоверных данных. Согласно расчетам американских специалистов, на тот момент Северная Корея обладала не более чем пятью ядерными боеголовками несмотря на то, что всех имеющихся в стране плутониевых стержней вполне могло хватить на изготовление двадцати бомб. В статье также приводились слова заместителя министра по делам объединения Республики Корея, который считал, что своим заявлением о возобновлении работы реактора в Йонбёне и производстве атомных бомб руководство Северной Кореи стремится получить рычаги влияния на следующем раунде Шестисторонних переговоров [Brooke].

Несколько месяцев спустя, 11 января 2004 года, в газете «Нью-Йорк таймс» сообщалось, что Северная Корея продемонстрировала комплекс Йонбён американской делегации, которая в свою очередь пришла к выводу, что в этом центре может производиться ядерное топливо. При этом подчеркивалось, что правитель-

ство КНДР тем самым стремилось продемонстрировать свое ядерное превосходство и наращивание военного потенциала несмотря на попытки противодействия этому со стороны Соединенных Штатов [Sanger, 2004. 11 January]. Однако по данным американской разведки, несмотря на запрет со стороны стран-участниц Шестисторонних переговоров, в Йонбёне продолжалось производство плутония, благодаря чему Северная Корея могла получить несколько новых видов ядерного оружия [Sanger, 2004. 11 January].

В газете «Нью-Йорк таймс» от 4 февраля того же года сообщалось о готовности Северной Кореи продолжать переговоры, что продемонстрировало ее готовность идти на компромисс по вопросу реализации своей ядерной программы и возможном приостановлении работы в научно-исследовательском комплексе Йонбён. В статье также отмечалось, что правительство Соединенных Штатов не собиралось отказываться от своих требований и будет продолжать настаивать на запрете Северной Корее заниматься производством ядерного оружия [Marquis; Onishi, p. 6], а в «Лос-Анджелес таймс» в этот же день было опубликовано сообщение о том, что руководство США рассчитывает на положительный исход предстоящих переговоров [Demick, 2004. 4 February, p. 11]. В газете «Остин американ стэйтмент» – главном ежедневном издании столицы штата Техас – от того же числа говорилось о том, что страны-участницы Шестисторонних переговоров ожидали от северокорейского руководства больших уступок не только в ядерной сфере, но и в других вопросах: в частности, ожидалось согласие КНДР на переговоры с Японией по урегулированию вопроса, связанного с похищением японских граждан северокорейскими агентами в 1970-х и 1980-х гг. [Faiola, p. 9].

По итогам второго раунда Шестисторонних переговоров в феврале 2004 года в «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья, где в качестве наиболее важной темы обсуждения указывалась проблема ведения в Йонбёне работ по обогащению урана. В ходе встречи правительство Соединенных Штатов снова требовало от Северной Кореи прекращения каких-либо ядерных разработок. В ответ на это последняя согласилась пойти на некоторые уступки, заявив о своей готовности прекратить обогащение урана для военных целей, но оставить для мирных. В США усомнились в искренности таких намерений КНДР, ссылаясь на выводы представителей американской делегации о непригодности ее ядерной промышленности к гражданской сфере, а потому негативно отнеслись к предложению северокорейской стороны, поскольку в этом случае впоследствии была высока вероятность их отказа от обогащения урана в мирных целях. Необходимо отметить, что здесь США подразумевали научно-исследовательский центр в Йонбёне, который был одним из основных источников ядерной энергии в Северной Корее. В качестве подтверждения своих опасений американская сторона обратила внимание на отсутствие в прошлом от КНДР каких-либо заявлений о намерении использовать ядерный реактор в гражданских целях [Kahn, 2004. 11 February]. Учитывая данный факт, с одной стороны, вышеупомянутое заявление северокорейского руководства могло оказаться прикрытием для последующей возможности использования ядерного реактора с целью производства и испытания различных видов вооружения, что стало бы незаконным после подписания каких-либо соглашений

по итогам Шестисторонних переговоров. С другой стороны, полное закрытие центра могло бы нанести ущерб развитию ядерной промышленности Северной Кореи в целом, тем самым значительно усложнив процесс получения энергии для общегражданских нужд страны. Что же касается позиции США в данной ситуации, то, по мнению П. Д. Покровской, их действия говорили об их политической непоследовательности и стремлении полностью ликвидировать ядерную сферу КНДР, на что указывало их нежелание решать проблему мирным путем [Покровская, с. 81]. С позицией Соединенных Штатов по этому вопросу были солидарны южнокорейские и японские эксперты. Они были убеждены в отсутствии у КНДР возможности использовать ядерную программу для развития своей национальной экономики и поэтому допускали, что эта программа будет направлена «на развитие сторонней деятельности» [Davenport], под чем, очевидно, подразумевались военные цели. Так, о разработках в комплексе Йонбён северокорейской урановой программы заявила министр иностранных дел Японии (2002–2004 гг.) Кавагути Ёрико, что, однако, категорически отрицалось представителями КНДР. В свою очередь, китайская сторона поставила под сомнение данные разведки США о наличии у Северной Кореи и использовании программы по обогащению урана [Kahn, 2004. 29 February].

Как сообщала «Нью-Йорк таймс» 29 февраля 2004 года, по итогам второго раунда переговоров страны-участницы согласились оказать содействие в обеспечении Северной Кореи энергией, на что, в свою очередь, правительство Корейской Народно-Демократической Республики выступило с предложением начать сворачивать на своей территории деятельность центров по производству ядерной энергии [Kahn, 2004. 29 February]. Несмотря на то, что участникам переговорного процесса не удалось достигнуть какого-либо определенного соглашения по данному вопросу, важным итогом этого раунда стало смягчение позиции США в отношении возможности оказания с их стороны энергетической помощи Северной Корее. Одной из характерных черт раунда стала дискуссия по вопросу обогащения урана в ядерном центре Йонбён, которая показала, что не все страны-участницы были твердо убеждены в наличии у КНДР разработок урановой программы.

Третий раунд Шестисторонних переговоров прошел в Пекине с 23 по 26 июня 2004 года. За две недели до начала очередного раунда «Нью-Йорк таймс» представила мнение китайской стороны относительно перспектив продолжения переговоров. В статье говорилось, что КНР не доверяет сообщениям США о том, что Северная Корея разрабатывает урановые программы, поскольку ни одна страна-участница переговоров не сумела представить доказательств по этому поводу. Китайское правительство рассматривало заявление Соединенных Штатов о создании атомной бомбы в Йонбёне исключительно как повод для продолжения переговоров [Kahn; Chira, 2004. 9 June].

В самом начале третьего раунда 23 июня в газете «Нью-Йорк таймс» было опубликовано заявление Соединенных Штатов относительно их ожиданий от предстоящего совещания. Так, США были намерены предоставить КНДР максимум три месяца на закрытие и демонтаж всех своих ядерных объектов, в т. ч. в комплексе Йонбён. При этом они утверждали, что ход дальнейших переговоров

по вопросам, связанным с энергоносителями, будет напрямую зависеть от готовности Северной Кореи предоставить международным экспертам доступ к объекту в Йонбёне и исчерпывающую информацию о его работе. Также американская сторона допускала, что на фоне предстоящих президентских выборов в Соединенных Штатах Северная Корея будет затягивать с ответом, продолжая производить топливо для ядерного оружия [Sanger, 2004. 23 June, p. 3]. Безусловно, ситуация с возможной сменой президента, которая могла повлечь за собой изменение позиции США по вопросу ядерной программы КНДР, могла восприниматься в Северной Корее как удобный предлог для того, чтобы не спешить давать ответ на предложения американской стороны. Таким образом, Север мог продлить работу реактора в Йонбёне и подготовиться к его закрытию. Стоит отметить, что, по мнению российских специалистов, представители США проявляли чрезмерную жесткость в решении проблемы ядерных объектов, в т. ч. и центра в Йонбёне, и такими действиями вряд ли смогут добиться изоляции КНДР [Фёдоров, с. 95].

По сообщениям «Нью-Йорк таймс», в ходе третьего раунда 25 июня обсуждался ряд вопросов, связанных с комплексом в Йонбёне. США выступили с предложением к руководству Северной Кореи о поэтапном сворачивании плутониевой и урановой программ в обмен на оказание ей помощи, предоставление гарантий безопасности и ослабление политических санкций. В ответ на это правительство КНДР предложило заморозить свою ядерную программу, при этом потребовав от стран-участниц предоставления ей помощи в сфере энергетики [Kahn, 2004. 25 June]. В результате страны пришли к мнению, что замораживание ядерных установок станет началом создания безъядерного Корейского полуострова. Стоит отметить, что такой вариант решения вопроса предполагал полное закрытие ядерного реактора в Йонбёне, а несогласие других стран-участниц переговоров оказать Северной Корее поддержку в сфере энергетики могло привести к серьезным последствиям для самой КНДР.

Спустя несколько месяцев после окончания третьего раунда, 10 февраля 2005 года, «Нью-Йорк таймс» опубликовала заявление правительства КНДР о наличии у нее ядерного оружия. При этом подчеркивалось, что это вооружение создано только для оборонных целей и не будет использоваться для нападения на какие-либо государства. Кроме того, в этом заявлении администрация Северной Кореи также информировала о решении приостановить свое участие в Шестисторонних переговорах [North Korea Says]. Тем не менее, 19 апреля того же года «Лос-Анджелес таймс» сообщила о приостановлении работы ядерного реактора в Йонбёне, что вызвало некоторую обеспокоенность у американских специалистов. Они опасались, что, несмотря на закрытие этого реактора, у северокорейской стороны могло еще оставаться большое количество плутониевых стержней. При этом американские эксперты допускали, что остановка работы ядерного реактора могла быть вызвана техническими неисправностями [U. S. Sees, p. 7]. Однако версия о неисправности отрицалась в газете «Нью-Йорк таймс», которая связывала приостановку работы с намерением КНДР при помощи имеющихся в реакторе плутониевых стержней увеличить свой ядерный арсенал [Choe Sang-hun]. Кроме того, стоит отметить, что мнения по этому пово-

ду, приведенные в статьях «Лос-Анджелес таймс» и «Нью-Йорк таймс», заметно отличаются друг от друга. Если в первом случае не делалось большого акцента на возможные последствия от закрытия комплекса в Йонбёне, то во втором случае обращалось внимание на то, что прекращение эксплуатации реактора будет иметь огромное значение для дальнейших событий [Choe Sang-hun].

В публикации от «Нью-Йорк таймс» от 10 июля 2005 года сообщалось о намерении правительства КНДР возобновить участие в переговорном процессе, а также о его согласии ликвидировать свое ядерное оружие [Brinkley; Sanger]. Здесь стоит заметить, что под этим администрация США понимала не только отказ от ядерного оружия, но и полное сворачивание в Йонбёне всех работ по производству плутониевого топлива. По мнению американских экспертов, дополнительным рычагом давления на Северную Корею со стороны стран-участниц могло стать ухудшение экономической ситуации в этом государстве [Brinkley; Sanger]. Через несколько недель после заявления КНДР о готовности к дальнейшим переговорам состоялся четвертый раунд шестисторонних встреч, который в Пекине проходил в два этапа: 26 июля – 7 августа и 13–19 сентября 2005 года соответственно.

26 июля, в первый день четвертого раунда, «Нью Йорк таймс» отмечала более лояльное отношение Соединенных Штатов к позиции Северной Кореи, которые подчеркнули свое признание суверенитета последней и отсутствие у них каких-либо намерений нападать на нее. В свою очередь, Север заявил о готовности сделать все возможное для того, чтобы не допустить эскалации войны на Корейском полуострове [Buckley]. Тем не менее, Соединенные Штаты обозначили свое твердое намерение ввести против КНДР новые санкции в случае отсутствия продвижения в переговорном процессе, поскольку страны-участницы опасались, что за такую длительную паузу в переговорах Северная Корея, по их расчетам, могла успеть создать в Йонбёне более восьми ядерных боеголовок [Buckley].

Итоги первого этапа четвертого раунда были опубликованы в «Нью-Йорк таймс» 8 августа 2005 года, где констатировалась неудача сторон в достижении какого-либо обоюдного соглашения, в результате чего было принято решение объявить перерыв на несколько недель. Всю вину за срыв переговоров США возложили на Северную Корею, которая в ходе заключительной встречи первого этапа потребовала от участников оставить ей возможность эксплуатации на своей территории легководных реакторов. Представители Соединенных Штатов отвергли ее просьбу, поскольку считали, что использование таких реакторов позволит Северу производить ядерное топливо [Yardley; Buckley].

В сентябре 2005 года состоялся второй этап четвертого раунда. 13 сентября, в самый разгар переговоров, «Нью-Йорк таймс» опубликовала предложение южнокорейской стороны оказать помощь своему северному соседу в строительстве атомной станции вблизи демилитаризованной зоны. В Южной Корее полагали, что, принимая во внимание возражения стран-участниц против наличия какой-либо ядерной промышленности в Северной Корее, создание таких станций для обеспечения КНДР электроэнергией могло бы стать компромиссным вариантом решения проблемы [Talks on North Korea's Nuclear Arms Program].

И компромисс был найден. В газете «Нью-Йорк таймс» от 19 сентября говорилось о том, что в результате этого этапа переговоров было достигнуто соглашение об отказе КНДР от проведения каких-либо работ в ядерном комплексе на благо оборонной промышленности. При этом подчеркивалось, что Северной Корее было разрешено использование ядерной энергии в мирных целях, для чего центр в Йонбёне должен был быть переориентирован на возможность применения северокорейской атомной промышленности исключительно в гражданской сфере [A 6-party statement].

Несмотря на все достигнутые договоренности, реальных шагов по их выполнению сделано не было. Первый этап пятого раунда переговоров проходил с 9 по 11 ноября 2005 года. Уже на второй день совещания в «Нью-Йорк таймс» сообщалось о большом количестве санкционных мер, предпринятых Соединенными Штатами в отношении северокорейских фирм, подозреваемых в распространении оружия и подделке американской валюты. На этом фоне южнокорейские представители заявили о готовности стран-участниц снять эти санкции в обмен на прекращение производства плутония и остановку реактора в Йонбёне [Talks on North Korea's nuclear programs turn sour]. В ответ на это КНДР требовала от них предоставления ранее обещанной помощи в сфере энергетики [U.S. rejects]. Однако, за три дня страны так и не смогли прийти к какому-либо соглашению по причине того, что Северная Корея прервала пятый раунд из-за объявленных ей санкций.

9 октября 2006 года Север объявил об успешном проведении ядерного испытания, что стало причиной для скорого возобновления переговоров. Второй этап пятого раунда проходил в Пекине с 18 по 22 декабря того же года, в ходе которого правительство КНДР продолжало настаивать на отмене в отношении нее всех санкций, а также оказании ей экономической помощи со стороны стран-участниц [Lague, 2006. 19 December]. Также Северная Корея заявила, что готова дать согласие только на контроль над своим вооружением, но не на полную ликвидацию ее ядерной отрасли [Lague; Kahn]. По итогам заседаний в рамках второго этапа участникам так и не удалось прийти к единому мнению относительно дальнейшей судьбы комплекса в Йонбёне, поэтому переговоры были отложены на неопределенный срок.

Следующий этап пятого раунда переговоров состоялся в Пекине 8–13 февраля 2007 года. В первые дни встреч делегаций в газете «Нью-Йорк таймс» от 11 февраля была опубликована статья, в которой говорилось, что в обмен на демонтаж комплекса в Йонбёне Северная Корея снова требовала от стран-участниц – в особенности от Южной Кореи – оказания ей помощи в области энергетики [North Korea's energy]. В другой статье от того же числа указывалось на достижение соглашения, предусматривающего закрытие комплекса и возвращение в Северную Корею группы инспекторов в течение шестидесяти дней. При этом подчеркивалось, что замораживание работ в Йонбёне хоть и является важным достижением переговоров, но вряд ли сумеет решить проблему наличия в КНДР плутония и ядерного оружия [Yardley; Sanger].

Уже 12 февраля в «Нью-Йорк таймс» сообщалось о стремлении участников подготовить совместное заявление, в котором было бы четко указано, что именно

получит Пхеньян в обмен на закрытие ядерного центра в Йонбёне [North Korean nuclear talks]. В другой публикации от этого же числа в очередной раз отмечалось согласие Северной Кореи свернуть все работы на своем главном ядерном реакторе в Йонбёне при условии оказания ей со стороны других стран энергетической и продовольственной помощи. Однако Джон Болтон, занимавший до конца 2006 года пост Постоянного представителя США при ООН, крайне негативно высказался по поводу такого решения, поскольку, по его мнению, самая главная проблема заключалась не столько в Йонбёне, сколько в уже имеющимся у Северной Кореи ядерном оружии. При этом подчеркивалось, что, согласно достигнутому соглашению, КНДР должна была в течение шестидесяти дней предпринять шаги по разоружению, предоставить полный список имеющихся у нее ядерных программ, а также вывести из строя реактор в Йонбёне и другие ядерные объекты [Yardley, 2007. 12 February]. Как уточнялось в «Нью-Йорк таймс» от 14 февраля, в обмен на вышеуказанные действия Северной Корее должно было быть выделено сначала 50 тыс. тонн тяжелого мазута, а после полного выведения из строя всех ядерных объектов – еще 950 тыс. тонн [North Korea: New accord].

Первый этап шестого раунда шестисторонних переговоров проходил в Пекине с 19 по 22 марта 2007 года. Как сообщала «Нью-Йорк таймс» 20 марта, одна из главных задач этого раунда заключалась в разработке дорожной карты, определяющей порядок действий Северной Кореи по закрытию ядерного реактора в Йонбёне и предоставлению всех сведений по своей ядерной программе странам-участницам переговоров в срок до середины апреля 2007 года [6-party talks], однако по итогам заседаний никаких конкретных мер по этому вопросу определено не было. Тем не менее, по данным «Нью-Йорк таймс», в соответствии с достигнутым в феврале 2007 года соглашением, в июле того же года КНДР провела частичное сворачивание работы комплекса в Йонбёне [6-nation], что стало первым пусть и промежуточным, но значимым успехом, достигнутым на Шестисторонних переговорах по этой проблеме.

Второй этап шестого раунда состоялся 27–30 сентября того же года и, как передавала «Нью-Йорк таймс», причиной возобновления переговорного процесса стала необходимость обсуждения вопросов, связанных с комплексом в Йонбёне [6-nation]. На заседании стороны должны были принять решение о том, каким способом должна воспользоваться Северная Корея, чтобы ее главный реактор перестал полностью функционировать, а также определить дальнейшие действия в этом направлении [6-nation]. Однако 30 сентября переговоры были прерваны, поскольку участники были намерены провести консультации с правительствами своих стран по поводу совместного проекта постепенного вывода из строя реактора в Йонбёне [Lague, 2007. 30 September]. Этот факт свидетельствовал о важности такого проекта для стран-участниц, хотя его подробности на тот момент в американской прессе не освещались.

Уже через несколько дней, 5 октября, «Нью-Йорк таймс» опубликовала одобренный участниками совместный документ, в котором устанавливался подробный порядок действий по закрытию не только комплекса Йонбён, но и сворачиванию всей ядерной программы КНДР. В нем предусматривалось, что Северная

Корея в срок до 31 декабря 2007 года должна будет предоставить сведения о своей ядерной программе и вывести из строя не только сам ядерный реактор в Йонбёне, но и также находившиеся на территории комплекса радиохимическую лабораторию и завод по переработке ядерного топлива. Контроль над выполнением этих пунктов предполагалось возложить на Соединенные Штаты [North Korea: Talks progress].

Однако реализация намеченных планов шла с запозданием, поскольку только 26 июня 2008 года Северная Корея наконец-то передала КНР как стране-хозяйке переговоров сведения о своей ядерной программе и на следующий день вывела из строя охладительную башню реактора в Йонбёне. Вскоре после этого 10–12 июля 2008 года прошел третий этап шестого раунда. Как сообщалось в статье «Нью-Йорк таймс» от 13 июля, итогом заседаний стало подписание совместного коммюнике, где был согласован механизм верификации денуклеаризации Корейского полуострова, в рамках которого к концу октября того же года Северная Корея должна была уже полностью завершить демонтаж объектов в Йонбёне в обмен на энергетическую или экономическую помощь. При этом Россия и США должны были предоставить помощь в сфере энергетики, а КНР и Республика Корея – экономическую помощь. Также КНДР должна была обеспечить допуск в страну международных инспекторов для посещения своих ядерных объектов и проверки документов [Yardley; Hooker].

Темой четвертого и последнего этапа заседаний шестого раунда, прошедших в Пекине с 8 по 11 декабря 2008 года, стала проблема верификации сворачивания ядерной программы Севера. По данным «Нью-Йорк таймс» от 11 декабря, проблема заключалась в отказе КНДР предоставить международным инспекторам возможность брать пробы почвы и воздуха рядом с комплексом в Йонбёне для последующей проверки их за границей, на чем настаивали США. Представители Северной Кореи аргументировали свой отказ тем, что пункт о взятии проб отсутствовал в ранее достигнутых договоренностях, хотя при этом они заявляли о полном прекращении функционирования ядерного центра в Йонбёне [Myers]. По этому вопросу сторонам не удалось прийти к общему мнению, в результате чего переговоры были в очередной раз приостановлены и, как показали последующие события, так и не были возобновлены.

Последним таким событием стал запуск Северной Кореей ракеты-носителя «Ынха-2» 5 апреля 2009 года, что получило резкое осуждение со стороны членов Совета Безопасности ООН. В ответ на это 14 апреля того же года КНДР объявила о выходе из Шестисторонних переговоров и намерении развивать свою ядерную программу [Landler]. Как на следующий день сообщалось в «Нью-Йорк таймс», представители большинства стран-участниц выразили недовольство таким шагом северокорейского руководства, так как возобновление работы ядерного центра в Йонбёне фактически означало полный провал многолетнего переговорного процесса. При этом обращалось внимание на просьбу представителя Северной Кореи прекратить какой-либо контроль над действиями КНДР в ядерной сфере, что вызвало у экспертов предположения о возможной передаче Севером ядерных технологий другим странам [Landler].

Таким образом, научно-исследовательский центр в Йонбёне, в котором производилась и проходила испытания основная часть северокорейского ядерного оружия, после почти десятилетнего перерыва возобновил работу весной 2003 года и стал одной из причин организации Шестисторонних переговоров. Несмотря на то, что вопрос демонтажа ядерных объектов комплекса в Йонбёне в ходе встреч часто уходил на второй план и не был ключевым объектом обсуждения, именно эта проблема являлась определяющим фактором для начала процесса денуклеаризации Корейского полуострова. По этой причине все дискуссии и достигнутые соглашения были направлены в первую очередь на приостановление работы центра в Йонбёне, и во вторую очередь – на разоружение остальных ядерных объектов.

В большинстве статей американских СМИ часто приводилась точка зрения не только администрации США, но и других стран-участниц переговоров: КНР, Японии, КНДР и Республики Корея. При этом важно отметить, что позиция России в отношении проблемы Йонбёна в американской прессе абсолютно никак не освещалась, что могло говорить о пренебрежении или замалчивании точки зрения России в этих переговорах, которая, тем не менее, играла в них роль такой же равноправной страны-участницы, как и США, КНР и т. п. Местные газеты Техаса, Лос-Анджелеса уделяли внимание лишь наиболее важным событиям переговоров, в то время как «Нью-Йорк таймс» освещала все раунды достаточно регулярно и подробно. Однако следует отметить, что, хотя основная часть событий вокруг Йонбёна во всех рассмотренных газетах транслировалась через призму мнения правительства США, в котором нередко высказывалась жесткая критика по отношению к действиям КНДР в ядерной сфере, американские СМИ не всегда были солидарны с официальной позицией Соединенных Штатов, критикуя их за слишком жесткую позицию по отношению к Северной Корее.

Список литературы

Ланцова И. С. Ядерная программа Северной Кореи: история развития и современное состояние // ПОЛИТЭКС [сайт]. 2007. Т. 3. № 1. С. 113–129.

Ланьков А. Н. Ядерная программа Северной Кореи. Как ограничить угрозу // Carnegie.ru [сайт]. 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77662> (дата обращения: 24.02.2019).

Покровская П. Д. Шестисторонние переговоры по ядерной проблеме КНДР – выход из тупика // Научно-аналитический журнал «Обозреватель». 2015. № 3. С. 78–88.

Фёдоров Н. В. Россия и США на шестисторонних переговорах по ядерной программе КНДР: проблемы взаимодействия // Американистика на Дальнем Востоке. Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2017. Вып 3. С. 92–97.

Шестисторонние переговоры // Russian.China.org.cn [сайт]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/101651.htm> (дата обращения: 06.09.2020).

6-nation nuclear talks on North Korea resume // The New York Times. 2007. 27 September. URL: <https://www.nytimes.com/2007/09/27/world/asia/27iht-korea.1.7656430.html?searchResultPosition=2> (дата обращения: 14.12.2020).

6-party talks on North Korea are stalled // The New York Times. 2007. 20 March. URL: <https://www.nytimes.com/2007/03/20/world/asia/20iht-korea.4966564.html?searchResultPosition=6> (дата обращения: 07.10.2020).

A 6-party statement: The deal and details // The New York Times. 2005. 19 September. URL: <https://www.nytimes.com/2005/09/19/world/asia/a-6party-statement-the-deal-and-details.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 20.09.2020).

Brinkley J., Sanger D. E. North Koreans Agree to Resume Nuclear Talks // The New York Times. 2005. 10 July. URL: <https://www.nytimes.com/2005/07/10/world/asia/north-koreans-agree-to-resume-nuclear-talks.html?searchResultPosition=33> (дата обращения: 19.09.2020).

Brooke J. Korean Claim Leaves U. S. Concerned, But Skeptical // The New York Times. 2003. 3 October. URL: <https://www.nytimes.com/2003/10/03/world/korean-claim-leaves-us-concerned-but-skeptical.html?searchResultPosition=5&login=email&auth=login-email&login=email&auth=login-email> (дата обращения: 18.09.2020).

Buckley C. U. S. Reassures North Korea at Opening of 6-Party Talks // The New York Times. 2005. 26 July. URL: <https://www.nytimes.com/2005/07/26/international/asia/us-reassures-north-korea-at-opening-of-6party-talks.html?searchResultPosition=2> (дата обращения: 19.09.2020).

Choe Sang-hun. N. Korea may seek enlarged arsenal // The New York Times. 2005. 19 April. URL: <https://www.nytimes.com/2005/04/19/world/asia/n-korea-may-seek-enlarged-arsenal.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 16.12.2020).

Davenport K. The Six-Party Talks at a Glance // Arms Control Association. URL: <https://www.armcontrol.org/factsheets/6partytalks> (дата обращения: 16.09.2020).

Demick B. Agreement on talks may indicate a high-level decision to dismantle weapons program // The Los Angeles Times. 2004. 4 February. P. 11.

Faiola A. U. S., N. Korea still far apart as new round of nuclear talks nears // Austin American-Statesman. – 2004. 4 February. P. 9.

Hebert J. Starting reactor means building arsenal possible // The News Journal. – 2003. 28 February. P. 2.

Jehl D. Shutdown of Nuclear Complex Deepens North Korean Mystery Concludes // The New York Times. – 2003. 13 September. P. 6.

Jehl D. U. S. Studies Signs of Halt in North Korea Nuclear Activity // The New York Times. 2003. 12 September. URL: <https://www.nytimes.com/2003/09/12/international/asia/us-studies-signs-of-halt-in-north-korea-nuclear-activity.html?searchResultPosition=2> (дата обращения: 06.09.2020).

Kahn J. Little Progress Made in U.S. – North Korea Nuclear Talks // The New York Times. 2004. 25 June. URL: <https://www.nytimes.com/2004/06/25/international/asia/little-progress-made-in-usnorth-korea-nuclear-talks.html?searchResultPosition=2> (дата обращения: 18.09.2020).

Kahn J. North Korea Nuclear Talks Wind Down With Little Progress // The New York Times. 2004. 11 February. URL: <https://www.nytimes.com/2004/02/27/international/asia/north-korea-nuclear-talks-wind-down-with-little-progress.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 14.09.2020)

Kahn J. North Korean Candor to Be Central to New Nuclear Talks // The New York Times. 2004. 24 February. URL: <https://www.nytimes.com/2004/02/24/international/asia/north-korean-candor-to-be-central-to-new-nuclear-talks.html?searchResultPosition=7> (дата обращения: 16.09.2020).

Kahn J. U. S. and North Korea Agree to More Talks // The New York Times. 2004. 29 February. URL: <https://www.nytimes.com/2004/02/29/world/us-and-north-korea-agree-to-more-talks.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 16.09.2020).

Kahn J., Chira S. Chinese Official Challenges U. S. Stance on North Korea // The New York Times. 2004. 9 June. URL: <https://www.nytimes.com/2004/06/09/world/chinese-official-challenges-us-stance-on-north-korea.html?searchResultPosition=5> (дата обращения: 16.09.2020).

Lague D. Draft plan reached on North Korean nuclear plants // The New York Times. 2007. 30 September. URL: <https://www.nytimes.com/2007/09/30/world/asia/30iht-talks.1.7682339.html?searchResultPosition=3> (дата обращения: 14.12.2020).

Lague D. North Korean and U. S. Officials Discuss Banking Restrictions // The New York Times. 2006. 19 December. URL: <https://www.nytimes.com/2006/12/19/world/asia/19cnd-korea.html?searchResultPosition=30> (дата обращения: 06.10.2020).

Lague D., Kahn J. Talks between U. S. and North Korea hit obstacle – Asia – Pacific – International Herald Tribune // The New York Times. 2006. 21 December. URL: <https://www.nytimes.com/2006/12/21/world/asia/21iht-web.1221koreacnd2.3975449.html?searchResultPosition=40> (дата обращения: 07.10.2020).

Landler M. North Korea Says It Will Halt Talks and Restart Its Nuclear Program // The New York Times. 2009. 14 April. URL: <https://www.nytimes.com/2009/04/15/world/asia/15korea.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 14.12.2020).

Marquis C., Onishi N. North Korea Agrees to Resume Talks With U. S. Over Arms // The New York Times. 2004. 4 February. P. 6.

Myers S. L. In Setback for Bush, Korea Nuclear Talks Collapse // The New York Times. 2008. 11 December. URL: <https://www.nytimes.com/2008/12/12/world/asia/12korea.html?searchResultPosition=2> (дата обращения: 15.12.2020).

North Korea Says It Has Nuclear Weapons and Rejects Talks // The New York Times. 2005. 10 February. URL: <https://www.nytimes.com/2005/02/10/international/asia/north-korea-says-it-has-nuclear-weapons-and-rejects-talks.html?searchResultPosition=4> (дата обращения: 19.09.2020).

North Korea: New accord faces implementation test – International Herald Tribune // The New York Times. 2007. 14 February. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/14/news/14iht-oxan.0214.4590427.html?searchResultPosition=6> (дата обращения: 07.10.2007).

North Korea: Talks progress // The New York Times. 2007. 05 October. URL: <https://www.nytimes.com/2007/10/05/news/05iht-06oxan-NORTHKOREA.7767948.html?searchResultPosition=19> (дата обращения: 14.12.2020).

North Korean nuclear talks could see another day – Asia – Pacific – International Herald Tribune // The New York Times. 2007. 12 February. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/12/world/asia/12iht-ko-rea.4565259.html?searchResultPosition=26> (дата обращения: 07.10.2020).

North Korea's energy demands threaten 6-nation talks – Asia – Pacific – International Herald Tribune // The New York Times. 2007. 11 February. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/11/world/asia/11iht-talks.4549605.html?searchResultPosition=39> (дата обращения: 07.10.2020).

Sanger D. E. Threats and responses: standoff; U. S. Sees Quick Start of North Korea Nuclear Site // The New York Times. 2003. 1 March. URL: <https://www.nytimes.com/2003/03/01/world/threats-and-responses-standoff-us-sees-quick-start-of-north-korea-nuclear-site.html?searchResultPosition=2> (дата обращения: 16.12.2020).

Sanger D. E. U.S. to Offer North Korea Incentives in Nuclear Talks // The New York Times. 2004. 23 June. P. 3.

Sanger D. E. Visitors See North Korea Nuclear Capacity // The New York Times. 2004. 11 January. URL: <https://www.nytimes.com/2004/01/11/world/visitors-see-north-korea-nuclear-capacity.html?searchResultPosition=2> (дата обращения: 13.09.2020).

Talks on North Korea's Nuclear Arms Program Resume in Beijing // The New York Times. 2005. 13 September. URL: <https://www.nytimes.com/2005/09/13/international/asia/talks-on-north-koreas-nuclear-arms-program-resume-in.html?searchResultPosition=3> (дата обращения: 20.09.2020).

Talks on North Korea's nuclear programs turn sour // The New York Times. 2005. 10 November. URL: <https://www.nytimes.com/2005/11/10/world/asia/talks-on-north-koreas-nuclear-programs-turn-sour.html?searchResultPosition=9> (дата обращения: 05.10.2020).

Threats And Responses: Nuclear Standoff; Reactor Started In North Korea, U. S. Concludes // The New York Times. 2003. 27 February. P. 23.

U. S. rejects temporary North Korean arms freeze // The New York Times. 2005. 11 November. URL: <https://www.nytimes.com/2005/11/11/world/asia/us-rejects-temporary-north-korean-arms-freeze.html?searchResultPosition=21> (дата обращения: 05.10.2020).

U. S. Sees Bad Sign at N. Korean Reactor // The Los Angeles Times. 2005. 19 April. P. 7.

Yardley J. Accord reached on North Korean nuclear arsenal – Asia – Pacific – International Herald Tribune // The New York Times. 2007. 12 February. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/12/world/asia/12iht-korea.4565259.html?searchResultPosition=26> (дата обращения: 07.10.2020).

Yardley J., Buckley C. North Korea nuclear talks deadlocked // The New York Times. 2005. 8 August. URL: <https://www.nytimes.com/2005/08/08/world/asia/north-korea-nuclear-talks-deadlocked.html?searchResultPosition=11> (дата обращения: 20.09.2020).

Yardley J., Hooker J. Korea Negotiators Agree on Nuclear Arms Inspections // The New York Times. 2008. 13 July. URL: <https://www.nytimes.com/2008/07/13/world/asia/12cnd-nuke.html?searchResultPosition=9> (дата обращения: 14.12.2020).

Yardley J., Sanger D. E. North Korea nuclear talks near collapse – Asia – Pacific – International Herald Tribune // The New York Times. 2007. 11 February. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/12/world/asia/12iht-web.0212talks.4560477.html?searchResultPosition=38> (дата обращения: 07.10.2020).

References

Lantsova, I. S. (2007). Iadernaia programma Severnoi Korei: istoriia razvitiia i sovremennoe sostoianie [North Korea's nuclear program: history of development and current state]. In *POLITEKS* [website]. T. 3. No. 1, pp. 113–129.

Lan'kov, A. N. (2018). Iadernaia programma Severnoi Korei. Kak ogranichit' ugrozu [North Korea's nuclear program. How to limit the threat]. In *Carnegie.ru* [website]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77662> (mode of access: 24.02.2019).

Pokrovskaiia, P. D. (2015). Shestistoronnie peregovory po iadernoi probleme KNDR – vykhod iz tupika [Six-party talks on the DPRK nuclear issue – a way out of the impasse]. In *Nauchno-analiticheskii zhurnal "Obozrevatel"*. No. 3, pp. 78–88.

Fedorov, N. V. (2017). Rossiia i SShA na shestistoronnikh peregovorakh po iadernoi programme KNDR: problemy vzaimodeistviia [Russia and the United States at the six-party talks on the DPRK nuclear program: problems of interaction]. In *Amerikanistika na Dal'nem Vostoke*. Blagoveshchensk, Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Iss. 3, pp. 92–97.

Shestistoronnie peregovory [Six-party talks]. In *Russian.China.org.cn* [website]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/101651.htm> (mode of access: 06.09.2020).

6-nation nuclear talks on North Korea resume. (2007). In *The New York Times* [website], 27.09.2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/09/27/world/asia/27iht-korea.1.7656430.html?searchResultPosition=2> (mode of access: 14.12.2020).

6-party talks on North Korea are stalled. (2007). In *The New York Times* [website], 20.03.2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/03/20/world/asia/20iht-korea.4966564.html?searchResultPosition=6> (mode of access: 07.10.2020).

A 6-party statement: The deal and details. (2005). In *The New York Times* [website], 19.09.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/09/19/world/asia/a-6party-statement-the-deal-and-details.html?searchResultPosition=1> (mode of access: 20.09.2020).

Brinkley, J., Sanger, D. E. (2005). North Koreans Agree to Resume Nuclear Talks. In *The New York Times* [website], 10.07.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/07/10/world/asia/north-koreans-agree-to-resume-nuclear-talks.html?searchResultPosition=33> (mode of access: 19.09.2020).

Brooke, J. (2003). Korean Claim Leaves U. S. Concerned, But Skeptical. In *The New York Times* [website], 03.10.2003. URL: <https://www.nytimes.com/2003/10/03/world/korean-claim-leaves-us-concerned-but-skeptical.html?searchResultPosition=5&login=email&auth=login-email&login=email&auth=login-email> (mode of access: 18.09.2020).

Buckley, C. (2005). U. S. Reassures North Korea at Opening of 6-Party Talks. In *The New York Times* [website], 26.07.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/07/26/international/asia/us-reassures-north-korea-at-opening-of-6party-talks.html?searchResultPosition=2> (mode of access: 19.09.2020).

Choe Sang-hun. (2005). N. Korea may seek enlarged arsenal. In *The New York Times* [website], 19.04.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/04/19/world/asia/n-korea-may-see-enlarged-arsenal.html?searchResultPosition=1> (mode of access: 16.12.2020).

Davenport, K. The Six-Party Talks at a Glance. In *Arms Control Association* [website]. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/6partytalks> (mode of access: 16.09.2020).

Demick, B. (2004). Agreement on talks may indicate a high-level decision to dismantle weapons program. In *The Los Angeles Times* [website], 04.02.2004, p.11.

Faiola, A. U.S., N. Korea still far apart as new round of nuclear talks nears. In *Austin American Statesman* [website], 04.02.2004, p. 9.

Hebert, J. Starting reactor means building arsenal possible. In *The News Journal* [website], 28.02.2003, p. 2.

Jehl, D. Shutdown of Nuclear Complex Deepens North Korean Mystery Concludes. In *The New York Times* [website], 13.09.2003, p. 6.

Jehl, D. (2003). U. S. Studies Signs of Halt in North Korea Nuclear Activity. In *The New York Times* [website], 12.09.2003. URL: <https://www.nytimes.com/2003/09/12/international/asia/us-studies-signs-of-halt-in-north-korea-nuclear-activity.html?searchResultPosition=2> (mode of access: 06.09.2020).

Kahn, J. (2004). Little Progress Made in U.S. – North Korea Nuclear Talks. In *The New York Times* [website], 25.06.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/06/25/international/asia/little-progress-made-in-usnorth-korea-nuclear-talks.html?searchResultPosition=2> (mode of access: 18.09.2020).

Kahn, J. (2004). North Korea Nuclear Talks Wind Down With Little Progress. In *The New York Times* [website], 11.02.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/02/27/international/asia/north-korea-nuclear-talks-wind-down-with-little-progress.html?searchResultPosition=1> (mode of access: 14.09.2020)

Kahn, J. (2004). North Korean Candor to Be Central to New Nuclear Talks. In *The New York Times* [website], 24.02.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/02/24/international/asia/north-korean-candor-to-be-central-to-new-nuclear-talks.html?searchResultPosition=7> (mode of access: 16.09.2020).

Kahn, J. (2004). U.S. and North Korea Agree to More Talks. In *The New York Times* [website], 29.02.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/02/29/world/us-and-north-korea-agree-to-more-talks.html?searchResultPosition=1> (mode of access: 16.09.2020).

Kahn, J., Chira S. (2004). Chinese Official Challenges U. S. Stance on North Korea. In *The New York Times* [website], 09.06.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/06/09/world/chinese-official-challenges-us-stance-on-north-korea.html?searchResultPosition=5> (mode of access: 16.09.2020).

Lague, D. (2007). Draft plan reached on North Korean nuclear plants. In *The New York Times* [website], 30.09.2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/09/30/world/asia/30iht-talks.1.7682339.html?searchResultPosition=3> (mode of access: 14.12.2020).

Lague, D. (2006). North Korean and U. S. Officials Discuss Banking Restrictions. In *The New York Times* [website], 19.12.2006. URL: <https://www.nytimes.com/2006/12/19/world/asia/19cnd-korea.html?searchResultPosition=30> (mode of access: 06.10.2020).

Lague, D., Kahn, J. (2006). Talks between U.S. and North Korea hit obstacle – Asia – Pacific – International Herald Tribune. In *The New York Times* [website], 21.12.2006. URL: <https://www.nytimes.com/2006/12/21/world/asia/21iht-web.1221koreacnd2.3975449.html?searchResultPosition=40> (mode of access: 07.10.2020).

Landler, M. (2009). North Korea Says It Will Halt Talks and Restart Its Nuclear Program. In *The New York Times* [website], 14.04.2009. URL: <https://www.nytimes.com/2009/04/15/world/asia/15korea.html?searchResultPosition=1> (mode of access: 14.12.2020).

Marquis, C., Onishi, N. North Korea Agrees to Resume Talks With U. S. Over Arms. In *The New York Times*. [website], 04.02.2004, p. 6.

Myers, S. L. (2008). In Setback for Bush, Korea Nuclear Talks Collapse. In *The New York Times* [website], 11.12.2008. URL: <https://www.nytimes.com/2008/12/12/world/asia/12korea.html?searchResultPosition=2> (mode of access: 15.12.2020).

(2005). North Korea Says It Has Nuclear Weapons and Rejects Talks. In *The New York Times* [website], 10.02.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/02/10/international/asia/north-korea-says-it-has-nuclear-weapons-and-rejects-talks.html?searchResultPosition=4> (mode of access: 19.09.2020).

(2007). North Korea: New accord faces implementation test – International Herald Tribune. In *The New York Times* [website], 14.02.2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/14/news/14iht-ox-an.0214.4590427.html?searchResultPosition=6> (mode of access: 07.10.2007).

(2007). North Korea: Talks progress. In *The New York Times* [website], 05.10.2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/10/05/news/05iht-06oxan-NORTHKOREA.7767948.html?searchResultPosition=19> (mode of access: 14.12.2020).

(2007). North Korean nuclear talks could see another day – Asia – Pacific – International Herald Tribune. In *The New York Times* [website], 12.02.2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/12/world/asia/12iht-korea.4565259.html?searchResultPosition=26> (mode of access: 07.10.2020).

(2007). North Korea's energy demands threaten 6-nation talks – Asia – Pacific – International Herald Tribune. In *The New York Times* [website], 11.02.2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/11/world/asia/11iht-talks.4549605.html?searchResultPosition=39> (mode of access: 07.10.2020).

Sanger, D. E. (2003). Threats and responses: standoff; U. S. Sees Quick Start of North Korea Nuclear Site. In *The New York Times* [website], 01.03.2003. URL: <https://www.nytimes.com/2003/03/01/world/threats-and-responses-standoff-us-sees-quick-start-of-north-korea-nuclear-site.html?searchResultPosition=2> (mode of access: 16.12.2020).

Sanger, D. E. U.S. to Offer North Korea Incentives in Nuclear Talks. In *The New York Times*. [website], 23.06.2004, p. 3.

Sanger, D. E. (2004). Visitors See North Korea Nuclear Capacity. In *The New York Times* [website], 11.01.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/01/11/world/visitors-see-north-korea-nuclear-capacity.html?searchResultPosition=2> (mode of access: 13.09.2020).

Talks on North Korea's Nuclear Arms Program Resume in Beijing. (2005). In *The New York Times* [website], 13.09.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/09/13/international/asia/talks-on-north-koreas-nuclear-arms-program-resume-in.html?searchResultPosition=3> (mode of access: 20.09.2020).

Talks on North Korea's nuclear programs turn sour. (2005). In *The New York Times* [website], 10.11.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/11/10/world/asia/talks-on-north-koreas-nuclear-programs-turn-sour.html?searchResultPosition=9> (mode of access: 05.10.2020).

Threats And Responses: Nuclear Standoff; Reactor Started In North Korea, U. S. Concludes. In *The New York Times* [website], 27.02.2003, p. 23.

U.S. rejects temporary North Korean arms freeze. (2005). In *The New York Times* [website], 11.11.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/11/11/world/asia/us-rejects-temporary-north-korean-arms-freeze.html?searchResultPosition=21> (mode of access: 05.10.2020).

U. S. Sees Bad Sign at N. Korean Reactor. In *The Los Angeles Times*. [website], 19.04.2005, p. 7.

Yardley, J. (2007). Accord reached on North Korean nuclear arsenal – Asia – Pacific – International Herald Tribune. In *The New York Times* [website], 12.02.2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/12/world/asia/12iht-korea.4565259.html?searchResultPosition=26> (mode of access: 07.10.2020).

Yardley, J., Buckley, C. (2005). North Korea nuclear talks deadlocked. In *The New York Times* [website], 08.08.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/08/08/world/asia/north-korea-nuclear-talks-deadlocked.html?searchResultPosition=11> (mode of access: 20.09.2020).

Yardley, J., Hooker, J. (2008). Korea Negotiators Agree on Nuclear Arms Inspections. In *The New York Times* [website], 13.07.2008. URL: <https://www.nytimes.com/2008/07/13/world/asia/12cnd-nuke.html?searchResultPosition=9> (mode of access: 14.12.2020).

Yardley, J., Sanger, D. E. (2007). North Korea nuclear talks near collapse – Asia – Pacific – International Herald Tribune. In *The New York Times* [website], 11.02.2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/12/world/asia/12iht-web.0212talks.4560477.html?searchResultPosition=38> (mode of access: 07.10.2020).

The article was submitted on 28.03.2020

УДК 930 + 94(3) + 929 Пьянков + 929Сюзюмов

К. Р. Капсалькова

«ОБНАРУЖИЛ ИЗУМИТЕЛЬНУЮ НАКЛОННОСТЬ К САМОМУ ДЕТАЛЬНОМУ, КРОПОТЛИВОМУ АНАЛИЗУ ИСТОЧНИКОВ»: ПАМЯТИ ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПЬЯНКОВА¹

Аннотация. Статья посвящена востоковеду с мировым именем, доктору исторических наук, профессору Игорю Васильевичу Пьянкову (1936–2020). На основе архивных материалов автор рассматривает важный этап научной биографии ученого: обучение на историческом факультете и в аспирантуре Уральского государственного университета в 1953–1963 гг. Отдельное внимание в статье уделено подготовке И. В. Пьянковым кандидатской диссертации по древнейшему периоду персидской истории. Впервые публикуемые документы (материалы личного дела аспиранта, выписка из протокола заседания кафедры, отзыв научного руководителя) позволяют утверждать, что большую роль в становлении И. В. Пьянкова как ученого сыграл профессор М. Я. Сюзюмов. По иронии судьбы первый аспирант знаменитого советского византиниста остался единственным, связавшим свою научную работу с иранистикой.

Ключевые слова: историография, источниковедение, научная биография, история Персии, Игорь Васильевич Пьянков, Михаил Яковлевич Сюзюмов

Karina R. Kapsalykova

«HE DISCOVERED AMAZING INCLINE TO THE MOST DETAILED GREAT ANALYSIS OF SOURCES»: TO THE BLESSED MEMORY OF IGOR VASILIEVICH PYANKOV

Abstract. The article is dedicated to the world-renowned orientalist, Doctor of Historical Sciences, Professor Igor Vasilyevich Pyankov (1936–2020). The author examines an important stage in the scientific biography of the scientist on the basis of archival materials. The study in Historian faculty and in postgraduate studies at the Ural State University, 1953–1963. Special attention is paid to the preparation of I. V. Pyankov's candidate thesis on the most ancient period of Persian history. For the first time published documents (materials of the personal file of a graduate student, an extract from the minutes of a department meeting, a review of the scientific advisor) allow us to assert that Professor M. Ja. Sjuzumov played an important role in the formation of I. V. Pyankov as a scientist. Ironically, the first graduate student of the famous Soviet byzantinist remained the only one who connected his scientific work with Iranian studies.

Keywords: historiography, source study, scientific biography, history of Persia, Igor Vasilievich Pyankov, Michael Jakovlevich Sjuzumov

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке «Фонда Михаила Прохорова» в рамках «Карамзинской стипендии – 2021».

Уникальная научная биография Игоря Васильевича Пьянкова (1936–2020) неоднократно становилась объектом пристального внимания в историографии [К 60-летию Игоря Васильевича Пьянкова, с. 204; Игорь Васильевич Пьянков. Библиографический указатель, 49 с.; Дмитриев, с. 219–230]. Исключение составляет начальный период научного пути И. В. Пьянкова, связанный с обучением на историческом факультете и в аспирантуре при кафедре всеобщей истории Уральского государственного университета.

Начало *cursus honorum* связано с именем его научного руководителя, доктора исторических наук, профессора Михаила Яковлевича Сюзюмова (1893–1982). Выпускник Юрьевского университета, выдающийся советский византист, М. Я. Сюзюмов является создателем оригинальной теории диалектического континуитета. Основой данной теории стала идея о том, что в мировой истории не существовало обществ, которые перешли бы от поздней первобытности к феодализму без влияния Рима, Византии или Китая. Достижения античности: гражданское право, искусное ремесло, развитая финансовая система, мощная литературная традиция и передовая наука, были восприняты «варварскими» народами либо напрямую, либо опосредованно. Средняя Азия, «сплав» Запада и Востока, представляет с точки зрения теории диалектического континуитета интереснейший регион [Капсалькова, с. 160–164].

Долгие годы М. Я. Сюзюмов разрабатывал проблемы источниковедения, теоретические основы для ряда специальных исторических дисциплин: от исторической хронологии до эпистографии и филателии. Это во многом определило специфику научной работы преподавателей и аспирантов кафедры всеобщей истории УрГУ, специализировавшихся по древней и средневековой истории: археолога Е. Г. Сурова (1912–1975), эпиграфиста Н. Н. Беловой (1917–2012), историка религии Н. А. Бортника (1911–1977). В 1960-е гг. научной темой кафедры, объединившей столь разноплановых специалистов, стала «Экономика и социальные отношения в античных и средневековых городах» [Сюзюмов; Протоколы заседаний кафедры всеобщей истории, л. 65–66].

Курс истфака УрГУ 1953–1958 гг., на котором учился И. В. Пьянков, был поистине «золотым». Его однокурсницей была Эмма Ильинична Чудиновских (1936–1970), которая в 1968 г. стала кандидатом исторических наук. Ее диссертация и серия статей посвящены проблемам истории далматинских городов XIII–XV вв., причем в качестве источников впервые в отечественной историографии были привлечены греческие портуланы [Мельничук, с. 123]. Михаил Михайлович Шитиков (1936–2014) исследовал роль византийского капитала в становлении и развитии Венецианской республики. В 1965 г. он защитил кандидатскую диссертацию, много лет посвятил дипломатической службе, а в 1988 г. стал доктором философских наук [Памяти профессора М. М. Шитикова].

Между тем, студенческая жизнь И. В. Пьянкова и его однокурсников не сводилась исключительно к научным достижениям. Умильный образ «идеальных студентов» не всегда соответствовал суровой действительности. Так, историки-второкурсники угодили в фельетон сатирической стенгазеты «Оса»: «на лекциях по педагогике многие студенты часто отсутствуют. Староста группы Б. Маршалов халатно относится к своим обязанностям, сам пропускает занятия. М. Шитиков

и И. Пьянков занимаются на лекциях посторонними делами, а В. Муравьев и В. Нерезов покрывают нарушителей дисциплины» [Данилин]. Справедливости ради отметим, что «возмездие» не заставило себя долго ждать. Газета «Уральский университет» писала: «Посмотрите на эту девочку, что сидит справа. Она, кажется, и не замечает, что учитель в классе: что-то очень интересное надо немедленно рассказать подружке. Но ничего не ускользает от внимательных глаз молодого учителя. Сейчас он, не прерывая урока, медленно подойдет к ним... Сегодня учитель – студент-историк И. Пьянков» [Мысли, рожденные в школе].

В 1957 г. Министерством высшего образования СССР было введено в действие новое «Положение об аспирантуре при высших учебных заведениях и научно-исследовательских заведениях». Согласно этому документу, в аспирантуру принимались лица «из числа специалистов, имеющих опыт практической работы по профилю избранной научной специальности и проявивших способности к научно-педагогической и научно-исследовательской деятельности». Важным было и то, что «лицам, поступавшим в аспирантуру с практической работой со стажем не менее 2-х лет после окончания высшего учебного заведения и получавшим заработную плату выше существующей стипендии, устанавливается стипендия в размере получаемого основного должностного оклада, но не свыше 1000 рублей в месяц» [Приказ Минвуза СССР от 10 июня 1957 г. № 636, с. 5, 8].

В 1960 г. И. В. Пьянков подал заявление о приеме в аспирантуру. К этому времени он уже имел необходимый стаж, работая учителем истории в одной из свердловских школ. Несмотря на очень высокий конкурс, – «65 заявлений о приеме в аспирантуру поступило в научную часть нашего университета» – Игорь Васильевич был зачислен в очную аспирантуру при кафедре всеобщей истории [В этом году будет конкурс]. Примечательно также, что первым аспирантом византиниста М. Я. Сюзюмова стал иранист И. В. Пьянков.

В аспирантуре Игорь Васильевич учился с 1 октября 1960 по 1 октября 1963 гг. Давний интерес М. Я. Сюзюмова к специальным историческим дисциплинам оказался поддержан аспирантом. Историческая география стала *point fort* молодого ученого. Прежде всего, об этом свидетельствует сформулированная первоначально тема его кандидатской диссертации: «Проблемы исторической географии Урало-Каспийского района периода от VI в. до н. э. до VI в. н. э.». Однако на третьем году обучения она сменилась на «Восточные области Ахеменидской державы в сочинениях Ктесия».

В аспирантуре И. В. Пьянков продолжил самостоятельное изучение английского, французского, немецкого, а также основ древнегреческого и древнеперсидского языков. Вместе со старшекурсниками он посещал курсы хронологии, палеографии и эпиграфики, а во время педагогической практики читал лекции по нумизматике и по истории Римской республики, вел практические занятия по истории античности, рецензировал контрольные работы первокурсников. Он участвовал в работе философского семинара при историческом факультете, проводил беседы в студенческом общежитии. В личном деле аспиранта И. В. Пьянкова хранится характеристика, данная научным руководителем: «очень эрудированный и вдумчивый научный работник» [Пьянков, л. 6].

В июне 1961 г. Игорь Васильевич был командирован в Москву для работы в библиотеках над обширной историографией по теме диссертации. Итогом этой поездки стал реферат по специальной литературе, сданный 15 февраля 1962 г. К нему прилагались более 20 составленных И. В. Пьянковым карт Урало-Каспийского региона. Они визуализировали географические представления греческих и римских авторов – Аристеея, Гекатея, Геродота, Птолемея, Помпония Мела, Страбона. Наиболее информативными из них следует считать карты Ближнего Востока, Хорезма и Персии по данным Ктесия, древнеперсидской эпиграфики, «Авесты» и вед [Пьянков, л. 45–50].

14–19 мая 1962 г. И. В. Пьянков отправился из Свердловска в Ленинград, где принял участие во II Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока. Его доклад «К вопросу о сфере влияния доахеменидского Хорезма» был посвящен географической привязке долины реки Акеса с Ареей. Для аргументации своей точки зрения он использовал данные письменных источников: Геродота, индийских вед. Следует отметить, что в прениях по докладу выступили маститые востоковеды А. М. Беленицкий (1904–1993) и В. А. Лившиц (1923–2017) [Дьяконов, с. 175]. Вдохновляющим был также отзыв в журнале «Вопросы истории»: «Особенно отрядным является то, что молодое поколение специалистов овладевает мастерством конкретных исследований на основе комплексного историко-филологического изучения памятников древности, без чего невозможны широкие теоретические обобщения» [Деянов, с. 155].

В сентябре 1963 г. на кафедре всеобщей истории УрГУ состоялось обсуждение кандидатской диссертации И. В. Пьянкова. Далее мы приводим соответствующий фрагмент протокола кафедрального заседания [Протоколы заседаний кафедры всеобщей истории, л. 1–4].

[Машинопись, оригинал]

Протокол № 1

заседания кафедры от 24 сентября 1963 г.

Присутствовали: Бортник, Сюзюмов, Фунтов, Белова.

Шихов, Поляковская, Кудрявцева, Тарасов, Пьянков,

Чудиновских, Панова, Печатальщикова

<...>

И. Слушали: О диссертации И. В. Пьянкова.

Пьянков подробно осветил значение и характер проделанной им работы по изучению древнегреческих текстов, связанных с Ктесием. Обрисовал круг источников, по которым можно судить о Ктесии, объяснил в чем заключались трудности работы и ее значение. Для того, чтобы использовать сведения, передаваемые традицией Ктесия, необходимо подвергнуть критическому источниковедческому анализу эту традицию и выделить ценное зерно. Между тем подробного всестороннего анализа источников, по которым можно судить о данных Ктесия, в литературе не имеется. В представленной диссертации «Восточные области Ахеменидской

державы в сочинениях Ктесия» пришлось дать переводы всех сохранившихся данных о Ктесии, затем подвергнуть сравнительному анализу эти сведения. Ряд текстов впервые появляется в переводах на русский язык. Диссертация представлена только от руки, еще не отпечатана на машинке, что затрудняется многочисленными цитатами на греческом и латинском языках. Библиография представляет не только список использованной литературы, но полную библиографию вопроса. Часть диссертации уже опубликована в «Вестнике древней истории», другая часть принята к печати и появится по планам редакции во 2 или 3 номере «Вестника древней истории» за 1964 г. Кроме того, есть договоренность о помещении в этом журнале еще одной статьи по теме диссертации.

Вопросы:

Сюзюмов. Как отражена в диссертации ведущаяся в областях Средней Азии археологическая работа? Какими языками Вы пользовались при работе над диссертацией?

Белова. Является ли данная работа окончательным вариантом? Почему часть Вашей работы отпечатана, а часть подана в рукописном виде? Почему отсутствует историографическая глава?

Пьянков отвечает на вопросы. Диссертация представлена в окончательном варианте, но при перепечатке учтет сделанные замечания. Отпечатанные части диссертации представляют собою принятые «Вестником древней истории» для печати отдельные разделы работы. Анализ источников традиции Ктесия чрезвычайно важен для координации археологических и письменных памятников, о чем говорится в диссертации. Всю доступную в условиях Москвы и Ленинграда (где мною делался доклад на сессии востоковедов в 1962 г.) учел на немецком, французском и английском языках. Изучены основы древнеперсидского языка.

Сюзюмов – научный руководитель. Пьянков работает над темой фактически уже 6 лет. Вопрос об оценке сведений, данных Ктесием, чрезвычайно важен для истории древнего Ирана. Прделана большая работа – особенно в части переводов трудных текстов, переданных в различное время. Пьянков представил год тому назад самый детальный проспект диссертации, которая и обсуждалась на специальном экзамене. Безусловно, источниковедческая работа требовала исключительной сосредоточенности и трудолюбия. Характер источниковедческой работы несколько отличается от работ по внутренней или внешней истории, чем и объясняется отсутствие историографической главы. К недостаткам работы нужно отнести фрагментарность отдельных разделов, нечеткое обозначение глав, подразделов, что затрудняет чтение и понимание работы. Требуется от диссертанта, чтобы он перед каждым разделом давал вводные предложения по объяснению, для чего привлекаются данные отрывки и даже данные о тех поздних писателях, которые передают тексты Ктесия, о тех писателях, особенно, более поздних, о которых имеют сведения только самые узкие специалисты при том даже по истории древнего мира. В общем, считаю, что диссертация Пьянкова может быть принята для защиты, и что Пьянков успешно закончил аспирантуру, в продолжение которой изучил нужные языки, познакомился с марксистской методологией и техни-

кой источниковедческой работы. Пьянков за время аспирантуры проводил педагогическую работу, ведя семинары по истории древнего мира.

Белова. Ознакомилась с диссертацией Пьянкова. Работа представляет собой солидное источниковедческое исследование. Ряд вопросов дополняют или уточняют те сведения, которые мы имеем по вопросам истории древнего Востока. Однако автору нужно сделать много редакционных изменений в тексте при отпечатывании диссертации. Нужно избегать фрагментарности, так как отдельные разделы работы представляют собою не связанные очерки. Автор поместил свои статьи, но необходимо их представить в более связном виде. Нужно оттенить в диссертации связи с проводимыми археологическими исследованиями. Эта связь недостаточно отмечена. От этого диссертация бы выиграла. Нельзя употреблять в отношении сочинений Ктесия слово «книга». Научный аппарат требует единообразия. В целом, работа Пьянкова носит законченный характер и ее можно представить к защите.

Постановили: Кафедра считает, что И. В. Пьянков успешно закончил курс аспирантуры. Представленную им диссертацию на тему «Восточные области Ахеменидской державы в сочинениях Ктесия» можно представить к защите.

<...>

Зав. кафедрой М. Я. Сюзюмов

Секретарь Н. С. Печатальщикова

После успешного окончания аспирантуры И. В. Пьянков получил отзыв от научного руководителя на свою кандидатскую диссертацию [Рецензии М. Я. Сюзюмова, л. 107–109].

[Машинопись, копия]

ОТЗЫВ

О ДИССЕРТАЦИИ ПЬЯНКОВА ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА на тему ВОСТОЧНЫЕ САТРАПИИ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ В СОЧИНЕНИЯХ КТЕСИЯ

Игорь Васильевич Пьянков еще со времени студенчества в своих сообщениях, курсовых работах обнаружил изумительную склонность к самому детальному, кропотливому анализу источников и к древним языкам. Его работы по линии научного студенческого общества отмечались на всесоюзных конкурсах. За время аспирантуры ознакомился со всеми доступными источниками по истории древнеперсидского царства и в качестве диссертационной темы избрал сообщения Ктесия о восточных провинциях древнеперсидского царства, начиная с до-Ахеменидского периода.

Работа И. В. Пьянкова носит сугубо источниковедческий характер. Особой монографии, концентрирующей внимание на анализе сообщений Ктесия о восточных провинциях Ирана, в литературе не имеется, хотя в различных трудах разбросано много попутных концепций и разъяснений относительно отдельных сообщений Ктесия. Тема осложнялась характером литературно-исторического

наследия Ктесия – его работы сохранились во фрагментах и в эпитомэ, так что первой и основной работой было установить текст, перевести его с греческого языка, а затем разобраться в том, что являлось поздним переложением, поздними вставками и затем приступить к вопросу об источниках Ктесия – существовавших литературных традиций, с которыми Ктесий мог ознакомиться во время своего длительного пребывания в Персии.

Предварительная работа над источниками помещена в диссертации в Приложении, где приведены греческие тексты фрагментов, собственный перевод Пьянкова, затем многочисленные примечания с учетом всех гипотез, толкований, имеющихся в зарубежной литературе.

В диссертации дается критически изложенная биография Ктесия, его характеристика как историка – его особенная склонность – выдвигать новое по сравнению с Геллеником и Геродотом, но в то же время и иметь эти труды в качестве источника.

Очень вдумчиво проведен анализ сообщений Ктесия о сатрапиях персидской державы у Ктесия и в других источниках.

Основная часть диссертации проведена в исследованиях о тех народностях и племенах, которые упоминаются во фрагментах Ктесия. Это исследование имеет научно-актуальный характер, так как древнейшая история народов, населяющих современные среднеазиатские советские республики, является задачей нашего времени.

Главные трудности состояли для диссертанта в идентификации и локализации данных Ктесием наименований народностей восточных провинций древнеперсидского царства. Большое внимание уделено в диссертации Бактрии, причем упоминание о бактрийском царе Зороастре у Ктесия отличается от позднего изображения Зороастра магом и основателем астрологии, что является, по мнению диссертанта, влиянием платонизма в последующих переложениях Ктесия.

Диссертант повсюду стремится отделить легендарное от исторического, но и в легендарном ищет историческое зерно. Он, изучая данные о бактрийском «муравьином золоте», полагает, что в основе старинная традиция, которая даже повлияла на уральский фольклор, использованный в сказах Бажова.

Подробно изучает данные о до-Ахеменидских хорезмиях. Отмечая отличие терминологии Ктесия от Геродота, потому что значение Ктесиева *χωραμναῖοι* (в отличие от гекатеева *χορίσμοι* означает сыны Солнца). Интересен вывод, что хорасмии Геродота в рассказе о реке Акас – скифы – туры. Что касается дербиков, то диссертант считает их массагетами, а слово дербики объясняет существованием обидного прозвища.

Диссертант не касался общей истории Средней Азии в период до-Ахеменидский и во время первых Ахеменидов, считая эту работу дальнейшим этапом своей научной деятельности. Диссертация И. В. Пьянкова обнаруживает глубокие знания, мастерское владение техникой исторического исследования, и я, как руководитель его работ за время аспирантуры, полагаю, что диссертация отвечает всем требованиям, предъявляемым к работам на соискание научной степени кандидата исторических наук.

Профессор
доктор исторических наук М. Я. Сюзюмов.

Годы обучения в аспирантуре занимают особое место в научной биографии И. В. Пьянкова. На это время пришлась тщательная работа над источниками, исследования в области исторической географии, публикация части диссертации в «Вестнике древней истории». Прделанная в Свердловске работа во многом обеспечила И. В. Пьянкову успешную защиту кандидатской диссертации в 1966 г. Большую роль в становлении Игоря Васильевича Пьянкова как ученого сыграл его научный руководитель профессор М. Я. Сюзюмов. По иронии судьбы первый аспирант знаменитого советского византиниста остался единственным, посвятившим свои исследования древности. Что ж, «один, но зато лев»!

Список литературы

- В этом году будет конкурс // Уральский университет. 1 сентября 1960. № 28 (1042).
- Данилин Л. Правильно ли критиковали нашу стенгазету? // Сталинец. 15 декабря 1954. № 43 (801).
- Деянов А. Ф. Вторая Всесоюзная сессия по изучению Древнего Востока // Вопросы истории. 1963. № 1. С. 152–155.
- Дмитриев В. А. К 80-летию Игоря Васильевича Пьянкова // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 219–230.
- Дьяконов И. М. II Всесоюзная сессия по изучению древнего Востока // Вестник древней истории. № 1 (83). С. 166–195.
- Игорь Васильевич Пьянков. Библиографический указатель / сост. Н. А. Семина, Т. А. Козлова. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. 49 с.
- К 60-летию Игоря Васильевича Пьянкова // Вестник древней истории. 1996. № 3. С. 204.
- Капсалькова К. Р. Михаил Яковлевич Сюзюмов как востоковед // Уральское востоковедение. 2019. Вып. 9. С. 160–164.
- Мельничук Я. С. Эмма Ильинична Чудиновских [некролог] // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 123.
- Мысли, рожденные в школе // Уральский университет. 16 апреля 1957. № 16 (906).
- Памяти профессора М. М. Шитикова // Наука Урала. 19 марта 2014. № 5 (1095).
- Приказ Минвуза СССР от 10 июня 1957 г. № 636 // Бюллетень текущего законодательства за август 1957 года. М.: Тип. Прокуратуры СССР, 1957. С. 3–12.
- Протоколы заседаний кафедры всеобщей истории // Гос. арх. Свердловской обл. Ф. Р-2110. Оп. 3. Ед. хр. 512. 93 л.
- Протоколы заседаний кафедры всеобщей истории // Гос. арх. Свердловской обл. Ф. Р-2110. Оп. 3. Ед. хр. 56. 87 л.
- Пьянков Игорь Васильевич, аспирант // Архив Уральского федерального университета. Фонд УрГУ. Р-2110. Ед. хр. 795. 54 л.
- Рецензии М. Я. Сюзюмова // Гос. арх. Свердловской обл. Ф. Р-802. Оп. 1. Ед. хр. 355 л.
- Сюзюмов М. Я. Работаем над тремя темами // Уральский университет. 19 января 1961. № 2 (1063).

References

- Danilin, L. (1956). *Pravil'no li kritikovali nashu stengazetu?* [Did you criticize our wall newspaper correctly?] In *Stalinets*. Dec. 15. No. 43.
- Deianov, A. F. (1963). *Vtoraia Vsesoiuznaia sessiia po izucheniiu Drevnego Vostoka* [Second All-Union Session on the Study of the Ancient East]. In *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 152–155.
- D'iakonov, I. M. (1963). *II Vsesoiuznaia sessiia po izucheniiu drevnego Vostoka* [II All-Union Session on the Study of the Ancient East]. In *Vestnik drevnei istorii*. No. 1, pp. 166–195.
- Dmitriev, V. A. (2016). *K 80-letiiu Igoria Vasil'evicha P'iankova* [To the 80th birthday of Igor Vasilievich Pyankov]. In *Metamorfozy istorii*. No. 7, pp. 219–230.
- K 60-letiiu Igoria Vasil'evicha P'iankova* [To the 60th anniversary of Igor Vasilyevich Pyankov]. (1996). In *Vestnik drevnei istorii*. No. 3, p. 204.

- Kapsalykova, K. R. (2019). Mikhail Iakovlevich Siuziumov kak vostokoved [Michael Jakovlevich Sjuzumov as Orientalist]. In *Ural'skoe vostokovedenie*. No. 9, pp. 160–164.
- Mel'nichuk, Ia. S. (1970). Emma Il'inichna Chudinovskikh: nekrolog [Emma Ilyinichna Chudinovskikh: obituary]. In *Sovetskoe slavianovedenie*. No. 6, p. 123.
- Mysli, rozhdennye v shkole (1960) [Thoughts born at school]. In *Ural'skii universitet*. Apr. 16. No. 16.
- Pamiaty professora M. M. Shitikova (2014) [In memory of Professor M. M. Shitikov]. In *Nauka Urala*. Mar. 19. No. 5.
- P'iankov, Igor' Vasil'evich, aspirant [Igor Vasilievich Pyankov, postgraduate student]. *Archives of the Ural Federal University*. Fund USU, R-2110, No. 795, 54 s.
- P'iankova, T. I., Semina, N. A., Kozlova, T. A. (2012). *Igor' Vasil'evich P'iankov: bibliograficheskii ukazatel'* [Igor Vasilievich Pyankov: Bibliographic index]. Velikii Novgorod, Novgorodskii Gos. Univ., 51 p.
- Prikaz Ministra vysshego obrazovaniia SSSR ot 10 iunია 1957 g. № 636 [Order of the Minister of Higher Education of the USSR of June 10, 1957, No. 636]. In *Biulleten' tekushchego zakonodatel'stva za avgust 1957 goda*. Mosow, Prokuratura Soiuza SSR, 1957, pp. 3–12.
- Protokoly zasedanii kafedry vseobshchei istorii [Minutes of meetings of the Department of General History]. *State Archive of Sverdlovsk Region*. Fund R-2110, Inv. 3, No. 56, 87 s.
- Protokoly zasedanii kafedry vseobshchei istorii [Minutes of meetings of the Department of General History]. *State Archive of Sverdlovsk Region*. Fund R-2110, Inv. 3, No. 512, 93 l.
- Retsenzii M. Ja. Sjuzumova [Reviews by M. Ja. Sjuzumov]. *State Archive of Sverdlovsk Region*, Fund R-802, Inv. 1, No. 94, 355 s.
- Sjuzumov, M. Ja. (1961). Rabotaem nad tremia temami [We are working on three themes]. In *Ural'skii universitet*. Jan. 19, No. 2.
- V etom godu budet konkurs (1960) [There will be a competition this year]. In *Ural'skii universitet*, Sept. 1. No. 28.

The article was submitted on 11.02.2021

УДК 373.3(520) + 811.521 + 811.581

А. Л. Мышинский, А. А. Бахвалова

«ЛАТЫНЬ ИЗ МОДЫ ВЫШЛА НЫНЕ» КАМБУН В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются перипетии одного из знаменитых фрагментов классического китайского текста «Чжань го цэ» в современной образовательной программе общеобразовательных школ Китайской Народной Республики и Японии. Этот фрагмент является источником идиомы: «Лисица прикрывается силой тигра», то есть «запугивать людей, ссылаясь на свои связи». Данный фрагмент представляет собой завуалированное политическое увещание. Мудрый советник наставляет недалекого князя. Рассматриваются причины, в силу которых этот фрагмент был не вполне корректно воспринят в отечественной синологии. Обосновывается необходимость изучения вэньяня в университетах России. Восприятие данного фрагмента в современном Китае и в современной Японии оказалось совершенно разным. Китайские лингвисты и историки видят в нем стремление к укреплению единой китайской культуры и централизованного государства. Японские исследователи считают этот фрагмент отражением жестокой войны между княжествами. «Мясо слабого становится пищей сильного». Китайская Народная Республика переживает возрождение традиционной культуры. Тот факт, что японские школьники сдают экзамен по древнекитайскому языку («камбун» в японском варианте), вызывает у китайцев чувство национальной гордости. В то же время изучать камбун вызывает протесты среди японских старшеклассников, большинство которых считают изучение камбуна скучным и ненужным. В статье обосновывается необходимость изучения вэньяня и камбуна для понимания современных реалий Японии и Китая. В статье приводится много учебных примеров и экзаменационных вопросов по древнекитайскому языку для китайских и японских средних школ.

Ключевые слова. Школьные экзамены в Японии, камбун, вэньянь, «Чжань го цэ»

Alexey L. Myshinsky, Anastasiia A. Bakhvalova

“BUT LATIN’S NOT IN FASHION NOW”. KANBUN AT CONTEMPORARY JAPANESE SECONDARY SCHOOL

Abstract. The article deals with adventures of one fragment of classical Chinese text “Zhan guo ce” at the contemporary secondary school educational program of People’s Republic of China and Japan. The famous fragment is a source of an idiom: “The fox exploits the tiger’s might”. It means to use powerful connections to intimidate people. This fragment is a veiled political admonition. A wise counselor instructs a dim-witted prince. The reasons why this fragment was not accurately perceived in Russian Sinology are examined. The necessity of studying the ancient Chinese language in Russian universities is substantiated. The reception of this fragment in modern China and in modern Japan turned out to be different. Chinese linguists and historians see it as an aspiration to strengthen a unified Chinese culture and a centralized state. Japanese researchers consider this fragment to be a reflection of the brutal war between the two. “The meat of the weak becomes the food of the strong”. The People’s Republic of China is intensively reviving traditional

culture. The fact that Japanese schoolchildren are taking the Ancient Chinese language (kanbun) exam makes the Chinese people feel national pride. The need to learn kanbun provokes protests among Japanese schoolchildren. Most Japanese high school students find learning kanbun boring and unnecessary. The article proves necessity to study 'wenyanwen' and 'kanbun' for investigation of contemporary Japan and China. There are many study examples and exam questions about Ancient Chinese language for Chinese and Japanese high schools in the article.

Keywords: Japanese secondary school exams, kanbun, wenyanwen, "Zhan guo ce"

Строкой из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, вынесенной в заголовок статьи, начинается знаменитая книга «Древнекитайский язык». Ее создали двое блестящих ученых и педагогов – М. В. Крюков и Хуан Шу-ин. Книга вышла в 1978 году и стала первым на русском языке учебным пособием по древнекитайскому языку.

Далеко не все разделяют тревогу А. С. Пушкина по поводу того, что сейчас латынь утратила свою роль. Но без знания латыни немыслима ни современная медицина, ни современная фармакология, ни современная юриспруденция, не говоря уже о классической филологии, истории и философии.

Не все студенты и не все педагоги востоковедных кафедр России беспокоятся из-за того, что *вэньянь*, сложившийся на основе древнекитайского языка, занимает в учебных планах незначительное место. Роль *вэньяня* в странах Дальнего Востока во многом схожа с ролью латинского языка в средневековой Европе. Классический китайский язык *вэньянь* на протяжении многих столетий был средством письменного общения в Китае, Японии, Корее и Вьетнаме. Тексты, написанные на *байхуа*, тонут в океане текстов, написанных на *вэньяне*. Изучение *вэньяня* необходимо и для историков, и для филологов, занимающихся академическими проблемами Дальнего Востока.

Даже востоковедам, настроенным крайне прагматично, не обойтись без *вэньяня*, поскольку грамматическими оборотами и лексикой *вэньяня* нагружен современный канцелярский язык, на котором составляются международные контракты и ведется деловая переписка. Китайские фразеологизмы (*чэньюи*) обычно представляют собой короткие фрагменты из классических произведений, написанных на *вэньяне*. Современный китайский текст, претендующий на академический стиль, содержит ощутимые элементы *вэньяня*, а иногда просто на нем написан. По-настоящему образованным человеком в Китае считается только тот, кто может и на письме, и в устной речи использовать фразеологизмы и грамматические обороты *вэньяня*.

В России востоковеды на младших курсах вуза только начинают учить язык, поэтому допустимо, что их знакомство в *вэньянем* – поверхностное. Но уже на старших курсах и в магистратуре изучение *вэньяня* становится настоящей необходимостью. В силу многих причин *вэньянь* приходится изучать в рамках курсов «Деловой китайский язык» и «Китайский язык в научной деятельности». *Вэньянь* приходится преподавать японистам, изучающим китайский язык в качестве второго восточного языка. При этом приходится обращаться к учебным пособиям, созданным в предшествующие десятилетия, в те времена, когда преподавание восточных языков еще не испытывало гнета нынешнего унылого прагматизма.

Одним из самых знаменитых центров изучения и преподавания древнекитайского языка в России является Кафедра китайской филологии Восточного факультета СПбГУ. Некоторое время назад нам в руки попала замечательная

хрестоматия по древнекитайскому языку Тамары Никифоровны Никитиной, изданная в Ленинграде еще в 1982 году. Хрестоматия предназначена для студентов-китаистов и японистов, начинающих изучать древнекитайский язык. Тексты в хрестоматии удобно выстроены в порядке нарастания сложности. Вторым в хрестоматии идет фрагмент из «Чжань го цэ»¹. Вот этот текст.

狐假虎威(戰,楚,14)

虎求百獸而食之。得狐。狐曰。子無敢食我也。天帝使我長百獸。今子食我。是逆天帝命也。子以我為不信。吾為子先行。子隨吾後。觀百獸之見我而敢不走乎。虎以為然。故遂與之行。獸見之皆走。虎不知獸畏己而走也。以為畏狐也。 [Никитина, С. 3]²

Перевод.

Как лиса прикрывалась могуществом тигра

Тигр ловил всех зверей и поедал их. Добрался до лисицы. Лиса и говорит: «Вы не смеете сожрать меня! Небесный Владыка поставил меня командовать всеми зверями. Ежели ныне вы сожрете меня, это ведь будет противоречить воле Небесного Владыки! Вы используйте меня, если я не внушаю доверия. Я пойду впереди вас. Вы последуете за мной. Вы понаблюдаете, кто из зверей, увидев меня, осмелиться не удрать!» Тигр решил, что это будет правильно. Поэтому за ней пошел. Наблюдал, что увидевшие ее все удрали. Тигр не понимал, что звери боятся его самого и поэтому удирают. Поэтому по ошибке решил, что они боятся лисицы!

Казалось бы, басня как басня. В духе Жана де Лафонтена или Ивана Андреевича Крылова. Кстати говоря, китайские педагоги тоже называют этот фрагмент словом «басня» – 寓言 yúyán и 寓言故事 yúyán gùshì. Эта басня стала источником распространенного фразеологизма: 狐假虎威 hú jiǎ hǔ wēi – «пользоваться чужим авторитетом»; «запугивать людей авторитетом патрона». Лживая лиса – отрицательный персонаж, недалекий тигр – тоже.

В 1987 году в хрестоматии «Из книг мудрецов» эта же басня была опубликована в переводе В. Т. Сухорукова.

¹ «Чжань го цэ» – 戰國策 «Планы сражающихся царств». Исторический памятник, составленный историографом и библиографом Лю Сяном (I в. до н. э.) на основе материалов, хранившихся в императорской библиотеке (династия Западная Хань, конец III – конец I в. до н. э.). Книга посвящена государственным деятелям и событиям периода Чжань-го (Сражающиеся царства, 453–221 до н. э.), т. е. эпохи противоборства семи сильнейших владений древнего Китая, закончившейся победой государства Цинь и созданием первой централизованной империи Цинь (221–207 до н. э.). Содержит сведения о борьбе политических группировок и столкновении социально-политических идей в описываемую эпоху, о социальной структуре древнекитайского общества. Характерная черта «Чжань го цэ» – оправдание политического утилитаризма, допускающего обман и насилие. После III века был отнесен конфуцианцами к числу книг, опасных для духовного и морального состояния личности (Чжань го цэ // Синология [сайт] URL: <http://www.synologia.ru/a/%D0%A7%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%8C%20%D0%B3%D0%BE%20%D1%86%D1%8D>). (дата обращения 28.03.2021).

² Мы воспроизводим разбивку древнекитайского текста на фразы по хрестоматии Т. Н. Никитиной.

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЧУ». ЧАСТЬ 1

Тигр охотился на разных зверей и пожирал их. И вот как-то раз поймал лису.

– Только не вздумай меня съесть! – сказала лиса. – Небесный Владыка прислал меня сюда начальницей над всеми зверями. Сожрешь меня – нарушишь его волю. А если не веришь – давай я пойду впереди, а ты ступай следом. Сам увидишь – посмеют ли звери, при виде меня, не разбежаться! Тигр ей поверил – и пошел следом. Все звери, завидев их, разбежались кто куда. Невдомек было тигру, что звери разбегаются из страха перед ним, и он решил, что они и вправду боятся лисы! [Из книг мудрецов, с. 316].

В классическом тексте «Чжань го цэ» эта басня входит в состав развернутого фрагмента – иносказательного политического наставления. Вот его начало.

荊宣王問群臣曰：「吾聞北方之畏昭奚恤也，果誠何如？」群臣莫對。江一對曰：¹

Цзинский Сюань-ван спросил своих сановников, говоря: «Я слышал, что северяне боятся Чжао Си-сюя! Это на самом деле так?» Никто из свиты не ответил. Цзян И сказал в ответ:

Далее следует басня о лисе, которая прикрывалась могуществом тигра. Потом идет заключительный фрагмент наставления:

今王之地方五千里，帶甲百萬，而專屬之昭奚恤；故北方之畏奚恤也，其實畏王之甲兵也，猶百獸之畏虎也。」

Ныне Ван владеет землей площадью в пять тысяч *ли*, латников у него – миллион, а считается, что это принадлежит одному Чжао Си-сюю; якобы северяне боятся Си-сюя, на самом же деле боятся тяжеловооруженных латников вана, точно так же, как звери боялись тигра!

Из этого политического наставления в российской синологии прижилась только «басня». Интересно, почему? Даже в фундаментальной монографии К. В. Васильева «Планы сражающихся царств. Исследование и переводы» 1968 года ни перевода, ни анализа этого фрагмента нет. Казалось бы, ответ очевиден: басня представляет собой отдельный законченный фрагмент. Он прост и в грамматическом, и в лексическом отношении. Не стоит отягощать начинающих китаеведов и японистов излишними социально-политическими подробностями.

Оказалось, что сходное отношение к этому фрагменту «Чжань го цэ» сложилось и в современной Китайской Народной Республике². Басня про лису

¹ На этом сайте текст разбит на предложения в соответствии с нормами современной пунктуации. См. Chi-nese Text Project [сайт] URL: <https://ctext.org/pre-qin-and-han?searchu=%E8%8D%8A%E5%AE%A3%E7%8E%8B%E5%95%8F%E7%BE%A4%E8%87%A3> (дата обращения 28.03.2021).

² Китайских учебников в Интернете (в свободном доступе) нет. Информацию можно получить на многочисленных образовательных и репетиторских сайтах, где публикуются подлинные экзаменационные задания прошлых лет и многочисленные тренировочные материалы.

и тигра (без обрамления и без политического контекста) рекомендуется для внеклассного чтения еще в китайской начальной школе. Она входит и в материалы для подготовки к государственному экзамену, который сдается в девятом классе и служит основанием для перехода в среднюю школу старшей ступени¹. Предмет, по которому сдают этот экзамен, по-китайски называется 语文 yǔ wén – «язык и литература». Ниже приводятся текст и образцы заданий по басне о лисе и тигре.

虎求百兽而食之，得狐。狐曰：“子无敢食我也！天帝使我长百兽，今子食我，是逆天帝命也。子以我为不信，吾为子先行，子随我后，观百兽之见我而不走乎？”虎以为然，故遂与之行。兽见之皆走。虎不知兽畏己而走。

Это тот же текст, что приводился выше. Но здесь использованы упрощенные иероглифы и современные знаки препинания. Текст разбит на предложения в современной понимании этого слова. Нет заголовка².

Образцы заданий:

【小题1】这篇短文后来形成一个成语，这个成语是：() (2分)

Задание 1. После создания этой истории возник один *чэньюй*, этот *чэньюй* – (...) (2 балла)

【小题2】“虎求百兽而食之”中的“求”应解释为 (...) (2分)

Задание 2. Слово 求 во фразе 虎求百兽而食之 следует понимать как (2 балла):

- A. 要求 требовать
- B. 寻找 разыскивать
- C. 追求 гнаться за (*чем-либо*), например, за славой
- D. 哀求 умолять

【小题3】把“今子食我，是逆天帝命也。”一句译写成现代汉语，正确的一项是 (...) (2分)

Задание 3. Единственным правильным переводом фразы 今子食我，是逆天帝命也 на современный китайский язык является (2 балла):

- A. 今天儿子敢吃我，这是违背天帝的命令。
- B. 今天如果吃了我，就违背了天帝的命令。
- C. 如果您今天吃了我，这就违背了天帝的命令。
- D. 今天您儿子吃了我，这就违背了天帝的命令。

Если Вы сегодня съедите меня, в этом случае Вы нарушите приказа Небесного Владыки.

D. 今天您儿子吃了我，这就违背了天帝的命令。

Сегодня Ваш сын съест меня, в этом случае он нарушит приказ Небесного Владыки.

¹ Как известно, китайское школьное образование делится на следующие этапы: 小学 начальная школа (1–6 класс); 初中 неполная средняя школа (7–9 классы); 高中 средняя школа старшей ступени (10–12 классы).

² В тексте «Чжань го цэ» этот фрагмент озаглавлен по первым словам: «荆宣王問群臣».

答案 正确答案

【小题1】狐假虎威

【小题2】B

【小题3】C [См. Экзамен по языку]

Наибольший интерес представляет третье задание. В Интернете можно найти много вариантов перевода этой басни на современный китайский язык. Но тут представлены материалы для подготовки к государственному экзамену в среднюю школу старшей ступени. Можно считать их нормативными. Итак, третье задание.

Подлинник на *вэньяне*:

今子食我，是逆天帝命也。

Перевод на современный китайский язык.

如果您今天吃了我，这就违背了天帝的命令。

Чем они отличаются?

1) В глаза сразу же бросается разная длина предложений. За счет чего это происходит? В байхуа преобладают двусложные слова, которые записываются двумя иероглифами.

今 → 今天

命 → 命令 (это лексические различия).

2) Часть понятий в современном языке передается совсем другими словами (опять лексические различия).

子 = 您;

食 = 吃;

是 = 这就;

逆 = 违背.

3) В переводе появилось условно-сослагательное наклонение. 如果 «Если..., то...» (это грамматическое различие).

Большая часть китайских образовательных сайтов содержит однообразные задания по басне про лису и тигра: фразеология, грамматика и лексика. Несколько выбивается из общего ряда задание в «экзаменационном свитке» для шанхайских школьников. Требуется сформулировать мораль басни. Вот ожидаемый ответ:

比喻倚仗别人的威势欺压人。狐假虎威。

«Иносказание означает, что кто-то притесняет других, опираясь на могущество третьего лица. Лиса пользуется могуществом тигра».

Остальные задания не выходят за рамки лингвистики.

Китайских сайтов, на которых разбирается *социально-политический контекст* басни о лисе и тигре, – считанные единицы. Лингвистические задания на таких сайтах тоже касаются фразеологии, грамматики и лексики. Из приведенного ниже примера наибольший интерес представляют два примечания, касающиеся двух главных персонажей фрагмента.

阅读下面文言文，完成小题。（14分）

Прочитайте текст на *вэньяне*, выполните задания (14 баллов).

荆宣王问群臣曰：“吾闻北方之畏昭奚恤^①也，果诚何如”群臣莫对。

江乙^②对曰：“虎求百兽而食之，得狐。狐曰：‘子无敢食我也！天帝使我

长百兽，今子食我，是逆天帝命也。子以我为不信，吾为子先行，子随我后，观百兽之见我而敢不走乎？虎以为然，故遂与之行。兽见之皆走。虎不知兽畏己而走也，以为畏狐也。今王之地方五千里，带甲百万，而专属之于昭奚恤；故北方之畏昭奚恤也，其实畏王之甲兵也，犹百兽之畏虎也。”

(选自《战国策·楚策》)

(Из «Чжань го цэ», «Планы царства Чу»)

【注】

Примечания

①昭奚恤：人名，楚国当时著名的将领。Zhāo Xīxù: Чжао Си-сюй, имя собственное, знаменитый военачальник тогдашнего царства Чу. В китайских комментариях повсеместно Чжао Си-сюй – 将领 jiànglǐng «военачальник».

②江乙 Jiāng Yī (ранее встречался только вариант 江一 Jiāng Yī): 人名, 魏国人, 很有智谋, 当时在楚国做事。Цзян И, имя собственное, человек из царства Вэй, обладавший большой находчивостью, служивший тогда в царстве Чу. [Чтение на вэньяне].

На всех образовательных сайтах, которые нам удалось посмотреть, имеется комментарий к имени Цзян И. Этот комментарий везде один и тот же. Иероглиф «и» записывается в двух вариантах (либо 一, либо 乙). От сайта к сайту – по-разному. Но социальный статус персонажа везде описывается одними и теми же словами, которые выше набраны курсивом. Находчивый человек из царства Вэй состоит на службе в царстве Чу. Несколько раз встречаются комментарии относительно того, что Цзян И (в двух вариантах иероглифического написания) часто порочил Чжао Си-сюя в глазах Чуского Сюань-вана. На материковых китайских сайтах (КНР) это подается, как забота соседа о соседе. В том же «Чжань го цэ», в той же главе, где находится басня о лисе и тигре, имеется фрагмент, где приводится следующая история: хозяин дома очень любил свою верную собаку. Но его сосед однажды заметил, что эта собака часто мочится в хозяйский колодезь. Он побежал к хозяину собаки, чтобы об этом сообщить. Но эта самая собака не пустила его в дом и даже искусала.

В этой басне хозяин собаки – Чуский Сюань-ван. Собака – полководец Чжао Си-сюй. Доброжелательный сосед – Цзян И. Обычная ситуация – абсолютизм оборачивается фаворитизмом. Абсолютный правитель знает только о том, что позволили ему узнать фавориты.

У китайцев акценты расставлены мягко – сосед помогает соседу. Оба царства: и Вэй, и Чу – китайские. Патриотизм, согласие и разоблачение фаворитизма. Все обстоит очень-очень хорошо. На китайских сайтах не встречается комментариев о том, что Цзян И стремится поссорить вана с его военачальником. Встречается рассуждение о том, что Чуский Сюань-ван опасался своих полководцев [Энциклопедия Байду].

Цзян И в китайской версии как бы восстанавливает историческую справедливость, разоблачает хитрого фаворита в глазах правителя. «И истину царям с улыбкой говорить» (Г. Р. Державин). В итоге этого разоблачения должна укрепиться вся китайская цивилизация, а не отдельное царство.

Иную картину мы наблюдаем, когда обращаемся к басне о лисе и тигре в современном японском декоруме.

В качестве аутентичной версии «Чжань го цэ» японские исследователи обращаются к «Сэнгоку-саку сэйкай» Ёкота Корэтака 1826 г. [Ёкота Корэтака], в которой имя Цзян И записывается как 江乙. Для современных японцев «Цзян И» («Ко Ицу» в японской транскрипции) – персонаж если не отрицательный, то уж точно не положительный. Если мы обратимся к «Курсу лекций NHK¹ для старшей школы», японским репетиторским веб-сайтам или официальным сайтам подготовительных школ, на которых публикуются обучающие материалы для подготовки к экзаменам, то увидим, что практически везде, где поясняется исторический контекст событий басни (японские педагоги также используют слово 故事) о лисе и тигре, этот контекст выглядит жестко.

Цзян И, засланный в царство Чу из царства Вэй, пытается опорочить талантливого первого министра Чжао Си-сюя в глазах Чуского Сюань-вана, чтобы внутренняя распря ослабила Чу. Это на руку ненасытным князьям-соседям, которые хотят поглотить царство Чу. В «Курсе лекций NHK для старшей школы» Цзян И напрямую назван шпионом (工作員; *ко: сакуин*) царства Вэй, коварно поссорившим Сюань-вана с министром. [Курс лекций NHK, Выпуск 21].

Именно министром (宰相; *сайсё:* или 大臣; *дайджин*) в японских комментариях называется Чжао Си-суй («Сё Кэй-дзюцу» в японской транскрипции), который характеризуется как по-настоящему талантливый и влиятельный человек.

В японских комментариях эпоха «Сражающихся царств» описывается как трагическое время «закона джунглей» (弱肉強食; *дзюкунику-кё: сёку*), когда сильный поедает слабого, когда цари, соперничая между собой, наращивали вооружение и продвигали талантливых людей по службе [Курс лекций NHK. Выпуск 7].

Следует заметить, что отнюдь не на всех японских образовательных Интернет-ресурсах разбирается социально-политический контекст басни о лисе и тигре. Не входит диалог Цзян И с Сюань-ваном и в большинство статей фразеологических словарей, посвященных *ёдзидзюкуго* «Кока-кои» (狐仮虎威) или *котовадза* «Торано и-о кару кицунэ» (虎の威を借る狐) [Онлайн-словарь; Энциклопедический словарь; Словарь идиом; Словарь басен; Словарь поговорок].

Тем не менее, фразеологизм «Лиса пользуется могуществом тигра» широко известен в Японии. Он существует, как было сказано выше, в двух форматах: в формате *ёдзидзюкуго* (四字熟語) – четырехиероглифической идиомы, и в формате *котовадза* (諺) – поговорки на разговорном японском языке, а текст оригинальной басни о лисе и тигре активно изучается в японских школах, о чем свидетельствуют многочисленные статьи на репетиторских сайтах, образовательные передачи, обучающие ролики на YouTube и т. д. [Камбун. Видео; Понятный перевод. Видео; Классическая литература. Видео; Подготовка к тесту. Видео; Понятные уроки камбун. Видео].

В Японии классический китайский язык называется *камбун* (漢文), что означает «китайское письмо». Тексты, написанные на *камбун*, принято читать вслух по-старояпонски (на 文語; *бунго*), то есть, буквально, переводить «с листа». Такое чтение называется *кундоку* (訓読) – чтение классического китайского

¹ NHK, Эн-Эйч-Кей (日本放送協会; Ниппон Хо:со: Кё:кай, Японская вещательная корпорация) – японская государственно-общественная центральная телерадиокомпания.

языка по *кун* (японским чтениям иероглифов) и правилам японской грамматики. Получившийся при чтении вслух текст может быть записан с применением японской слоговой азбуки *кана*. Такая запись называется *камбун-но какикудаси* (漢文の書き下し) – «транскрипция» или «расшифровка» *камбун*. Так как грамматика японского языка сильно отличается от китайской, для облегчения чтения текстов на *камбун* в Японии эти тексты сопровождаются специальной разметкой *кунтэн* (訓点): знаками *окуругана* (送り仮名), когда изменяемые части слов и служебные слова записываются справа от иероглифов с помощью азбуки *катакана*, знаками *каэритэн* (返り点), «знаками возврата», которые указывают на порядок чтения слов в предложении, и др. [Маевский, с. 116–118].

Классическую литературу (古典; *котэн*) японские учащиеся начинают изучать еще в средней школе¹ в рамках дисциплины «родной язык» (国語; *кокуго*), однако основной упор на нее делается в старшей школе. *Котэн* делится на *кобун* (古文; японская классика) и *камбун* (китайская классика). Современная литература, написанная на разговорном языке (口語; *ко: го*), называется *гэндайбун* (現代文). Из этих трех частей (*гэндайбун*, *кобун* и *камбун*) состоит раздел «Кокуго» в «Централизованном вступительном экзамене в вузы» (大学入試センター試験; *Дайгаку ню: си сэнта: сикэн*)², который сдают все абитуриенты. Всего за данный раздел можно получить 200 баллов, из которых в 100 баллов оцениваются задания по *гэндайбун*, в 50 баллов оцениваются задания по *кобун*, и в 50 баллов – задания по *камбун* [Всеобщее тестирование 2021; Централизованный экзамен 2020; Централизованный экзамен 2019; Централизованный экзамен 2018].

Таким образом, в «Централизованном вступительном экзамене в вузы» задания по японской и китайской классике оцениваются одинаковым количеством баллов, поэтому справедливо будет заметить, что *камбун* занимает не последнее место в японской образовательной программе. К примеру, в учебнике по классической литературе для старшей школы «Новое издание классической литературы» (新編古典; *Симпэн котэн*) [Коматия Тэрухико], входящем в перечень рекомендованных Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии учебных пособий с 2007 по 2015 гг.,³ 14 глав посвящено *кобун* и 5 глав – *камбун*.

Японские учащиеся в целом негативно относятся к необходимости не просто изучать *камбун*, но и сдавать его на вступительных испытаниях, активно высказывая свою позицию в социальных сетях⁴ [Попробую рассказать...].

Более того, результаты социологического опроса 2005 г. показали, что около 70 % старшеклассников отрицательно относятся к *камбун*. Исследование Фудзимото Ёко 2015 года также продемонстрировало преимущественно отрицательное отношение учащихся к *камбун*. Среди возможных причин негативного отношения учащихся к *камбун* Фудзимото выделяет обилие сложных иероглифов

¹ Японское школьное образование делится на три этапа: начальная школа (6 лет), средняя школа (3 года), старшая школа (3 года).

² С 2021 г. «Всеобщее вступительное тестирование в вузы» (大学入学共通テスト; Дайгаку ню:гаку кё:цу: тэсуто)

³ https://www.mext.go.jp/a_menu/shotou/kyoukasho/mokuroku.htm

⁴ См. Twitter, публикации с хештегом #国数社理英の好き嫌い言ってみる

в классических китайских текстах, запутанные правила чтения, монотонную подачу материала на занятиях и др. [Фудзимото].

Японские педагоги обеспокоены низким уровнем мотивации учащихся в приобретении знаний по *камбун*. На педагогических семинарах преподаватели обсуждают, как сделать уроки более увлекательными и полезными. Традиционно урок, посвященный чтению отрывка из какого-либо классического произведения на *камбун*, проходит в три этапа: ознакомительное чтение (通読; *цу: доку*), толкование (解釈; *кайсяку*) и критика (鑑賞; *кансё:*), однако в большинстве случаев урок завершается на первых двух, то есть учащиеся просто читают текст вслух и вместе с учителем переводят его на современный язык. Таким образом, как и в случае с басней о лисе и тигре, очень мало внимания уделяется историческому контексту произведения [Обучение камбун].

Если мы обратимся к экзаменационным заданиям по *камбун*, то увидим, что они достаточно однообразны и посвящены в основном грамматике и лексике. Басня о лисе и тигре, согласно репетиторским сайтам, часто входит в регулярные экзамены (定期試験; *тэйки сикэн*), которые проводятся в середине (中間試験; *тю: кан сикэн*) и в конце (期末試験; *кимацу сикэн*) каждого триместра¹. Ниже приводятся образцы заданий по басне о лисе и тигре, взятые из многочисленных тренировочных материалов, размещенных в Интернете.

В большинстве заданий текст выглядит так, как он изображен на картинке ниже (Рис. 1). В тексте используются новые формы иероглифов (新字体; *синдзитай*)², расстановка знаков препинания немного отличается от версии Ёкота Корэтака. В зависимости от типа вопросов, могут отсутствовать некоторые из знаков разметки.

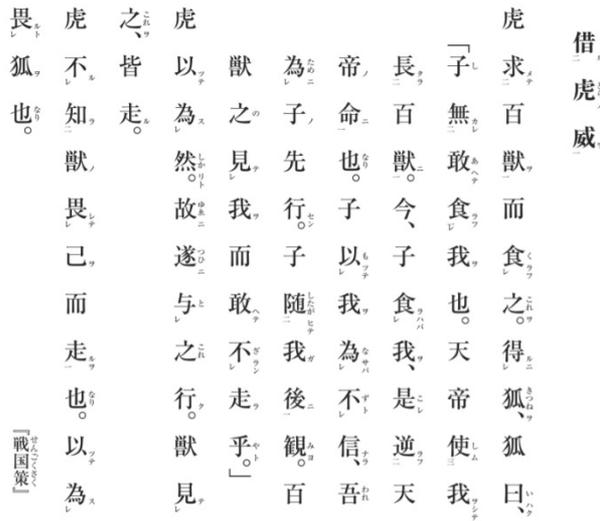

Рис. 1. Текст басни о лисе и тигре в конспекте к «Курсу лекций ННК для старшей школы».

¹ Учебный год в японской школе начинается в апреле и делится на три триместра: апрель-июль, сентябрь-декабрь, январь-март.

² См. «Общепотребительный список иероглифов» (当用漢字; То:ё: кандзи) 1946 г.

Задания из «Курса лекций NHK для старшей школы».

Q1. 「子無敢食我也。」の書き下し文として正しいものを選びなさい。

Вопрос 1. Выберите правильный вариант *какикудаси* для 「子無敢食我也。」

子敢えて我を食らふ無かれ。 *Си аэтэ варэ-о курау накарэ.*

子敢えて我を食らふ無かれなり。 *Си аэтэ варэ-о курау накарэ нари.*

子敢えて食らふ我を無かれ。 *Си аэтэ курау варэ-о накарэ.*

Q2. 「観る」の意味として、もっとも適切なものを選びなさい。

Вопрос 2. Выберите наиболее подходящее значение слова 「観る」.

ちらりとみる Взглянуть краем глаза.

注意してよくみる Смотреть внимательно.

みおろす Смотреть свысока.

Q3. 「虎の威を借る狐」の意味としてもっとも適切なものを選びなさい。

Вопрос 3. Выберите наиболее подходящее значение выражения «Лиса, пользующаяся влиянием тигра».

他人の権威を失墜させる卑怯者。 Трус, который заставляет другого человека потерять свой авторитет.

自分の権威を振りかざす為政者。 Государственный деятель, который кичится собственным авторитетом.

他の権威の陰に隠れて威張る小人物。 Ничтожный человек, который важничает, укрывшись в тени чужого авторитета.

Примеры некоторых заданий с обучающего сайта «Манapedия».

Q1: 「子」は何を指すか、文中の言葉で答えよ。

Вопрос 1. На что указывает слово 「子」, ответьте словами из текста.

Q2: 「天帝使我長百獸」を書き下し文にせよ。

Вопрос 2. Запишите 「天帝使我長百獸」 в виде *какикудаси*.

Q3: 天帝命とはどういうことか。

Вопрос 3. Что означает 天帝命?

Q4: 『敢不走乎』を口語訳せよ。

Вопрос 4. Переведите 『敢不走乎』 на современный разговорный язык [Манapedия].

Примеры некоторых заданий с веб-сайта «Сайт профессионального репетитора Такаси».

問 1 「然」の読みを送りがなも含めて記しなさい。

Вопрос 1. Напишите чтение иероглифа 然, включая *окуругана*.

問 2 「子無敢食我也」を現代語訳しなさい。

Вопрос 2. Переведите 「子無敢食我也」 на современный язык.

問 3 「天帝使我長百獸」をひらがなのみで書き下しなさい。現代かなづかいでもよい。

Вопрос 3. Запишите *какикудаси* для 「天帝使我長百獸」, используя только *хирагана*. Можно использовать правила современной орфографии *кана*.

Примеры некоторых заданий с официального сайта частной школы «Бун-ЛАБО» (文LABO).

問 4 「天帝使我長百獸。」が、以下の現代語訳になるように、返り点をつけなさい。現代語訳「天帝は私を多くの獣の頭にさせた」。

Вопрос 4. Расставьте знаки *каэритэн* так, чтобы предложение 「天帝使我長百獸。」 можно было перевести на современный язык, как написано ниже. Перевод на современный язык: «Небесный владыка сделал меня главой множества зверей».

問5 本文の故事を読んで、虎が狐を食べなかった理由を50字以内で説明しなさい。

Задание 5. Прочитайте басню и в пределах 50 знаков объясните причину, почему тигр не съел лису.

В целом, как и китайские экзаменационные задания, большая часть японских заданий по басне о лисе и тигре не выходит за рамки лингвистики.

В японской редакции «Чжань го цэ» развернутый и полный фрагмент Ёкота Корэтака содержит всего два комментария к тексту. 1) Кто такие «северяне» 北方 – это северные царства. 2) В каком порядке должны читаться слова в последней фразе.

Никаких содержательных комментариев о характере деятельности Цзян И там нет. На вэньяне имеется три версии («списка») этой басни о лисе и тигре. Ни в одной версии нет комментариев по поводу Цзян И.

Возможно, мы тут имеем дело тем, как современная социально-политическая обстановка определяет смысл текста. Современные читатели «вчитывают» в классический текст разные смыслы. Китайские филологи видят здесь мир и благоденствие. И царство Вэй, и царство Чу – китайские. Национальная и культурная целесообразность перевешивает узко государственную целесообразность.

Японские филологи видят здесь воплощение принципа 弱肉強食 «Что касается мяса слабого – то это то, чем питается сильный». «Человек человеку волк». Филологических и текстологических оснований для разных интерпретаций одного и того же фрагмента найти не удалось. Возможно, эти основания – социальные и культурные.

А) Противоречивые отношения Японии и КНР во второй половине XX века и в начале XXI века. С одной стороны, «китайское экономическое чудо» произошло во многом благодаря японским инвестициям в экономику КНР. С другой стороны, на уровне обыденного сознания между китайцами и японцами сохраняются неприязненные отношения. Это тяжелое наследие Второй мировой войны.

Б) Противоречивые отношения между японской и китайской культурой. С одной стороны, китайцы зачастую относятся к японской культуре снисходительно, считая Японию всего лишь ученицей Китая. После японского экзамена 16 января 2021 года китайские наблюдатели с удовлетворением отмечали, что в экзаменационных заданиях остался вэньянь (*камбун*). С другой стороны, японцы уверены, что китайское наследие в современной Японии переработано до неузнаваемости, а японская культура – оригинальная и независимая. Хорошее подтверждение этому – совершенно иная версия древнекитайского языка, существующая в Японии. Разбор басни о лисе и тигре, который проведен выше, тоже показывает стремление японцев и китайцев использовать одни и те же тексты, но по-разному их интерпретировать. Наблюдатель со стороны, который без знания классического китайского языка пытается понять тонкости отношений современной Японии и КНР, обречен на провал.

Конечно, серьезным недостатком нашей статьи является отсутствие материалов, посвященных перипетиям басни о лисе и тигре в государственных экзаменах на Тайване. Надеемся, что это станет предметом наших дальнейших исследований.

Список литературы

Из книг мудрецов: Пер. с кит. / Редкол.: Г. Гоц, Л. Делосин, Д. Мамлеев и др., Сост., вступ. статья, статьи об авторах и коммент. И. Лисевича. М.: Худож. лит. 1987. 351 с. (Б-ка китайской литературы).

Маевский Е. В. Учебное пособие по старописьменному японскому языку (бунго). М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1991. 128 с.

Никитина Т. Н. Хрестоматия по древнекитайскому языку (V–I вв. до н. э.). Учебное пособие. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1982. 148 с.

Планы сражающихся царств 戰國策 (Чжань го цэ) (на китайском языке) // Chinese Text Project [сайт]. URL: <https://ctext.org/pre-qin-and-han?searchu=%E8%8D%8A%E5%AE%A3%E7%8E%8B%E5%95%8F%E7%BE%A4%E8%87%A3> (на кит. яз). (дата обращения: 28.02.2021).

Чтение на вэньяне. Подлинный текст. 文言文阅读. 正文 (Вэньяньвэнь юэду) // (Эр ши ти ку) 12 题库 [Банк вопросов для основного государственного экзамена]. [сайт]. URL: <https://www.12tiku.com/tiku/1152/1792241.html> (на кит. яз). (дата обращения: 28.02.2021).

Экзамен по языку и литературе за девятый класс 初三语文 (Чусань юйвэнь) // (Гаоцай каосянь ван) 高才考讯网 [Пытливый и талантливый] [сайт]. URL: <http://www.gckx.com/xuexifangfa/chusanuowen/37984.html> (на кит. яз). (дата обращения 28.02.2021).

Энциклопедия Байду. Как лиса воспользовалась могуществом тигра. 狐假虎威. 百度知道 (Ху цзя ху вэй. Байду чжидао) // Байду [сайт]. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/39704570.html> (на кит. яз). (дата обращения: 28.02.2021).

Всеобщее тестирование 2012. Всеобщее вступительное тестирование в вузы 2021. 2021年度大学入学共通テスト (Ни-сэн ни-дзю: ити-нэн-до Дайгаку ню: гаку кё: цу: тэсуто) // (Асахи-симбун дэцитару) 朝日新聞デジタル [Цифровая газета Асахи] [сайт]. URL: <https://www.asahi.com/edu/center-exam/> (на яп. яз). (дата обращения: 28.02.2021).

Ёкота Корэтакэ 横田惟孝. Планы сражающихся царств. Правильное толкование. 戦国策正解 (Сэнгоку-саку сэйкай). Эдо 江戸: Сэйдзандо: 青山堂, 1826 // (Васэда-дайгаку тосёкан) 早稲田大学図書館 [Библиотека университета Васэда] [сайт]. URL: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/bunko17/bunko17_w0201/index.html (на яп. яз.) (дата обращения: 24.02.2021).

Каталог учебников (Обзор учебников, готовящихся к изданию). 教科書目録 (発行予定の教科書の一覧) (Кё: касё мокуроку (Хакко: ётэй-но кё: касё-но итиран) // (Момбукагакусё: 文部科学省 [Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии] [сайт]. URL: https://www.mext.go.jp/a_menu/shotou/kyoukasho/mokuroku.htm (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Коматия Тэрухико 小町谷照彦. Новое издание классической литературы. 新編古典 (Симпэн котэн). Токио 東京: Токио сёэски 東京書籍, 2012. 287 с.

Комментарий к камбун «Лиса пользуется могуществом тигра». Задания для подготовки к регулярному тестированию. 漢文解説「狐虎の威を借る」定期テスト対策問題 (Камбун кайсэцу «Кицунэ тора-но и-о кару» Тэйки-тэсуто тайсаку мондай) // (Бунсё: дзюку Бун-Рабо) 文章塾 文LABO [Частная литературная школа LABO] [сайт]. URL: <https://bunlabo.com/fox-borrows-authority-tiger-02/> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Курс лекций NHK. Выпуск 21. Камбун. Пользоваться могуществом тигра (Планы сражающихся царств). 第21回 漢文 借虎威 (戦国策) (Дай нидзю: иккай. Камбун. Тора-но и -о кару (Сэнгоку-саку)) // (NHK Ко: ко: ко: дза. Кокуго со: го:) NHK高校講座・国語総合 [Курс лекций NHK для старшей школы. Обобщенный родной язык] [сайт]. URL: https://www.nhk.or.jp/kokokoza/radio/r2_kokugo/archive/chapter021.html (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Курс лекций NHK. Выпуск 7. Формирование Китайской Империи. 第7回 中華帝国の形成 (Дай нана-кай. То: ка тэйкоку-но кэйсэй) // (NHK Ко: ко: ко: дза. Сэкай-си) NHK高校講座・世界史 [Курс лекций NHK для старшей школы. Всемирная история] [сайт]. URL: <https://www.nhk.or.jp/kokokoza/library/tv/sekaishi/archive/chapter007.html> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Манапедия. «Лиса, пользующаяся могуществом тигра». Задания, которые могут быть в тесте. 「借虎威 (虎の威を借る狐)」 テストで出題されそうな問題 («Ка кои (Тора-но и-о кару кицунэ)»). Тэсуто-дэ сюцудай-сарэсо:-на мондай // Manapedia [сайт]. URL: <https://manapedia.jp/m/text/2322> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Обучение камбун. Обучение камбун, повышающее мотивацию в учебе. 学習意欲を養う漢文指導 (Гакусю: иёку-о ясиана камбун-сидо:) // (Исикава-кэн кё: ин со: го: кэнсю: сэнта: Исикава сихан дзюку) 石川県教員総合研修センター・いしかわ師範塾 [Центр общей подготовки учителей префектуры Исикава. Педагогическая школа Исикава] [сайт]. URL: <https://www.ishikawa-c.ed.jp/content/tashikana/2009jirei/09h41/09h41.pdf> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Общеупотребительный список иероглифов 1946 г. 当用漢字字体表 (То: ё: кандзи дзитайхё:) // (Аодзора бунко) 青空文庫 [Библиотека Аодзора] [сайт]. URL: https://www.aozora.gr.jp/kanji_table/touyoukanji_jitaihyou/ (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Онлайн-словарь. Лиса прикрывается могуществом тигра. 狐仮虎威 (Кока кои) // (Ёдзидзюкуго дзитэн онраин) 四字熟語辞典オンライン [Онлайн-словарь четырехиероглифических идиом] [сайт]. URL: <https://yoji.jitenon.jp/yojie/2153.html> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Пользоваться могуществом тигра. Задания. 借虎威・問題 (Тора-но и-о кару. Мондай) // (Пуро катэй-кё: си Такаси) プロ家庭教師タカシ [Профессиональный репетитор Такаси] [сайт]. URL: <https://www.uquqtaka.com/toranoi/5.html> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Попробую рассказать... «Попробую рассказать о том, что мне нравится и не нравится среди родного языка, математики, общественных наук, естественных наук и английского языка» (Кокусу: сярэй-но суки-кирай иттэмйу) 国数社理英の好き嫌い言ってみる // Твиттер [сайт]. URL: https://twitter.com/hashtag/%E5%9B%BD%E6%95%B0%E7%A4%BE%E7%90%86%E8%8B%B1%E3%81%AE%E5%A5%BD%E3%81%8D%E5%AB%8C%E3%81%84%E8%A8%80%E3%81%A3%E3%81%A6%E3%81%BF%E3%82%8B?src=hashtag_click (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Реальная история «Лисы, пользующейся могуществом тигра». 「虎の威を借る狐」の本当の話 («Тора-но и-о кару кицунэ» но хонто:-но ханаси) // (Кокурицу дайгаку дзюкэн сэммон Кё: гаку дзюку) 国立大学受験専門 享学塾 [Частная школа Кёгаку для подготовки к вступительным испытаниям в государственные вузы] [сайт]. URL: <http://kyogaku-juku.com/%E5%A1%BE%E9%95%B7%E3%81%AE%E6%B0%97%E3%81%AB%E3%81%AA%E3%81%A3%E3%81%9F%E3%81%93%E3%81%A8%E3%81%BE%E3%81%A8%E3%82%81%E3%80%8C%E8%99%8E%E3%81%AE%E5%A8%81%E3%82%92%E5%80%9F%E3%82%8B%E7%8B%90%E3%80%8D%E3%81%AE%E6%9C%AC%E5%BD%93%E3%81%AE%E8%A9%B1%E5%BA%83%E5%B3%B6%E9%A7%85%E5%89%8D%E5%9B%BD%E7%AB%8B%E5%A4%A7%E5%AD%A6/> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Сегодняшняя четырехиероглифическая идиома. Номер 490. «Лиса прикрывается могуществом тигра». 今日の四字熟語No. 490【狐仮虎威】(Кё:-но ёдзидзюкуго No. 490 «Кока кои») // (Фукусима минна-но ню: су) 福島みんなのNEWS [Новости Фукусима для всех] [сайт]. URL: <http://fukushima-net.com/sites/meigen/586> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Словарь басен. Лиса, пользующаяся могуществом тигра. 虎の威を借る狐 (Тора-но и-о кару кицунэ) / Словарь басен. 故事成語を知る辞典 (Кодзи сэйго-о сирю дзитэн) // (Котобанку) コトバンク [Котобанк] [сайт]. URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%99%8E%E3%81%AE%E5%A8%81%E3%82%92%E5%80%9F%E3%82%8B%E7%8B%90-585239> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Словарь идиом. Лиса прикрывается могуществом тигра. 狐仮虎威 (Кока кои) // (Ёдзидзюкуго дзитэн) 四字熟語辞典 [Словарь четырехиероглифических идиом] [сайт]. URL: <https://yozizyukugo.kanjitiseiki.com/10/095.html> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Словарь поговорок. Лиса, пользующаяся могуществом тигра. 虎の威を借る狐 (Тора-но и-о кару кицунэ) // (Кодзи котовадза дзитэн) 故事ことわざ辞典 [Словарь басен и поговорок] [сайт]. URL: <http://kotowaza-allguide.com/to/toranoiwokaru.html> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

У простых добрых советов, усваиваемых из истории Китая, есть обратная сторона. 中国史に学ぶわかりやすい忠言には裏がある (Тю: гокуси-ни манабу вакариясуи тю: гэн-ни ва ура-га ару) // (Ниппон кэйэй го: рика ке: кай) 日本経営合理化協会 [Японская ассоциация рационализации управления] [сайт]. URL: <https://www.jmca.jp/column/leader/leader81.html> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Фудзимото Ёко 藤本陽子. Связь отношения к камбун с отношением к иероглифам и стратегия изучения иероглифов. 漢文と漢字に対する意識の相関関係および漢字学習ストラテジー (Камбун-то кандзи-ни тай-суру иски-но со: кан-канкэй оёби кандзи-гакусю: суторатэджи:) // (Васэда кё: ику хё: рон) 早稲田教育評論 [Обзор образования Васэда]. 2016. № 1. С. 79–94.

Централизованный экзамен 2018. Централизованный вступительный экзамен в вузы 2018. Задания и ответы. 2018年度大学入試センター試験 問題・解答 (Ни-сэн дзю: хати-нэн-до Дайгаку

ню: си сэнта: сикэн. Мондай Кайто:) // (Асахи-симбун дэдзитару) 朝日新聞デジタル [Цифровая газета Асахи] [сайт]. URL: <https://www.asahi.com/edu/center-exam/shiken2018/> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Централизованный экзамен 2019. Централизованный вступительный экзамен в вузы 2019. Задания и ответы. 2019年度大学入試センター試験 問題・解答 (Ни-сэн дзю: кю:-нэн-до Дайгаку ню: си сэнта: сикэн. Мондай Кайто:) // (Асахи-симбун дэдзитару) 朝日新聞デジタル [Цифровая газета Асахи] [сайт]. URL: <https://www.asahi.com/edu/center-exam/shiken2019/> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Централизованный экзамен 2020. Централизованный вступительный экзамен в вузы 2020. Задания и ответы. 2020年度大学入試センター試験 問題・解答 (Ни-сэн ни-дзю:-нэн-до Дайгаку ню: си сэнта: сикэн. Мондай Кайто:) // (Асахи-симбун дэдзитару) 朝日新聞デジタル [Цифровая газета Асахи] [сайт]. URL: <https://www.asahi.com/edu/center-exam/shiken2020/day1.html> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Энциклопедический словарь. Лиса прикрывается могуществом тигра. 狐借虎威 (Кока кои) // (Ёдзидзюкуго-но хякка-дзитэн) 四字熟語の百科事典 [Энциклопедический словарь четырехиероглифических идиом] [сайт]. URL: <https://idiom-encyclopedia.com/kokakoi/> (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Камбун. Видео. Басня «Лиса пользуется могуществом тигра», которую изучим за 1 минуту. 【漢文】一分間で学ぶ故事成語「虎の威を借る」(«Камбун». Иппункан-дэ манабу кодзи-сэйго «Тора-но и-о кару») // YouTube [видео]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qy_h-w8ZdsU&t=49s (на яп. яз). (дата обращения: 24.02.2021).

Классическая литература. Видео Классическая литература для старшей школы. Пользоваться могуществом тигра. 高校古典 借虎威 (Ко: ко: котэн. Тора-но и-о кару) // YouTube [видео]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bSR1XDZh_5Q (на яп. яз). (дата обращения: 28.02.2021).

Лиса пользуется могуществом тигра. Видео. 狐借虎威 (Кока кои) // YouTube [видео]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IvPjMcFhSBA> (на яп. яз). (дата обращения: 28.02.2021).

Подготовка к тесту. Видео. Лиса пользуется могуществом тигра. Комментарий к тексту. 【テスト対策】狐借虎威・本文解説 («Гэсуто тайсаку» Кока кои. Хомбун-кайсэцу) // YouTube [видео]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=98DOe-NmTIA&t=559s> (на яп. яз). (дата обращения: 28.02.2021).

Понятные уроки камбун. Видео. Выпуск 2. Лиса пользуется могуществом тигра. ワカるデキる漢文授業 ～第2回 狐借虎威～ (Вакару дэкиру камбун дзюгё: Дай ни-кай. Кока кои) // YouTube [видео]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vq4ejQbL4kM&t=37s> (на яп. яз) (дата обращения: 28.02.2021).

Понятный перевод. Видео. «Лиса пользуется могуществом тигра» из «Планов сражающихся царств». Понятный перевод на современный язык, транскрипция и пояснение к прогнозируемым заданиям. 「狐借虎威」『戦国策』わかりやすい現代語訳と書き下し文と予想問題解説 («Кока кои». «Сэнгоку-саку». Вакариясуй гэндайгояку-то какикудасибун-то ёсо: мондай кайсэцу) // YouTube [видео]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=V7ZdNx5qfDI> (на яп. яз). (дата обращения: 28.02.2021).

References

Chūgokushi-ni manabu wakariyasui chūgen-ni wa ura-ga aru (中国史に学ぶわかりやすい忠言には裏がある) [There is a back side to the easy-to-understand advice learned from Chinese history]. In *Nipponkeiei gōrika kyōkai* (日本経営合理化協会) [Japan Management Consultants Association] [website]. URL: <https://www.jmca.jp/column/leader/leader81.html> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Dai 21 kai kanbun. Kakoi (Sengoku saku). (第21回 漢文 借虎威 (戦国策)). [Lesson 21. Kanbun. The Fox Borrowing the Power of the Tiger (Strategies of the Warring States)]. In *NHK kōkōzoza kokugo sōgō* (NHK高校講座・国語総合) [NHK High School Course / Japanese Language Comprehensive] [website]. URL: https://www.nhk.or.jp/kokokoza/radio/r2_kokugo/archive/chapter021.html (in Japanese) (mode of access: 28.02.2021).

Dai 7 kai. Chūka teikoku-no keisei. (第7回 中華帝国の形成) [Lesson 7. Formation of the Chinese Empire]. In *NHK kōkōzoza sekaishi* (NHK高校講座・世界史) [NHK High School Course. World History] [website]. URL: <https://www.nhk.or.jp/kokokoza/library/tv/sekaishi/archive/chapter007.html> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Gakushū iyoku o yashinai kanbun shidō (学習意欲を養う漢文指導) [Teaching Kanbun to cultivate motivation for learning]. In *Ishikawa ken kyōin sōgō kenshū sentā. Ishikawa shihan juku* (石川県教員総合研修センター・いしかわ師範塾) [Ishikawa Prefecture Teachers General Training Center. Ishikawa School of Education] [website]. URL: <https://www.ishikawa-c.ed.jp/content/tashikana/2009jirei/09h41/09h41.pdf> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Fujimoto Yoko 藤本陽子. (2016). Kanbun to kanji-ni taisuru ishiki-no sōkan kankei oyobi kanji gakushū sutorateji 漢文と漢字に対する意識の相関関係および漢字学習ストラテジー [Relationship between the Recognition of Chinese Characters and Understanding Classical Chinese Literature, and Strategies for Learning Chinese Characters]. In *Waseda kyōiku hyōron* 早稲田教育評論 [Waseda Review of Education]. No. 1, pp. 79–94.

Gots, G., Deliusin, L., Mamleev, D. (Eds.). *Iz knig mudretsov* [From the books of the wise men] / translation from Chinese; compilation, introductory article, articles about authors and comments by I. Lisevich. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 1987. 351 p. (Library of Chinese Literature).

Hu jia hu wei. Baidu zhidao (狐假虎威. 百度知道) [How Did the Fox Borrow the Tiger's Awe? Baidu Encyclopedia]. In *Baidu* [website]. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/39704570.html> (in Chinese). (mode of access: 28.02.2021).

Ippunkan de manabu koji seigo “Tora no i wo karu”. Kanbun. 【漢文】一分間で学ぶ故事成語「虎の威を借る」. [(Kanbun) Idiom “Borrow the power of a tiger” learned in one minute]. In *YouTube* [video]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qy_h-w8ZdsU&t=49s (in Japanese) (mode of access: 28.02.2021).

“Kakoi (Tora-no i-wo karu kitsune)” tesuto de shutsudai sare-sōna mondai. (『借虎威(虎の威を借る狐)』テストで出題されそうな問題). [Questions that are likely to be asked in the “Borrowing Tiger (Fox Borrowing Tiger)” test]. In *Manapedia* [website]. URL: <https://manapedia.jp/m/text/2322> (in Japanese) (mode of access: 28.02.2021).

Kanbun kaisetsu. “Kitsune tora-no i-wo karu”. Teiki tesuto taisaku mondai (漢文解説「狐虎の威を借る」定期テスト対策問題) [Kanbun commentary. “The Fox Borrows the Power of the Tiger”. Regular test preparation and questions]. In *Bunshō juku Bun-LABO* (文章塾 文LABO) [Private literary school Bun-LABO] [website]. URL: <https://bunlabo.com/fox-borrows-authority-tiger-02/> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Kokakoi (狐假虎威) [The Fox Borrows the Power of the Tiger]. In *Yojijukugo jiten onrain* (四字熟語辞典オンライン) [Four-character idioms Online Dictionary] [website]. URL: <https://yoji.jitenon.jp/yojie/2153.html> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Kokakoi (狐假虎威) [The Fox Borrows the Power of the Tiger]. In *Yojijukugo-no hyakka jiten* (四字熟語の百科事典) [Encyclopedia of Four-character idioms] [website]. URL: <https://idiom-encyclopedia.com/kokakoi/> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Kokakoi (狐假虎威) [The Fox Borrows the Power of the Tiger]. In *Yojijukugo jiten* (四字熟語辞典) [Four-character idioms Dictionary] [website]. URL: <https://yozizyukugo.kanjitisisiki.com/10/095.html> (mode of access: 24.02.2021).

Kokakoi. 狐借虎威. [The Fox Borrows the Power of the Tiger]. In *YouTube* [video]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IvPjMcFhSBA> (in Japanese) (mode of access: 28.02.2021).

“Kokakoi”. “Sengokusaku” wakariyasui gendaigo-yaku to kakikudashibu to yosō mondai kaisetsu. 「狐借虎威」『戦国策』わかりやすい現代語訳と書き下し文と予想問題解説. [“The Fox Borrows the Power of the Tiger”. “Strategies of the Warring States”. Easy-to-understand modern translation, written sentences, and explanation of expected questions]. In *YouTube* [video]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=V7ZdNx5qfDI> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Kōkō koten. Tora-no i-wo karu. 高校古典 借虎威. [Classic for High school. The Fox Borrows the Power of the Tiger]. In *YouTube* [video]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bSR1XDZh_5Q (in Japanese) (mode of access: 28.02.2021).

Koku-sū-sha-ri-ei no sukikirai itte miru (国数社理英の好き嫌い言ってみる) [Let's say what you like and dislike about your school lessons]. In *Twitter* [website]. URL: https://twitter.com/hashtag/%E5%9B%BD%E6%95%B0%E7%A4%BE%E7%90%86%E8%8B%B1%E3%81%AE%E5%A5%BD%E3%81%8D%E5%AB%8C%E3%81%84%E8%A8%80%E3%81%A3%E3%81%A6%E3%81%BF%E3%82%8B?src=hashtag_click (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Komachiya Teruhiko 小町谷照彦. (2012). *Shinpen koten* 新編古典 [New Classic Literature]. Tokyo, Tokyo shoseki. 287 p.

Kyō no yojijukugo No. 490 “Kokakoi” (今日の四字熟語No. 490 【狐假虎威】) [Today's four-character idiom “The fox Borrows the Power of the Tiger”]. In *Fukushima minna-no NEWS* (福島みんな

のNEWS) [Fukushima News for Everyone] [website]. URL: <http://fukushima-net.com/sites/meigen/586> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Kyōkasho mokuroku (Hakkō yotei-no kyōkasho-no ichiran) 教科書目録 (発行予定の教科書の一覧) [Textbook list (List of textbooks to be published)]. In *Monbukagakushō* (文部科学省) [Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology] [website]. URL: https://www.mext.go.jp/a_menu/shotou/kyoukasho/mokuroku.htm (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Maevskii, E. V. (1991). *Uchebnoe posobie po staropis'mennomu iaponskomu iazyku (bungo)* [Old Written Japanese (Bungo) Study Guide]. Moscow, Moscow State University Publishing House. 128 p.

Nikitina, T. N. (1982). *Khrestomatiia po drevnekitaiskomu iazyku (V–I vv. do n. e.). Uchebnoe posobie* [Reading book on the ancient Chinese language (V–I centuries BC). Tutorial]. Leningrad, Leningrad State University Publishing House. 148 p.

“Tesuto taisaku”. Kokakoi. Honbun kaisetsu. 【テスト対策】狐借虎威・本文解説. [“Test preparation”. The Fox Borrows the Power of the Tiger. Text commentary]. In *YouTube* [video]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=98DOe-NmTIA&t=559s> (in Japanese) (mode of access: 28.02.2021).

Tora-no i-wo karu kitsune (虎の威を借る狐) [The Fox Borrowing the Power of the Tiger]. In *Koji kotowaza jiten* (故事ことわざ辞典) [Dictionary of Fables and Sayings] [website]. URL: <http://kotowazaguide.com/to/toranoiwokaru.html> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Tora-no i-wo karu kitsune (虎の威を借る狐) [The Fox Borrowing the Power of the Tiger] / Koji seigo-wo shiru jiten [The Dictionary to Know Fables]. In *Kotobanku* (コトバンク) [Kotobank] [website]. URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%99%8E%E3%81%AE%E5%A8%81%E3%82%92%E5%80%9F%E3%82%8B%E7%8B%90-585239> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Tora-no i-wo karu. Mondai (借虎威・問題) [Borrowing the Power of the Tiger. Questions]. In *Puro kateikyōshi Takashi* (プロ家庭教師タカシ) [Professional tutor Takashi] [website]. URL: <https://www.uquqtaka.com/toranoi/5.html> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

“Tora-no i-wo karu kitsune” no hontō-no hanashi (「虎の威を借る狐」の本当の話) [The true story of “The Fox that Borrows the Power of the Tiger”]. In *Kokuritsu daigaku juken senmon Kyōgaku juku* (国立大学受験専門 享学塾) [National University Examination. Specialized Preparatory School Kyogaku] [website]. URL: <http://kyogaku-juku.com/%E5%A1%BE%E9%95%B7%E3%81%AE%E6%B0%97%E3%81%AB%E3%81%AA%E3%81%A3%E3%81%9F%E3%81%93%E3%81%A8%E3%81%BE%E3%81%A8%E3%82%81%E3%80%8C%E8%99%8E%E3%81%AE%E5%A8%81%E3%82%92%E5%80%9F%E3%82%8B%E7%8B%90%E3%80%8D%E3%81%AE%E6%9C%AC%E5%BD%93%E3%81%AE%E8%A9%B1%E5%BA%83%E5%B3%B6%E9%A7%85%E5%89%8D%E5%9B%BD%E7%AB%8B%E5%A4%A7%E5%AD%A6/> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Tōyō kanji jitai-hyō (当用漢字字体表) [List of Kanji for General Use]. In *Aozora bunko* (青空文庫) [Aozora Library] [website]. URL: https://www.aozora.gr.jp/kanji_table/touyoukanji_jitaihyou/ (mode of access: 24.02.2021).

Wakaru dekiru kanbun Jūgyō. “Dai ni kai. Kokakoi”. ワカるデキる漢文授業 ～第2回 狐借虎威～. [Exciting Kanbun lessons. Lesson 2. The Fox Borrows the Power of the Tiger]. In *YouTube* [video]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v4qEjQbL4kM&t=37s> (in Japanese) (mode of access: 28.02.2021).

Wenyanwen yuedu. Zhengwen (文言文阅读. 正文) [Classical Chinese reading. Original texts]. In *Ershi tiku* (12 题库) [Set of questions for the main state exam]. [website]. URL: <https://www.12tiku.com/tiku/1152/1792241.html> (in Chinese). (mode of access: 28.02.2021).

Yokota Koretake (横田惟孝). Sengoku-saku seikai. (戦国策正解) [Correct Strategies of the Warring States]. Edo: Seizandō. In *Waseda daigaku toshokan* (早稲田大学図書館) [Waseda University Library] [website]. URL: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/bunko17/bunko17_w0201/index.html (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

Zhan guo ce (戦国策) [Strategies of the Warring States]. In *Chinese Text Project* [website]. URL: <https://ctext.org/pre-qin-and-han?searchu=%E8%8D%8A%E5%AE%A3%E7%8E%8B%E5%95%F%E7%BE%A4%E8%87%A3> (in Chinese). (mode of access: 28.02.2021).

2018 Nendo daigaku nyūshi sentā shiken. Mondai kaitō (2018年度大学入試センター試験 問題・解答) [2018 National Center Test for University Admissions. Questions / Answers]. In *Asahi shinbun dejitaru* (朝日新聞デジタル) [Asahi News Digital] [website]. URL: <https://www.asahi.com/edu/center-exam/shiken2018/> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

2019 Nendo daigaku nyūshi sentā shiken. Mondai kaitō (2019年度大学入試センター試験 問題・解答) [2019 National Center Test for University Admissions. Questions / Answers]. In *Asahi shinbun dejitaru* (朝日新聞デジタル) [Asahi News Digital] [website]. URL: <https://www.asahi.com/edu/center-exam/shiken2019/> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

taru (朝日新聞デジタル) [Asahi News Digital] [website]. URL: <https://www.asahi.com/edu/center-exam/shiken2019/> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

2020 Nendo daigaku nyūshi sentā shiken. Mondai kaitō (2020年度大学入試センター試験 問題・解答) [2020 National Center Test for University Admissions. Questions / Answers]. In *Asahi shinbun dejitaru* (朝日新聞デジタル) [Asahi News Digital] [website]. URL: <https://www.asahi.com/edu/center-exam/shiken2020/day1.html> (in Japanese) (mode of access: 24.02.2021).

2021 Nendo daigaku nyūgaku kyōtsū tesuto. (2021年度大学入学共通テスト) [2021 year university admission common test]. In *Asahi shinbun dejitaru* (朝日新聞デジタル) [Asahi Shimbun Digital] [website]. URL: <https://www.asahi.com/edu/center-exam/> (in Japanese) (mode of access: 28.02.2021).

2021 Nendo daigaku nyūgaku kyōtsū tesuto. (2021年度大学入学共通テスト) [2021 year university admission common test]. In *Asahi shinbun dejitaru* (朝日新聞デジタル) [Asahi Shimbun Digital] [website]. URL: <https://www.asahi.com/edu/center-exam/> (in Japanese) (mode of access: 28.02.2021).

The article was submitted on 16.04.2021

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930.2(470) + 920.2(529.1) + 39(529.1)

В. А. Перминова

«РУССКИЙ СЛЕД» НА ТАЙВАНЕ И НАЧАЛО ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОСТРОВА

Рец. на: Головачёв В. Ц. «Экскурсия на Формозу». Этнографическое путешествие П. И. Ибиса. М.: Издательство «Весь Мир», 2019. 276 с.

Аннотация. Рецензия посвящена рассмотрению монографии В. Ц. Головачёва, в которой автор исследует жизнь и научные труды российского морского офицера Пауля (Павла Ивановича) Ибиса (1852–1877), совершившего в начале 1875 г. путешествие по Тайваню, по итогам которого он опубликовал ценные научные сведения об острове. В книге собран и проанализирован большой объем архивных документов и исследований, которые напрямую или косвенно имеют отношение к судьбе П. И. Ибиса и его этнографической экспедиции на Тайвань.

Ключевые слова: Тайвань, Формоза, Пауль Ибис, этнографическая экспедиция, этнология

Vera A. Perminova

“RUSSIAN TRAIL” IN TAIWAN AND BEGINNING OF TAIWAN ETHNOLOGY

Rev. of: Golovachev V. Ts. (2019). “Ekskursiia na Formozu”. Etnograficheskoe puteshestvie P. I. Ibisa. [“Excursion to Formosa”. The ethnographic trip by Paul Ibis] Moscow: “Ves’ Mir” Publishing House. 276 p.

Abstract. The review deals with book by Valentin Ts. Golovachev, where the author represents life-story and ethnographic studies of Russian naval officer Paul Ibis (1852–1877). P. Ibis was a participant in circumnavigation on the corvette “Askold” in 1872–1876 and at the beginning of 1875 made a journey in Taiwan, after his journey P. Ibis published valuable information about Taiwan and its inhabitants. The book analyzes all available archive documents and published materials that are relevant to biography of Paul Ibis and his ethnographic expedition in Taiwan.

Keywords: Taiwan, Formosa, Paul Ibis, ethnographic expedition, ethnology

Далекий от международных политических процессов остров Тайвань долгое время оставался за пределами отечественной науки и не входил в число первоочередных интересов российских исследователей. Только со второй половины XIX в. после открытия Китая в результате «опиумных войн» и активизации западными державами торговой деятельности на китайском побережье россиянами были предприняты первые попытки полевых исследований острова, причем не только сугубо практической, но и академической направленности. Подобные экспедиции, как правило, предпринимались военными моряками во время дальних походов и кругосветных плаваний,

в первую очередь, для сбора необходимых географических сведений о «заморских территориях», хозяйственной деятельности и обычаях народов, населявших эти земли. Вместе с тем, такие путевые заметки моряков, оформленные в виде служебных рапортов и отчетов, нередко содержали ценные научные данные – этнографические сведения, исследования языка, данные о культуре и традициях местных жителей. При этом, выполняя работу по сбору общих данных военно-стратегического характера и попутно проводя научные исследования, эти мореплаватели, по сути, выступали в качестве представителей всей Российской империи, которые первыми устанавливали контакты с администрацией и народами далеких стран Азии. В этом смысле, роль «военных востоковедов», как их называет автор рецензируемой книги, сложно переоценить, ведь они способствовали «мирному расширению международных связей и границ культурного влияния «русского мира»» (с. 232).

Одним из подобных путешествий стала полуторамесячная экспедиция на Тайвань прапорщика корпуса флотских штурманов Пауля (Павла Ивановича) Ибиса – российского подданного эстонско-немецкого происхождения, который в период кругосветного путешествия на борту корвета «Аскольд» совершил одиночное путешествие по острову в начале 1875 г. Поводом к исследованию далекого острова, находящегося на периферии Китайской империи, послужил японо-китайский конфликт 1874 г. (первая японская военная экспедиция на Тайвань)¹, который привлек внимание мирового сообщества и продемонстрировал важность этого острова в геополитической расстановке сил в Восточной Азии. За полгода до поездки П. И. Ибиса, в самом начале японской экспедиции, там побывал командир канонерки «Горностай» В. А. Терентьев, который собрал важные сведения об острове и жизни его обитателей, став первым россиянином, предоставившим объективные научные данные о Тайване на основе собственных наблюдений.

«Экскурсия на Формозу», свершенная П. И. Ибисом, стала продолжением исследований острова в сложившейся международной обстановке. Хотя эта поездка была спланирована и организована исключительно по инициативе самого прапорщика, заинтересовавшегося ситуацией вокруг Тайваня, очевидно, ее успешная реализация была выгодна и руководству, которое не только позволило П. И. Ибису оставить службу на корабле почти на два месяца, но и снабдило путешественника рекомендательными письмами. Следует сказать, что доверие, оказанное П. Ибису со стороны командира судна, было полностью оправдано – после своей отлучки прапорщик привез ценные сведения об острове, которые по своей детальной проработке и научному содержанию не уступали исследованиям, которые проводили западные профессиональные ученые того времени, также совершавшие поездки на Тайвань и даже имевшие лучшее техническое оснащение, чем российский исследователь. В. Ц. Головачёв убедительно доказал это, сопоставив результаты научных изысканий американского путешественника и натуралиста Джозефа Стира, побывавшего на острове на полтора года раньше, и «путевые заметки» П. И. Ибиса (Глава 5. «Этнологические исследования П. И. Ибиса и «американца Стира»: сравнительный обзор»).

¹ В 1874 г. Японией была организована карательная экспедиция на Тайвань с целью наказать «дикие племена» горцев, населявших восточное побережье острова, по вине которых в 1871 г. погибли японские рыбаки после кораблекрушения (т.н. «Муданьский инцидент»).

Внимание современных ученых к П. И. Ибису как путешественнику и ученому, по сути совершившему первую этнографическую экспедицию на Тайвань, обусловлено тем, что он, будучи сторонним наблюдателем, не был заинтересован в искажении либо приукрашивании информации – у России на тот момент не было прямых интересов на Тайване, поэтому, в отличие от европейцев, которые часто выполняли роль торговых представителей и создавали негативный образ местного населения, П. И. Ибис описывал все увиденное беспристрастно и вполне объективно (в этом его оценки совпадают и с данными В. А. Терентьева, который нелестно отзывался о «непрощеных» на остров японцах и их советниках, и указывал на несправедливое и грубое обращение местных китайцев и европейцев с туземными племенами [1, с. 22–23]). В подтверждение этого автор монографии приводит краткий историографический обзор материалов по Тайваню периода первой японской экспедиции (новостных сообщений в зарубежных и отечественных изданиях, научных статей)¹, где наглядно показывает, что в отличие от многих тенденциозных зарубежных публикаций, П. И. Ибис дает весьма точные и справедливые замечания по поводу происходящих на острове событий (Глава 4. «Формозский вопрос между Китаем и Японией (1874)»). Более того, размышления П. И. Ибиса по поводу действительных намерений японцев, организовавших военную экспедицию на Тайвань, проблем взаимодействия китайского населения с «дикими племенами» и дальнейшей судьбы туземного населения острова, о которых автор попутно сообщает в своих заметках, оказались справедливыми предположениями, которые впоследствии подтвердились.

Вопрос, с которым неизбежно сталкивается любой исследователь, который изучает работы П. И. Ибиса, это – как мог такой молодой человек, не обладавший каким-либо значительным научным опытом, подготовить настолько качественное и подробное этнографическое описание племен и народностей, с которыми ему удалось пообщаться. Как выяснил В. Ц. Головачёв, для выполнения главной научной задачи своей «экспедиции на Формозу» – изучения горных племен острова – П. И. Ибис приложил большие усилия, изучив все доступные для него научные публикации, существовавшие на тот момент карты местности, справочные издания и даже инструкции для исследователей-этнографов, что, будучи помноженное на лучшие качества морского офицера, смелость, пылливость настоящего ученого и искреннее дружелюбие, позволили ему посетить 13 селений разных народностей и составить их подробное описание. Детальному изучению конкретных источников и методик исследований, которые использовал П. И. Ибис, посвящены две главы монографии (Глава 6. «Инструментарий, источники и методики полевых исследований П. И. Ибиса»; Глава 7. «Применение этнографических методик в описаниях формозцев»). Автор книги также рассмотрел вопрос о ценности результатов лингвистических исследований прапорщика и его гипотезы относительно малайского происхождения коренных народностей Тайваня.

До публикации монографии В. Ц. Головачёва информация о путешествии П. И. Ибиса носила фрагментарный характер. Первые упоминания об «экскурсии на Формозу» содержатся в статьях ленинградского ученого М. Ф. Чигринского,

¹ Подробный обзор мировой историографии по этнополитической истории Тайваня проведен еще в одной монографии В. Ц. Головачёва [1]. Специфика тайваньских исследований в трудах отечественных ученых и путешественников рассмотрена в коллективной монографии [2].

однако сведения о плавании корвета «Аскольд», деталях путешествия на Формозу, равно как и биография самого П. И. Ибиса требовали дополнения, уточнения и перепроверки. Благодаря вышедшей книге теперь есть возможность увидеть более полную и достоверную картину происходивших событий. Автор монографии внес значительные правки в информацию о самом П. И. Ибисе, реконструировал его биографию и обстоятельства преждевременной кончины, обстоятельства кругосветного плавания «Аскольда», методики и источники полевых исследований прапорщика, изучив большой объем архивных документов и прочих источников, оставшихся до сих пор без внимания ученых.

По своей структуре монография состоит из двух частей, первая из которых содержит исследование, во второй размещены полные тексты пяти статей П. И. Ибиса с пояснениями и комментариями (в т. ч. его статья на немецком языке в журнале “Globus”). В Приложениях приведены две статьи М. Ф. Чигринского о путешествии П. И. Ибиса (1982 г. и 1984 г.), несколько рапортов и таблицы, в которых автор монографии сопоставляет описание туземных племен у П. И. Ибиса и Дж. Стира (Приложение 5), а также сравнение положений этнографической инструкции Императорского Русского Географического Общества с описанием некоторых племен в заметках прапорщика (Приложение 6). В ходе повествования в первой части книги автором были добавлены блоки дополнительной информации, которая уточняет отдельные эпизоды из жизни прапорщика, позволяя увидеть более полную картину условий, в которых рос, воспитывался и учился молодой П. И. Ибис. Обилие иллюстрированного материала (фотографии Тайваня второй половины XIX в., рисунки самого П. И. Ибиса) позволяет читателю погрузиться в атмосферу того времени и представить то, каким мог увидеть далекий «прекрасный остров» – Формозу – российский офицер.

По сути, монография В. Ц. Головачёва – это не только «реконструкция» экспедиции на Формозу и исследование трудов П. И. Ибиса, но и подробное руководство для тех, кто захочет изучать «русский след» на Тайване. Собранная по крупицам информация о всех сопутствующих обстоятельствах той экспедиции, дополнительные сведения о тех людях, с которыми наверняка встречался или мог познакомиться П. И. Ибис, информация о сослуживцах прапорщика, которые также писали путевые заметки о кругосветном путешествии «Аскольда», вкупе с обилием приведенных архивных документов (как минимум, в кратком их содержании, а также множество ссылок на конкретные дела) открывают для внимательного читателя большие возможности для дальнейшего изучения Тайваня и роли отечественных путешественников в исследовании далеких стран Азии. Будем надеяться, что выход в свет книги В. Ц. Головачёва и проведенные в шести городах тематические выставки об «экспедиции на Формозу»¹ привлекут новых исследователей и вернут имена «первопроходцев» отечественного востоковедения из незаслуженного забвения.

¹ В 2014–2018 гг. в Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе, Владивостоке, Челябинске и Миассе была организована серия выставок «Возвращение на Формозу. 1875/2014. Незабываемые герои. По следам российского морского офицера П. И. Ибиса» – визуально-текстовая экспозиция, которая была создана по материалам трехнедельной экспедиции Ф. Лабутина и С. Малкова, прошедших по маршруту П. И. Ибиса в марте 2014 г.

Список литературы

Головачёв В. Ц. Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии (XVII–XXI вв.) / отв. ред. А. Д. Дикарёв. М.: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. 320 с.

Головачев В. Ц., Молодяков В. Э. Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор / Отв. ред. Э. В. Молодякова. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 120 с.

References

Golovachev, V. Ts. (2018). Etnopoliticheskaia istoriia Taivania v mirovoi istoriografii (XVII–XXI vv.) [Ethno-political history of Taiwan in the world historiography (XVII–XXI)] / Ed. by A. D. Dikarev. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN, MAKS Press. 320 p.

Golovachev, V. Ts., Molodiakov, V. E. (2014). Taivan' v epokhu iaponskogo pravleniia: istochniki i issledovaniia na russkom iazyke. Analiticheskii obzor [Taiwan under the Japanese rule: Russian language sources and studies. Analytical review] / Ed. by E. V. Molodiakova. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN. 120 p.

The article was submitted on 30.09.2020

Е. В. Хахалкина

НОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ИЗРАИЛЯ И ЕГИПТА

Рец. на: Эпштейн А. Д. «Израиль и Египет: пять войн за четверть века». М., Институт Ближнего Востока, Центр изучения Израиля и диаспоры, 2020. 442 с.

Аннотация. В рецензии дается оценка вышедшей в 2020 г. монографии известного специалиста-ближневосточника А. Д. Эпштейна. В этой работе автор ставит ряд фундаментальных вопросов о природе израильско-египетских отношений, в том числе причинах Суэцкого кризиса, Шестидневной войны и о других эпизодах, которые до сих пор вызывают широкий интерес историков. Автор представляет свое видение наиболее неоднозначных страниц арабо-израильского конфликта с опорой на широкий круг источников, особенно мемуары. В монографии показана не только политическая, но и военная история отношений Израиля и Египта в наиболее драматический, наполненный военными столкновениями период первой четверти с момента образования еврейского государства. Автор выходит в процессе повествования на более широкие сюжеты, связанные с историей холодной войной, деколонизацией, НАТО, выстраиванием политики на Ближнем Востоке вчерашних новичков в ближневосточных делах – СССР и США – в короткие сроки после Второй мировой войны ставших заметными игроками в регионе. Содержание монографии, ее исследовательские подходы также вносят вклад в понимание и развитие такой субдисциплины как «политическая психология».

Ключевые слова: Израиль, Египет, Ближний Восток, Суэцкий кризис 1956 г., Шестидневная война 1967 г.

Elena V. Khakhalkina

RETHINKING ISRAELI–EGYPTIAN RELATIONS

Rev. of: Epstein, Alek D. (2020). *Izrail' i Egipt: piat' vojn za chetvert' veka [Israel and Egypt: Five Wars in a Quarter-Century, 1948–1973]*. Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies – Center for Israel and Diaspora Studies, 2020. 442 pp. ISBN 978-5-89394-315-3.

Abstract. A new book, written by the prominent Israeli historian and political scientist Alek D. Epstein, raises a number of fundamental questions on the very nature of Israeli–Egyptian relations, including the causes of the Suez Crisis, the Six Day War, and other landmark events. Analyzing the most controversial issues of the Arab–Israeli conflict and the intense Israeli–Egyptian relations, the author examines a wide range of political, military and diplomatic sources, both published and previously unpublished. The author emphasizes the importance of political leaders' psychological considerations, their personal perspectives and prognoses on the emergence of the most important vectors of policy formation. The book offers an in depth, scrupulous analysis of the Israeli–Egyptian wars and reconciliation efforts through the lens of the history of the Cold War and geopolitical struggle between superpowers and various Middle Eastern actors, arguing that relations between Israel and Egypt could not be understood in a bilateral prism *per se*.

Keywords: Israel, Egypt, Middle East, Suez crisis 1956, Six-day War 1967

В 2020 г. вышла очередная монография известного историка, публициста и культуролога А. Д. Эпштейна, посвященная отношениям Египта и Израиля. Оба государства относятся к региону Ближнего Востока, название которого в массовом сознании тесно связано с непрерывными войнами, постоянной напряженностью, борьбой за ресурсы с вовлечением великих держав и в последние годы – с миграционными потоками в Европу.

В сущности, в более широком смысле в книге идет речь о двух фундаментальных и не устаревающих сюжетах. Во-первых, это «проблемы войны и мира», наиболее рельефно выраженные в названном районе мира, и, во-вторых, вопросы национальной идентичности и ее жизнеспособности.

Автор выбрал в качестве хронологического отрезка, пожалуй, самый драматичный этап в жизни двух обозначенных стран и всего Ближнего Востока. Нижняя хронологическая граница отсылает читателя к 1948 г., когда по решению (принято в ноябре 1947 г.) Генеральной Ассамблеи ООН образовалось государство Израиль, в то время как арабское государство в силу разных причин не сложилось. Само рождение и становление еврейского государства происходило в условиях военного противостояния – в 1948–1949 гг. произошла первая арабо-израильская война. Верхняя граница подводит итог пятой войне – войне Судного дня 1973 г.

Узел территориальных, религиозных, политических и иных противоречий между молодым еврейским государством и арабскими соседями затянулся очень крепко и в кратчайшие сроки. Уход Великобритании и Франции из региона после прекращения действия мандатной системы, введенной после Первой мировой войны в рамках Лиги Наций, предопределил повышенное внимание к ближневосточным странам со стороны двух сверхдержав – СССР и США.

Книга состоит из 11 глав, названия которых задают проблемные поля повествования. Например, глава 1 «Война, не закончившаяся миром: двусторонние отношения от создания Государства Израиль до окончания правления короля Фарука (1948–1952 гг.)», глава 6 «Израиль в мясорубке сверхдержав: Синайская война за Суэцкий канал и ее последствия (ноябрь 1956 г. – март 1957 г.)», глава 10 «Истощение в никуда: израильско-египетское противостояние в последний год жизни Г. А. Насера (1969–1970 гг.)».

Основному содержанию монографии предшествуют два отзыва – от президента Института Ближнего Востока Е. Я. Сатановского и руководителя Центра изучения Израиля и диаспоры Ю. Е. Гиверца, дополнительно придающие монографии солидность. Автор книги ставит в своей работе вопросы, которые до него исследователи или обходили вниманием по причине недоступности документов, мемуарной литературы, других источников, или считали второстепенными, не заостряли на них внимания. А. Д. Эпштейн детально, скрупулезно, с дотошностью увлеченного историка, разбирается в сложных перипетиях личных отношений героев его книги и объективных обстоятельствах, игравших на руку то одной, то другой стороне. Возможно, именно по этой причине книга читается на одном дыхании; кажется, в ней переплетено все – не отклоняясь от жанра научного исследования автор добавляет элементы детектива и драмы, когда рассказывает о действиях разведок разных стран, двойных агентах, звонках среди ночи. Возникает эффект присутствия, сопе-

реживания разным участникам конфликта. Читатель не может поддержать ни одну из сторон – он понимает, что у каждого были свои мотивы, надежды, просчеты.

Для анализа геополитики ученые в последние годы используют методы и данные психологии; существует даже такая дисциплина как «политическая психология». Рецензируемая работа полностью вписывается в содержание этого понятия. Межгосударственное взаимодействие действительно во многом напоминает и является отражением человеческих отношений. Случаются ситуации, когда компромисс невозможен, и единственным вариантом отстаивания своих позиций остаются силовые действия. Отношения Израиля и Египта не сложились с самого начала. Как справедливо замечает автор, «нападение египетской армии на Израиль в первый же день, когда эта страна провозгласила свою независимость, не только стало большой бедой для еврейского государства и его жителей, но и на годы и десятилетия вперед заложило сильнейший фундамент осторожности и недоверия, препятствовавших мирному урегулированию» (с. 32).

С установлением в Египте республики во главе с полковником Г. А. Насером отношения двух государств еще больше обострились. Апогеем конфронтации стали события Суэцкого кризиса 1956 г. Этому сюжету посвящено немало публикаций в отечественной и зарубежной историографии, однако А. Д. Эпштейн сумел обнаружить малоизвестные детали. В частности, автор приводит интереснейшие данные о событии, произошедшем 28 октября 1956 г., которое начальник генерального штаба Армии обороны Израиля Моше Даян справедливо охарактеризовал как «наполовину выигранная война» (с. 208–209).

Далее автор ставит очень важный вопрос: почему американская дипломатия «бросила все свои силы на борьбу с ближайшими союзниками США: Францией и Великобританией» (с. 221–222), «почему, мечтая, чтобы режим Насера рухнул, Д. Ф. Даллес и президент США, в администрации которого он работал, сделали все, что было в их силах, чтобы этого не случилось» (с. 222–223).

Возникшая в период проведения военной операции ситуация фактического выступления США на одной стороне с Советским Союзом против Франции и Великобритании действительно выглядела бы курьезно, если не была бы такой серьезной. И вопрос автора вполне правомерен. Неслучайно Суэцкий кризис 1956 г. фигурирует в разных исследованиях как водораздел в послевоенной мировой политике, внешнеполитических и колониальных курсах ключевых европейских метрополий и международной политике США. Причем, как замечает А. Эпштейн, «ни в Иерусалиме, ни в Лондоне, ни в Париже не ожидали, что их главными оппонентами, защищающими режим Г. А. Насера, станут американцы. Война во многом пошла неудачно, ибо руководители Франции и Великобритании полагали, что их вето в Совете Безопасности ООН закроет тему – и это даст нужное для обеспечения военной победы время; вынесение американцами этого вопроса на обсуждение Генеральной Ассамблеи спутало эти планы. Война против Египта в 1956 году стала полигоном, на котором США провели демонстрацию того, что во всем Западном мире державой являются они и только они» (с. 231–232).

Автор, солидаризируясь с одной из существующих точек зрения в историографии, дает такой ответ на свой вопрос: «Великобритания и Франция не были гото-

вы к разрыву своих отношений с СССР, а потому искали формат выхода из войны, который бы, так или иначе, удовлетворил Москву» (С. 229), но исчерпывающим А. Д. Эпштейн свой ответ не считает, выдвигая третью гипотезу: «Д. Эйзенхауэр и Д. Ф. Даллес были возмущены не столько тем, что именно совершили англичане, французы и израильтяне, сколько тем, что это было сделано без предварительного согласования с Вашингтоном (выделено в тексте. – Е.Х.). ... Американцы были более всего возмущены тем, что их проигнорировали и даже не проинформировали о достигнутых лидерами трех стран в Севре договоренностях. Американцев, по сути, обманули» (с. 230).

На арабо-израильский конфликт наслонились процессы, связанные с Холодной войной, распадом мировой колониальной системы и перегруппировкой сил в регионе. СССР и США, в отличие от европейских метрополий, могли выстраивать отношения с ближневосточными государствами без груза негативного колониального опыта. Обе сверхдержавы активно эксплуатировали антиколониальную риторику и пытались вовлечь в свою орбиту те государства, которые вышли из-под контроля европейских метрополий.

Суэцкая операция 1956 г. отразила столкновение двух философий: старой, еще не отжившей колониальной парадигмы мира и новой, постколониальной фазы развития. США в данном конкретном случае оказались перед сложным выбором: с одной стороны, они, казалось бы, должны были поддержать своих союзников по НАТО, с другой стороны, они не могли поддержать военную операцию в ее таком явно староколониальном стиле по причине своих антиколониальных позиций и глобальных амбиций.

Особый колорит изложению придают яркие зарисовки политических деятелей. Герои книги – неординарные политики разных стран, оставившие заметный след в истории и до сих пор вызывающие споры и полярные оценки. Автор книги уважает своих персонажей, выделяет их сильные и слабые стороны, максимально до тошно разбирает их личный вклад в эскалацию или, наоборот, затухание конфликта. В книге в каком-то смысле восстанавливается историческая справедливость – А. Д. Эпштейн определяет за каждым участником именно ту степень ответственности, которая следует из анализа обширного круга источников, мемуарной литературы, исследований. В частности, автор фиксирует, что «в литературе и в средствах массовой информации нередко встречается вывод об очень негативной роли, сыгранной в истории двусторонних отношений Гамалем Абд эль-Насером» и соглашается с этой оценкой, но замечает, что «политико-дипломатическое наследство, полученное им от короля Фарука, отнюдь не было оптимальной стартовой площадкой для развития многогранного сотрудничества, от которого уже в те годы выиграли бы и Египет, и Израиль» (с. 62). Неоднозначной фигурой до сих пор остается и второй президент Египта А. Садат, который «стратегически ... готовился не к миру, а к войне, которая была призвана если не стереть память о тотальном фиаско 1967 года, то хотя бы добавить к нему другую память – о доблести и героизме победоносной египетской армии; эту память только предстояло создать» (с. 390–391).

Неоднозначный характер носит и оценка израильских лидеров. Например, нехватка определенных профессиональных компетенций обернулась в свое вре-

мя трудностями и для израильской стороны, когда премьер-министром стала Г. Меир. «После смерти Л. Эшколя (премьер-министр Израиля. – Е. Х.) ситуация существенно изменилась: понимая, что она малокомпетентна в вопросах военной стратегии и тем более тактики, Голда Меир предоставила Моше Даяну практически неограниченную свободу действий в вопросах, относившихся к его служебной компетенции, чем министр обороны не преминул воспользоваться. Выдающийся полководец, М. Даян, однако, плохо разбирался в вопросах внешней политики, что весной и летом 1970 года обернулось для Израиля бедой» (с. 354).

Отметим еще одну сильную сторону работы А. Эпштейна – каждая военная операция, о которой говорится в книге, показана со всех сторон и в деталях – от ее подготовки и проведения до результата и последствий. Автор в данном случае выступает и как военный историк, демонстрирует знание основных видов вооружений, использованных в упомянутых военных компаниях, нюансов тактики и стратегии боевых действий. В качестве баланса этим сюжетам выступает описание ключевых дипломатических баталей в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее ООН при обсуждении ближневосточных событий.

Тщательное изучение документов подводит автора к ряду открытий. Так, весной 1970 г. США выступили с инициативой о прекращении огня. А. Эпштейн пишет: «Учитывая, что ровно в это самое время, в марте 1970 года, проходило развертывание советского воинского контингента в Египте, вполне понятно желание советской стороны обеспечить этому процессу спокойствие, не прерываемое израильскими бомбардировками. А вот американское давление на Израиль в этих условиях ни понять, ни оправдать невозможно: Ричард Никсон фактически требовал от Израиля в одностороннем порядке обеспечить Советскому Союзу условия наибольшего благоприятствования для развертывания его воинского контингента в Египте, направленного туда с целью ведения боевых действий против еврейского государства» (с. 369–370).

А. Д. Эпштейн обращает внимание и на недоработки спецслужб. Например, в начале марта 1970 г. заместитель директора ЦРУ подал президенту США документ, в котором речь шла не о произошедшем тогда увеличении численности советских военных в Египте в рамках запланированной операции, а наоборот, их сокращении: «Операция “Кавказ” не упоминалась ни единым словом – и даже возможность ее проведения не предполагалась» (с. 371).

Настоящий «конек» автора в данном исследовании – активное привлечение мемуарной литературы. Каждое воспоминание верифицируется через сопоставление с документами или соответствующими публикациями, найденные несоответствия или белые пятна автор выносит на суд читателя, предлагая свои трактовки, некоторые из которых являются приглашением к продолжению дискуссии. А. Эпштейну было важно понять, в чем причины некоторых упущенных возможностей в достижении компромисса и почему оценки историков и политиков тех или иных событий заметно исказились, обросли поверхностным анализом. Например, автор отмечает, что постоянно получавший данные разведки о дате нападения, Израиль в октябре 1973 г. не ожидал атаки: «Вооруженные силы Египта и Сирии внезапным и совершенно неожиданным нападением застали израильские войска

врасплох на тех самых территориях, которые они захватили у этих стран в ходе Шестидневной войны. Впервые израильская Военная разведка не выполнила свою основную миссию, не сумев предвидеть начало боевых действий» (с. 401).

А. Эпштейн обратил внимание на упрощенность называемых в литературе причин неготовности Израиля к войне в 1973 г.: «Во многих публикациях утверждается, что это будто бы произошло вследствие “концепции”, возникшей в обстановке эйфории после ошеломляющей победы Израиля в Шестидневной войне 1967 года. Согласно этой «концепции», арабы никогда не начнут большой войны, поскольку понимают, что они не смогут ее выиграть, что израильтяне уверенно разгромят их войска и войдут в Каир и Дамаск. ...После Шестидневной войны этой “концепции” не было, напротив, достаточно сказать, что именно в 1968–1969 годах огромные усилия и средства были вложены в создание оборонительной линии вдоль восточного побережья Суэцкого канала, на новой границе Израиля и Египта, получившей название “линии Бар Лева”, по имени тогдашнего начальника Генерального штаба израильской армии» (с. 402).

Автор книги отметил, что и основной союзник Израиля – США – не всегда выполнял свои обязательства. В частности, американская разведка по своим каналам получила информацию о предстоящем нападении Египта и Сирии в октябре 1973 г., но не считала нужным поделиться этими сведениями: «Уже 4 октября в Агентстве национальной безопасности США знали, что нападение на Израиль произойдет во второй половине дня 6 октября; будь эта информация передана в Израиль, она бы могла кардинально изменить ход подготовки к войне, а, значит, и ее результаты, как минимум, на начальном этапе сражений; этого, однако, не произошло» (С. 415).

А. Эпштейн приходит к обоснованному выводу: «Пятая война между Египтом и Израилем отчетливо продемонстрировала, что по совокупности военно-политических причин ни одна из сторон не может добиться решающей победы над другой. Именно поэтому... война в октябре 1973 года оказалась последней между ними. Это был Судный день для всех, дальше двигаться по этому пути было некуда» (с. 426).

В целом период, выбранный и скрупулезно изученный автором, был временем, когда стороны проверяли друг друга на прочность, пытались вымотать и заставить пойти на уступки. Установление относительного *modus vivendi* потребовало времени и ресурсов от обеих сторон. Полдесятка войн за четверть века измотали противников, и через несколько лет, в 1979 г., Египет будет вынужден признать Израиль и подписать с ним соглашения в рамках Кемп-Дэвидских договоренностей, хотя эти сюжеты находятся уже за рамками рассматриваемого автором периода. Над книгой «Израиль и Египет: почти полвека без войны» А. Д. Эпштейн работает в настоящее время, ее публикация ожидается в следующем году.

Арабо-израильский конфликт до сих пор остается не разрешенным, стороны находятся в постоянной боеготовности, которая превратилась в норму жизни для миллионов жителей региона. Рецензируемая монография совмещает в себе три плоскости в понимании природы израильско-египетских отношений и участия великих держав в ближневосточном конфликте – дипломатическую, политическую

и военную – и обозначает новые грани в изучении, казалось бы, хорошо известных сюжетов, намечает вектор для продолжения исследований. Издание может быть рекомендовано всем, кто интересуется историей Ближнего Востока XX века, а также отношениями Израиля, Египта и сопредельных государств.

Список литературы

Эпштейн А. Д. Израиль и Египет: пять войн за четверть века. М.: Институт Ближнего Востока, Центр изучения Израиля и диаспоры, 2020. 442 с.

Reference

Epstein, A. D. (2020). *Izrail' i Egipet: piat' voin za chetvert' veka* [Israel and Egypt: Five Wars in a Quarter Century]. Moscow, Middle East Institute, Center for Israel and Diaspora Studies. 442 p.

The article was submitted on 20.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Иван Алексеевич, ассистент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; аспирант Пекинского педагогического университета (Пекин, Китай). E-mail: alex111_95@list.ru

Ivan A. Alekseev, teaching assistant, Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; PhD student, Beijing Normal University (Beijing, China). E-mail: alex111_95@list.ru

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Alexey V. Antoshin, Doctor of History, Professor, Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Бахвалова Анастасия Алексеевна, магистрант кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: anastasiia_bakhvalova@yahoo.com

Anastasiia A. Bakhvalova, graduate student, Department of Oriental Studies, Ural Federal University. E-mail: anastasiia_bakhvalova@yahoo.com

Валиахметова Гульнара Ниловна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: vgulnara@mail.ru

Gulnara N. Valiakhmetova, Doctor of History, Head of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: vgulnara@mail.ru

Заболотнева Светлана Алексеевна, студент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: svetazabolotneva@gmail.com

Svetlana A. Zabolotneva, student of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: svetazabolotneva@gmail.com

Капсалькова Карина Рамазановна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: k.r.kapsalykova@urfu.ru

Karina R. Kapsalikova, PhD in History, assistant, the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: k.r.kapsalykova@urfu.ru

Каренин Денис Михайлович, второй секретарь МИД России, Москва, Россия. E-mail: dmkkarenin@hotmail.com

Denis M. Karenin, Second Secretary, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: dmkkarenin@hotmail.com

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия. E-mail: maksymkirchanoff@gmail.comMaksym

W. Kyrchanoff, Doctor of History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Economies, Faculty of International Relations; Department of World History and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University, Voronezh, Russia. E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Кузьмин Вадим Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: vadim.kuzmin@urfu.ru

Vadim A. Kuzmin, Doctor of History, Professor, Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: vadim.kuzmin@urfu.ru

Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку (Токио, Япония), ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия). E-mail: dottore68@mail.ru

Vassili E. Molodiakov, Ph.D., LL.D., Prof., International Institute of Japanese Culture, Takushoku University (Tokyo, Japan), Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: dottore68@mail.ru

Мышинский Алексей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: sanrenxing@yandex.ru

Alexey L. Myshinskiy, PhD in Philosophy, Assistant professor of Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: sanrenxing@yandex.ru

Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН; доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия. E-mail: verger177@yandex.ruVera

A. Perminova, PhD (History), researcher in Institute of Oriental Studies, RAS; Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: verger177@yandex.ru

Румянцев Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, Томский государственный университет, Томск, Россия. E-mail: rumv@mail.ru

Vladimir P. Rumyantsev, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: rumv@mail.ru

Смирнов Сергей Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории, профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Sergei V. Smirnov, Doctor of History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Professor, Department of Oriental Studies, Professor, Ural Humanities Institute, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Суровень Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Dmitry A. Surowen, Ph.D. in History, Associate Professor. Department of history of state and law. Ural State Law University, Yekaterinburg. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Тао Цзинхун, аспирант кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: 1945946945@qq.com

Tao Jinghong, prostgraduate student (2nd year of study), Department of Oriental Studies, Ural Insitute of Humanities, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: 1945946945@qq.com

Хахалкина Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений, факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Elena V. Khakhalkina, Doctor of History, Professor, acting Head of the Department of Contemporary History and International Relations, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Хренов Валентин Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Valentin V. Khrenov, PhD in History, Assistant professor of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Цуканов Леонид Вячеславович, директор Уральской ассоциации молодых ближневосточников, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: leon.tsukanov@mail.ru

Leonid V. Tsukanov, Director of the Ural Young Middle East Association, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: leon.tsukanov@mail.ru

Чекункова Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: e_chekunkova@mail.ru

Ekaterina S. Chekunkova, assistant lecturer at the Department of Oriental Studies of the Ural Federal University. E-mail: e_chekunkova@mail.ru

Шипицына Юлия Сергеевна, лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: shipitsyna.phd@gmail.com

Yulia S. Shipitsyna, laboratory researcher of the Laboratory of Edition Archaeography of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: shipitsyna.phd@gmail.com

ОТ РЕДАКЦИИ

«Уральское востоковедение» – международный научный журнал, тематика которого охватывает широкий круг проблем истории, культуры, языкознания, политологии, экономики, философии и религиоведения стран Азии и Африки. Цель журнала состоит в создании принципиально междисциплинарной исследовательской платформы для востоковедов разного профиля, представляющих разные ведущие школы, по изучению восточных обществ и обмену мнениями по ключевым вопросам истории и современности стран Востока.

«Уральское востоковедение» – первое и единственное издание в УрФУ по востоковедной тематике. Деятельность журнала «Уральское востоковедение» призвана способствовать формированию Уральского федерального университета в качестве одного из ведущих центров гуманитарных исследований востоковедной направленности и преподавания восточных языков.

Научная миссия журнала состоит в разработке проблематики трансграничья, контактных зон, межрегионального и межкультурного взаимодействия на Востоке. Отсюда приоритетное внимание журнала к колониальным и постколониальным исследованиям, имагологической проблематике (формирование образа Другого в различных культурах), истории международных отношений в Восточной Азии, Центральной Азии и на Ближнем Востоке с Древности до наших дней, истории связей России и Востока (в частности, истории русской эмиграции в странах Азии и Африки), региональной интеграции в Азии и Африке на современном этапе. Данные сюжеты являются традиционными для «Уральского востоковедения» и оказываются представлены в каждом номере журнала.

Рубрикация материалов журнала сочетает региональный и тематический принципы. Наряду с разделами по регионам (Восточная Азия, Южная Азия, Ближний Восток, Африка и др.), традиционным для журнала является также тематический блок «Преподавание восточных языков и литературы», материалы которого позволяют одновременно рассмотреть различные аспекты собственно университетского преподавания восточных языков и литератур, а также выявить основные особенности восприятия культуры изучаемой страны студентами.

Редакционная политика «Уральского востоковедения» строится на принципах академизма и научного плюрализма: мнение авторов журнала может не совпадать с точкой зрения редактора и редакционной коллегии. В представляемых на рассмотрение редколлегии материалах приветствуются междисциплинарность, методологическое новаторство, историографическая полнота и введение в научный оборот новых исторических источников. Редакционная коллегия журнала обязуется оценивать содержание предоставляемых материалов исключительно по критерию их научной значимости и новизны, вне зависимости от персоналий авторов, их гражданства, политических и идеологических предпочтений.

Основная целевая аудитория журнала – специалисты в области востоковедения и африканистики из разных научных центров России и мира. Издание также ори-

ентировано на исследователей, работающих в различных областях гуманитарного знания, от лингвистики до искусствоведения. Редакционная коллегия приветствует публикацию материалов авторами в соавторстве со студентами старших курсов бакалавриата и магистрантами, способствуя поддержанию как преемственности научных традиций, так и инициатив талантливой молодежи.

Требования к оформлению подаваемых материалов: объем – до 1 п. л. (для рецензий – до 0,3 п. л.), формат «.doc» Word97/2000/XP, шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал 1,5; поля – 2,0 со всех сторон; форматирование текста по ширине, без расстановки переносов и нумерации страниц; ссылки внутритекстовые в квадратных скобках: [1, с. 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников и литературы, вторая (курсивом) – на страницу. Список источников и литературы оформляется в конце текста 12 кеглем.

В заявке следует указать на русском и английском языках фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, должность и место работы (учебы), электронный адрес.

Каждая статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами на русском языке, abstract и keywords на английском языке. Название статьи должно быть переведено автором на английский язык. Аннотация и abstract должны насчитывать не менее 250 слов с пробелами. Ключевые слова и keywords – 5–7 слов.

После Списка литературы обязательно должен идти список References для международных баз данных. Все названия изданий на кириллице должны быть транслитерированы с помощью электронного ресурса <http://www.convertcyrillic.com/Utilities/Convert#/>

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: **Unicode** [Русский язык]

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**

Скопируйте Список литературы из Вашей статьи в окно левого столбика.

Нажмите кнопку **Convert** посередине.

В правом окне Вы получите транслитерированный текст, скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

После транслитерации информацию об изданиях необходимо привести в следующей последовательности:

1. Монографии: Фамилия, Инициалы. (Год публикации). Название монографии. Место издания, Издательство. Количество страниц (... р.).

2. Статьи: Фамилия, Инициалы. (Год публикации). Название статьи. In Фамилия, Инициалы редактора (для сборника). Название сборника/журнала. Место издания, Издательство (для сборника), номера страниц (pp. ... – ...).

Обязательно уточните, как пишутся имена иностранных авторов в оригинале, поскольку они могут быть искажены в процессе транслитерации.

После получения транслитерированного текста необходимо все названия монографий и статей перевести на английский язык и вставить в квадратных скобках после таковых в системе транслитерации. Немецкие, французские и другие названия на латинице не переводятся. Названия на нелатинских письменностях Азии и Африки обязательно переводятся.

Все транслитерированные названия научных журналов, сборников, издательств и т. п. должны даваться полностью, без сокращений, даже если таковые приняты в соответствующих русскоязычных написаниях.

Библиографическое описание сборника оформляется на фамилию редактора.

При указании на электронный ресурс обязательно приводится дата обращения в скобках: (mode of access: XX.XX.XXXX).

Просим обратить внимание на рисунок кавычек – в английском регистре это «лапки»: “ ”. Весь список References располагается по латинскому алфавиту.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
